

Хегер Трэм

Покоренная
Винном

В первой части исторической трилогии Хедер Грэм, романе «Золотой плен» читатель познакомился с отважным викингом Олафом, ставшим ирландским королем. Второй роман, «Покоренная викингом» рассказывает о приключениях сына Олафа, Эрика, о его страстной любви к гордой английской принцессе Рианон. Рианон вынуждена стать женой Эрика, но сердце ее принадлежит другому — до первой брачной ночи...

Хизер Грэм

Покоренная викингом

Эта книга является продолжением «Золотого плена», моего первого исторического романа, и поэтому очень дорога мне.

Я посвящаю ее семейству моей матери, которое иммигрировало из Дублина в Соединенные Штаты и которое всегда меня вдохновляло. Я приношу ее им в дар.

Прежде всего, моей дорогой матери Вайолет, а также бабушке Брауни за все те прекрасные истории об эльфах и духах, которые она рассказывала своим образным языком. Она посвящается моему деду и всем его детям, особенно тете Эме, которая всегда была такой сентиментальной. Кроме того, эта книга написана и для Кэтлин Брауни де Вауно. Ни годы, ни расстояние не охладили тепло ее души, и я счастлива, что нахожусь с ней в родстве. Посылаю тебе свою любовь, Кэти.

Он был зачат в бурю, ночью, в пылу гнева и страсти.

И рожден он был среди молний; казалось, что буре предназначено властвовать над его жизнью.

Ужасная вспышка молнии разорвала небо надвое, Эрин, королева Дублина, тяжело задышала и вскрикнула. Боль, острая и беспощадная, пронзила ее тело. Она кусала губы, чтобы не закричать. Хотя она была уверена, что роды пройдут хорошо, но не хотела пугать ни тех, кто был рядом с ней, ни своего повелителя и мужа — короля. Боль усиливалась и, достигнув высшей точки, медленно начала убывать. Она глубоко вздохнула. Закрыв глаза, попыталась улыбнуться, вспоминая ту ночь, когда был зачат этот ребенок. Они уехали на лошадях слишком далеко, и попали в бурю, далеко от городских стен, далеко от прибрежных пещер. Она была очень рассержена на Олафа. За что — она теперь не могла вспомнить. Но их не остановила ни ярость, ни надвигавшаяся ночь. Резкие слова, сказанные сгоряча, только распалили страсть.

Она помнила все очень отчетливо. Он что-то крикнул ей, затем засмеялся и подхватил ее на руки. Она тоже что-то кричала, пыталась сопротивляться его поцелуям, но потом сдалась. Под яростное завывание бури и раскаты грома он повалил ее на дикий берег, и они вместе зачали эту новую жизнь, которая шевелилась теперь внутри ее. Она отчетливо помнила своего мужа-викинга, каким он был в тот день. Его синие глаза становились еще темнее от огня страсти. Да, она хорошо помнила нежность и силу его рук, жаркие поцелуи, легкое прикосновение его пальцев и то, как вспышкой молнии вошел глубоко в нее огонь его тела.

Она так сильно его любит. Ссоры возникали у них часто, но мгновенно оборачивались вспышкой страсти.

— Боже мой! — вскрикнула она при новой схватке боли. Она трудно рожала своего первенца — Лейфа, и теперь молилась, чтобы этот второй ребенок родился легче. Она была в горячке, а боль, казалось, разрывала ее.

Она почувствовала, как мать легко коснулась ее лба рукой.

— Почему, мама? — прошептала она. — Почему это так тяжело?

Маэв улыбнулась и постаралась казаться не слишком обеспокоенной.

— Это не просто, доченька, дать жизнь человеку.

Маэв посмотрела вверх. Он был здесь, стоял в дверях, Северный Волк, король Дублина. Он взглянул на нее и на Эрин — огромный, светловолосый рыцарь.

— Я здесь, моя принцесса. Борись, борись. Подари мне второго сына.

Она улыбнулась. Он подумал о ее хрупкой красоте и о скрытой за ней силе. Ее глаза были темно-изумрудного цвета, такие же бездонные, как и ее внутренняя сила — сила, которая завоевала его сердце. Такая же внутренняя сила будет и у их детей — сила покорителей Северного моря.

Она сильно сжала его руку, радуясь, что он пришел.

— На этот раз будет девочка, — она попыталась засмеяться.

Он сурово покачал головой.

— Нет, сын.

— Сын?

— Да, потому что так сказал Мергвин.

— Ох, — она глубоко вздохнула, но не закричала, потому что он был рядом. Она сплела свои пальцы с его. Началась новая схватка, ее словно жгло раскаленным железом, но она вздохнула с облегчением, потому, что ребенок уже шел. — Он идет! — крикнула она.

Олаф был с ней, когда она рожала первого ребенка, и теперь он тоже крепко держал ее за руки. Потом она смеялась и плакала одновременно, а он целовал ее, потому что ребенок уже родился, и Маэв показала его ей. Это действительно был мальчик.

— Он красивый? — требовательно спросила она.

— По красоте он превзошел все ожидания, — заверил ее Олаф.

Служанка быстро запеленала младенца и вручила его матери. Глаза Эрин расширились, когда она увидела, какой он крупный.

— Опять светловолосый, — пробормотала она. Олаф засмеялся, целуя ее густые, черные как смоль локоны.

— Боюсь, тебе придется дожидаться дочери, любовь моя, и может быть, у нее будут волосы, темные как ночь, — поддразнивал он ее.

Она застонала в притворном возмущении.

— И ты смеешь говорить об этом сейчас?

— Как только это будет возможно, — прошептал он, смеясь, и они одновременно почувствовали нежность друг к другу. Он подумал, как сильна их любовь это было главное в их жизни.

— А какие у него глаза?

— Тоже голубые, как у отца, — сказала со вздохом Маэв.

Она подмигнула Олафу, и они продолжали рассматривать младенца.

— Они могут еще изменить цвет, — сказала Эрин.

— У Лейфа ирландские глаза, карие, — напомнил он ей.

— Конечно, глаза могут менять цвет, — согласилась Маэв.

— Нет, они не изменятся, — уверенно сказал Олаф.

Младенец лежал на постели между матерью и отцом, а бабушка склонилась над ним. Его глаза были широко раскрыты, кулачки выбились из пеленки, и голос был очень громкий.

— Какой он требовательный, — заметил Олаф.

— Как и его отец, — подтвердила Эрин.

Она уже чувствовала любовь к своему младшему сыну. Она поудобней улеглась на бок и пододвинула его крохотный ротик поближе к своей груди. Ребенок схватил сосок и сильно, уверенно засосал, отчего у нее вырвался вздох, и она засмеялась. Олаф гладил ее волосы, пока они лежали вместе, и это была минута высочайшей нежности и покоя. Олаф подумал, что они это заслужили. Им пришлось через многое пройти.

Он заметил, что глаза Эрин закрылись. Маэв поймала его взгляд, и он кивнул ей. Он хотел взять младенца от жены, но Эрин быстро проснулась, и ее ресницы взлетели вверх в тревоге. Она схватила ребенка.

— Нет, не отнимайте его, — прошептала она, и он понял, что она испугалась. Не так давно их первый ребенок Лейф был похищен врагом Олафа, Фриггидом Датчанином. Теперь Фриггид мертв, сражен Олафом, но Эрин все еще не оправилась от страха, что дети могут быть снова украдены у нее.

— Это я, любовь моя, — успокоил ее он. — Это я. Позволь мне взять его, чтобы твои служанки могли сменить тебе белье, а мать — помыть тебя. Это я, Эрин.

Ее зеленые глаза снова закрылись. Улыбка, подаренная ему, была умиротворенной.

— Эрик, — невнятно прошептала она. — Он будет Эриком. Лейф назван в честь моего брата, Эрик — в честь твоего.

Олаф был доволен.

— Пусть будет Эрик, — согласился он мягко, Он поднес новорожденного к окну и, склонившись над ним, стал его разглядывать. Волосы младенца были густые и почти белые, его глаза, все еще широко раскрытые, были действительно синие, как у жителей Севера. Мальчик был очень крупным.

— Ты будешь нравиться всем, — прошептал Олаф.

— Прекрасный викинг, — раздался голос.

Олаф вздрогнул и посмотрел на старца, который вошел в комнату. Мергвин, древний старик, человек без возраста. Викинг и друид, дитя сказителя норвежских рун и легендарной служительницы старого ирландского культа друидов. Он служил еще великому королю Ирландии, отцу Эрин, и, хотя продолжал служить ему до сих пор, он проводил много времени с самой любимой из потомков Аэда Финнлайта — Эрин Дублинской. Он был ее доверенным лицом.

Олаф нахмурился. Он почувствовал какое-то предостережение, исходящее от друида, и еще крепче прижал к себе ребенка, как будто хотел защитить его от будущей судьбы.

— Говори, старый обманщик!

— Лучше бы Волку не рычать на меня, — спокойно сказал Мергвин. Он помолчал, глубоко вздохнув. — Этот ребенок, Повелитель Волков, твой. Он — викинг. И, как и его отец, он будет носиться по морям. Он скоро познает пыл сраженья, и его меч научиться хорошо отражать любые атаки. Своим умением и силой ума, с мечом в руке, он будет править. Он...

— Что, он? — Голос Олафа был тверд, хотя он уже и любил ребенка, который был у него на руках, но Эрик был младшим сыном. Предсказание править Дублином означало угрозу для его брата, Лейфа. Мергвин, почувствовав волнение Олафа, покачал головой.

— Его судьба — в других землях. Ему предстоит встретиться со смертельными опасностями.

— Но он преодолеет эти опасности, — сказал Олаф. Мергвин пристально взглянул на Олафа. Они никогда не лгали друг другу.

— Им управляет один Бог. Ему придется пересечь море, во время страшной грозы и шторма, и тогда буря войдет в его сердце и в мир, где он будет искать свою судьбу. Когда он вырастет, там будет темнота... но...

— Говори же!

— Там будет и свет. — Лицо Мергвина было серьезно, и Олаф, Повелитель Волков, не знал, молиться ли ему за своего сына христианскому Богу, веру которого он принял из уважения к жене, или воздать молитву Локу, Одину и Тору, богам своего прошлого.

Он решил молиться им всем. Руки его сильнее сжали ребенка, и мускулы под одеждой заиграли. Мергвин испугался, что великий воин раздавит в объятиях своего сына.

Мергвин вызволил мальчика из рук Олафа, ощутил тепло, исходящее от младенца, и закрыл глаза.

— Да, он будет очень похож на своего отца. Опасности будут следовать за ним по пятам из-за страстности его натуры, но...

— Что, но? — прорычал Олаф.

Мергвин наконец-то улыбнулся, хотя его глаза остались серьезными.

— Учи его хорошенько, Волк. Научи его сражаться, научи хитрости. Пусть его рука, держащая меч, будет сильной, а слух тонким. Он будет викингом, и встретится со страшным, вероломным врагом.

Мергвин умолк. Ребенок смотрел на него глазами своего отца, с ледяным огнем во взгляде. Наблюдая за ним, он как будто понимал свою судьбу, которую предсказывал ему друид. Улыбка Мергвина потеплела.

— Он рожден смелым, гордым, с неукротимым характером матери и силой и твердой волей отца. Дай ему мудрость, Олаф. А потом отпусти его, он должен, как и его отец, найти свое сердце.

Олаф нахмурился.

— Не нужно говорить загадками, друид.

— Я не говорю загадками, я сказал все, что мог. Отпусти его, и он будет драться со своими драконами, побеждать своих демонов. А потом...

— Потом?

— Ну, тогда, мой повелитель, он может достигнуть цели. Потому что он, как и его отец, тоже встретит женщину, которую Один наделит силой. Силой шторма, силой молнии, силой грома. И в свою очередь, ее воля бросит ему вызов. Она принесет опасность, и все же она принесет и спасение. Это будет неукротимая лисица. Ее красота будет незабываема, но ее ненависть будет больше, чем море, разделяющее их страны. Оба они одержат победу в схватке. Да, повелитель Олаф, победа будет за ними, если волк сумеет приручить лисицу.

— Или, — добавил Мергвин задумчиво, — если лисица сможет сделать волка ручным.

Первый корабль с драконом на носу появился на горизонте одновременно с первой вспышкой молнии, после которой и мощный раскат грома прогремел с небес.

А потом было целое море кораблей с головами драконов на носсах. Высоко вздымавшиеся над волнами и свирепые, как мифические животные, плыли они под дождем, неся кровь и разорение.

Ярость скандинавов была хорошо известна по всему саксонскому побережью Англии. Они изнуряли страну набегами в течение нескольких лет, и все христианское братство привыкло дрожать от страха при виде быстрых кораблей с драконами на носсах — кары Земли и Моря.

В тот день армада викингов шла с востока, но никто не обратил на это внимания. Жители видели лишь нескончаемые щиты по бортам, носы с драконами, кормчих, им казалось, что не гребцы, а ветер, как гнев Всевышнего, гнал корабли вперед.

Сверкнула молния и озарила низкое, серое от клубящихся туч небо. Ветер свистел, завывал и стонал, будто предвещая кровь и насилие. Одетые в красное и белое, викинги прокладывали себе путь сквозь бурю, бросая вызов яростному ветру.

Рианон была в церкви, когда поднялась тревога. Она молилась за тех, кто будет сражаться с датчанами Рочестера. Она молилась за Альфреда, своего кузена и короля, и за Рауена, своего возлюбленного.

Она не ожидала, что опасность надвигается с моря. Почти все мужчины ушли в поход с королем, потому что датчане стягивали войска на юге. Она осталась без помощи.

— Миледи!

Эгмунд, ее самый преданный старый воин, долго служивший ее семье, нашел ее стоящей на коленях в церкви.

— Миледи, корабли с драконами!

На минуту она решила, что он сошел с ума.

— Корабли с драконами, — повторила она.

— На горизонте. Приближаются к нам.

— С востока?

— Да, с востока.

Рианон встала, выбежала из церкви по деревянным ступеням и поднялась на стену, окружавшую крепость.

Они приближались. Как и предупреждал Эгмунд.

Она почувствовала дурноту и едва не вскрикнула от страха и боли. Вся ее жизнь была борьбой. Датчане нападали на Англию, неся ужас и кровь. Они убили ее отца. Она никогда не сможет забыть, как обнимала его мертвое тело и молила Господа, чтобы он ожил вновь.

Альфред сражался с датчанами и часто одерживал победы. Теперь они приближались к ее дому, а у нее не было защитников, потому что все ее слуги ушли с Альфредом.

— Боже мой, — выдохнула она.

— Бегите, хозяйка, — сказал Эгмунд. — Возьмите оседланную лошадь и скачите изо всех сил к королю. Вы сможете добраться до его лагеря к завтрашнему дню, если будете ехать быстро. Возьмите стрелы и охрану, а я сдам эту крепость без боя.

Она посмотрела на него и слабо улыбнулась.

— Эгмунд, я не могу бежать. И ты это знаешь.

— Вы не можете здесь оставаться.

— Мы не сдадимся. Капитуляция для них ничего не значит, они зверствуют в любом случае. Я останусь здесь, и буду сражаться.

— Миледи...

— Я могу убить или ранить многих, Эгмунд. И ты это знаешь.

Он это знал, видел по ее глазам. Она была замечательно метким стрелком. Она же знала, что он видит в ней лишь маленькую девочку, которая в течение многих лет был под его охраной.

Однако старый Эгмунд не считал ее ребенком. Он видел в ней взрослую женщину и боялся за нее. Рианон была поразительно красива, с серо-голубыми глазами сирены и золотистыми волосами. Она была кузиной Альфреда и его крестницей, и под его руководством получила хорошее образование. Она могла быть сладкоречивой, послушной и ласковой, как котенок, но могла говорить и колкости, высмеивать. Она умудрялась управлять большим поместьем, которое досталось ей по наследству, с очаровательной легкостью. Она стала бы лакомой добычей для любого викинга, и Эгмунду страшно было подумать, что ей придется просить пощады.

— Рианон, я вас умоляю. Я ведь служил вашему отцу. Она подбежала к нему и, одарив теплой улыбкой, взяла его руки в свои.

— Дорогой Эгмунд, я не понимаю, почему они нападают с востока. Но я не сдамся, и я не оставлю вас здесь умирать за мою честь. Я буду спасаться бегством, если ничего другого не останется. Но сейчас ты должен знать, что я, как дочь своего отца, не могу бежать, пока мы не отправили этих язычников в ад. Позови Томаса и прикажи узнать, кто из стражи остался. Предупреди рабов и наемников. Поторопись.

— Рианон, вы должны быть в безопасности.

— Пусть мне пришлют сюда мой лук и колчан. Клянусь, я не уйду со стены.

Зная, что дальнейшие пререкания бесполезны, Эгмунд поспешил вниз по деревянным ступеням, на ходу отдавая приказания. Вскоре тяжелые ворота были заперты, несколько воинов оседлали своих лошадей, а крестьяне бросились вооружаться копьями и вилами. Все были в панике. Жестокость завоевателей была хорошо известна.

Мальчик принес Рианон лук и колчан. Она вглядывалась в море. Небо стало темно-серым, и ветер хлестал яростно. Она смотрела на приближающиеся корабли, и ее пробирала дрожь: дорого обошлись ей и всей Англии прошлые набеги викингов. Тем не менее, она была готова сражаться. Сдаться в плен, быть убитой без борьбы — это для нее было невозможно.

Она не понимала, почему Альфред не предупредил ее. Ведь должен же он был следить за движением датчан.

Корабли приближались. Казалось, ничто не могло их остановить.

У Рианон подкашивались ноги. Они были уже почти у берега. Одних отвратительных голов драконов на носах кораблей было достаточно, чтобы повергнуть в ужас любого. Рианон мечтала, чтобы ее воины первыми выпустили стрелы. Возможно, они смогли бы поразить нескольких завоевателей до того, как викинги настигнут их. Она закрыла глаза, читая короткую молитву: «Господи, я в страхе, поддержи, не оставляй меня».

Она открыла глаза. Она могла уже видеть человека на головном корабле. Он был высок и светловолос и спокойно стоял на носу, скрестив на груди руки; буря как будто не

существовала для него. Конечно, это был один из их предводителей, широкий в плечах, тонкий в талии, сильный и мужественный воин Валгаллы.

Снова дрожь пробежала по ее телу, и она вынула стрелу из колчана.

Ее пальцы дрожали. Она никогда прежде не пыталась убить человека. Теперь она должна это сделать. Она знала, что делают викинги с жителями во время своих набегов.

Ее пальцы соскользнули, и она опять почувствовала дрожь. Губы стали сухими, и какое-то теплое облако окутало ее. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, стараясь не потерять сознание, а когда открыла их снова, вдруг поняла, что на нее нашло. Казалось, сам ветер нашептывал ей, что этот золотоволосый викинг будет ее судьбой.

Нетерпеливо отмахнулась она от этого предчувствия и поклялась себе, что не будет больше колебаться. Трудно ей было целиться в человека, чтобы убить его, но она вспомнила смерть своего отца, и это придало ей твердости.

Она снова проверила свой лук, и ее пальцы на этот раз не дрожали. «Убей предводителя, — часто говорили ей отец и Альфред, — его солдаты растеряются». Светловолосый гигант был предводителем. Она должна убить его.

В это время Эрик Норвежский и подумать не мог, что его жизнь подвергается такой опасности. Он плыл не как враг, а как союзник, по приглашению Альфреда, короля Уэссекса.

Море было свирепое, но он знал его и не боялся. Небо почернело, а потом снова блеснула молния, как будто сам Господь пустил огненную стрелу. Один, бог язычников, повелитель викингов, метал стрелы молний, проезжая по небу в колеснице, запряженной черным жеребцом Зефиром; он колебал море и небо, то освещая их, то вновь погружая в темноту.

Эрик стоял, высокий и сильный, как золотоволосый бог, опираясь сапогом о голову дракона. Ветер трепал его волосы, а в синих глазах отражались молнии. Фигура его была словно высечена из камня. Лицо у него было широкое, губы твердо сжаты. Его борода и усы были ровно подстрижены. На нем был малиновый плащ, застегнутый у ворота сапфировой пряжкой. Ему не нужно было пышных одежд, чтобы показать свое благородное происхождение, потому что его осанка и стать приводили людей в трепет. Природа наградила его необычайной силой мускулов, широкими плечами и грудью. Живот его был подтянут, талия тонка. Его ноги упирались в палубу корабля, несущегося по бурным волнам, и были крепки как сталь.

И все же он был необычным викингом, потому что был сыном двух народов — ирландского и норвежского. Его отец, великий Северный Волк, был правителем ирландского города Дублина. Олаф, король Дублина, полюбил страну, где жила его ирландка-жена и заключил необычный мир с Верховным королем всей Ирландии. Дед Эрика по материнской линии Аэд Финнлайт правил всеми Ирландскими королями в Таре, а где-то в далекой Норвегии одним из великих ярлов — верховных владык — был дед Эрика со стороны отца.

Его образование было всесторонним. Он обучался в больших монастырях под руководством монахов и узнал о христианском Боге, научился писать и читать. При дворе своего отца он часто встречался с чужестранцами, среди которых были искусные ремесленники и ученые. Он учился слушать голоса деревьев и ветра под руководством Мергвина, друида. Он научился сеять и жать, и собирать урожай.

Он был вторым сыном. Он ходил в военные походы со своим отцом и старшим братом. Он равно любил и почитал как свою ирландскую родню, так и северных родственников. Его норвежские дяди также брали его с собой в походы, в которых он приобретал знания и

навыки уже совсем другого рода. Викинг.

Он был воспитан культурным человеком, потому что люди называли его время «золотым веком» Ирландии.

Вместе с тем он получил воспитание в походах, которые сделали диких викингов печально известными Европе и даже России. В то время не было более искусных мореходов, чем норвежцы. Не было и более искусных воинов. Но не было и более жестоких людей, чем они.

Эрик первый раз участвовал в морском походе еще мальчиком. С воинами своего деда он пересекал бесконечные моря и широкие просторы чужих земель. Он плыл по Днепру, дошел до Константинополя, видел роскошь восточных царей. Он узнал культуру различных народов, познал бесчисленных женщин, завоеванных в бою, или выменанных на пленных. Он был викингом.

Когда молния снова осветила небеса, и берег Англии уже отчетливо вырисовывался перед ним, он вдруг смутно ощутил, что в нем происходит какая-то перемена. Что-то с трудом, медленно проникало в его сердце и душу.

...Это началось давно, далеко от его северных островов, на побережье Африки. Они сражались с калифом Александрии, а потом люди приходили, чтобы заплатить золотом за свою жизнь и свободу.

Ее подарили ему. Ее имя было Эминия. До нее он знал только жестокость, но она научила его нежности. Она знала все восточные премудрости искусства любви, научившись этому в лучшем гареме страны, но ее сердце сохранило нежность. Она была беспрекословно предана ему, и он полюбил ее. У нее были огромные миндалевидные глаза и волосы, темные, как вороново крыло, ниспадавшие до земли. Ее кожа была цвета меда, а вся она пахла жасмином.

Она отдала свою жизнь за него.

Калиф замыслил предательство. Эминия узнала об этом и попыталась предупредить Эрика. Он узнал позднее, что люди калифа схватили ее за замечательные черные волосы, когда она бежала по дворцовым переходам.

Они лишили ее жизни, перерезав горло. До этого он никогда не был тем, кого викинги называли берсеркером — неистовым воином, воином, который теряет разум и чувства и обуреваем только дикой жаждой убивать. Эрик считал, что голова в бою должна быть холодной, и никогда не получал удовольствия от убийства.

Но в ту ночь он стал берсеркером. Он погнался за ее убийцами, один, и в ярости перерезал половину охраны калифа, пока правитель сам, на коленях, не поклялся, что он не отдавал приказа об убийстве Эминии. Почему-то, вспомнив ее любовь, он остановил свой меч, занесенный над калифом. Он заново отдал его дворец на разоренье своим людям, а сам сидел, тоскуя, склонившись над телом своей возлюбленной. Потом он покинул эту жаркую предательскую землю.

Это было так давно. Много холодных зим прошло с тех пор, а сейчас жестокость снова вскипала в нем. Но теперь он чувствовал, что Эминия дала ему какую-то странную тягу к покою и миру, научив обращению с женщинами.

Он был ирландец, и он был викинг. И как отец, который завоевал себе землю, он намеревался сделать то же самое. Его брат Лейф правил Дублином. Эрик всегда был правой рукой Лейфа. Он знал, что ему дадут земли.

Его гордость была такой же дикой, как и его сердце, а решения твердыми. Он пойдет

своим путем, как это сделал сам Волк. Все они были борцы. Даже его добрая, мягкая, красивая мать-ирландка. Она осмелилась поднять руку на Волка. Она смеялась над этим сейчас, но Мергвин не уставал рассказывать эту историю. Или историю о том, как датчане напали на Северного Волка и его ирландскую невесту.

Олаф Норвежский явился в Ирландию ради новых завоеваний. Для ирландцев он стал необычным завоевателем. Аэд Финнлайт, отдав ему земли, сохранил жизнь своим людям и смог вскоре восстановить разрушенное. Между нормандским завоевателем и ирландским королем началась торговля, а Эрин и Дублин перешли к нему миром. Мать Эрика, которая попыталась взять раненого Олафа в плен, могла бы спастись бегством, когда Волк послал за ней, но послушаться воли своего отца она не могла.

Эрик улыбался, думая об отце.

Олаф дал Ирландии больше, чем взял. Он служил Аэду Финнлайту, сражаясь с яростным датским завоевателем Фриггидом. И в этой борьбе он сам стал ирландцем. В совместной борьбе за сохранение родного очага и семьи Олаф и его невеста-ирландка обрели любовь. Мергвин был свидетелем всех этих событий.

Улыбка Эрика стала суровой, когда ветер ринулся ему навстречу, и соленые брызги омочили лицо. Датчане, которые до сих пор терзали набегам ирландское побережье, называли его Волчьим отродьем, или Повелителем грома, потому что, когда он сражался, казалось, земля сотрясается.

И эта земля будет сотрясаться, поклялся он про себя. Его ненависть к датчанам была врожденной, он был уверен в этом. Его просили приехать сюда, чтобы дать им бой.

Альфреду, саксонскому королю, удалось, наконец, объединить своих рыцарей против датчан, которые обрушились на их землю, стремясь во что бы то ни стало удержать Уэссекс, Сассекс и южное побережье Британии.

Ролло, друг Эрика и его правая рука, неожиданно возник рядом с ним.

— Эрик, похоже, нас ждет какой-то странный прием. — Мощный, как старый дуб, Ролло указывал через плечо Эрика в направлении берега.

Огромные деревянные ворота портовой крепости были наглухо закрыты. На стенах — вооруженные люди.

Эрик почувствовал холодок, побежавший по спине.

— Это ловушка! — прошептал он.

И действительно, потому что, когда корабли вошли в гавань, он ощутил запах кипящей смолы, которую готовили, чтобы лить со стен крепости.

— Клянусь кровью Одина! — прорычал Эрик.

Ярость ослепила его. Послы Альфреда приехали в дом его отца. Английский король умолял его приехать, а теперь это!

— Он предал меня. Король Уэссекса предал меня!

Лучники бежали по стене. Они целились в мореходов. Эрик снова выругался, но вдруг замолчал.

Что-то привлекло его внимание при новой вспышке молнии. Какое-то сияние. Он увидел, что на стене стояла женщина, и сияние исходило от ее волос.

Она стояла среди лучников и отдавала команды.

— Клянусь Одином, и Христом, и всеми святыми! — взвыл Эрик.

Туча стрел полетела в них. Эрик уклонился от стрелы, пущенной женщиной, и она вонзилась в голову дракона, не причинив ему вреда. Послышались стоны раненых. Эрик в

ярости сжал челюсти.

— Мы быстро приближаемся к берегу, — предупредил его Ролло.

— Тогда так тому и быть!

Эрик повернулся к своим воинам. Его голубые глаза были ледяными от ярости.

— Нас позвали сюда на помощь! Нас просили помочь здешнему королю в его правой борьбе! — кричал он своим воинам. — Но нас предали! — Он стоял, не двигаясь, затем поднял меч. — Клянусь зубами Одина и кровью Христа! Клянусь домом моего отца, мы не простим измены! — Он помолчал. — Викинги! Вперед!

Корабли подходили к берегу. Ролло взял свой отточенный с двух сторон топор, самое ужасное оружие викингов. Эрик отдавал предпочтение мечу. Он называл его «Мститель», и тот оправдывал свое название.

Викинги соскочили в воду и выволокли корабли на отмель. В сапогах, обитых мехом, Эрик и его воины шли к берегу. Раздался звук боевого рога.

Внезапно ворота отворились. Появились всадники, вооруженные, как войско Эрика, обоюдоострыми топорами, пиками, мечами и булавами.

Эрик больше не дрался как берсеркер. Отец давно научил его сдерживаться. Он сражался спокойно и безжалостно. Нападающие сражались храбро, но даже в пылу сражения Эрик успел подумать, что они гибнут напрасно. Среди них было мало профессиональных воинов. Частично это была королевская свита или охрана, но в большинстве — простые землепашцы, вооруженные кольями и вилами.

Они погибали, и кровь их обагрила землю. Викинги вскакивали на их коней. Все больше и больше защитников Уэссекса лежало мертвыми в грязи.

Сидя верхом на каурой лошади, взятой у убитого, Эрик поднял свой меч — Мститель. Он откинул голову назад и издал громкий клич королевского двора Вестфальда.

Молнии разорвали небо, начался дождь.

Люди скользили и падали в грязь, но сражение еще продолжалось. Эрик направил своего коня к воротам. Он знал, что Ролло с воинами следуют за ним. Лучники стояли на стенах. Не обращая внимания на стрелы, Эрик приказал своим людям принести с кораблей таран, и скоро ворота были сбиты. Викинги ворвались в крепость. Начался рукопашный бой. С каждой минутой сопротивление слабело. Эрик прокричал по-английски, чтобы защитники сложили оружие. Ярость его остывала. Он не мог понять, почему Альфред, храбрый боец и мудрый король, так предал его. В этом не было никакого смысла. Постройки были в огне. Парапеты рухнули, крепость была почти сровнена с землей. Визг свиней и рев скота раздавались из дымящихся развалин. Оставшиеся в живых люди собрались в углу форта. Эрик приказал Ролло охранять их. Они станут его рабами.

Он слез с коня. Услышав крики, он понял, что его воины добрались до женщин.

Он подбежал на крик. Группа викингов окружила темноволосую девушку, которой было не больше семнадцати лет. Ее платье было разорвано, она кричала и плакала от ужаса.

— Оставьте ее, — приказал Эрик.

Его голос был спокоен и тверд, но этот приказ был встречен недоуменным молчанием. Когда все успокоились, кроме рыдающей девушки, он снова заговорил.

— Нас предали здесь, но я еще не понял причины. Вы не должны никого обижать, потому что я объявляю себя владельцем этих земель и этих людей. Мы возьмем добычу и разделим на всех. Но домашний скот не трогать, и поля не топтать, потому что эта земля будет теперь нашей.

Девушка не понимала, что он говорит. Но поняла, что ее помиловали. Падая и скользя по грязи, со слезами на глазах она подбежала к нему, возвышавшемуся на коне, и поцеловала его сапог.

— Нет, девушка, не нужно!

Он схватил ее за руки и нетерпеливо заговорил по-английски. Девушка взглянула на него своими темными глазами, но он покачал головой и сделал знак Адрайку, одному из своих капитанов, подойти к ней.

Но в этот момент что-то просвистело в воздухе. Лошадь заржала и упала, а Эрик понял, что эта стрела предназначалась ему. Он легко вырвался из-под нее и огляделся. Крик ярости вырвался у его людей. Просвистела еще одна стрела, и Эрик почувствовал резкую боль в бедре. Он откинул голову и стиснул зубы, пытаясь дотянуться до древка. Воины кинулись вперед. Набросив на умирающую лошадь свой плащ, Эрик поднял руку, чтобы остановить их. Дрожа и обливаясь потом, он схватил древко стрелы и потянул. Он закричал от боли, но стрела вышла. Кровь лилась ему на руки, в глазах потемнело. Он едва не терял сознание и боялся, что упадет.

Но злость привела его в чувство. Он оторвал кусок плаща и, перевязав рану, поднялся на ноги. Челюсти его были крепко сжаты, ледяным взглядом он обвел окрестности. За спиной он увидел трехэтажный дом. Он не горел, и в верхнем этаже было открыто окно; оттуда, по-видимому, целился убийца.

— Я иду тебе на помощь, — подбодрил его Ролло. Эрик поднял руку и покачал головой.

— Нет, я сам найду этого подлого убийцу и разделаюсь с ним.

Он помолчал минуту и, указывая на умирающую лошадь, сказал:

— Прояви милосердие к бедному животному и освободи ее от страданий.

Он зашагал к постройке, не думая о том, что оттуда может вылететь другая стрела. Ярость душила его, но он был уверен, что дом пуст. Стрелявший теперь пытается удрать, но ему это не удастся.

Он ворвался в здание и оказался в большой зале. Вдоль стен стоял ряд щитов. В центре помещения был камин, и на нем лежал перевернутый щит. Капли дождя стекали с него и шипели на камнях камина.

Эрик огляделся. В углу была лестница наверх. Он чувствовал, что человек был здесь и ждал, когда он повернется спиной.

Он не стал подниматься по лестнице. Оглядев комнату, увидел стол, уставленный тарелками, кубками и кувшинами эля и меда. Хромая и приволакивая раненую ногу, он подошел и сделал большой глоток меда; подождал некоторое время и был вознагражден за терпение: он заметил легкое движение свисающей со стола скатерти и небрежно наклонился, чтобы вытащить нож из чехла. Потом медленно, будто без определенной цели, двинулся в сторону, но вдруг рукой поднял скатерть и нагнулся, готовясь схватить врага. Однако невидимая рука швырнула ему в лицо горсть муки, ослепив на время. Поспешный шорох подтвердил, что человек пытается ускользнуть. Не обращая внимания на боль в глазах и в ноге, Эрик бросился за убегающим врагом. Полуослепленный, он схватил человека за руку, повалил на пол, и, подмяв под себя, быстро занес нож.

Неожиданно он услышал женский крик и увидел, что поймал женщину, — ту, что была на парапете, с нимбом золотистых волос и со стрелами, несущими смерть. Рука его остановилась.

Она зашевелилась. Ее глаза блестели от слез, они были серо-голубого цвета, почти

серебряные, обрамленные черными ресницами. Они были прекрасными и манящими. Ее кожа была светлой, как слоновая кость и нежная, как лепесток розы. Она лежала у его ног, тяжело дыша, ее грудь вздымалась и опускалась. Он оценивающе смотрел на изгиб ее прекрасных губ, когда она неожиданно разжала их и плюнула в него.

Он сел на нее и мгновенным движением поднес лезвие ножа к ее горлу. Он увидел жилку на ее шее, где бешено бился пульс. Мужчина не смеет плюнуть в него и остаться в живых. Но женщина...

Он стер слезу с лица и вытер руку о ее грудь. Он почувствовал, как она вздрогнула, и неожиданно для себя ощутил возбуждающее тепло ее тела.

— Вы меня сильно оскорбили, мадам, — сказал он на ее родном языке.

Казалось, она поняла угрозу, таящуюся в его тоне, но ей было все безразлично.

— Я хотела убить тебя, викинг, — ответила она с чувством.

— Тогда вам придется пожалеть, что вы промахнулись. — Эрик провел лезвием по ее щеке, и дал ей почувствовать холод стали у горла. Он увидел, что она задрожала, и убрал нож. Потом встал и рывком поднял ее на ноги. От напряжения из раны на бедре выступила кровь. У него потемнело в глазах.

Внезапно она сильно ударила его коленом в пах. Он задохнулся от боли, согнулся, однако не отпустил ее. Крепко держа ее за запястье, он, шатаясь, шагнул назад, ища стул. Но оступился, и она упала перед ним на колени. В этот момент он хотел убить ее. Хотел ударить ее так сильно, чтобы хрустнули позвонки шеи.

Он судорожно вздохнул и заставил себя открыть глаза. На мгновение в ее взгляде промелькнул животный страх, как у фазана, пойманного в силос. Он обуздал свой гнев и не ударил ее, он понял, что она увидела силу его ярости, и, стоя теперь на коленях, отчаянно начала бороться за свободу. Он почти забыл, что перед ним враг, и поймал себя на том, что внимательно наблюдает за ней, изучает ее. Она была необыкновенно красива, с точеными чертами лица и нимбом блестящих волос. Видно было, что она благородного происхождения.

Он наблюдал за ней слишком долго. Она воспользовалась тем, что его хватка ослабла и укусила его за руку. Эрик выпустил ее запястья и схватил за волосы, усмехнувшись, когда она вскрикнула от боли. Это был враг, столь же хитрый, сколь и красивый. Он подтянул ее поближе.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил он.

— Что происходит? — повторила она. — Стая кровожадных воронов прилетела через море!

— Я повторяю, леди, что здесь происходит?

Слезы выступили у нее на глазах. Она попыталась схватить его за руку, но случайно задела его раненое бедро.

Звезды поплыли у него перед глазами. Он снова терял сознание и понимал это. Он заставил себя упасть вперед, подмяв ее под себя, и они покатались по полу. Грязь и мука, которые были на нем, теперь попали на нее. Их ноги переплетались, и подол ее платья задрался. Она вскрикнула от страха и злости. Охваченный вспыхнувшим желанием, он позволил себе погладить ее обнаженное тело. Оно казалось податливым и мягким. Она, хрипя и задыхаясь, яростно сопротивлялась. К своему удивлению он чувствовал, что в нем разгорается огонь желания. Бедра ее были мягкими и гибкими. Он раньше и не думал об этом, даже тогда, когда заметил красоту ее глаз и ощутил чувственное прикосновение ее

волос. Но сейчас, когда он навалился на нее, а руки гладили ее нежные бедра, страсть овладела им еще сильнее.

Он сжал зубы и увидел ее глаза, расширенные от испуга. Она пыталась повернуться, но не могла выбраться из-под него. Ее ногти впились в него, но он поймал ее запястья и закинул руки ей за голову, смерив ее ледяным взглядом своих голубых глаз.

Он приказал Ролло остаться, но где же, черт подери, он застрял? Он нужен был сейчас Эрику. Его силы убывали с каждой минутой, он потерял огромное количество крови. Он сразил бесчисленное количество бойцов, но эта ведьма с серебряными глазами почти одержала над ним верх.

Сдавленный звук слетел с ее губ. Она зажмурилась, чтобы не видеть его глаз, и закусила нижнюю губу.

— Ты заплатишься за это жизнью! — вдруг выкрикнула она с жаром.

— За что? За что, миледи? За то, что я пристал к вашему берегу, или за то, что не умер, несмотря на то, что вы метко прицелились? А... за то, что я с вами обращаюсь подобным образом?..

Он приподнялся, борясь с темнотой перед глазами, и его пальцы скользнули по внутренней поверхности ее обнаженного бедра.

Краска разлилась по ее лицу — от злости, а может быть, от какого-нибудь другого чувства. Он рассмеялся, но боль снова обрушилась на него. Она ранила его своей проклятой стрелой, она брыкалась, кусалась, царапалась, и он будет последним глупцом, если не поймет, что красивый враг может тоже быть смертельно опасным. Он ожесточился против ее красоты и против своего дикого желания, которое возникло во время яростной схватки от прикосновения к ее мягкому обнаженному телу.

— Не бойтесь, английская ведьма, — сказал он с усмешкой, пока его рука свободно скользила по ее бедру в опасной близости от сокровенных мест. — В вас нет ни мягкости, ни нежности, ни привлекательности, миледи. Или я убью вас или возьму в плен, вот и все. Если мне нужна женщина, я беру такую, какой она должна быть: чувственную и нежную. И не злите меня, мадам, потому что может произойти бессмысленная жестокость.

— Что еще можно ждать от викинга, кроме дикости и убийства? — бросила она.

Он ухмыльнулся, преодолевая соблазн ударить ее. Он заставил себя медленно улыбнуться. «Боже мой, где же Ролло?» Он видел все сквозь красный туман, но даже сквозь этот туман она была прекрасна и... смертельно опасна. Пряди ее огненно-золотых, благоухающих как весенние цветы волос опутывали его лицо. Ее серо-голубые глаза были широко открыты и прекрасны, несмотря на то, что излучали дикую ненависть.

Ее груди вздымались и опускались, туго натягивая платье.

— Может, ты и станешь моей, — прошептал он.

Он коснулся ее щеки, но она резко откинула голову назад. Его пальцы скользили по шее, накрыли грудь, ощутив ее мягкость. Его палец стал описывать круги вокруг соска, и он отвердел. Она часто задышала и яростно замотала головой. Ее глаза были широко раскрыты и сверкали от гнева.

— Не смей, викинг! — выкрикнула она.

Он нахмурился, удивляясь, почему она снова и снова настаивает на его родстве с викингами, несмотря на то, что он приехал из Ирландии. Не то, чтобы это оскорбляло его — он не стыдился отцовской крови, — но ведь он приехал из страны своей матери.

Он сжал пальцы, чтобы причинить ей боль, потому что опять закипал от гнева. Он знал,

что времени у него оставалось немного.

— Я хочу знать, что здесь происходит, — с угрозой сказал он.

Она некоторое время молча смотрела на него. Он освободил ее запястья и потянулся за ножом, туда, где он упал. Он уже дотянулся до него кончиками пальцев, когда внезапно его охватила слабость. Из раны ручьем потекла кровь.

Он изо всех сил старался не потерять сознание. Боролся, чтобы его голова оставалась ясной.

— Нет, миледи, — начал он, — вы мне скажете, кто властелин этих земель и почему... — он замолчал.

Эрик опять терял сознание. Он повалился вперед. Похоже, он умирает. Великий воин, Сын Волка, почти умирает, и эта девчонка убьет его, как только он закроет глаза и упадет без памяти.

Он почувствовал, как она зашевелилась под ним. Она оттолкнула его, а он вдруг стал безразличен ко всему. Она стояла на коленях, склонившись над ним, не отводя взгляда от его голубых глаз. Потом потянулась за ножом. Он еще крепко сжимал его, но силы быстро таяли. Она ударила его по руке, держащей лезвие. Он слышал ее прерывистое дыхание, отчаянные всхлипы. Она хотела убить его, и ей нужно было оружие.

— Милорд, где вы?

Наконец-то Ролло! Послышался стук копыт, и Эрик понял, что помощь пришла. Он крепче сжал кинжал.

Девушка поднялась на ноги и бросилась бежать.

Пробежав зал, она обернулась.

Сквозь кровавый туман перед глазами он окинул ее меркнувшим взором. Высокая и стройная, с царственной осанкой, в золотом облаке волос. Она увидела кинжал, взгляды их встретились. Она вздохнула. Он держал ее жизнь в своих руках.

Он мог бы убить ее, но вместо этого тщательно прицелился и метнул нож, который вонзился в стену, пробив ее платье.

Он издал холодный смешок.

— Я — викинг, как вы меня называете, поэтому я дарю вам жизнь. Но молитесь, леди, вашему Богу, чтобы мы не встретились снова.

Ее глаза, обрамленные густыми ресницами, выдавали ее страх и ненависть. Она пристально посмотрела на него, вскрикнула и, порвав платье, бросилась бежать.

Ролло появился в дверном проеме.

— Эрик!

— Я здесь! — отозвался Эрик.

Ролло подошел к нему, опустился на пол и помог своему командиру встать на ноги.

— Отведи меня в постель, — выдохнул Эрик. — Позови моего врача и дай мне эля или меда.

— Кровь, — простонал Ролло. — Рану нужно быстро перевязать. Мой принц, вы не должны умирать! Он улыбнулся Ролло.

— Я не умру. Клянусь, я не умру. Я буду жить, чтобы отомстить за сегодняшний день. Я узнаю, что произошло здесь, и Альфред Уэссекский скоро будет воевать не только с датчанами, но и с норвежцами и ирландцами!

На вершине высокого холма, глядя на разрушенный уэссекский город, молодой

стройный юноша, еще совсем мальчик, вошел в лес и побегал. Молодые быстрые ноги несли его по старой римской тропе. Его сердце бешено колотилось, но он продолжал свой бег до тех пор, пока он не добрался до подлеска, где его встретили два благородных английских господина из Уэссекса, верхом на лошадях. Это были лорды королевской крови. Старший был одет в голубой шерстяной плащ, подбитый горностаем, а младший — в ярко-зеленый, отороченный белой лисицей.

— Ну, мальчик, расскажи нам, — сказал старший дворянин.

Мальчик задыхался от бега, но, понукаемый, вынужден был говорить.

— Все прошло, как вы хотели. Лорд Вильтон Сассекский руководил сражением и пал сразу же от ножа викинга. Никто не знал ни о приглашении короля, ни о том, что на кораблях викингов ехали ирландцы. Вильтон и Эгмунд наверняка мертвы, и теперь их можно обвинить в предательстве. Население города встретило викингов, как завоевателей. Город в огне. Люди, оставшиеся в живых, взяты в плен. Они станут рабами, а женщины — наложницами.

Старший мужчина улыбнулся, а молодой нетерпеливо заговорил:

— А что с дамами, с леди Аделой и Рианон?

— Адела, как и планировалось, спаслась. — Мальчик замолчал, боясь гнева мужчин. — Леди Рианон не пожелала оставить преданных ей людей. Она осталась сражаться вместе с ними.

Молодой мужчина начал злобно ругаться. Раб, торопясь, продолжал.

— Ее поймал один из них, но через некоторое время я видел ее в лесу, за поместьем.

— Ты сказал, что ее пленил викинг, не так ли? Мальчик кивнул головой.

— Но она убежала.

— Да... но вовремя ли? — подумал вслух дворянин. Он посмотрел на своего спутника, который выглядел опечаленным.

— Что ты мучаешься? Я могу поспорить, что викинг овладел ею без всякого сожаления. Это мне теперь здорово на руку, потому что теперь она так быстро не отклонит мое предложение. Обещанная и опозоренная беспощадным врагом! Она будет благодарна мне за ту милость, что я смогу ей предложить.

Молодой человек не смотрел на старшего.

— Может, ты и ошибаешься, — сказал он. — Она влюблена в Рауена, а Рауен — в нее. Она не захочет никого другого.

— Она сделает, как ей прикажут.

— Только король может приказывать ей. За этими словами последовал короткий дребезжащий смешок.

— После того, что произошло сегодня, я уверен, что король ей прикажет. И он не позволит ей выйти за этого влюбленного мальчишку без гроша в кармане, я уверен в этом. Мы должны поехать к королю со страшным известием о происшедшем.

— Господа! — позвал их юный предатель. Старший посмотрел на мальчика, и его хитрые глаза превратились в щелочки.

— В чем дело?

— Мое вознаграждение. Вы пообещали заплатить мне серебром.

— Так оно и было, — сказал вельможа.

Он пришпорил коня и подъехал поближе к мальчику.

— Ты уверен, что все, кто может указать на меня, мертвы?

— Абсолютно уверен, я все сделал, как вы велели. Вы обещали мне награду.

— Да.

Старший улыбнулся. Испуганные глаза мальчика расширились, когда он увидел, что его господин потянулся за мечом. Он не успел даже вскрикнуть и упал на землю, в лужу крови.

Молодой человек издал протестующий вздох.

— Боже, неужели такая жестокость необходима?

— Да, — старший спокойно вытер кровь со своего меча. — Да, совершенно необходима. Запомни мои слова. Если собираешься совершить предательство, мой друг, не оставляй следов. Следуй за мной. Мы едем к королю.

Сердце молотом стучало у нее в ушах, ноги были стерты, дыхание раздирало легкие, но Рианон бежала, не останавливаясь, все быстрее углубляясь в лес, все дальше и дальше от родного дома, от места, где она родилась. Всю свою жизнь ей приходилось сражаться, но никогда не испытывала она такого животного ужаса и отчаянья, как сейчас. Наконец она остановилась в зеленой темноте леса, простиравшегося во все стороны подобно морю. Она хорошо знала местность и решила ждать наступления ночи. Она нашла большой камень, покрытый лишайником, и остановилась около него, судорожно хватая ртом воздух и прислушиваясь, не приближается ли погоня. Наконец она отдышалась. Кажется, погони не было. Она не стояла этого. А может быть, они не знали, кто она, или просто им было все равно.

Ее начала бить дрожь.

Он мог ее убить. И не будь он серьезно ранен, он бы пустился за ней вдогонку.

Внутри у нее все дрожало, и она закрыла глаза, стараясь успокоиться. Она не могла прогнать воспоминаний, перед глазами у нее стоял викинг, и ей казалось, что она все еще вдыхает неуволимый мужской запах, все еще чувствует прикосновение его рук...

Она с трудом перевела дыхание. Он мог ее убить. Он мог направить свой нож прямо ей в сердце, но не сделал этого. Он точно знал, что она убежит, что она предупредит короля. И все же оставил ее в живых. Вряд ли он пожалел ее. Он был достаточно жесток. Но что он имел в виду, допытываясь у нее, что произошло? Она обхватила себя руками, чтобы не кричать от страха, ярости и досады. Орда викингов пришла и разрушила ее родной дом!

Она должна идти дальше. Она должна добраться до короля. Рианон поднялась и пошла, спотыкаясь, пока не добралась до небольшого ручейка, журчавшего в лесной чаще. Интересно, отдадут ли викинги город на разграбление? Столько людей погибло! Дворяне, охранники, рабы умирали одинаково, гордо и смело.

На глазах ее навернулись слезы. Эгмунд мертв. Милый, преданный Эгмунд. У него были висячие усы и карие глаза. Она этого не вынесет. Он сражался вместе с ее отцом, уэльским принцем Гартон, когда тот освобождал ее мать от датчан, грабивших корнуоллское побережье. Отец Альфреда наградил Гарта за его подвиг, отдав ему светловолосую Элис в жены, а в приданое графство и плодородные земли. Эгмунд держал Рианон на коленях, когда она была ребенком. Он провел всю свою жизнь в сражениях, борясь с викингами, этой ордой гнусных убийц.

Став на колени, она опустила лицо в журчащую воду, стараясь смыть грязь — и прикосновение этого викинга. Ее снова начала бить дрожь, она подняла голову и заставила себя встать на ноги. Дождь, наконец, прекратился. Молнии больше не освещали небо. Она должна идти дальше. Она должна двигаться, пока не придет к Альфреду.

Ей не терпелось скорее добраться до короля, вручить себя его заботам и рассказать ему все. Она не хотела доставлять ему лишних забот, но он единственный, кто может отомстить за нее викингам.

Альфред был рожден для борьбы с северными завоевателями. Даже до его рождения викинги вторгались и несли смертельную угрозу, побеждая уроженцев Дорсета, Линкольншира, Восточной Англии, Кента, Лондона, Рочестера и Саутгемптона. Тогда происходили жестокие бои и даже одерживались победы над завоевателями, но все же тем,

казалось, сопутствовала удача. Альфред был младшим сыном в семье и потерял уже трех братьев-воинов, прежде чем сам стал королем. Он платил при случае дань викингам, за сохранение мира, но они предательски нарушали перемирие. Альфреду не к кому было обратиться за помощью в этой борьбе. Убравшись из Уэссекса, датчане отправились в Мерсию и стали лагерем у Лондона. Бергрид, правитель Мерсии, женатый на сестре Альфреда, дал им продолжительное сражение и погиб. Его заменил на троне благородный англичанин. В Западной Англии от рук датчан пал король Эдмунд. На севере они господствовали полностью. Альфред не мог бороться с таким множеством врагов. Он намеревался удерживать Уэссекс и надеялся, что оттуда они смогут когда-нибудь выступить в поход и продолжить борьбу.

Он сражался умело, и Рианон это знала. Все больше людей собиралось под его флаги, ему доверяли больше, чем другим правителям. Он был смелым, мудрым в страстным, и она его нежно любила. Теперь армия датчан осаждала Рочестер. Альфред подтягивал свои силы и готовился дать сражение, предлагая помощь и поддержку тем, кто за стенами храбро сдерживал врага всю долгую зиму.

Мы дадим отпор врагу, — подумала Рианон. В конце концов, они снимут осаду. С ней не было никого, кто мог бы защитить ее, все, кто мог сражаться, были с Альфредом.

Ее снова охватила дрожь. Рауен был с королем. Слава Богу, что он не был с ней, потому что он никогда бы не сдал крепость завоевателям, он дрался бы до самой смерти. Слишком многих она лишилась. Ее отец был убит, сражаясь вместе с Альфредом против Гутрума, мать ее вскоре последовала за ним в могилу. Столько смелых людей уже пало под мечами викингов, но ей казалось, что гибели Рауена она не перенесет.

Рианон пошла быстрее. Она хорошо понимала, что ей потребуется несколько дней, чтобы добраться до короля пешком. Она хотела бежать из крепости на лошади, но ее поймал викинг, и она была вынуждена бежать, как придется. Она устала, замерзла, сердце ее разрывалось о горя, но она должна была пробираться вперед. Она не осмелилась остаться в крепости.

Ей не хотелось оказаться в плену у высокого светловолосого викинга. Его лицо все еще стояло у нее перед глазами, суровое лицо, дикие голубые глаза, холодные, как лед. Слова угрозы все еще звучали в ее ушах и заставляли ускорять шаг. Она будет молиться, чтобы больше никогда не встретиться с ним.

Она вспомнила, что сперва увидела его со стены, когда на них напало войско, несущее смерть. Она видела, как он стоял — так крепко, что, казалось, даже удар молнии не заставит его отступить. Дерзкий, надменный, он принес гибель тем, кого она любила. Она страстно жаждала его смерти, понимая, что без него его люди дрогнут.

Он даже не пошевелился, когда она выпустила в него стрелу, нацелив ее прямо ему в сердце, просто отступил в последнюю секунду, и это сохранило ему жизнь. Она ненавидела его гордость, его самоуверенность, кровопролитие, которое он принес в ее родной дом. Ей бы нужно было бежать раньше, но, увидев его во дворе, она похолодела от ужаса и решила непременно его убить.

Сама она была так близка к смерти! Вспомнив огромный рост и яростный гнев викинга, она затрепетала снова. Его руки держали ее как клещи и, бессильная против его мощи, она никогда еще не испытывала такое неистовой ненависти, такого страха. Она вовек не забудет его глаз. Леденящие и обжигающие, они взяли в плен, казалось, самую ее душу. Из-за него город лежал в развалинах, а жители стали рабами. Эгмунд лежит в луже крови вместе с

дорогим лордом Вильтоном, ее вторым верным защитником. Смелый Томас тоже мертв. И много-много других.

Она резко остановилась, схватившись за живот, пронзенная внезапной болью. Она смотрела на тлеющее в закате небо и молилась, чтобы Адела успела скрыться.

Адела, вдова одного из уэссекских танов, была ее кузиной, другом и помощником. Адела не переживет жестокости скандинавов, Рианон уверена в этом.

— Господь наш небесный и святые, спасите ее, — молилась Рианон.

Внезапно она замерла в ужасе, услышав шум в кустах впереди ее, слева. Ее сердце неистово колотилось, и она опустилась на колени, ища укрытия под дубом. Оцепенев от страха, она снова вспомнила лицо викинга, покрытое грязью и пылью, но твердое и вызывающее спокойствие. Она вновь ощутила его прикосновение, его мускулистое тело.

— Молитесь, — сказал он ей, — чтобы мы никогда не встретились снова...

У нее вырвался дикий и грозный крик. Адская бездна разверзлась перед ней. Она судорожно дышала.

Понурая чалая лошадь продиралась сквозь кусты.

Рианон засмеялась, затем смех ее сменился рыданиями.

Сколько людей убито! Викинги за все заплатят, но она даже не может вернуться, чтобы отдать последний долг своим друзьям и защитникам и похоронить их по-христиански. Грифы и волки пожрут их останки.

Лошадь смотрела на нее как на безумную, и она и в самом деле вполне могла бы потерять рассудок из-за проклятых датчан. Рианон поднялась на ноги, поняв, что лошадь послана ей судьбой. Верхом она, возможно, доберется до Альфреда к утру.

Она позвала лошадь. Та, по-видимому, не имела намерения убегать. Она явно вырвалась с поля брани, и ее поводья волочились по земле.

Рианон подумала о том, кто сидел на ней перед тем, как нашел смерть. Седло было разрублено и порвано. Сжав зубы, чтобы не расплакаться снова, Рианон сняла подпругу и бросила седло в кусты, затем, приподняв подол платья, забралась на спину лошади. Наступала ночь, но ее это не волновало. Она помолится, чтобы луна указала ей путь, потому что она не собиралась останавливаться.

Лошадь, довольная, что нашла седока, двигалась вперед, а Рианон думала о прошедших годах. Однажды, когда ее родители еще были живы, она была вынуждена бежать из Лондона, потому что датчане близко подошли к городу. Еще раньше ей пришлось спасаться бегством с побережья, но тогда это был небольшой отряд фуражиров на трех кораблях, и ее отец с помощью Альфреда и Вильтона перебил их всех, отправив их горящие суда ко дну. Опасности и страх были ее спутниками с детства, и ее отец решил, что ей необходимо научиться обращаться с луком и мечом. Она сопровождала его во время охоты на кабана или оленя, была рядом с ним на охоте с соколами и ястребами. Больше всего она любила стрельбу из лука. Ее отец хвастался, что она сможет поразить нитку с расстояния в сто шагов, и хотя его войны и посмеивались, они все знали, что это было недалеко от правды. Она поражала цель почти всегда — до сегодняшнего дня. Она горестно вздохнула, вспомнив, что сегодня ее стрела пролетела мимо.

А почему викинг бросил нож так, чтобы не попасть в нее? Она понимала, что, если бы он захотел убить ее, она была бы уже мертва.

Рианон глубоко вздохнула. Опустилась ночь. Она больше не хочет, не будет думать о светловолосом гиганте. Она не будет больше дрожать от страха, и она не станет вспоминать

тепло его руки, его силу или опасность, таящуюся в ледяных голубых глазах.

Молитесь, миледи... чтобы мы никогда не встретились снова...

С шумом пролетела сова. Рианон чуть не свалилась с лошади, но снова вскарабкалась на нее. Вставала луна. Она осветит ей путь, и тогда можно ехать не останавливаясь.

Но она устала, и на сердце у нее было тяжело, и внезапно она почувствовала себя ужасно, ужасно одинокой. Рианон не могла отогнать воспоминание о том, как принесли ее матери тело отца. Рианон видела его лицо, красивое, гордое лицо, пепельно-серое, осененное смертью. Она увидела кровь, запекшуюся на виске, и страшную рану, нанесенную боевым топором датчан, который раскроил его череп надвое. Она закричала, обняла его окровавленную голову и стала причитать, словно желая вернуть его к жизни. Наконец мать оттащила ее, и она почти усомнилась, есть ли Бог на небесах.

А теперь Эгмунд, Вильтон и Томас. И такое множество других!

Рианон откинула голову и закричала, и этот душераздирающий крик был ужасен. Но больше они ничего не отнимут. Она клянется. Они больше ничего у нее не отнимут — никогда. Она умрет прежде.

Альфред, король Уэссекса, остановился на пути из церкви домой. Он смотрел на утреннее небо. Дождь прекратился, и алый цвет на востоке, казалось, предвещал кровопролитие. Он был религиозным человеком, искренне верующим и приверженцем Церкви Христовой, но в это утро ему виделось в небе древнее языческое предостережение.

Он вздохнул. Он еще не был готов возвратиться к домашнему очагу. Увидеть лицо жены, услышать болтовню детей. Увидев его, они перестанут смеяться, и напряженно примолкнут.

Он крепко сжал кулаки. Отец небесный, на твое бесконечное милосердие уповаю, пусть эта грядущая битва обуздает дикого зверя, несущего гибель.

Он не мог припомнить ни одного момента своей жизни, свободного от датской угрозы. Самым ранним воспоминанием его детства было паломничество в Рим, совершенное им в четырехлетнем возрасте. Его отец и старшие братья в это время вели сражения. А теперь их нет. Все мертвы. Его отец, три старших брата. Ни один из них не дожил до старости.

Между церковью и длинной постройкой его поместья была скала, которой природа придала форму трона. Альфред сел там и неожиданно заметил, что его пальцы все еще сжаты в кулаки.

Первый раз он участвовал в битве против датчан вместе со своим братом, и когда тот погиб, Альфреду был двадцать один год. Молодой человек с молодой женой и с ребенком. Теперь этому ребенку почти пятнадцать лет, и Альфред благодарил судьбу, что его первенцем была дочь, и совершеннолетие не станет для нее ступенькой к войне и смерти. Но следом за дочерью появился сын, и скоро он тоже станет совершеннолетним.

Он взглянул на небо и задумался о том, что означают эти кровавые отблески. Говорят они об уже свершившемся или о предстоящем? И хотя он и не обладал магическим чутьем кельтских предков, он знал, что вся Англия сохранила еще языческие обычаи, и о первом нашествии викингов говорится в древних пророчествах смерти. Друиды все еще жили в лесах, и, несмотря на обращение в христианскую веру, большинство его воинов были не менее суеверными, чем скандинавские язычники. Что-то должно случиться.

Он снова начал молиться. Он молился о том, чтобы посланное ему знамение оказалось знамением победы. Бог даровал ему много побед. Альфред знал, что его считают величайшим правителем со времен легендарного короля Артура; несчетное количество побед одержал он над врагами, подданные преклонялись перед ним и сражались за его

честь. Но он хотел большего. Он хотел мира. Он хотел, чтобы Англия стала страной ученых, чтобы его дети умели читать и писать, чтобы их обучали ученые из разных стран мира. Сам он не умел читать вплоть до двенадцати лет, и хотя был совсем маленьким, когда умерла его мать, он на всю жизнь запомнил нежный и выразительный голос, читающий ему вслух или декламирующий стихи. То время не благоприятствовало занятиям, и, тем не менее, он научился грамоте раньше собственных братьев. Он любил учение и страстно желал, чтобы оно стало возможным в Уэссексе, но для этого необходим был мир. Ему было тридцать шесть лет. Уже не молодой человек. Но еще и не старый. Впереди у него, быть может, еще немало времени. Можно многое успеть. Английские ремесленники славились своими работами по металлу и камню, в Англии производились прекрасные ювелирные украшения. Английские монахи создавали произведения необыкновенной красоты и изящества. Теперь же монастыри разграблены, драгоценные металлы и камни похищены подобно всему остальному, имеющему хоть какую-нибудь ценность. Англичанам удалось сохранить лишь кусок своей земли.

Альфред снова упал на колени перед камнем. Он взял пригоршню мокрой земли и посмотрел на нее.

— Бог моих предков, помоги мне побить датчан на этот раз! Дай мне прогнать их с моей земли и показать им, на чьей стороне истинная справедливость!

Произнося эти слова, он услышал стук копыт. К нему приближался Аллен Кентский, один из самых доверенных его вассалов. Альфред быстро поднялся на ноги, а Аллен спешил и преклонил колени перед королем-воином. Альфред понял, что известия будут плохими.

— Встань, Аллен, и рассказывай. В чем дело? Ирландский принц передумал и отказался приехать?

Небо послало ему знамение. Он ждал, что последует за ним.

— О, мой король! Нет. Он прибыл, но это принесло беду. Предупреждение не достигло побережья. Люди решили, что их осаждают, и попытались отразить первый удар. Леди Рианон приказала атаковать. Ирландский принц получил не подобающий ему прием, град стрел.

Его сердце сжалось от боли, и он схватил Аллена за плечи.

— Откуда ты это знаешь?

— Я ехал к леди Рианон и встретил по пути спасшегося человека, который пытался добраться сюда, к вам.

Аллеи не смотрел на своего короля. Альфред удивился, что он отводит взгляд, и увидел в этом желание Аллена скрыть свою печаль и страх за Рианон.

— И это правда, ты уверен?

— Да, я уверен. Город почти уничтожен.

— Так и должно было случиться, — сказал король.

Он полагал, что приручил опасного хищника, но теперь молил Бога, чтобы случившееся не имело последствий. Быть может, Эрик Дублинский уже выступил в поход на Уэссекс, пылая жаждой мщения, ведь он вполне мог решить, что король Уэссекса устроил ему ловушку. Неужели Рианон предала Альфреда? Невозможно! Альфред сгорал от желания знать, что случилось с Рианон и почему все это произошло, но разговаривал с Алленом неспешно, с достоинством. У него не было выбора. Он был, прежде всего, королем. Был только один способ удержать часть Британии для саксонского народа.

— Где теперь Эрик?

— В захваченной крепости.

— Он не двинулся в глубь страны? Ты уверен в этом?

— В крепости стоит тишина. Я это знаю, сир, потому что поехал к берегу, чтобы увидеть все своими глазами — все, что там произошло, прежде чем поехать к вам.

Альфред возблагодарил небо за то, что ирландский викинг не стал искать отмщения немедленно. Потом он, наконец, спросил о Рианон.

— А что с моей кузиной?

Аллен печально покачал головой.

— Ее нигде не было видно. Но человек, которого я встретил, уверен, что ей удалось спастись.

Альфред откинул свой плащ и посмотрел на весеннее небо.

— Аллен, найди Рауена, и пусть он возьмет людей и отправится на поиски леди Рианон. Если она жива, и ее можно найти, любовь укажет ему путь.

— А вы, сир?

Альфред посмотрел на него и заколебался. Они были одного возраста. Они оба опасались междоусобной войны. Аллен был темноволосый, с острыми серыми глазами, и рот его кривила жестокая усмешка. «Мы все стали тверды, словно гранит», — подумал король.

— Я поеду к Эрику Дублинскому. Я найду его, чтобы исправить это зло.

Он повернулся и двинулся к усадьбе, плащ развевался у него за спиной. Он остановился и оглянулся на Аллена.

— Как могло это случиться? Мое послание было доставлено?

— Сир, я знаю только, что оно было отправлено. Человек, с которым я разговаривал, ничего не знает об этом. Он сказал, что, возможно, старый Эгмунд не передал его своей госпоже, ведь он ненавидел скандинавов. Он пал на поле брани, и мы никогда теперь не узнаем об этом.

Король зловеще улыбнулся.

— Мы узнаем, Аллен. Мы узнаем, и очень скоро.

— Сир!

Резкий женский крик заставил Альфреда быстро обернуться в сторону густого леса на востоке. Он узнал голос и вздохнул с облегчением.

Он увидел Рианон. Она скакала через луг на чалой лошади. В разорванной одежде, растрепанная, и все же прекрасная.

— Боже мой, — прошептал Альфред. Он бросился ей навстречу. Земля летела из-под копыт лошади, Рианон натянула поводья и кинулась в его объятия, обливаясь слезами.

Он обнял ее, пригладил волосы, взял на руки, ощущая радостное облегчение. В душе он благодарил Бога за то, что она нашлась.

Он сам не знал, почему он так привязан к ней — не меньше, чем к собственным детям. Может быть, потому, что когда-то был влюблен в ее мать. Может быть, потому, что он был ее крестным отцом. Независимо от причины, он действительно любил ее, как члена своей семьи. Она была необычно высока для женщины, но стройна и изящна как эльф, так что ему легко было нести ее на руках. Забыв про Аллена, он поспешил к дому и позвал жену.

Рианон крепко вцепилась в него, доверчиво, как ребенок. Ее глаза, не правдоподобно синие, встретились с его взглядом.

— Датчане напали на нас. На кораблях с драконами. Они приплыли и безжалостно убивали наших.

Она закрыла глаза. Ей было холодно, она сильно устала и промокла насквозь. Она скакала всю ночь под дождем.

Боль при мысли о бессмысленных зверствах, о напрасно загубленных жизнях пронзила Альфреда. Он покачнулся, неся ее.

— Это были не датчане!

Она пристально посмотрела на него.

— Мой господин и брат, я там была сама. Они накинулись, как голодные волки, они...

— Я тебе послал письмо, Рианон. Я позвал помощь из-за моря. Ирландского принца из Дублина, человека, который ненавидит датчан также яростно, как и мы.

Она покачала головой: он не понял.

— Я там не видела ирландцев, — уверяла короля Рианон. Она стиснула зубы. Она не могла забыть викинга, которого чуть-чуть не убила, золотоволосого блондина, холодного, как льды его страны.

— Прибыли корабли с драконами, — прошептала она.

Она не могла рассказать Альфреду о своей встрече с этим человеком. Он будет в ярости, когда узнает, что она не попыталась спастись бегством сразу же.

— Кораблестроители принца — скандинавы, Рианон, так же как и многие в его войске.

Снова она покачала головой. Она так устала и никак не может заставить короля осознать опасность.

— Милорд, может быть, я не ясно выражаюсь, может, я говорю непоследовательно....

— Нет, — твердо сказал он ей.

Его злость росла. Он очень жалел о тех, кто безвинно пострадал, и опасался, что предательство лишит его помощи ирландского принца именно тогда, когда она ему совершенно необходима. Он крепко обнял Рианон. Он не осуждал ее, но гнев переполнял его.

— Нет, я все понял, это ты не поняла моих слов. Меня предали. Ты приказала своим людям атаковать человека, дружбы которого я искал. Ты подняла руку на меня самого!

Рианон задохнулась от ужаса.

— Я никогда не предам тебя, Альфред. Как ты можешь обвинять меня в этом? Я сражалась с врагом! Я всегда даю отпор врагу.

— Я тебя не обвиняю, я просто говорю, что ты должна была оказать гостеприимство этому человеку, а не развязывать сражение.

— Клянусь, я не знала!

Он любил ее, но сейчас не мог даже на нее смотреть. Он не должен терять поддержку, столь нужную ему. Победа была близка, он, можно сказать, держал ее в руках. Он не перенесет, если выпустит ее. Ему нужен был ирландский принц, и, если он потребует какого-нибудь наказания, придется выполнить его волю любой ценой. Он вошел в дом. Усадил Рианон перед огнем.

— Альсвита! — позвал он жену, и она появилась со своей младшей дочерью Альтрифе на руках. Она опустила ребенка на пол и обняла Рианон.

— Что с ней случилось? — спросила она, пораженная ее видом.

Альфред не мог совладать с душившей его яростью.

— Кто-то из челяди не соизволил подчиниться приказу короля, вот почему все и

произошло.

— Нет, это не может быть, это не правда, — запротестовала Рианон.

Альфред дрожал от гнева. Она не понимала его чувств и его негодование, с которым она столкнулась, придя к нему за помощью, ошеломило ее.

— Я тебя ни в чем не виню, Рианон, тем не менее, кто-то предал тебя и меня. И то, что произошло, будет иметь страшные последствия, гораздо более тяжелые для нашего дела, чем то, что уже случилось.

Рианон освободилась из объятий королевы и стояла, пошатываясь, бросая вызов королю.

— Более ужасные последствия, чем море крови у моей крепости? Ты что забыл, Альфред? Люди, хорошие люди, мои лучшие друзья лежат мертвыми...

— А вы, леди, забыли, что король здесь я? — сказал Альфред с угрозой. — Но, Рианон, предателями вполне могли оказаться ваши дорогие и преданные друзья, ведь я послал сообщение, что прибывает ирландский принц, которого нужно принять со всеми почестями и препроводить сюда.

— Но никакое известие от вас не приходило, милорд, — воскликнула она. — И поверьте мне, сир, я не видела там ирландского принца, только стаю грабителей-викингов!

Он отвернулся, не отвечая на ее слова.

— Ради всех святых, Альфред, — произнесла Альсвита, — как ты можешь быть настолько жестоким, чтобы подозревать в этом девушку?

Он повернулся спиной к ним обоим, и взгляд его был пуст.

— Потому что теперь судьба всего Уэссекса поставлена на карту. Потому что теперь от настроения чужестранного принца будут зависеть мир и война. — Он плотнее запахнул плащ.

— Я еду, миледи, — обратился он к жене, — на побережье. Рианон осталась жива, и она, я надеюсь, здесь будет в безопасности.

Он ушел, и они долго смотрели ему вслед. Альсвита, казалось, была больше расстроена, чем Рианон.

— Он, правда, любит тебя нежно, — сказала Альсвита.

Рианон повернулась к ней, тщетно пытаясь улыбнуться.

— Да, любит. Но не так, как он любит Уэссекс.

— Он даже меня не любит так, как он любит Уэссекс, — сухо сказала Альсвита. Она заметила, что Рианон дрожит, и позвала служанок, которые немедленно вбежали в зал. — Скорее нагрейте воды, мы должны выкупать леди Рианон и согреть ее, иначе она заболеет.

Они слышали топот копыт и ржание лошадей во дворе, это мужчины собирались в путь. Альсвита обняла Рианон за плечи и повела ее в восточную часть зала, куда внесли ванну. Альсвита не оставила ее одну. Она сама вымыла длинные волосы Рианон и попыталась развлечь ее болтовней — о слухах, доме, семье. Когда Рианон вымылась и села, завернувшись в льняное полотенце, у камина, ее снова стал бить озноб.

Альсвита, еще сохранявшая свою красоту — глаза ее были цвета меда, — села рядом, чтобы подбодрить и утешить девушку.

— Мы отслужим мессы по твоим людям. Мы будем молиться за них каждый вечер. Рианон кивнула.

— Альсвита, ты должна мне верить. Это не были ирландцы — я их видела своими глазами. Это были викинги.

— Я верю, что ты рассказываешь то, что видела сама. Ты, наверное, просто не знаешь,

что у этого ирландского принца отец — викинг, и сам он может быть похож внешне на викинга. Понимаешь? Викинги — лучшие кораблестроители, поэтому и на носах этих кораблей могли быть головы драконов. И возможно, что многие его воины сражаются как скандинавы. Альфреду они нужны, чтобы воевать с обезумевшими датчанами. Ирландский принц, к которому теперь отправился Альфред, из Дублина, но по отцовской линии он викинг.

Съежившись под полотенцем, Рианон вся дрожала.

— Я тебе говорю, Альсвита, что Альфред заключил союз с демонами! Я их видела, они не ирландские христиане, а язычники!

Варвары с волосами как солнце и голубыми глазами, подобными льду. Альфред заключил союз с ними. И вполне возможно, что ей придется еще раз встретиться с их предводителем.

— О Боже, — прошептала она в ужасе. Светловолосый викинг определенно расскажет ирландскому принцу о саксонской девице, которая пыталась пронзить его стрелой. Альфред и так сердит на нее. Но он наверняка совсем рассвирепеет, побывав на побережье.

— Как он может так плохо думать обо мне, о моих людях, так мало заботиться о том, что произошло? — выкрикнула она. — Я — его родная кровь, и он мой опекун, он должен оградить меня от нападений, ведь я защищала то, что мне принадлежит!

Альсвита долгое время молчала. Затем она спокойно произнесла:

— Нет, ты забыла об Уэссексе, Рианон. Он король Уэссекса, и все принадлежит ему!

— Он жесток!

— Он строг, но умеет прощать. Судьба сделала его таким, он должен быть твердым, как камень. Запомни, он твой опекун, твой король и твой защитник. И он по-настоящему любит тебя. — Альсвита сняла полотенце с ее сохнувших волос и мягко улыбнулась. — Он заботится о твоём благополучии. Он не хотел тебя обидеть и не станет этого делать и впредь.

Рианон хотелось бы в это верить. Она любила короля. Альфред, Альсвита и их дети были ее семьей. Это все, что у нее осталось. Она забралась на сиденье с ногами и начала отжимать полотенце, глядя на огонь. Слезы дрожали на ее ресницах.

— Это было ужасно, — прошептала она. — Столько смертей, столько крови. Я так любила милого Эгмунда и Вильтона тоже. Как подумаю об их женах, которым теперь никогда не придется никого полюбить, об их сиротах! — Она подняла глаза. — А Адела! Я ее не видела, когда спасалась бегством. Она куда-то пропала, Альсвита. Я даже не знаю, удалось ли ей спастись, а может быть, она до сих пор блуждает по лесу, насмерть перепуганная.

— Альфред ее найдет, — сказала Альсвита уверенно.

— О, я забыла обо всех, кроме себя. Я не сказала о ней Альфреду.

— С ней все будет в порядке, я уверена. Люди Альфреда разыщут ее.

— А что, если ее найдут викинги?

— Если она убежала в лес, зачем же они будут преследовать женщину, о существовании которой даже не подозревают.

Рианон промолчала. Они не будут преследовать Аделу, но викинг, которого она так тяжело ранила, может послать кого-нибудь в погоню за ней, а вместо нее схватит Аделу.

Но она не сказала этого Альсвите. Она не могла, не смела рассказать Альсвите о своем поединке с викингом. Альсвита — супруга Альфреда, и может счесть, что это надо обязательно рассказать ему.

— Пойдем, Рианон, — сказала Альсвита, увлекая ее за собой. — Тебе нужно поесть, а потом постарайся уснуть. — Она заколебалась, взглянув на Рианон. — Чего ты все еще боишься?

— Чего? — Рианон посмотрела на нее широко открытыми от страха глазами.

— В чем дело? Ты все еще чем-то напугана?

Она покачала головой:

— Я... Я... нет. Сейчас нет. Я здесь с тобой. Я в безопасности.

На самом деле она не была уверена в собственной безопасности ни сейчас, ни в дальнейшем. Она никак не могла забыть викинга, жар его рук, лед его взгляда, угрозу в его голосе, когда он произнес: «Молитесь, миледи... чтобы мы никогда не встретились снова...»

И она никогда больше с ним не встретится. Она останется с Альсвитой и ее детьми, а Альфред выступит в поход со своей армией и встретится с датчанами у Рочестера. Она никогда-никогда с ним больше не встретится.

У нее начали стучать зубы. Она молилась, как он ей велел. Она молилась и о том, чтобы Альфред никогда не узнал, как ей пришлось сражаться.

Альсвита сочувственно коснулась ее плеча.

— Пойдем, тебе нужно поспать. Здесь есть еще кое-кто, кто тебя любит, ты знаешь.

— Рауен! — воскликнула она, и сердце ее быстро забилося. Она почти забыла о нем, — о своей любви, в череде последних ужасных событий.

— Да, Рауен. Правда, я уверена, что он уехал с королем и вряд ли вернется до завтрашнего утра. Поэтому ты сейчас должна поесть, а потом лечь спать — наверстать все то, чего была лишена. Ты же не можешь встретиться с ним в таком виде, не правда ли?

— Нет, нет, — быстро согласилась она.

Она не могла допустить, чтобы Рауен узнал хоть что-нибудь о происшедшем. Он любил Уэссекс не так сильно, как Альфред, он влюблен в нее и наверняка пожелает отомстить за ее честь и вызвать на поединок викинга из войска ирландского принца.

Но когда, наконец, Рианон легла в постель на чистые простыни, облачившись в льняную ночную сорочку и укрывшись теплым шерстяным одеялом, она увидела во сне не Рауена, не человека, которого любила, молодого саксонца со смеющимися зелеными глазами и каштановыми волосами.

Вместо него ей явился высокий широкоплечий викинг с золотыми волосами и золотой бородой, и взглядом, тяжелым и холодным, который проникал до глубины души.

Она слышала его смех, ощущала его прикосновения и внезапное пробуждение страсти, когда его руки блуждали свободно по ее телу — по груди, вдоль ее бедра. Так странно нежно, если вспомнить холодное бешенство в его глазах и жестокость борьбы.

Она слышала шепот, преследовавший ее снова и снова: «Молитесь, миледи... чтобы мы никогда не встретились снова...»

Воспоминания не оставляли ее, и она лежала долгие часы, не сомкнув глаз, дрожа от страха. Она вновь чувствовала опасный трепет, пробежавший по ней, когда она увидела его впервые, его взгляд на себе, его прикосновения. Она подумала, что его могли убить в сражение...

Но он не убит. Она была уверена, что он жив.

И они встретятся снова.

Нет... Нет...

И все же, она была уверена в этом. Он пришел с бурей и пришел для того, чтобы опалить

бурей ее жизнь.

Его сон был беспокойным. Отрывочные видения проносились в его мозгу, и картины минувшего теснились перед его взором. Он видел необычные арабские мечети и величественные мавританские дворцы. Он видел море, когда Один метал гром и молнии, терзая и бросая людей на смерть. Перед ним прошло путешествие вниз по Сене до самого Парижа, а затем возникла классная комната в прекрасном каменном дворце его отца в Дублине. Лейф не был ученым и миротворцем, но он был наследником отца. Эрик, завидуя ему, часто забирался на стол, за которым учился, размахивал воображаемым мечом и клялся, что завоюет весь мир.

Потом ему вспомнился голос матери, мягкий, сильный и мелодичный, стайка детей вокруг нее: Лейф, Эрик, Брайан, Брюс, Конон, Конор и девочки: Элизабет, Меган и Дариа. Она рассказывала о древних племенах Туат да Данаан, обычаях ирландского гостеприимства и чести их рода. Они могли странствовать по всему свету, уверяла она их, но никогда не забывать, что они ирландцы. Волынки будут звучать в их ушах даже тогда, когда в вое ветра они различат стоны приближающегося бэнши — духа смерти. А в лесу они, если постараются, сумеют увидеть проказы эльфов. Эрин рассказывала сказки и легенды, а дети сидели, примолкнув, у ее ног. Потом появлялся Олаф, опираясь о дверной косяк, он в свою очередь начинал повествования об Одине, Торе, Локи и других богах. В Дублинском замке всегда царили тепло и любовь.

Все эти картины мелькали в его мозгу, когда он метался в беспокойном сне. Большой очаг, охотничьи собаки, родная земля. Поездка в Тару на общий сбор правителей всех земель, Аэд Финнлайт, правивший ирландцами мудро и справедливо. Дни, когда его отправили в лес. Отправили на обучение к древнему друиду, Мергвину. Дни, когда хлестал ветер, гремел грозно гром, а старый чудака стоял под дождем, простирая руки к небесам.

— Почувствуй, это, мой мальчик! Почувствуй ветер! Почувствуй полет сокола и землю под ногами! И запомни, запомни, что ответ ты найдешь не у человека, а всегда в своей душе. — и в краю, с которым ты — одно целое.

Мергвин заставлял его читать. Изучать манускрипты на латыни, французском, норвежском, ирландском и английском. Он таскал его по гнилым болотам и учил, какие травы вытягивают из организма отраву, а из каких можно сделать припарку, останавливающую кровотечение. Друид учил его усердно, гораздо усерднее, чем его братьев и сестер, и однажды Эрик запротестовал, подойдя к Мергвину, он заявил:

— Все, хватит, старик! Я — принц! Я — Сын Волка, внук великого Финнлайта!

Мергвин окинул его взглядом с головы до ног и протянул мальчику топор.

— Да, Эрик, ты именно то, о чем сказал. Поэтому пусть сила твоего тела соответствует твоему тщеславию. Руби эти деревья до тех пор, пока поленница не будет достаточно высокой, потому что, кажется, зима в этом году будет холодной.

Он до сих пор не мог понять, почему повиновался тогда старому колдуну, может быть, потому, что его мать любила Мергвина, и даже его отец не пренебрегал его советами.

Друид никогда не ошибался.

Он даже знал, когда погибнет Эминия.

На своей новой постели в захваченной крепости Эрик стонал и беспокойно метался. Друид пытался остановить его, когда он собирался отплыть в поход со своим дядей. Он уже

не был юнцом, но Мергвин все-таки пришел на берег. Его борода и одежды развевались по ветру, и он был похож на огромного ворона. Он терпеливо ждал, когда сможет поговорить с Эриком наедине.

— Не уезжай, — предупредил он его.

— Мергвин, я должен. Я обещал своему дяде.

— Опасность поджидает тебя. Но я не знаю, когда и что должно произойти с тобой. Твое сердце, душа и жизнь — в страшной опасности.

В тот день он ощутил прилив любви и признательности к этому старому учителю и обнял его за сгорбленные плечи.

— Я не могу отказаться от своего слова, Мергвин, и так же, как мой отец, я должен жить в опасности.

Мергвин больше не возражал.

И он уехал тогда и встретил Эминию, и его сердце и душа, действительно, оказались в опасности. Сейчас он вновь увидел ее красоту. Он видел гибкое обнаженное тело, ее улыбку, когда она смотрела на него. Он почувствовал прикосновение ее шелковых волос, блестящих и гладких. Она знала, как ласкать мужчину, и знала, что и в какой момент ему было нужно, словно проникала в его мысли. Он видел ее медовое тело, сладкое, как сладостная буря в их телах, ее груди с темными сосками. Он даже почувствовал ее запах.

В ту ночь он убил многих. Отправил на вечный покой к их Аллаху, на небеса, в Вальхаллу или в ад, — он сам не знал куда. Но ни множество смертей, ни Реки крови не могли утишить боль, которая вошла в него и стала частью его самого. Она никогда не уляжется. Она не перестанет жить внутри него, не перестанет отравлять его сны.

Он снова застонал. Раненая нога причиняла боль, и она проникла в его подсознание. Мергвин, его изможденное, худое, морщинистое лицо снова возникло в его сне. Эрик печально улыбнулся.

— Уходи, друид! Оставь мои сны в покое!

— Это тебе не снится, — услышал Эрик.

Он заморгал и потряс головой, но лицо не исчезло. Эрик резко поднялся. Он почувствовал головокружение и чуть было не упал. Ему причудилось, что комната медленно вращается перед его глазами.

Друид был перед ним наяву.

Эрик сердито нахмурился.

— Ты, старая летучая мышь! Что, клянусь Одином, ты тут делаешь?

Мергвин присел на кровать рядом с ним. Эрик поморщился от боли, стиснул зубы и понял, что друид обрабатывает рану на его бедре.

— Клянусь кровью Христовой, больно! — бранился Эрик.

Друид печально покачал головой.

— Эрик, ты призываешь и Христа, и Одина, и ад, все сразу. Реши, наконец, сын Волка, кому ты будешь молиться, если будешь вообще.

— Как ты сюда попал? — спросил Эрик.

Мергвин привязывал к ране припарку с помощью льняной повязки. Почти сразу же Эрик почувствовал, что боль стихает, словно прикосновение старика было действительно волшебным. Друид задумчиво посмотрел на него, не отвечая.

— Я с тобой разговариваю! — напомнил ему Эрик.

Характер у него отцовский, подумал Мергвин. Нет, гораздо хуже. Из всего волчьего

выводка этот больше всего похож на отца. У него собственные понятия о чести, и ничто не сможет заставить его нарушить их. Но он будет очень требовательным ко всем, кто встретится ему в жизни, и жестоким, когда сражается. Он был высоким, как его отец, золотоволосый воин, но шире в плечах, еще сильнее, и при этом гибкий и подвижный. Он мог ходить бесшумно по опавшей листве, Мергвин это видел, но в его походке чувствовалась сила. Он не требовал от людей больше, чем мог дать сам. Он был честен, и люди сразу же повиновались ему. Его суд был коротким, а меч безжалостным, но решения всегда были мудрыми и правильными. Его недостатком, подумал Мергвин, все же было упрямство, которое сильнее его.

— Я перебирал твои руны, — сказал Мергвин. Светлые брови Эрика удивленно поползли вверх.

— Ты перебирал мои руны? — повторил он. Как он сам, Мергвин был сыном ирландки и скандинава — слагателя рун. Руны, эти символические камни, могли предсказать будущее, надо только верить в их силу. Многие отказались бы от похода, если бы руны предсказали неудачу.

— Я приехал, чтобы найти тебя там, куда ты уплыл, — сказал Мергвин. Он еще раз осмотрел ногу, которую так заботливо лечил. — Ты уплыл, и я последовал за тобой так быстро, как только мог.

— Зачем?

Друид встал. Он расставил руки, показывая на крепость и земли, прилегающие к ней.

— Здесь! Здесь какое-то предательство!

Эрик нахмурился и откинул одеяло, намереваясь встать.

— Лежи спокойно. У тебя опять пойдет кровь, — предупредил его Мергвин.

— Я не могу лежать спокойно, — Эрик пошел за тазом и кувшином с водой, которые стояли на краю стола. Его нога горела, но он не хотел, чтобы Мергвин заметил это. Он окунул лицо в воду, и это окончательно разбудило его.

— Рану можно было бы вылечить гораздо легче, — сказал язвительно друид, — если бы ты позволил правильно вытащить стрелу. Но теперь, глупый принц, придется разрезать мышцу и кожу, чтобы избавиться от поразившего тебя орудия.

Эрик сердито нахмурился и вытер лицо льняным полотенцем.

— Ты успокоил боль в моей ноге, а твое предупреждение об измене несколько запоздало. Возможно, тебе придется плыть назад через море, откуда пришел, и помочь моему брату, который наверняка нуждается в твоей помощи в одном деле.

Мергвин не обратил внимания на его слова и пододвинул свой деревянный стул к затухающему камину. Пламя отражалось в его длинной бороде, которая никогда не запутывалась, а казалась частью серо-стальных волос, спадавших ему на плечи. Эрик, в свою очередь, не обратил внимания на Мергвина и подошел к двери спальни, широко распахнув ее. Он находился на третьем этаже деревянного дома, и комната, где он лежал, вероятно, принадлежала хозяевам, потому что прекрасная кровать, на которой он спал, стояла на возвышении, прогибаясь под множеством матрасов. Кроме того, там находились стулья и красиво украшенный камин, со святыми на каминной полке и с трубой в виде фантастического животного. Стены украшали гобелены ручной работы, а таз и кувшин с водой были испещрены резьбой, а в ручку кувшина даже были вделаны камни.

Да, это, наверняка, комната хозяина поместья или его жены. А может быть, она принадлежала этой маленькой дерзкой девчонке, из-за которой он теперь в таком плачевном

состоянии.

— Ролло! — позвал он, и сразу же увидел молодую темноволосую девушку, которую спас от похоти своих воинов вчера днем. Она оделась в длинное и скромное платье и собрала темные волосы в пучок, а широко поставленные глаза на чисто умытом, свежем лице смотрели на него с обожанием.

Она присела в реверансе.

— Милорд, я жду ваших приказаний.

Затем она внесла ароматно пахнущее блюдо. На нем была жареная дичь, свежий хлеб и кувшин с элем. Он кивнул ей.

— Скажи свое имя!

— Юдифь, милорд.

— Ты здесь всегда живешь?

— Всегда, милорд.

— Скажи, кто твой хозяин? Он погиб во вчерашнем сражении? Почему он напал на меня? Ты знаешь? Девушка покачала головой в смущении:

— Здесь нет хозяина, принц Гарт умер много лет назад.

— Нет хозяина? — переспросил Эрик.

Мергвин, сидя спиной к Эрику, обратив лицо к камину, сказал:

— Спроси ее о хозяйке, мой принц.

— Леди Рианон, — ответила девушка.

— А, леди Рианон, — повторил Эрик, — Стройная нимфа с длинными рыжими волосами? — «И умеющая стрелять из лука», — добавил он про себя.

— Да, это моя хозяйка.

Как бы ему хотелось снова коснуться ее. Он улыбнулся.

— Ну, так что же леди Рианон? Почему она организовала нападение на меня? Я приехал сюда по приглашению короля.

Девушка покачала головой.

— Вы приплыли на кораблях с драконьими головами, милорд. Вы приехали на судах с драконами.

— Да, мы строим корабли с драконами, потому что это быстрые корабли, — сказал он. — Но нас должны были хорошо встретить, если тут нет какого-нибудь заговора против меня.

Девушка снова покачала головой.

— Я ничего не знаю об этом.

Он внимательно посмотрел на нее. Она была хорошенькая, но не более чем простая служанка. Она не сможет помочь ему в этом деле.

— Спасибо, Юдифь, — сказал он, отпуская ее.

Она покраснела, делая еще один реверанс и опустила ресницы.

— Могу я еще чем-нибудь служить вам?

— Да, отыщи Ролло, это большой рыжебородый человек, и пошли его ко мне.

Она снова поклонилась.

— Он ждет вас.

Она поклонилась, целуя ему руку, потом выпрямилась и побежала вниз по лестнице. Эрик с удивлением покачал головой и вернулся в комнату. Он сел за стол и понял, что сильно проголодался. Он посмотрел на Мергвина, все еще сидящего у огня.

— Ну, скажи, мне, Мергвин, ты ведь знал об этой опасности, скажи, что было ее причиной?

Мергвин пожал плечами, потом опять уставился на пламя.

— Я не могу сказать тебе причину. Я не провидец.

— Ну, конечно, — сказал сухо Эрик.

Он поднес кувшин с элем к губам. Его мучила жажда, и он мгновенно опорожнил его. Раздался стук в дверь, вошел Ролло. Он тащил за собой худого священника, которого и поставил перед Эриком, подтолкнув его вперед.

Эрик в удивлении поднял бровь.

— Кто это? — спросил он Ролло.

— Говорите, отец, и быстрее, — понукал Ролло монаха.

Маленький человечек облизал губы, а его глаза расширились от страха при виде сидящего перед ним гиганта.

Эрик поднялся, возвышаясь над монахом. Священник перекрестился, попытался сделать шаг вперед и что-то невнятно пробормотал. Эрик скрестил руки на груди и, забавляясь его испугом, сказал:

— Ну же, отец, говорите. Мы же не варвары! Монах, казалось, взял эти слова под сомнение, но, наконец, все-таки обрел дар речи.

— Я — отец Павел, монах ордена Святого Беды. Я пришел от короля, Альфреда Уэссекского.

— Неужели? — резко сказал Эрик. Он напрягся. Воспоминание о предательстве жгло его огнем.

— Король очень огорчен и знает не больше, чем вы, об этом вероломстве, но клянется, что узнает правду. Он посылает вам напитки, шерсть, меха и ювелирные украшения, изготовленные лучшими мастерами серебряных и золотых дел.

— Король дает мне то, что, как он опасается, я могу взять сам, — сказал Эрик.

Монах собрался с силами и с достоинством ответил:

— Альфред — великий король. Он человек слова и ничего не боится, в том числе и сражения с вами. — Хорошо сказано, — пробормотал Эрик.

— И это правда, — добавил спокойно Мергвин.

Монах уставился на спину друида с некоторым почтением. Эрик подошел и облокотился о каминную полку. Припарка Мергвина оказывала благотворное воздействие, и он чувствовал, что его ноги наливаются новой силой и энергией. Он задумчиво почесал бороду и уставился на монаха.

— И чего же хочет король?

— Он хочет... э... дело в том, что король хочет встретиться с вами здесь. Он ожидает вас за рощей и хотел бы сначала заручиться чем-нибудь, так как предполагает, что вы в гневе.

— Не могу дать никакого ручательства, — начал Эрик, но Мергвин, худой и похожий на ворона, перебил его.

— Да, мой принц, я буду заложником. Я пойду, потому что этого просит английский король.

Эрик нахмурился. Друид зачастую говорил ему неприятные вещи, но был ему дороже любого кровного родственника, и Эрик не хотел рисковать этим человеком.

— Нет, только не ты.

— Почему бы нет?

— Ты слишком стар для таких игр.

— Когда я буду слишком стар, я умру, — Мергвин с почтением низко поклонился Эрику, а потом улыбнулся изумленному монаху:

— Пойдем?

Монах уставился на Эрика. Ролло рассмеялся:

— Это не злой колдун, отец. Просто отшельник и подданный моего хозяина. Мергвин не станет обращать вас в черного дрозда. — Он помолчал немного, а потом взглянул на Мергвина:

— Не так ли?

— Во всяком случае, не сейчас, — пожал плечами Мергвин.

— Я не знаю, подойдет ли этот умалишенный... Эрик оборвал его:

— Скажи своему королю, что у него в руках мой Учитель, человек, который является частью меня самого. Скажи ему, что у него в руках сокровище, и, если мы вновь столкнемся с каким-нибудь вероломством, вся Англия поплатится за это. А потом можешь сказать ему, что я жду его, когда он пожелает. Мы поговорим здесь, в этом красивом зале.

Когда они уходили, монах волновался еще больше, чем когда он пришел сюда, а Мергвин был спокоен. Ролло подождал их ухода и удалился, посмеиваясь. После этого Эрик закончил свой обед и начал одеваться. Ролло ночью внес его сундук в комнату, и, собираясь встретиться с королем, он хотел одеться, как подобает сыну и внуку королей. Он выбрал ирландский наряд, теплые шерстяные штаны, мягкую голубую блузу, отороченную мехом, и пояс с пряжкой в виде прекрасно выполненного кельтского креста. На плечи он накинул пурпурную мантию, украшенную гербом отцовского дома — волком и короной.

Одевшись, он оглядел комнату. Это была лучшая комната в доме, комната хозяйки. С любопытством он наклонился к сундуку у подножия кровати и открыл его. Сундук был полон женской одежды: длинные платья из красивой материи, отороченные мехом и украшенные драгоценными камнями.

Итак, здесь хозяйка леди Рианон. Это ее комната. Он выгнал ее из дома, из ее владений. Напряжение охватило Эрика. Именно здесь крылось предательство, и, конечно, Рианон была причиной всему этому. Это были ее земли, так сказала служанка, и она приказала начать сражение и видела его кровавый конец.

Она встретила его градом стрел. Она ранила его. Она всем сердцем желала его смерти.

— Ведьма! — прошептал он. Да, да, настоящая ведьма со своими голубыми глазами, огненными волосами и испепеляющей ненавистью. Он взял богато украшенный кинжал, вспоминая, что произошло. Может быть, следовало вонзить этот кинжал прямо ей в сердце. Если предательство — ее рук дело, за него придется дорого заплатить. И если выпадет случай, подумал Эрик, он с удовлетворением лишит ее жизни. Она, как никто другой, близка к гибели. Однако она не была робкой девушкой. Она боролась, как лисица, и ранила его, она умела обращаться с оружием.

— Ну, моя гордычка, — пробормотал он вслух, вертя в руках ее кинжал, — ты будешь расплачиваться за свои деяния по частям: сначала ты отдашь земли, эти одежды и все, что я завоевал. Ты никогда ничего не получишь обратно, я клянусь. Может, тогда ты научишься смирению. Если только мне представится случай, леди, я постараюсь сделать тебя покорной, как овечка.

В нем снова стала закипать ярость, но одновременно вспомнилась и ее женская

прелесть. Даже охваченные страстной ненавистью, ее глаза были прекрасны, обволакивающие серо-голубые глаза в обрамлении густых ресниц. Она не вызывала в нем нежности, но будила желание. Он улыбнулся. Ее беда, что она родилась женщиной. Для нее будет невыносимо оказаться отданной в наложницы викингу.

Он бросил кинжал в сундук и закрыл его. Ни одну женщину, сколь бы прекрасна она ни была, не ценил он так высоко, как земли. И пылая жаждой мести, он все же сильнее желал владеть этими землями, чем их хозяйкой. Если бы не король, Эрик потребовал бы эту землю в качестве выкупа. Но как христианин он не мог требовать леди себе в наложницы.

Он спустился вниз, где некоторые из его воинов сидели вокруг очага. В большом зале теперь были и собаки, и рабы, казалось, они снова принялись за свою работу. Завидная участь быть рабом, подумал Эрик с кривой усмешкой. Раб никогда не сможет изменить своего положения в жизни — не важно, за кем осталась победа.

Адрайк, Ролло и Майкл из Армага сидели вокруг огня, и пили эль. Адрайк был сыном одного из придворных отца и ирландской девушки. Ролло был викингом с головы до ног, а Майкл — ирландцем, как королева Эрин. Глядя на них, Эрик подумал, что союз его отца с дедом был неплох. Они научились дружить и помогать один другому. Эти трое были ему ближе всех остальных. Они вместе сражались, заботились о нем, а он о них, были чрезвычайно преданы ему и друг другу.

И, как и он, они... стремились к завоеваниям. Ролло посмотрел на Эрика, когда он спустился по лестнице.

— Мы приказали приготовить все для пира, который дадим королю Уэссекса. Он послал нам молодого дворянина из Западной Англии как заложника, а мы отправили эскорт, чтобы встретить его вместе с его свитой. Я думаю, нам нужно поехать и приветствовать короля Уэссекса у ворот.

— Прекрасно, поехали. — Эрик подошел к огню погреть руки. Он строго посмотрел на Адрайка. — У нас есть пленники после вчерашней ночи?

— Нет, Эрик. Мы захватили людей во время сражения — и мужчин и женщин, но они не из крепости. Это простые крестьяне, рабы и ремесленники. Они все поклялись служить тебе.

Эрик кивнул головой.

— Мы будем вести здесь переговоры с английским королем, но это место мы не оставим.

И все же ему хотелось, чтобы девушку поймали. Он бы взял ее лук и стрелы и сломал бы их об ее задницу.

А может быть, он представил бы ей возможность посидеть несколько дней и ночей в одиночестве на хлебе и воде...

Он отошел от камина и посмотрел на своих троих друзей.

— Поехали?

Майкл, Адрайк и Ролло согласно кивнули головами. Эрик прошел через двор. Уже наступил новый день. Свиньи, цыплята сновали вокруг, чуть подальше мальчик погонял волов. Его люди были везде. Некоторые из них расположились у амбара и конюшни и приводили в порядок свое оружие. Некоторые несли сторожевую службу, зорко осматриваясь вокруг.

Денис из Корка приблизился к Эрику, ведя в поводу крупного белого жеребца. Он улыбался во весь рот.

— Не правда ли, он — красавец, милорд? Хорошо выезжен, хорошо сложен, быстрый и сильный. Я обрадовался, когда увидел его здесь, я знал, что он подойдет только вам.

— Да, прекрасная лошадь, — согласился Эрик.

Он ласково провел рукой по мягкой морде животного. Лошадь храпела и гарцевала, и Эрик почувствовал ее силу. Он улыбнулся Денису.

— Да, Денис, ты мне услужил.

Он вскочил в седло и поднял руку, подзывая своих людей. Они ответили приветственными криками, и в сопровождении свиты он выехал за ворота.

С высокого холма, откуда был виден весь город, Альфред разглядывал кавалькаду принца, которого пригласил на свою землю. Без сомнения, это был Эрик Дублинский, его внешность превосходила все слухи. Он красовался на статной лошади с развевающейся гривой, поражая зрителей своим ростом. Копыта его коня стучали по земле, свежей и благоухающей после бури.

Король оценивающе оглядел ирландского принца, выискивая в нем какой-нибудь недостаток, но не преуспел в этом. Взгляд голубых глаз Эрика, немигающий, тяжелый и даже безжалостный, встретился с требовательным, несколько утомленным и честным взглядом Альфреда.

— Альфред Уэссекский? — спросил громадный воин.

Король кивнул.

— Эрик Дублинский?

Эрик кивнул в свою очередь. Несколько минут в воздухе висели напряжение и подозрительность. Альфреда сопровождали несколько всадников, судя по платью — дворян. Но сначала ни король, ни принц не замечали ничего вокруг. Исход встречи зависел от впечатления, которое они произведут друг на друга.

Альфред прищиприл коня и подал Эрику руку в перчатке. Эрик немного помедлил, прежде чем ответить рукопожатием. Этот человек имел смелость встретиться с ним или потому, что верил в благородство Эрика, или потому, что ненависть к датчанам заставила его пойти на риск. Эрик оценил короля с первого взгляда. Альфред был человеком среднего роста с острыми карими глазами и каштановыми волосами и бородой. Он казался мудрым и несколько усталым. Глаза его светились умом.

И Мергвин поверил ему, вспомнил Эрик, почувствовав твердую руку Альфреда в своей руке.

— Давайте вернемся назад в крепость, — предложил Эрик. — Женщины суеются у очага, делая приготовления к пиру в честь короля Альфреда Уэссекского.

Король кивнул, внимательно наблюдая за Эриком, и Эрик понял, что Альфред догадывается о его намерении предъявить права на город, и не намерен спорить с ним. Он отметил, что король прекрасный наездник, и осознал, что оба они сражаются с датчанами едва ли не с рождения, хотя, по-видимому, Альфред был на пять или больше лет старше его.

Они вернулись, проехав через ворота, Эрик и король Альфред, каждый со своей свитой. Казалось, их спутники не хотят оставлять своих вождей наедине, доверие друг к другу воины почувствовали несколько позже. Но, войдя в большой зал, король приказал своим людям подождать снаружи, а Эрик кивнул Ролло и остальным. И они остались одни в просторном зале. Эрик приказал принести меда, а затем они стали изучать друг друга снова.

Эрик ждал, когда заговорит король, потому что это ему нужно было давать объяснения. Он молча наблюдал за Альфредом. Король наклонился через стол.

— Мне не стоит рассказывать о нашей жизни. Я полагаю, что вы прекрасно знаете, что датчане разоряли и ирландские берега.

— Мой отец сражался с датчанами, и мой дед сражался с ними, и я.

— Я тоже.

Эрик отхлебнул меда, откинувшись на спинку стула. Он взглянул на короля, подняв чашу.

— Тогда скажи мне, Альфред Уэссекский, почему мои корабли были атакованы, когда я приплыл, откликнувшись на твою просьбу о помощи.

Альфред покачал головой и тоже откинулся на спинку стула. Эрик заподозрил его в неискренности.

— Нас предали, и я не знаю, клянусь, чьих рук это дело, но я не успокоюсь, пока все не будет раскрыто. Многие считают, что среди людей, убитых вами, был предатель, который предпочел сражаться с вами, чем встретить вас с миром.

— А девушка?

— Какая девушка?

— Леди Рианон. Это ведь были ее земли. Это она предала вас?

— Нет, нет, — торопливо убеждал его Альфред.

— Почему вы так уверены в этом?

— Она моя крестница. И родственница. Эрик не мог согласиться с тем, что все подозрения так легко были сняты с нее, но в данный момент не мог и спорить.

— Я беру этот дом и эти земли, — сказал он Альфреду.

— Вы уже это сделали, — принял Альфред его претензии с жестким или, скорее, горьким юмором.

— Здесь случилось много зла по ее воле, — сказал Эрик.

— Да, — признался Альфред. Он снова наклонился вперед, ближе к Эрику, и глаза его заблестели. — Но ведь вы пришли сражаться с датчанами. Конечно, это не ваша родная земля, чтобы ее защищать, но я обещаю, что награда будет большой.

Эрик поднялся, допил свой мед и подошел к камину. Облокотясь на каминную доску, он оглянулся на короля.

— Какова же она?

Альфред помолчал. Он тоже встал и пошел к камину. Их объединяло пламя — пламя ненависти к общему врагу.

— Что ты хочешь? — спросил король.

— Еще земли, — прямо ответил Эрик. — Я хочу бухту и немного прибрежных земель к северу отсюда, которые граничат с морем. Берег там окружен высокими скалами. Никто не захватит этих земель, если они будут под моей защитой. Долины здесь плодородные. Они дают богатый урожай. Это естественная гавань, я видел это с моря.

Альфред заколебался.

Эрик холодно поднял бровь, и король увидел, что его глаза мгновенно превратились в лед.

— Разве я прошу слишком много за кровь, пролитую по вашей вине.

— Нет, это не так. Я бы, не колеблясь, отдал эти земли, если бы они были моими.

— Ну тогда скажите своему подданному, что ему дадут другие земли. Мы их освободим от датчан.

— Они принадлежат не дворянину, — пробормотал Альфред.

Эрик нахмурился.

— Они тоже принадлежат моей крестнице, леди Рианон.

Эрик наклонил голову, как будто он знал это.

— Ну, она должна желать отдать их как вклад в ваше дело.

— Она уже внесла свой вклад, — сказал король с усмешкой. — Этот город принадлежит ей, он завоеван ее отцом.

Видение рыжеволосой красавицы пронеслось перед его мысленным взором, и Эрик улыбнулся.

— И их я тоже должен отнять у леди Рианон?

— Да, — тихо сказал король. Он вернулся к столу. — Рианон — хозяйка этого побережья, всего. Ее отец Гарт был прекрасным воином. Он долго сражался и преданно, люди помнят его имя. Обесчестить его дочь! Мне придется бороться со своим народом!

— Я не отдам этой земли, — заявил Эрик.

И он не отдаст. Кровь его людей на ней. Он не вернет леди Рианон и пригоршни грязи.

Альфред нахмурился. Он был зол на несговорчивого принца, но еще сильнее он рассердился на Рианон. Эрик Дублинский не переменит своего решения, король видел это по его ледяным глазам и упрямому подбородку. И Альфред понял, что тает его мечта о мире в Уэссексе. Он может, и будет бороться, и хотя это трудно, но не уступит. Он великий король.

Но он не может вести сражение без людей. Ему нужны воины. Англичане просят его помощи. За него погибали плохо обученные воины. А теперь пришла расплата. Он хотел, чтобы эти воинственные ирландские викинги с их бесстрашием и смелостью, гордостью и силой, сражались на его стороне. Ему нужны были силы, чтобы победить.

— Если я лишу Рианон всего, что она имеет, будет жестокая битва между моими людьми и вашими, — сказал Альфред.

— Тогда хотел бы я знать, можем ли мы вообще договориться, потому что я чувствую, что и мне придется кое-что решить с этой леди, — мягко ответил Эрик.

— С Рианон?

— Это она приказала атаковать мои корабли, — сказал Эрик, удивляясь в душе, почему он не рассказывает Альфреду об их более близком знакомстве.

Альфред облизнул губы.

— Хорошо. Я отдам леди Рианон вам в жены, и тогда все ее земли, гораздо больше того, что вы просите, будут вашими.

— Что? — удивленно спросил ирландский принц.

— Я отдам вам леди Рианон в жены, и вы станете хозяином этих земель. Люди примут свадьбу по христианскому обычаю и увидят, что мы связаны родственными узами. И когда я отдам вам свою крестницу, ваши люди поймут, что я не повинен в предательстве.

Альфред был удивлен, когда на суровом красивом лице ирландского принца появилась лукавая ухмылка.

— Но, сир, — запротестовал Эрик, — мне не нужна жена.

Альфред облокотился на спинку стула, в обиде. Множество благородных дворян его двора и из других королевств оспаривали друг у друга руку Рианон. Бог не создавал еще ангела более прекрасного, женщины более грациозной и обладающей такими землями.

— Эрик из Дублина, — сказал он резко и забарабанил костяшками пальцев по столу. — Речь идет о моей родной крови, о женщине из королевского дома Уэссекса и наследнице

двух королевских домов Уэллса. И мы даруем вам земли гораздо более обширные, чем вы можете ожидать, мечтая о завоеваниях.

Эрик ухмыльнулся. Он хотел мести, но ему не нужна жена. Он узнал однажды, что такое любовь, и он ее потерял. Он бы никогда не смог назвать Эминию своей женой, но он не хотел другой. Его сердце ожесточилось. Получить удовольствие в компании с хорошенькой наложницей — это одно, а жениться — совсем другое дело. Самая мысль об этом претила ему.

Но Альфред говорил не просто о жене. Он хочет женить Эрика на девушке с огненными волосами и пылающим ненавистью сердцем.

Эрик едва не рассмеялся. Это действительно будет свадьба в аду!

— Альфред, я не желал тебя обидеть. Прежде всего, я хочу напомнить тебе, что я тоже сын короля, внук, с одной стороны, короля ирландского, а с другой — могущественного норвежского ярла.

— Я уважаю ваше происхождение. Я предлагаю вам свою кровную родственницу.

— Я сомневаюсь, что леди придет в восторг от этого известия.

— Она сделает, как ей скажут. Я — ее покровитель и ее король.

Эрик пожал плечами, сдерживая улыбку. Жизнь играет с ними интересную шутку. Он предупреждал ее, чтобы она молилась, чтобы они не встретились снова. Ее молитвы, по-видимому, не были услышаны. А король был настроен решительно.

Внезапно Эрик почувствовал движение воздуха. Он обернулся и увидел, что дверь широко открыта. Люди короля и его собственные стояли и смотрели на них в ожидании. Они все надеялись на этот союз, на то, что предательство, сражение и кровь можно будет не принимать во внимание.

Но он не хочет жениться на ней! Он презирал ее невежество, которое заставило ее ненавидеть все скандинавское без понимания сути вещей. Она была испорченная, своевольная и надменная, и он хотел обрушить на нее свою месть. Он не хотел оказывать ей честь, сделав своей женой.

— Черт возьми, нет женщины красивее, чем она. Я отрываю кусок от своего сердца, отдавая ее тебе, — поклялся король.

Эрик, подняв бровь, наблюдал за королем:

— Альфред, леди не даст своего согласия на этот брак.

— Даст, — сказал Альфред.

Он — король, и его слово — закон.

Он стиснул зубы. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы предложить ее руку другому мужчине, зная, что она влюблена в Рауена и уверена, что он благословит их брак. Но теперь он не мог не вспомнить, что она любит Рауена, а он влюблен в нее. Но борьба с датчанами гораздо важнее, чем Рианон или Рауен, и их любовь.

— Это единственный выход, — поспешно сказал Альфред.

Единственный выход, — подумал Эрик. Альфреду он нужен здесь и тот хочет загладить свою вину. Но Альфред не может отдать ему земли без сражения, если он, конечно, не возьмет эту девушку в жены.

Но почему нет? Эрик сам удивился собственному спокойствию. Свадьба — это просто сделка, и он заключит ее, ничего больше. Она будет ему повиноваться, пока смерть не разлучит их, и возможно, это будет лучшая плата, какую она когда-либо могла бы заплатить.

Наконец-то он обретет собственное место под солнцем! Собственные земли, хорошие

земли, благодатные и плодородные, с прекрасной гаванью. Они не достались ему по наследству, он их завоевал.

У него должны быть земли. Его охватило волнение. Он жаждал этого, он стремился стать хозяином этого побережья. Он ее приручит. Любым путем, но приручит. И если она не смирится с тем, что ей придется жить в своем бывшем доме, тем лучше. Он отправит ее в Ирландию и освободит себя от нее.

Женитьба — это дело удобства. Это будет договор о земле и мире.

На короткий миг он почувствовал ее тело, когда он повалился на нее. Он вспомнил ее тело, ярость и страсть в ее глазах, и их небесно-голубой цвет. Он припомнил прилив желаний, которое охватило его в те секунды, когда он чуть не овладел ею, как викинг, как язычник, — так она его назвала.

Это были ее земли! Это она послала в него стрелу.

И здесь где-то таилось предательство...

Если она вела нечестную игру против него, против короля Уэссекса, и если вся эта кровь — ирландцев, скандинавов и англичан, так бесславно пролилась по ее вине, она заплатит за это, она будет расплачиваться каждый день их будущей совместной жизни. Если сам король не видит этого, увидит Эрик.

И у него будет возможность обнаружить истину. Он женится на ней, как предлагает король.

Но ни одну из его мыслей, ни одно из его чувств нельзя было прочесть на его лице. Альфред понимал, что ирландский принц обдумывает предложение, но его мысли были для него загадкой, спрятанной в глубине его ледяных глаз.

Эрик подошел к столу. Он налил еще меду в два прекрасных кубка.

— За долгую дружбу между нами, — сказал он, протягивая кубок королю.

— Смерть датчанам! — сказал тост король.

— За их гибель!

Король выпил свой кубок, не сводя глаз с Эрика. Наблюдая за ним, он на некоторое время успокоился.

Любая девушка захотела бы выйти замуж за этого мужчину, — убеждал он себя. Когда Рианон его увидит, она не будет разочарована. В нем течет королевская кровь. Он благороден и по происхождению и по воспитанию. Он ловкий и сильный, как хороший боевой конь, и черты его лица привлекательные, в них сквозит сила и красота, его взгляд завораживает...

А временами становится холодным, как лед.

Нет, девушка захочет выйти за него. Он воспитанный и образованный. Он говорит на многих языках и настолько же умен, насколько искусен в бою.

Любая девушка...

Кроме Рианон.

Он выбросил эти мысли из головы. Он был король, и сам умен и искусен в бою. И подобно светловолосому воину, стоящему перед ним, он научился быть жестоким, без этого не обойтись.

Альфред снова поднял свой кубок.

— За вашу женитьбу, Эрик Дублинский. Давайте позовем наших писцов и приложим печати к этому договору, и да будет так, как мы сказали.

Хотя король уехал из Варенхема, окрестности были полны его людьми, которые готовились к войне. Целый день раздавались крики, команды и лязг металла.

Рианон не думала, что когда-нибудь она сможет спокойно слушать эти звуки, не вспоминая без ужаса произошедшего на побережье, не видя перед собой крови и смерти. При каждом стуке и лязге она вздрагивала.

Она все время проводила в королевском доме с детьми. Альфред преклонялся перед учеными. Она знала, что он жалеет о том, что ему пришлось прервать собственное обучение, которое он мечтал возобновить, и поэтому твердо решил: его дети получают образование. Альфред нанял учителей своим детям, чтобы те обучали их латыни, математике и другим наукам. Рианон говорила по-уэльски, на языке, который Альфред считал необходимым для своих отпрысков, поскольку он либо заключал союз с уэльсцами в борьбе против датчан, либо вел с ними междоусобную войну.

Три дня спустя после сражения, Рианон сидела в доме короля с младшими детьми и говорила с ними на языке своего отца. Но ее мысли блуждали далеко: она слышала бесконечный лязг стали, и это не давало ей сосредоточиться на уроке. Она решила пойти с детьми на луг за домом, который находился внутри оборонительного вала. Их обязанностью было кормить гусей, потому что все в доме короля должны были работать.

Эдмунд, старший из детей, побежал вперед с полными пригоршнями ячменя, а другие дети весело бежали за ним. Рианон дала им удрать вперед, а сама села на траву, в которой росли весенние бледно-желтые нарциссы.

Она не могла поверить, что король обратился за помощью к чужестранцам, чтобы они сражались с ним против датчан. Викинги против викингов — это казалось невероятным! И теперь, когда она находилась в безопасности в королевской семье, было невозможно поверить, что захватчики опустошили ее дом, место, где она родилась, где жили ее родители.

Альфред скоро прогонит их, уверяла она себя. Но какое-то предчувствие наполняло ее сердце, и она дрожала против своей воли. Она никогда прежде не видела короля в такой ярости, как тогда, когда он узнал о сражении. Несомненно, он ей поверил, что она ничего не знала о приглашении. Господи! Ее люди погибли там, они лежали в лужах крови и отдали за нее свои жизни. И у них не было никаких шансов на победу, потому что большинство ее тренированных воинов и наемников были здесь по распоряжению короля.

Она себя убеждала, что он не позволит викингам оставаться в ее доме. Он не может допустить этого. Он был ее кузеном и защитником. Его честь не позволит свершиться несправедливости.

Конечно, ему трудно было признать себя виноватым. Он сказал, что позвал на помощь ирландского принца, но она видела только толпу кровожадных дикарей-скандинавов. И она поспешно начала молиться, чтобы король не пожалел в будущем о своем вероломном союзе. Неожиданно слезы потекли у нее из глаз. Вся Англия любила и уважала Альфреда. Он снова теснил врагов, и люди доверяли ему. Он поедет в Рочестер и освободит осажденный город, она была уверена.

И все же ее сердце дрогнуло снова. Она думала раньше, что ее отец никогда не умрет. Он был красивым и смелым воином, но... умер как обычный человек...

Дети смеялись. Пришла весна, и они чувствовали радость обновления жизни. Она

следила, как они бегали по высокой траве, буря в ее душе постепенно улеглась, и она даже позволила себе улыбнуться. Она любила маленького Эдмунда. У него были серьезные глаза отца и темные, коротко подстриженные волосы, но было что-то и от матери в этом красивом ребенке.

Она подумала, на кого будут похожи ее дети, на нее или на Рауена? У Рауена были красивые каштановые волосы и выразительные глаза с поволокой. Он был выше ростом, чем король, стройный, но сильный, и, как решила Рианон, — само совершенство.

Некоторое время она лежала на спине в траве, закрыв глаза, и молилась о его скором возвращении. Как только он обнимет ее, все устроится. Она забудет ночные кошмары и перестанет бояться чужестранца с ледяными глазами.

А когда король разделается с датчанами при Рочестере, она выйдет замуж за Рауена. Альфред был слишком занят войной, поэтому еще не дал своего согласия на их брак, но, когда он вернется из похода, она попросит, чтобы совершили оглашение в церкви. Альфреду нравился Рауен, она знала. Он не будет против. Он всегда благосклонно подшучивал над их любовными делами.

Это был сон наяву. Король вручит ее жениху, а Альсвита придет предупредить ее о предстоящей ночи. Но она любила его и не боялась брачной постели. Ей нравились долгие страстные поцелуи, и она хотела познать сладость остального. Она любила воображать себя с ним ночью, рядом.

Она вздрогнула, и ее мечты улетучились, потому что услышала стук копыт о землю. Эдмунд возбужденно кричал и тащил своих сестер по траве. Рианон поднялась на ноги и увидела, что ворота открываются. Король возвращался.

Рианон увидела Альсвиту, выходящую из дома. Она не бросилась навстречу мужу, а стояла и ждала. Альфред отдавал приказания людям, затем спешил, и когда грум взял у него лошадь, подошел поздороваться с женой. Рианон смотрела на них некоторое время, радуясь их любви, а потом стала вглядываться в толпу возвращающихся всадников, пока не увидела Рауена. Ее сердце устремилось к нему, потому что он выглядел усталым и очень несчастным. Как и Альфред и его вельможи — Аллен, Эдвард из Сассекса, Вильям из Нотумбрии и Ион из Винчестера, — Рауен направлялся к усадьбе следом за королем. Рианон подумала, что там будет что-то вроде собрания феодального совета. Но может быть ей удастся улучшить минуту, чтобы обменяться приветствием с Рауеном, прежде чем он войдет в зал.

— Дети, пойдемте, — позвала она. — Ваш отец возвращается домой!

Она бы могла и не говорить этого, потому что они бежали изо всех сил к усадьбе. Она сначала побежала вместе с ними, а потом пошла медленнее, соответственно своему положению. Но когда она подошла к дому, то ринулась в дверь так же быстро, как и дети.

Слуги уже были заняты, обнося элем короля и его людей. Альсвита сердечно приветствовала всех. Дети подбежали к отцу, требуя его внимания. Альфред взглянул на Рианон и отвел глаза, что изумило ее, потому что король всегда смотрел всем, будь то женщина или мужчина, прямо в глаза. Эдмунд подбежал к нему. Он крепко обнял своего сына и повернулся к Рианон спиной. Итак, он продолжал на нее сердиться. Но это была не ее вина.

Мне все равно, — подумала она. Но это было не так. Она любила его не потому, что он был королем, а потому, что ценила его человеческие качества. Ей нравился его быстрый ум, интуиция, она любила слушать, как он рассказывает о своих планах. Альфред мечтал об

Англии, где снова расцветут науки и культура.

Рианон наклонила голову, кивая Аллену, Эдварду, Вильяму и Иону. Она симпатизировала Иону и Эдварду, они оба были почти ее ровесники, веселые говоруны, всегда готовые ее защитить. Аллена она находила слишком суровым, а Вильям иногда наводил на нее страх. Он часто следил за ней, крутя свой красный ус, и тогда ей казалось, что он что-то замышляет. При нем она чувствовала себя неловко, но кивнула и ему, тем не менее. А они все смотрели на нее, и каждый был, казалось, очень печален, суров и серьезен. Она не могла этого понять: ведь они вернулись без потерь, было очевидно, что они вели переговоры с ирландским принцем.

Король все еще обнимал Эдмунда, поэтому Рианон решила, что может пройти мимо и попытаться найти Рауена. Она ускорила шаг, подошла к нему и раскрыла объятия.

— Рианон! — прошептал он с болью.

Что-то было не так. Она поняла это инстинктивно. Она посмотрела в глаза Рауена и увидела, что в них блестят слезы. Он даже не обнял ее. Он взял ее руки и отстранил от себя.

— Рауен, в чем дело?

— Я больше не имею права обнимать тебя, — мягко сказал он, и только тогда она поняла, что все в комнате смотрят на нее: король жестко и холодно, Альсвита смущенно, а другие мужчины печально и с замешательством.

Они все что-то знали, чего не знала она.

— Что произошло? — спросила она.

Что бы ни случилось, это должно было быть ужасно. Она снова посмотрела на Рауена. Его лицо напряглось от боли, он держал ее крепко, но далеко от себя. По ней пробежал холодок.

— Рауен!

— Это должен сообщить тебе король, — сказал он. Он оставил ее и обратился к Альфреду хриплым голосом:

— Я оставляю вас, сир.

Король кивнул. Рианон посмотрела на Альфреда, требуя взглядом ответа.

— В чем дело? — спросила она в последний раз.

Она старалась, чтобы ее голос не дрожал. И вдруг она поняла: они не смогли прогнать викингов с ее земли. «Викингов? — горько подумала она. — Нет, ирландцев. Король ведь настаивал на том, что захватчики были ирландцами».

— Мой дом, — сказала она, — потерян?

— Вы все оставьте нас, — приказал Альфред.

— Альфред, — начала была Альсвита.

— Оставьте нас, — повторил король жене.

Она слышала, как люди поворачивались и уходили. Она не могла их видеть, она встретила взглядом с королем. Она смутно поняла, что Альсвита зовет детей, и когда Рианон осталась с королем один на один, смертельный ужас заполнил ее сердце.

— Альфред, скажи мне! — воскликнула она хрипло.

На некоторое время она подумала, что он хочет успокоить ее, поговорить с ней ласково и попытаться смягчить жестокость слов.

Но он заговорил жестко, тоном, какого она никогда раньше не слышала.

— Ты должна выйти замуж.

Замуж! Она только что мечтала об этом. Но если ей нужно выйти замуж за Рауена, то

почему же в комнате возникло такое напряжение.

— Замуж? — повторила она, и тон ее был таким же холодным, как и его.

— Немедленно.

— За кого, могу ли я спросить, мой добрый король?

— Мне очень жаль, что я обидел тебя, но я делаю то, что должен. Я обручил тебя с Эриком Дублинским. Свадьба будет здесь, через две недели.

Она не могла в это поверить.

— Нет. Это какая-то шутка.

— Нет, Рианон, не шутка.

Ее охватил холод. Он намеревается отдать ее в жены какому-то незнакомому принцу. Ирландцу, чужестранцу с нормандской кровью. Он использовал ее как пешку в игре.

— Альфред, не может быть, что ты хочешь так поступить. Ты не можешь этого сделать. Я люблю Рауена, и он любит меня.

— Рианон, любовь — это роскошь, и я не могу тебе этого позволить в настоящий момент. Рауен понял, что у меня не было выбора. И ты должна понять.

Летели секунды. Она смотрела на него, пораженная до глубины души. В первый раз за всю свою жизнь она не знала, как ей вести себя с королем.

Мольба, — быстро подумала она. Она всегда была его любимицей. Она должна умолять его.

— Нет, пожалуйста, — прошептала она, вставая на колени. — Альфред, если я обидела тебя, я прошу прощения! И я прошу твоего милосердия! Пожалуйста...

— Перестань! Прекрати! — прорычал он. — Встань с колен. Ты меня ничем не обидела. Это не наказание. Ты поступишь, как я тебе велел! Я отдаю тебя сыну короля, правнуку великого короля Ирландии. Ты опозоришь меня, отказавшись от этой помолвки. — Он убрал руку с ее плеча и отвернулся. — Вставай.

Ошеломленная, Рианон уставилась на него. Она не могла поверить, что он будет так бессердечен с ней.

Она встала медленно, не сводя глаз с его спины. Ее голос задрожал, когда она сказала:

— Я не могу. Я не сделаю этого. Может быть, этот ирландский принц никогда и не сходил на наш берег, зато его приспешники разрушили мой город и поубивали моих людей. Я не выйду за него замуж.

Он повернулся в ярости:

— Выйдешь!

— Нет, — сказала она мягко, но выразительно.

Она застыла, прямо-таки оцепенела. Король не сердится на нее. Он не хочет ей отомстить, но и она не сможет настоять на своем. Он был человеком, обуреваемым страстями, он так решил, и отдал приказ. Ведь он был король.

— У тебя нет выбора, — прямо сказал он. — Если ты будешь продолжать спорить со мной, я запру тебя до свадьбы.

— Делай что хочешь, но я не пойду за него! — поклялась она.

— Ты сама заставляешь меня поступать так, Рианон. Она не ответила.

— Аллен! — резко позвал он.

— Что ты делаешь? — безнадежно спросила она.

Она не хотела выходить из себя, терять свое достоинство. А теперь он зовет человека, который ей меньше всех нравится, чтобы он что-то сделал с ней.

Она потеряла самообладание. Он был ее кузеном, ее покровителем. Слезы выступили у нее на глазах и покатались по щекам. Она очнулась и, забыв о приличиях, подбежала к нему, стала колотить его по груди. Он схватил ее за руки. Она встретила с ним взглядом, и ей показалось, что он даже рад этой вспышке ярости, потому что это было своего рода искуплением его вины.

— Альфред, которого все английские подданные величают Великим! — прошептала она уничтожающе. — Я никогда не прощу тебе этого! И никогда я не выйду замуж за этого человека!

В какой-то момент ей показалось, что он смягчится. Он хотел что-то сказать, и его рука шевельнулась, как будто он хотел погладить ее волосы. Но он ничего не сделал. Он отодвинул ее от себя.

— Аллен! — снова позвал он.

Аллен пришел, когда его позвали дважды. Рианон не отводила взгляд от короля. Аллен коснулся ее руки, но она резко освободилась и снова приблизилась к королю.

— Я этого не сделаю! Ты не можешь меня принудить! Я убегу к святым сестрам, я буду искать прибежища в Париже. Я убегу к датчанам!

Последнее заявление привлекло внимание короля. Он обернулся и подошел к ней.

— Нет, леди, вы этого не сделаете. Я буду держать вас под замком до того момента, когда состоится свадьба. И если вы будете настаивать на этой подлости, я возблагодарю Бога, что ваш будущий муж больше викинг, чем ирландец. Уж он-то примет все необходимые меры, чтобы заставить вас замолчать! Аллен! — прорычал он. — Уберите ее с глаз моих!

Аллен сильно схватил ее руку выше локтя. Она обернулась к нему и заметила в его глазах насмешку: он получал удовольствие от ее страданий.

— Оставь меня, Аллен! — потребовала она. — Я сама пойду куда нужно. Руки прочь от меня!

Его губы растянулись под усами, взгляд потяжелел.

— Леди, следите за своими выражениями! — предупредил он ее.

— И не собираюсь! — огрызнулась она.

Она вырвала свою руку и прошла мимо него, распахнув рывком дверь. Через секунду он оказался позади нее. Он уже схватил ее за руки, когда Эдвард догнал их обоих.

— Позвольте мне вести вас, — попросил он. Она не смотрела на Аллена, но, вероятно, он уступил, потому что повел ее Эдвард.

— Мне жаль, Рианон, — сказал ей Эдвард. — Правда, очень жаль.

— Куда ты меня ведешь?

— В летний домик.

Это была маленькая постройка, которую обычно использовали под склад, и которая стояла на склоне долины. Домик был совсем пустой, там было только одно окно. Только одно-единственное окно, через которое свет проникал внутрь.

— Не запирай меня! Позволь мне убежать! — попросила она.

— Ты же знаешь, я не могу, — грустно ответил Эдвард.

Она постаралась распрямить плечи и вошла в дом. Со стуком захлопнула за собой дверь и опустилась на грязный пол.

А потом зарыдала, стараясь сдерживаться, чтобы охранник не мог услышать ее плач. Она проплакала в тишине, пока не стемнело. Никто к ней не пришел. Никто даже не принес

капли воды. Она просидела всю ночь в тишине, предаваясь своему горю.

Потом она поспала, но сны были заполнены страхом. Ирландский принц отдал ее своему приспешнику, и тот преследовал ее. Стрела торчала у него из бедра, кровь лилась ручьем по его ноге, и он кричал ей: «Молитесь, леди, чтобы мы никогда не встретились снова!»

Утром к ней пришла королева. Рианон была бледной и уставшей. Она сказала Альсвите, что хочет видеть короля.

Альфред предал ее. Альфред бросил ее врагам на растерзание, но она не даст согласия на брак. Каким-нибудь способом она убежит от него.

Альсвита привела ее к Альфреду. Рианон преклонила перед ним колена и прошептала, что уступает его воле.

Она не могла смотреть ему в лицо, потому что лгала, но ложь была ее единственной дорогой к свободе.

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Он тихо сказал, что рад и благодарен, что он любит ее и всегда будет с ней.

«Я тебя ненавижу!» — мысленно кричала она.

Но в действительности у нее не было ненависти к нему. Она вспомнила своего отца, она знала, что Альфред может найти смерть в любую минуту. Она крепко обняла его в ответ. Она не могла повиноваться ему, но его любила.

Все-таки она не простит ему того, что он сделал. Казалось, ее сердце превратилось в лед. Он был жесток. Рианон знала, что, если она не притворится, будто подчинилась его воле, у нее будет мало шансов изменить свою судьбу.

Ведь она уже вырвалась на свободу из летнего домика.

На следующее утро она пошла в конюшню. Ей очень хотелось взять оседланную лошадь, на которой она сюда приехала, и ускакать на ней со скоростью ветра, на север или на юг, все равно. Но она знала, что ей нужно быть терпеливой и хитрой. Она так боролась с королем, когда он сообщил ей свое желание, что теперь трудно будет заслужить его доверие. Сегодня она просто останется здесь на все утро и будет гладить мягкие носы лошадей, будет разговаривать с ними шепотом и выберет себе лошадь. Ей нужна самая сильная и самая быстрая, когда придет время бежать.

Она улыбнулась, остановившись у стойла, где стояла чалая лошадь. Не самая лучшая, но однажды уже спасшая ее. Она остановилась, чтобы погладить животное, как вдруг услышала, что кто-то шепчет ее имя.

— Рианон!

Она обернулась. Она узнала голос. Рауен стоял перед ней, высокий, красивый в своей льняной сорочке, короткой кожаной жилетке и облегающих штанах. При нем был меч, глаза были грустны. Его лицо было пепельно-серым, и она подумала, что ему потребовалась определенная смелость, чтобы прийти сюда после того, как король объявил о ее дальнейшей судьбе.

Она бросилась к нему. Его руки крепко обвили ее вокруг нее. Он поднял ее, отнес к стогу сена, и они легли рядом. Он держал ее в объятиях. Она подвинулась и коснулась его вьющихся волос, которые спадали до плеч, затем нежно погладила его бороду.

— Рауен, — прошептала она и всхлипнула.

Он видел слезы в ее глазах, провел пальцем по ее губам. И тогда она вдруг вспомнила, почему так полюбила его. Он был среди людей, которые возвращались с телом ее отца на

побережье, когда Гарт нашел свою смерть. И когда она упала на его тело в слезах, Рауен поднял ее. Когда ужас переполнял ее, он взял ее на руки. И в последующие дни он рассказывал ей о храбрости ее отца. Он как бы вернул ей Гарта, и только за это она могла бы восхищаться им.

Он отодвинулся. Ее щеки зарделись, когда он пристально смотрел ей в лицо, как будто хотел запечатлеть его в своей памяти и в своем сердце. Она почувствовала новый приступ страха, когда вдруг поняла, насколько безоговорочно он подчиняется воле короля, она поняла, что с этим ничего не может поделать.

— Нам бы нужно было пожениться раньше, — невнятно сказал он. — Если бы мы поженились раньше, король не смог бы поступить как сейчас.

— Но ведь еще ничего не свершилось, — сказала она тихо.

— Рианон... — Он прижал ее спиной к сену и подвинулся к ней. Она внезапно поняла. Запах сена стал сильнее, она услышала стук лошадиных копыт в стойлах. День был нелепо прекрасный. В Уэссексе была весна, трава зеленела, ручейки журчали. И она любила мужчину, который был рядом.

Если их схватят вместе, то обоих обвинят в нарушении воли короля. А если смотреть глубже, не только воля Альфреда, но и его честь были поставлены на карту, а возможно, — и жизнь Рауена.

Она поднялась с сена.

— Рауен, если кто-нибудь видел, что ты пришел сюда... Я боюсь...

— Тише. Никто меня не видел. Я не стал бы рисковать твоим будущим.

— Моим будущим!

Она снова бросилась к нему. В его объятиях она чувствовала себя любимой и защищенной.

Она пожалела, что не отдалась ему раньше. Теперь она не верила в порядочность, ее продали язычнику, и поэтому честь для нее мало что значила. Может быть, она уйдет отсюда с единственным сладким воспоминанием, что была любима. Она нежно улыбнулась ему.

— Не думай о моей чести, любовь моя, потому что, как оказалось, она мне не принадлежит. Я боюсь за тебя, милый Рауен. Воля короля.

— Да, воля короля, — согласился он бесстрастно. — А я остался в дураках.

— Я не выйду за него, — поклялась Рианон. Она опустилась на колени, и прижалась лицом к его груди.

— Боже, я мог бы быть твоим мужем, — выдохнул он.

— Я не собираюсь выходить за него замуж. Я собираюсь бежать. Мой дорогой Рауен, — сказала тихо она.

Она не чувствовала его страсти, но чувствовала его боль; она бы с радостью упала с ним в сено и забыла обо всем на свете. Но вдруг она услышала громкий смех и поняла, что люди идут к конюшне.

— Рауен! — воскликнула она.

— Я тебя не оставляю!

— Ты должен! — она оттолкнула его от себя. — Ради Бога, Рауен! Пусть твоя жизнь будет залогом нашей любви.

Он все еще не двигался. Она вскочила на ноги, намереваясь убежать из конюшни, но когда увидела его отчаянный взгляд, кинулась к нему обратно.

— Мы еще будем вместе, — тихо сказала она. — И я не выйду замуж за завоевателя,

который разорил мой дом!

После этого она быстро выбралась из конюшни и оказалась на лугу.

Солнце стояло высоко. Новорожденные ягнята блеяли в полях. Весь Уэссекс благоухал весной. Но она убежит, поклялась Рианон. Когда отряд ирландцев подойдет близко, а король и его двор будут заняты приготовлениями к свадьбе, она убежит.

Дни шли, Альфред и Рианон вели молчаливую холодную войну. Рианон стояла спокойно, примеряя прекрасное свадебное платье, длинное и белое, олицетворение чистоты, с опушкой из темного горноста; сорочку тонкого шелка, привезенного из Персии. Король подарил ей диадему из аметистов, но она даже не поблагодарила его. Ее не покидала мысль о побеге.

Когда до свадьбы оставалось каких-нибудь три дня, Альфред зашел на женскую половину, где девушки усердно работали, нашивая драгоценные камни на ее платье. Король посмотрел на нее, и она ответила ему холодным взглядом. Ее сердце сильно заколотилось.

Когда Альфред вошел в комнату, он поднял руку в знак того, что хочет остаться с ней наедине. Девушки поклонились и вышли. Рианон осталась стоять, высокая, гордая и хрупкая в белом одеянии.

— Ты действительно смирилась с моим решением?

И опять она не смотрела ему в лицо. Она опустила глаза.

— Вы же приказали...

— И ты слушаешь меня?

— Я всегда вам повинуюсь.

— Это не совсем так. И ты мне этого не простила.

Она подняла глаза, и в них была страсть.

— Нет, я не могу простить вас!

Он сжал кулаки, и у него вырвалось гневное восклицание.

— Рианон, это ведь и для меня не так просто!

— Да, сир, вы всегда любили грязь больше, чем людей.

— Да! — бросил он сердито. — Да, я люблю эту грязь, эту землю Англию.

Он схватил ее за руки и потащил к окну, которое выходило на восток, где холмы убегали вдаль в весенней красоте, покрытые бледно-желтыми нарциссами и лиловыми фиалками.

— Да, леди, я люблю эту землю! Твой отец сражался и погиб за нее, и, хочешь или нет, ты должна признать, что и ты ее любишь. Ты разделяла мои мечты — мечты о времени, когда музыка будет звучать в лесах, когда люди научатся читать, когда расцветут искусства. Но сначала я должен прогнать этих датчан с нашей земли. Клянусь Господом, Рианон! Он говорил взволнованно.

— Ты выросла в благородной семье, и знаешь, что у нас свадьбы бывают лишь союзом и редко совершаются по любви. Ты выросла, чтобы исполнить свой долг и почитать своего короля. Ты должна понять, что на карте будущее всей Англии.

Она несколько секунд серьезно смотрела на него.

— За всем этим вы не видите людей, — наконец сказала она сурово. — Да, я разделяла ваши мечты, но у меня были и свои. Но теперь вы, мой король, отбросили все надежды и мечты о счастье беззаботно и безжалостно.

— Я же предлагаю тебе в мужья не древнего старца, а зрелого мужчину, принца из благородного дома.

— Викинга!

Король на некоторое время замолк. Она увидела, как его кулаки сжались, а потом разжались.

— Ирландца. Но я бы предложил тебе самого Сатану, если бы это было необходимо. Я очень сожалею, Рианон, мне жаль и Рауена и тебя. Но, к несчастью, женщины, и вы, леди, в их числе, тоже принадлежат своей родине. Д я уже выглядел глупцом, когда твои люди вероломно набросилась на приглашенных гостей.

— Альфред, я же говорила тебе...

Он поднял руку, останавливая ее.

— И я тебе поверил. Однако я очень обеспокоен, потому что твой будущий муж знает, что инициатором этой битвы была ты.

— Я решила, что меня атакуют! Корабли с драконами...

— Мы не будем говорить об этом сейчас. Но ты не будешь еще более ухудшать положение. Я обещал тебя этому человеку, и ты поможешь мне сдержать обещание. Я тебе не верю, Рианон. Боюсь, что ты откажешься от него во время венчания. Я люблю тебя, как своих детей. И если ты опозоришь меня сейчас, если ты обесчестишь меня, это вызовет реки крови твоих людей, я отвернусь от тебя навсегда и прокляну от всего сердца. — Он стоял молча некоторое время, наблюдая за реакцией на свои слова. — Прощай, Рианон.

Он слегка поклонился и ушел. Слезы навернулись ей на глаза, она почти готова была побежать за ним. Она не могла выдерживать этот холод между ними: она потеряла все, а теперь теряет и Альфреда тоже.

В ту ночь она не спала. Она лежала без сна и вспоминала слова короля. Перед ней возникли кошмарные видения кораблей с драконьими головами, которые сначала плыли по морю, а потом выбрались на берег. Драконы надвигались на нее, изрыгая огонь, они были похожи на змей. Она проснулась, дрожа от страха, и снова поклялась себе, что не выйдет замуж за викинга.

Но в противном случае и по ее вине прольется кровь. Она больше не могла ни думать, ни чувствовать. Утром она последовала за Альсвитой на оглашение, шепча про себя, что не исполнит воли короля. Отец Годфри просил ее говорить громче, но она не могла. Она выбежала из церкви.

Она должна увидеть Рауена. Одного. Еще только один раз. Она уже вкусила любви. Она еще не простила короля, но теперь уже не была уверена, нужно ли ей бежать. Если она убежит, ирландцы захотят отомстить за свою честь и за короля, у них не будет другого выхода.

Она часто вспоминала своего отца, который больше жизни любил ее мать, поехал освобождать ее и освободил. Рауен, она знала, не выступит против Альфреда.

Каждый день причинял боль, а свадьба все приближалась. Они виделись почти каждый вечер, но на расстоянии. Их глаза встречались через сервированный к ужину стол в зале, и она знала, что король внимательно наблюдает за ними. Рауен обычно горестно опускал голову.

— Укради меня! — хотелось ей закричать ему. — Увези меня отсюда на быстрой лошади, и мы сможем жить вместе с горах Уэллса. Она не слышала ни волюнок, ни лютни, которые играли во время обеда, она не слышала сенешалей, которые рассказывали легенды о храбрости и величии. Она смотрела только на Рауена и мечтала о коне, который умел бы летать.

Рауен не пришел, чтобы увезти ее отсюда. Но, несмотря на то, что он явно избегал ее во

время обедов, однажды вечером он подошел к ней, низко поклонился, сделав вид, что поднимает упавший нож, и прошептал ей:

— Я должен увидеть тебя!

Сердце ее остановилось.

— Встретимся на рассвете. У расщепленного дуба у ручья.

Она кивнула, ушла к себе в комнату, вся в огне, с сильно бьющимся сердцем. Она не спала, а лежала, терзаясь. Она может спасти свое сердце, но обесчестит короля. Или же должна выполнить свой долг и сохранить его честь, но навсегда погубить свою душу.

Когда она уснула, снова ожили корабли с драконами. Она попала в глубокую яму, полную змееподобных драконов, и кричала, пытаясь выбраться из нее. А наверху стояли король и его придворные: Аллен, Вильям, Джон и... даже Рауен. Они наблюдали за ее борьбой и слушали ее крик. Она выбралась из ямы, но сильная рука схватила ее. Взгляд встретился с голубыми глазами, которые пристально смотрели на нее, и она приготовилась снова закричать. Раздался взрыв хохота, ее подняли вверх, в какой-то клубящийся туман, ее взял на руки золотоволосый викинг огромного роста с бронзово-загорелой грудью.

«Молитесь, леди, — шептал он, — чтобы мы никогда больше не встретились снова».

Она закричала и проснулась.

Ее била дрожь весь остаток ночи.

Кто бы ни был этот ирландский принц, он наполовину язычник. Альфред слишком многого от нее хочет. Она не может отличить норвежца от датчанина. Все они викинги.

А тот человек с ледяными голубыми глазами наверняка был одним из приближенных принца. А она почти убила его.

Она хотела просить языческого принца о милосердии. Нет, ее гордость этого не перенесет.

Она огляделась. Она была в комнате, где так часто смеялась с Альсвитой и детьми, где любовь согревала ее.

Тепло комнаты исчезло. И тепло ушло из ее жизни.

Эрик сидел на красивом белом скакуне и смотрел на юг, на побережье, пристальный взгляд его голубых глаз оценивал и одобрял все, что видел. Его плащ раздувался от ветра и соскальзывал с плеч, позволяя видеть широкие плечи и гордую осанку.

Перед ним возвышались стены города. Морской ветерок овеивал лицо, брызги соленой воды попадали на щеки, и это ему нравилось.

— Земля, как женщина, — сказал однажды ему отец, — она влечет и соблазняет так, что невозможно устоять.

А эта земля зывала к нему.

Рот его скривился в легкой улыбке.

Когда-то в детстве они с Лейфом затеяли шуточную битву, размахивая деревянными мечами, Лейф уронил свой меч, и Эрик, выступив вперед, объявил себя победителем.

— Нет, ты невежа! — протестовал Лейф и у него играла на губах насмешливая улыбка.

— Что? Нет, в чем дело? Я — не невежа. Скорее, я очень воспитанный человек, потому что я победил тебя.

— Невежа, ты меня не победил. Потому что я буду королем, а ты, младший брат, моим вассалом. Ты будешь сражаться за меня, и повиноваться мне.

— Я не буду никому повиноваться! Я сам буду распоряжаться своей судьбой!

Эрин, сидевшая поодаль с их маленькой сестричкой, пока мальчики играли, поднялась и встала между ними. Эрик повернулся и упрямо стиснул зубы.

— Он, правда, будет королем, мама?

— Да, будет. Но сначала вы оба будете честно служить своему отцу — многие годы, даст Бог.

— Я всегда буду почитать отца, — проворчал Эрик.

— И твой брат тоже, — мягко сказала Эрин.

Он помолчал, а потом опустил на одно колено перед братом.

— Лейф, я буду почитать тебя, так же, как чту нашего отца. Да, я всегда буду защищать тебя своим мечом. До тех пор, пока у меня не будет собственного королевства, вот. — Он посмотрел на мать. — У меня будет своя страна?

Она улыбнулась:

— Твой отец — король. Твой дед тоже был великим королем. И, конечно, у тебя будут владения, которые ты назовешь своими собственными.

Он подошел к ней и обнял ее.

— Пусть они не жалеют меня, мама. Я завоюю себе земли. Как мой отец, я пойду в поход викингом, и найду землю, которая будет мое собственностью.

Эрин взяла на руки своего упрямого ребенка и крепко прижала к груди.

— Ты — ирландец, мой дорогой. Мы все увидим, что у тебя будет земля в этой стране — здесь.

— Нет, мама. Я должен найти свою собственную.

— Пройдут годы, пока...

— Отец меня поймет.

И отец действительно понял его. Они все выросли и начали воевать. Эрик ходил на многих кораблях викингов, собрал собственное войско и добыл великие богатства. Но

завоевать землю ему пока не удавалось, землю его мечты.

А теперь она расстилалась перед ним, огромный и щедрый дар. Он должен сражаться и защищать эту землю, и тогда она будет принадлежать ему. Он должен завоевать ее... и назвать женой эту огненную змею, которая, возможно, предала своего короля. Это было частью договора и казалось совсем недорогой платой за мгновение, наполнявшее его душу.

Глядя на бухту, луга и скалы, сияющие в весеннем блеске, он почувствовал, что должен быть великодушным. Он предложит ей мир. Он задумался, возможен ли между ними мир, и припомнил, как она смотрела на него, и в глазах ее сверкали серебряные молнии, вспомнил, с какой страстной ненавистью она с ним говорила. Нет, мира между ними быть не может.

Он пожал плечами, отгоняя эту мысль. Ей редко придется его видеть. Он будет обращаться с ней благородно, предоставит ее самой себе и ее ненависти. Но они будут соединены Богом, — подумал он, — и снова его заполнили радостное возбуждение и страсть к земле. Земли нужны, чтобы создавать великие династии, и он тоже стремится к этому, он скитался по свету достаточно долго. Сейчас ему нужны именно эти земли.

Интересно, почему же учавился его пульс? Почему жар охватил его тело? Ведь эта женщина не вызвала в нем нежности, но, оказывается, добралась до каких-то; тайников его сердца. В гневе, преодолевая боль, он чувствовал, как желание разливается по его чреслам. Он хотел ее, но ему не нравилось, что это желание шло из глубины его души. Подобное он уже испытывал в юности. Он гордился народом своего отца, также как я народом, к которому принадлежала его мать. От отца он многое узнал о культуре викингов, о разнообразных талантах этих морских бродяг. Возвращаясь из военных походов, они становились прекрасными строителями. Летом они обрабатывали землю, а когда дули зимние ветры, занимались резьбой по дереву. Они складывали саги о битвах и бесстрашных героях. Они создавали законы, строили города и вели торговлю с другими народами.

Он крепко стиснул зубы. Они не были дикарями. Они не были язычниками.

— Эрик!

Ролло догнал его. Эрик повернул своего красавца коня. Длинная цепочка людей растянулась позади него в ожидании.

— Мы едем в Варенхем! — сказал он. Он поднял щит с гербом Волка и издал военный клич. Раздался ответный крик, разнесшийся по ветру и отдавшийся эхом. Белый конь встал на дыбы и захрапел.

Земля содрогалась, когда отряд скакал в Варенхем. Эрик задумчиво ехал впереди. Он вел своих людей по холмам и долинам и по дорогам, проложенным еще римлянами, пробираясь через густой лес. И всю дорогу он чувствовал землю. Он ехал по весенним цветам и плыл по свежему воздуху. Молодые олени прыжками убегали от него, а однажды он вспугнул фазана, который, резко захлопав крыльями, поднялся из высокой травы в небо.

С приходом темноты они уже были недалеко от Варенхема. Эрик приказал отряду остановиться и разбить лагерь на ночь. Он мог различить стены королевского дома впереди, но еще не был готов войти туда. Ему хотелось побыть одному, чтобы поразмыслить.

Они разожгли костры и стали готовить еду. Эрик держался в отдалении, прислонившись к дереву, попивая английский мед и глядя на огни в резиденции короля, окруженной стеной и разными постройками. Он восхищался Альфредом. Король Уэссекса был человеком действия, жаждущим великих дел, но при этом страдающим при мысли о крови, которую он бывал вынужден проливать.

Эрик сделал большой глоток меда и думал, что получится из его брака. Он опасался, что

девушка решится опозорить своего нареченного, и кровь станет неизбежной. Церковное оглашение уже состоялось, и теперь на карту поставлена не только его честь, но и честь его людей. Он пожал плечами. Королю он доверял. Альфред не рискнет еще раз оскорбить его.

— Будьте осторожны, милорд!

Он оглянулся, поняв, что Мергвин последовал за ним. Друид стоял во весь рост. Свет луны падал на него, освещая его волосы и бороду, и тень делала его похожим на безумного колдуна.

— Я всегда осторожен, Мергвин. Если ты пересек море только для того, чтобы напомнить мне об опасности, которая может подстергать меня сзади, то этот урок я выучил хорошо.

Мергвин не улыбнулся, но и не ушел.

— Сегодня я снова перебирал твои руны.

Эрик поднял свой кубок повыше:

— И что?

— Хегалес, а потом — пустая руна.

— Хегалес предупреждает о шторме, бурях и большой силе, о громе и молниях. И мы знаем, что должно произойти, потому что едем сражаться с датчанами у Рочестера.

— Однажды я прочел такие же руны для твоей матери, — пробормотал Мергвин.

Эрик подумал, что старик начинает все путать, почтенный возраст сказывается на нем. Казалось, он жил всегда, потому что Мергвин служил еще его деду Аэду Финнлайту, когда сам Эрик был еще мальчиком. Он произнес с нежностью, потому что он очень любил своего древнего наставника.

— Не бойся за меня, Мергвин. Я всегда встречаю опасность лицом к лицу и не боюсь смерти. Нет, скорее, я опасаясь жизни, в которой человек может позабыть, что смерть всегда подстерегает его, будь он отважным героем или презренным трусом. Я буду следить, кто у меня за спиной, сражаясь с датчанами. Я буду сражаться рядом с Ролло, и мы вместе будем стоять насмерть. Мергвин подошел ближе. Он оперся о дерево и вдохнул.

— Надвигается темнота. Собираются тучи, я больше ничего не могу увидеть.

— Тучи — это часть жизни.

Друид отступил на шаг, сердито взглянул на Эрика и погрозил ему пальцем.

— Будь осторожен, потому что где-то близко предательство. Враг не тот, кого ты видишь, враг — тот, кого ты увидеть не можешь.

— Мергвин, — сказал устало Эрик. — Я приму во внимание все твои предупреждения и буду очень осторожен. Но сегодня я сильно утомлен.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он похлопал старика по спине и повернулся, чтобы уйти.

Сейчас ему не хотелось быть с этим человеком. Он искал убежища в темноте и одиночестве ночи.

С ним был Мститель, потому что наставления друида не пропали даром: Эрик был всегда осторожен. Он шел, пока не достиг журчащего ручейка и сел там, прислушиваясь к звукам воды. Это была убаюкивающая, мирная музыка, успокаивающая его взволнованную душу. Он расстелил плащ и улегся на него.

Наступил рассвет.

Рианон тайком покинула усадьбу. На ней была теплая накидка, но она знала, что ей не понадобятся драгоценные камни, которые так тщательно пришивали к ее подвенечному

платью.

Она встретится с Рауеном. Она встретится с ним, потому что любит его, потому что они мечтали быть мужем и женой. Она встретится с ним, потому что и он любил ее, и потому что она должна проститься с ним навсегда. Она больше не мечтала о побеге.

Она не станет бежать с ним.

Но не страх перед Альфредом заставлял ее подчиниться его воле. Это был страх перед кровопролитием, которое начнется, если она откажется от чести стать супругой ирландского принца. Альфред будет вынужден воевать с человеком, которого призвал на помощь против датчан. Бесконечное множество людей найдет тогда смерть. И она и так достаточно встречалась с ней.

А если эти ирландские викинги и люди Уэссекса уничтожат друг друга, датчане, в конце концов, одержат победу. И она не могла без ужаса подумать о том, что ответственность за это ляжет на нее.

В конюшне она поспешно оседлала серую в яблоках кобылу и выехала за ворота. Если конюхи и не спали, они не заметили ее. Часовой у ворот приветственно махнул рукой, пропуская ее.

Она ждала у дуба.

На востоке занималась заря, а Рауен не приходил. Сердце ее сжимала тоска, она горевала о том времени, когда они были вместе. Рауен был еще одной причиной, почему она не могла убежать. Если их поймают, его убьют. Если разразится война между англичанами и ирландцами, кровь падет на ее голову. Она мечтала о свободе, боролась с искушением, но бежать не могла.

Она услышала шум в кустах и повернулась, боясь, что будет схвачена людьми короля, и одновременно надеясь, что наконец-то пришел ее возлюбленный.

— Сердце мое!

Внезапный шепот наполнил ее радостью. Она побежала через кусты ему навстречу. Она бросилась в его объятия, забыв, что скоро станет женой другого. Он не оттолкнул ее, и на некоторое время она забыла, что пришла попрощаться. Он крепко прижался ртом к ее губам и впился в них. Его пальцы пробежались по ее волосам, он заглянул ей в глаза, поцеловал ее снова, нежно раздвигая ее губы языком и проникая в глубину ее рта.

Это ведь всего только поцелуй, — пронеслось в ее мозгу. Сладкие воспоминания, которые она пронесет через пустые, причиняющие боль годы.

Бог ее поймет, простит.

Она должна выйти замуж. Официально вступить в брачный союз по христианскому обычаю.

Но сердце ее разрывалось на части, и она не могла заставить себя оторваться от поцелуя Рауена.

Тогда он сам оторвался от нее. Он прижал ее к своей груди.

— Я тебя люблю, — сказала она, подавляя рыдания. — Я так нежно люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя. Мы должны быть вместе.

— О Рауен! Мы не сможем быть вместе — никогда!

Казалось, он ее не слышал. Он обнял ее еще крепче, нашептывая нежные слова. Они медленно легли на высокую траву. Уже почти наступил день, но никто их не искал. Рианон забыла все свои страхи, забыла, что их могут обнаружить, что она теперь невеста викинга. Кому они могли сделать больно, разделив эти последние минуты в разговорах, шепоте и

вздохах, кого они могут оскорбить своим последним поцелуем или несколькими поцелуями?

Рауен, милый Рауен, смотрел на нее, глядя ее по щеке. Он вздохнул.

— Не нужно мешкать! Мы должны торопиться! — сказал он.

Он все еще не понял. Он все еще думал, что она пришла, чтобы убежать с ним. Она грустно покачала головой, Рауен нахмурился.

— Мы должны поспешить, любовь моя, потому что нас скоро хватятся. Я готов отдать жизнь за тебя, но я предпочел бы быть подле тебя живым.

— Пропади он пропадом, этот король! — с жаром воскликнула она.

— Любовь моя, не говори так. Это несправедливо по отношению к нему.

Он целовал кончики ее пальцев, а она смотрела с любовью на его лицо, стараясь запечатлеть в памяти его мужественные черты.

— Черт с ним, Рауен, — повторила она, — а то, что мы сейчас вместе, дурно, даже если это просто расставание. Как могу я навредить ему простыми словами?

— Но мы убежим.

— Нет, Рауен, послушай меня. Мы не можем так поступить!

Потребовалось некоторое время, чтобы смысл ее слов дошел до него.

— Он нас настигнет, — прошептала она печально. — Он может убить тебя.

— О любовь моя! Я не могу спокойно отпустить тебя!

— Ты должен. Боже мой, Рауен! Я все тщательно взвесила. У меня нет выбора, иначе будет кровавая резня! Если мы поступим, как решили, это произойдет непременно. О Рауен, то, что я причиняю тебе боль, разбивает мое сердце!

Это действительно причиняло ему боль, потому, что во взгляде его была такая мука, что душа ее разрывалась на части.

— О Рауен, — воскликнула она. — Мое сердце останется с тобой навсегда. Я так тебя люблю!

— Боже, но ведь и я люблю тебя! — клялся он, и в его словах было столько страсти и боли, что она снова очутилась в его объятиях, крепких и неистовых. И снова его губы нашли ее. Поцелуй был долгим, сладким, дурманящим.

А потом... дальше...

Она так и не поняла, почему она поддалась искушению, почему зашла так далеко. Вероятно, всему виной горечь разлуки, отчаяние разбитой любви! Она гладила его обнаженные плечи, а он ласкал ее нагое тело, потому что ее платье и плащ уже лежали у ее ног. Она повторяла шепотом снова и снова:

— Я люблю тебя, я люблю тебя! Я отдана злему чудовищу, отвратительному негодяю-викингу, но я люблю тебя.

Потом она услышала его шепот, нежный, жаркий. Она вдруг осознала, что они делают, но она не чувствовала стыда. Она любила его. И слова, полные любви, срывались с его губ.

Но она знала, что у них нет на это права. Она предназначена другому мужчине. Он заключит с ней союз перед Богом.

— Рауен! — ее щемящий крик остановил его. Их взгляды встретились, и он увидел тоску в ее глазах.

И страсть, пылавшая в них, угасла. Он крепко, но нежно держал ее в объятиях.

В эти минуты она не чувствовала себя виноватой. Она крепко прижималась к нему, слушая пение птицы и думая, что сохранит эти мгновения в своем сердце навсегда.

Она и не подозревала, что они были совсем не одни.

Эрик, принц Дублинский, стоял в двадцати шагах от них, мрачный и спокойный. Ночью ему снились змеи.

Зловещие создания, они поднимали головы, окружая его, и он схватил меч, чтобы их убивать. Он поражал их со всей силой и страстью, но они снова и снова возникали из-под земли. Рядом с ним была Эминия, он знал, что она лежит возле него, он ощущал нежные прикосновения ее волос, ее ног. Он сражался со змеями и убивал, убивал и убивал их. Но когда он коснулся Эминии, мучительный крик вырвался у него. Она была в крови, и кровь лила ручьем. Он взял ее на руки, попытался вдохнуть в нее жизнь, но кровь поднималась как море, лилась бурным потоком. И тогда он понял, что это была не Эминия, а совсем другая женщина, и ее волосы опутывали его. Он попытался убрать пряди окровавленных волос с ее лица, но она начала тонуть во все прибывающем море крови. Змеи увлекали ее ко дну. Он все-таки схватил ее, и она снова закричала...

Он проснулся в холодном поту и вскочил на ноги, сжимая в руке свой верный меч.

В конце концов, он успокоился и посмеялся над собой за то, что взволновался из-за сна, тогда как хладнокровно мог бы встретиться с целой армией датчан.

Он лег снова, взглянул на луну, и сон улетучился, уступив место воспоминаниям.

Наконец он снова заснул, на этот раз глубоко.

Он почувствовал наступление утра, почувствовал лучи солнца — первый поцелуй восхода. Услышал легкое журчанье ручья и продолжал дремать. В этом приятном состоянии он услышал и какой-то шум в роще. Звук был неясный, но, как он понял, не представлявший собой никакой опасности, поэтому он не спешил подняться. Пришла какая-то девушка, сообразил он сквозь сон. По-видимому, она искала уединения и не была склонна составлять компанию кому бы то ни было. Что ж, пусть будет так. Он не нарушит ее одиночества, потревожив ее своим присутствием.

Но к ней приблизился мужчина.

Он услышал обрывки их шепота. Он хотел, было оставить любовников наедине, но тогда он обязательно спугнул бы их.

Он увидел, как с нее спали одежды. Он увидел прекрасную соблазнительную спину, наготу которой не могли прикрыть ее длинные волосы, заплетенные в косу и уложенные пучком. Она была поразительно красива, ее груди были как раз на уровне его глаз, крепкие ягодицы напоминали по форме груши, а чуть ниже тонкой талии, с обеих сторон находились две нежные ямочки. Шея была длинной и изящной, а плечи очерчены красиво и мягко. Он затаил дыхание, глядел на нее, и снова решил уйти, не желая беспокоить пару, благословенную, казалось, самим небом.

А потом он ясно услышал их разговор и мгновенно понял, кто эта женщина.

Рианон. Его нареченная.

Вспышка неистового гнева ослепила его.

Он овладел собой. Он не хотел вмешиваться в ее жизнь, но она была отдана ему, а все, что ему принадлежало, он не уступал никому.

Она должна стать его женой!

Ярость переполняла его, но он старался с ней справиться.

Может, эти двое приходили сюда не раз и занимались тут любовью.

Но он не даст им обесчестить себя, ни сейчас, ни когда бы то ни было. Он вскочил, сжимая меч, пусть этот юный вертопрах вступит с ним в поединок.

Но он не успел добраться до любовников, потому что тихий звук журчащего ручья

внезапно был прерван звуком лошадиных копыт.

— Ищите их, — закричал кто-то. — Именем короля, схватите их!

Рианон вскрикнула и вскочила на ноги. У нее не было времени, чтобы одеться, но ее возлюбленный, поднимаясь, накрыл ее своим плащом.

— Беги, — подгонял он ее. — Беги к опушке!

— Нет, меня король не убьет. Это тебя он может лишить жизни! О Рауен, если с тобой что-нибудь случится...

— Беги, — приказал ей молодой человек. Он подтолкнул ее в ту сторону, где стоял Эрик.

— Нет, прежде ты! Беги ты! Если нас не найдут вместе, тебя не смогут обвинить в моем исчезновении, или... — она запнулась, и печально умолкла.

— Я убегу, — пообещал он и снова подтолкнул ее вперед.

Она побежала, спотыкаясь, через лесной кустарник. Эрик стоял неподвижно, подавляя ярость, бушевавшую в нем. Всадники прокладывали себе путь по высоким травам, и он знал, что она не сможет убежать от них. Она вошла в ручей и окаменела, остановившись прямо перед ним. Она увидела край его плаща, и схватилась за него.

— Сэр, милорд, умоляю вас, помогите мне! Мой покровитель отдает меня в жены негодяю-викингу, и мне нужно скрыться от погони сейчас. Пожалуйста! Я проведу всю свою жизнь с грязным животным, а я...

Ее серо-голубые глаза, наконец, остановились на нем в изумлении. Он понял, что она узнала его, но все еще не ведает, кто он. Ее изумление сменилось леденящим страхом, и ее кожа цвета слоновой кости стала белее снега.

Рианон с ужасом поняла, что попала в руки викинга. Помощи ждать неоткуда. Нет, она встретит эту беду лицом к лицу.

— О, нет, — выдохнула она. — Вы!

Она должна убежать от этого человека. С быстротой молнии она поднялась и повернулась. Но он сразу же настиг ее. Он наступил на край ее плаща, и он соскользнул с ее плеч. Викинг развернул ее к себе лицом, обнаженную, и схватил своими сильными руками.

Может, он ее забыл?

Нет, не может быть!

Он помнил ее, и это было совершенно очевидно. Он помнил ее стрелы, удар ее колена, в этом нет сомнения.

Никогда на лице человека не отражалась такая ярость. Ноги ее стали ватными. Он был одним из свиты ирландского принца, кровавой свиты. Он вернет ее Альфреду или своему властелину. А может быть, он убьет ее, и даже король ничего не сможет сделать.

— Будьте милосердны! — прошептала она, откинув голову назад. Ее коса упала и расплелась. Тяжелые локоны каскадом рассыпались по спине. Ей хотелось, чтобы они прикрыли ее наготу.

Но он не смотрел на обнаженное тело, он уставился прямо ей в глаза, и она увидела в его взгляде ненависть, словно ее ненависть к нему отразилась в них.

— Милосерден? — спросил он. Это было сказано мягко, но с угрозой. — Милосерден?

Она вскрикнула, когда он подтянул ее ближе к себе, прижав к своей горячей груди. Он схватил ее за руки с такой силой, что чуть не сломал ей запястья, и она почувствовала против воли всю его мощь и смертельную ненависть, которая струилась из его ледяных глаз и проникала до глубины ее сердца.

— Я сражалась с вами, потому что подумала, что на меня напали! — сказала быстро она. — Я бы не причинила вам вреда, если бы знала, что вы приехали по приглашению короля. Пожалуйста, отпустите меня. Вы должны пожалеть меня, потому что...

— Нет, леди, вы ошибаетесь.

— Но...

— Теперь ничего не изменишь, а ведь ваша стрела, которая была нацелена мне прямо в сердце, попала в ногу, и я до сих пор хромаю. Ваше нежное колено ударило меня прямо в пах, а ваши маленькие кулачки бьют меня в грудь сейчас. Но, леди, все это я, возможно, мог бы простить.

— Тогда...

— Вы не дождетесь от меня милосердия, потому что я и есть тот самый негодяй, то ужасное животное, тот дикарь-викинг, с которым вы обручены.

Вопль удивления и ужаса вырвался у нее. Она откинула голову назад и в панике начала отчаянно вырываться. Ужас, холодный, ледяной ужас заполнил все ее существо. Она была в его власти. Нагая и беспомощная, крепко прижатая к нему. Она почувствовала силу его рук и ног, крепость его груди.

— Вы... — выдохнула она.

— Да, леди, это я!

Он не может быть ирландским принцем!

— О Господи, нет! — прошептала она, и стала снова вырываться как дикая кошка. Ей нет спасенья, но она должна вырваться от него и убежать. Не сумев ослабить его хватку, она попыталась укунить его. Когда не удалось и это, она подняла колено с намерением ударить его.

— Держись подальше, — рявкнул он, и с силой бросил ее на землю. Задыхаясь, она испуганно смотрела на него, прикрытая только собственными волосами. Грудь ее судорожно вздымалась. С криком отчаяния она попыталась встать на ноги.

Он перешагнул через ее распростертое на земле тело, встав так, что она оказалась лежащей между его ног, и схватил ее за волосы, так что она не могла даже пошевелиться.

Потом он медленно опустился на нее. Она подняла кулаки? чтобы ударить его в грудь, но он перехватил ее запястья и прижал их к земле у головы. Она чувствовала на себе его тело, тяжелое и безжалостное. Она не могла освободиться.

И когда он смотрел на нее, держа ее железной хваткой, она вдруг осознала, что ее сон был пророческим — викинг, с которым она боролась сейчас, действительно был принцем из Дублина.

— Мы опять встретились, леди, — спокойно сказал он. Огонь его голубых глаз проникал в ее душу, опалая ее. Интересно, что он видел, что он слышал.

Наверное, все...

— И в такой интересной... ситуации. Я уже было подумал, что удастся мирно договориться, и приехал в Варенхем на свадьбу, и что же я нахожу? Свою невесту, поджидающую меня, совершенно обнаженной.

Он чуть-чуть отодвинулся, все еще прижимая коленями ее бедра. Холодный утренний ветер обдувал ее тело, ее груди налились тяжестью под его взглядом, соски затвердели. Казалось, только сейчас он заметил ее наготу и теперь разглядывал ее бесстыдно, с презрением, и ее тело пылало огнем стыда.

Силы начали возвращаться к ней. Она изогнулась под ним, пытаясь вырваться.

— Отпусти меня, пусти же, — требовала она.

— Нет, леди, нет! — пообещал он мягко. Его глаза проникали в ее сердце, как стальной кинжал. Он склонился к ней, и его дыхание коснулось ее губ.

— Я не отпущу тебя до самой смерти, моя дорогая. Ее накрыла черная волна страха, но она не желала показывать ему, насколько его боится.

— Скажи королю, что не хочешь жениться на мне! — прошептала она пылко. — Скажи ему...

— ...что будет такая жестокая битва, что по твоей земле потекут кровавые реки? — строго спросил он.

— Но ты не можешь взять меня в жены, — Рианон замолчала, услышав топот копыт. Люди короля были все ближе.

Викинг встал и, продолжая держать ее за запястья, поднял на ноги, прижав на какое-то мгновение к себе.

— Нет, леди, я не хочу жениться на вас, — произнес он быстро. Он отпустил ее. Мгновение она смотрела на него, затем, инстинктивно, бросилась бежать. Его руки вцепились в ее волосы, и она вскрикнула, потому что он снова притянул ее к себе. Она услышала его шепот:

— Пойдем, ты ведь не трусиха, — сказал он ей хрипло. — Твоя смелость восхитила меня.

Она снова взглянула на него, и ненависть клокотала в ней:

— Нет, я не боюсь тебя, и никогда не буду бояться! У тебя нет права обращаться со мной жестоко! Никогда! Он улыбнулся, и улыбка эта была зловещей.

— Я вам предлагаю как можно скорее научиться бояться меня, леди. Да, научиться бояться — и скорее. Потому что есть чего бояться.

Она хотела гордо вздернуть подбородок, но стояла перед ним совершенно обнаженная, а его ледяные голубые глаза бесстрастно шарили по ее телу с головы до ног.

Конский топот приближался. Он отвел взгляд, наклонился, поднимая ее накидку, и набросил ей на плечи. Она удивилась тому, что он прикрыл ее наготу. У нее навернулись слезы, но в этом поступке не было доброты, сразу поняла она.

— Я полагаю, что видел достаточно из того, что мне предназначено, не так ли, миледи? Он поднял бровь, но не стал ждать ответа, да он и не рассчитывал его получить.

Она обрела дар речи, когда он, отвернувшись от нее, стал садиться на коня.

— Я никогда не буду твоей!

Конь двинулся вперед, и она задохнулась от удивления. Оцепенение спало с нее. Это был ее конь, Александр, самый лучший из ее лошадей.

— Это мой конь! — закричала она.

— Мой, — поправил он.

Она забыла, что он владеет теперь всем, что раньше принадлежало ей.

На его лице все еще играла холодная и презрительная улыбка, когда он повернулся к ней.

— Мой конь, — повторил он. — И подобно этому животному, вы тоже будете принадлежать мне. Вам тоже придется приходить по первому моему зову. Если я, конечно, соглашусь на это. Лошадь, которая раньше принадлежала другому это — одно, а женщина — совсем другое.

Она задохнулась от негодования:

— Подлый негодяй! — начала она, но ее слова были прерваны, потому что он снова сжал ее запястья руками, силу которых она уже знала.

— Нет! — кричала она в панике, но он, не обращая на это внимания, оторвал ее от земли и схватил в объятия. Она попыталась ударить его, исцарапать, чтобы освободиться, но он быстрым движением перехватил ее руки.

— Не пытайтесь больше ударить меня, леди!

Он подождал. Она больше не двигалась. Она стиснула зубы и поборол панику, которая росла в ней.

Он бросил ее на спину белого коня и сел сзади.

— И не сопротивляйся, — предупредил он ее. — Даже и не думай об этом, потому что, если ты ударишь меня снова, я ударю быстрее и гораздо сильнее.

При этих грубых словах ее вновь обуяла ярость.

— Дикарь! — обозвала она его, но не пошевелилась. Его глаза сузились.

— Что, показать? — спросил он.

Рианон промолчала. Он тронул лошадь, и в такт лошадиной скачке в ее мозгу проносились мысли. Его сильная рука держала ее за талию.

Люди короля были совсем рядом.

Она обесчестила Альфреда. Увы, именно тогда, когда она пришла к решению повиноваться ему, она опозорила его. Она и в самом деле решилась на этот брак, чтобы заключить союз, которого добивался король.

Но все вышло по-другому. И хотя она и сохранила свою невинность, она была схвачена тем самым человеком, которому была обещана, человеком, который поклялся отомстить ей... Король ей ничем не поможет.

Рауен, — подумала она отчаянно. — Этот отвратительный викинг видел их вместе. Он разыщет Рауена. Он потребует возмездия.

Прольется кровь, и вина за это ляжет на нее.

У нее вдруг потемнело в глазах, и долгожданное избавление, которого она жаждала, наконец-то пришло.

Она похолодела и стала падать с коня, и когда сознание уже покидало ее, она успела почувствовать, что ее схватили сильные руки человека, от которого она так отчаянно хотела избавиться.

Руки ее хозяина — викинга...

Блаженное забытие было недолгим. Резкий удар по щеке привел ее в чувство. Она опиралась на руку викинга. Она оттолкнула его, потому что он уже не держал ее, а осторожно опускал с лошади на землю. Она не сумела сохранить равновесия и упала на землю.

— Ваша одежда, леди, — сказал он сухо.

Он привез ее назад к тому месту, где на траве лежала ее одежда. Она увидела разбросанную кучу своих вещей, прекрасное мягкое платье, обтягивающее фигуру, длинную рубашку, панталоны и кожаные туфельки.

Краска стыда окрасила ее щеки. Она никак не ожидала такой заботы от него после всего случившегося, но не могла же она снять плащ и начать одеваться перед ним. Все-таки она была невинной девушкой, И Рауен тоже сохранил свою невинность, но, конечно, он этому никогда не поверит.

Она вздернула подбородок, но не решалась поднять глаза.

— Будьте добры...

— Я вовсе не добрый! — резко сказал он.

— Имейте сострадание!

— Сначала вы просили милосердия, теперь — сострадания. Я же изо всех сил пытаюсь сохранить вам жизнь. Одевайтесь, и побыстрее!

Чтоб он провалился, этот негодяй, — мысленно пожелала она ему. Внутри у нее все кипело. Она вдруг осмелела, хотя, наверное, это была большая глупость. Медленно поднявшись, она посмотрела на него с открытым презрением, поплотнее запахнула накидку, и губы ее тронула горькая улыбка.

— Убей меня, викинг! Это лучше, чем быть твоей невестой!

Он едва заметно стиснул зубы, но по телу Рианон помимо ее воли побежали мурашки.

— Неужели? — спросил он вежливо. — Мне очень жаль, что вы так думаете, миледи. Его тон вдруг резко изменился.

— Одевайся. Сейчас же, — сказал он. Голос был низким и глубоким, как раскат грома. Она вся напряглась и решительно покачала головой.

— Сделай это! — сказала она.

— Что? — резко спросил он.

Она собрала все силы, чтобы не дрогнуть, глядя на него снизу вверх. Он сидел в седле, прекрасный, как сказочный принц, потому что в этот день на нем было богатое одеяние. Драгоценные камни блестели на сбруе коня, а от броши, скрепляющей плащ на плече, падали искры. Он возвышался над ней, так что она казалось маленькой и незащищенной в своем смятом плаще и с растрепанными волосами. Но глаза ее блестели гордо и вызывающе.

— Сделай это! Возьми свой меч, язычник, и пронзи меня!

Она вскрикнула в изумлении, потому что он действительно поднял меч. Лошадь поднялась на дыбы, а холодный беспощадный викинг, сидящий на ней, наклонился вперед, поднеся острие меча к горлу Рианон. Она стояла неподвижно, пока он играл острием в том месте, где бешено бился пульс.

— Одевайтесь. У меня нет намерения убивать вас, миледи, теперь, когда перед нами наше счастливое будущее. В противном случае, мне придется слезть с коня и сделать это

самому.

— Как ты смеешь! — выкрикнула она, дрожа от бессильного гнева.

— Как я смею? — голос был низкий, но он не давал своему бешенству вырваться наружу. Он спешил и стоял перед ней, держа острое меч у ее горла. Потом он вложил меч в ножны. Она была высокого роста, но намного ниже его.

— Как смею я, миледи?

Он говорил обманчиво мягко. И тогда она почувствовала на себе его руки там, где плащ был запахнут на груди, он потянул материю на себя, и ей пришлось повернуться к нему.

— Это как вы смеее говорить со мной в таком тоне, после того, как я узнал, с кем и где вы были сегодня? Лучше бы тебе поостеречься, моя маленькая саксонка, сильно поостеречься. Не забывай, что я, как ты сказала, язычник. А мы, язычники, смеем все.

С этими словами он распахнул ее плащ. Она была так потрясена, что долгое время не могла вымолвить ни слова. Вспомнив, что стоит перед ним обнаженная, она отвернулась было от него, но не дрогнула и вздернула подбородок:

— Конечно, язычник, — насмешливо произнесла она и отвернулась, с трудом справившись со страхом, обуревавшим ее.

Она подняла свое платье, лежавшее под дубом, все время ощущая на себе его взгляд. Ее пальцы отказывались повиноваться ей, и она смогла надеть платье не без труда. Не глядя на него, она поправила платье и завязала пояс. Он не двигался, но его зловещий взгляд и долгое молчание пугали ее. Она отошла подальше, чтобы надеть панталоны, и, наконец, надела туфли, все еще стоя к нему спиной. Одевшись, она нашла плащ и накинула его на плечи, призывая на помощь остатки поруганного достоинства. Она поняла, что люди короля продолжают искать ее, потому что их крики слышались все ближе. Ее интересовало, как далеко ушел Рауен, и удалось ли ему скрыться.

Она увидела, что викинг вновь садится на коня, быстро повернулась, чтобы взглянуть на него. Он глядел на нее сверху, и она поняла, что он прочел ее мысли, спокойный и невозмутимый. Его меч оставался в ножнах. Он протянул ей руку, и она почувствовала, что ярость вновь закипает в нем.

— Что ты хочешь сделать? — спросила она. Она хотела, чтобы это прозвучало требовательно, а получилось шепотом.

Он дал шпоры Александру, посылая его вперед. Она хотела повернуться к нему спиной, но он слишком быстро догнал ее. Легким усилием он поднял ее, обхватив за талию. И снова она сидела перед ним на коне. Она ощущала грубую тяжесть его бедер и стальной обруч его руки. Теперь он смотрел поверх ее головы, а когда она слегка повернула голову, то почувствовала мягкое прикосновение его бороды к своему лбу.

Аллен и Вильям направлялись к ним, но были еще далеко.

— Если бы это произошло в стране моей матери, — проворчал он, — я бы вернул тебя отцу в дом, который ты обесчестила.

Но у нее не было отца, поэтому он вернет ее королю. И Альфред сошлет ее в какой-нибудь дальний порт. Она станет жить там, презираемая всеми, но свободная.

И хотя ее сердце бешено стучало, она опасалась, что он поступит, как сказал. Она любила Альфреда и Уэссекс так же сильно, как ненавидела его, неважно, как поступит король.

— Это мне бы подошло, — сказала она викингу. Он не обратил на нее никакого внимания, продолжая, будто она ничего и не говорила вовсе.

— Если бы все это происходило в стране моего отца, блудницу продали бы в рабство. Прямехонько отвратительным датчанам, каких только можно сыскать. Я уверен, что смог бы найти берсеркера, чтобы сбыть тебя с рук.

Она окаменела, и у нее вырвался вздох негодования, но ей ничего не оставалось делать, как сидеть неподвижно, потому что его руки внезапно так сжали ее, что она не могла даже шелохнуться. Слезы заблестели у нее на глазах, но она сдерживалась изо всех сил.

— Меня и так уже отдали викингу. Какая разница, откуда он, из Норвегии или из Дании?

— Или из Ирландии.

— Или из Ирландии!

— Нет, это большая разница, миледи. И скоро вы узнаете, какая.

И снова она невольно задрожала. Альфред обойдется с ней гораздо суровей, чем этот викинг. Она не подчинилась воле своего короля, она обесчестила его. Это, возможно, будет стоить Рауену жизни, а ее жизнь превратит в пытку.

— Я тебя презираю, — процедила она сквозь зубы.

— Замолчи! — ответил он резко: к ним уже приблизились всадники. — Неужели ты на самом деле такая самолюбивая, что допустишь, чтобы норвежская, ирландская и английская кровь пролилась на этой земле?

Она успокоилась и стала думать, можно ли сделать так, чтобы избежать кровопролития. Наверняка этот викинг откажется от брака с ней. А если он сделает это, непременно будет война между англичанами и ирландцами.

— Сражаться будем мы с тобой, — добавил он мягко, борода его коснулась ее щеки, и откуда-то из глубин ее тела поднялось тепло. — К счастью, дураков больше нет, чтобы умирать от твоего предательства.

— Я никого не предавала, — она с жаром протестовала, извиваясь, чтобы встретиться с ним взглядом. Это смешно. Он никогда ей не поверит. Взгляды их встретились.

— В конце концов, — сказал он, — мы ведь встретились снова.

— Эрик из Дублина! — закричал Вильям, приветствуя его и осуждающе взглянув на Рианон. — Король приносит вам свои извинения за то, как вы были встречены...

— Я приехал к королю сам, — сказал Эрик.

— Девушка будет...

— Я сам привезу девушку, — холодно отвечал он и поскакал. Ветер, наполненный весенней свежестью, обдувал Рианон. Сейчас, сидя на лошади, ей было невыносимо холодно. Руки викинга крепко держали ее, и она вновь задрожала, почувствовав их силу. Эта сила была причиной его отваги в бою, беззаветной отваги.

Скорее всего, он был лучшим воином из тех, кого ей приходилось встречать. Он видел ее с Рауеном и мог легко убить его.

Нет, она не станет думать об этом, или ее снова будет бить дрожь, а он чувствовал любое ее движение, потому что с каждым шагом лошади она все теснее прижималась к его груди.

Наконец, они подъехали к воротам. С обеих сторон из леса появились люди — слуги короля и воины Эрика. Она не видела среди них Рауена и молила небо, чтобы он успел скрыться в лесной чаще.

Ворота открылись, и они подъехали к дому.

Король сам ждал их во дворе перед длинным домом. Он не отрываясь смотрел на Эрика,

тот приблизился к нему, поднял Рианон и поставил ее на ноги.

Она стояла перед королем.

Она едва удержалась на ногах, когда увидела лицо Альфреда. Ее колени подкосились, и она оцепенела от страха. Чувствовать осуждение и злобу викинга — это одно, но увидеть гнев и ненависть в холодном взгляде короля — было совсем другое дело. Он подошел ближе, и она поняла, что ему известно об ее утренней встрече со своим возлюбленным. Он не мог знать, что, в конце концов, она решила подчиниться его воле, а ведь она просто хотела попрощаться с Рауеном наедине еще только один раз.

Альфред думал, что она преднамеренно и вероломно предала его.

Он прямо пошел к ней. Он смотрел на нее, не отводя взгляда, а потом ударил ее так сильно, что она закричала и упала на колени. Она слышала, как позади нее спешивается викинг. Раздался топот копыт, это возвращались всадники, и огромная толпа англичан, скандинавов и ирландцев въезжала в ворота крепости.

— Эрик Дублинский, — сказал король. — Я освобождаю вас от данной клятвы и обещаний вступить в этот союз.

Викинг подошел к ней и помог подняться, подав ей руку. В ней всколыхнулась и утихла буря чувств. Ей ужасно хотелось освободиться от его прикосновения. Но она не осмелилась. Она только кусала губы, чтобы не зарыдать.

— Альфред, король Уэссекса, — сказал Эрик. — Я прошу разрешения войти в ваш дом, и хочу поговорить с вами наедине, чтобы мы могли уладить это недоразумение.

Король согласно кивнул головой:

— Тогда, добро пожаловать, Эрик Дублинский, добро пожаловать в мой дом.

Рианон не могла сдвинуться с места. Пальцы Эрика сжали ее руку еще сильнее, так что она чуть не закричала от боли. Она посмотрела ему прямо в глаза и не отвела взгляда.

— Миледи! — сказал он тоном, в котором не слышалось ничего, кроме обычной вежливости. Тогда она с трудом выпрямилась и пошла за Альфредом.

Но викинг не отпускал ее руки.

Они вошли в дом, королевские слуги следовали за ними, ожидая приказов Альфреда. Альсвита, напряженно улыбаясь, спешила к Альфреду. Она присела в глубоком реверансе, переводя взгляд с мертвенно-бледной Рианон на холодное и гневное лицо короля. Неуверенно она предложила Эрику эль, хлеб и рыбу. Слуги выступили вперед, но он взял только полную чашу эля и отказался от еды. Король поднял руку и сказал Альсвите:

— Уведи Рианон.

Страх обуял ее. Рука викинга тяжело опиралась о ее плечо, и он подтолкнул ее к одному из стульев перед камином.

— Девушка останется, — сказал он, силком усаживая ее на стул. К еще большей ее растерянности, он остался стоять позади ее.

Она судорожно сглотнула, потом в отчаянии повернулась к Альсвите, но от нее нечего было ждать помощи. Королева отступила назад и стояла, скромно опустив глаза перед Альфредом.

— Мне бы не хотелось, чтобы мои люди снова воевали из-за этой девушки, — сказал Эрик.

Рианон хотела вскочить на ноги, чтобы отрицать свою вину в случившемся кровопролитии, но его пальцы сжали ее плечи, и она поняла его приказ не двигаться.

— У тебя есть все права разорвать нашу договоренность, — сказал Альфред.

— Права, король Уэссекский, но не желание. Я возьму леди в жены и получу земли, но при одном условии: мы пойдем войной на датчан и сразимся с ними при Рочестере прежде, чем сыграем свадьбу. Рианон отправят в монастырь до тех пор, пока не выяснится, не носит ли она семя другого мужчины. Если я буду убит в сражении, земли, на которые я предъявляю права, перейдут к моему отцу, королю Дублинскому, чтобы он распределил их среди моих братьев, как сочтет нужным. И в случае моей смерти, девушку отдадут в мою семью, там решат ее дальнейшую судьбу.

— Договор остается в силе, и мы выступаем против датчан?

Викинг поднял свою чашу:

— Да, остается в силе.

— Пусть будет так, как ты сказал, — пообещал Альфред.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Пальцы Рианон вцепились в подлокотники кресла, и кровь, казалось, застыла у нее в жилах.

— То, что произошло, не должно остаться безнаказанным, — продолжал король.

Он быстро взглянул на нее, и она никогда прежде не видела его таким холодным и столь жестоко равнодушным. Она слыхала, что он может быть жестоким, но по отношению к предателям он был беспощаден.

Однако с ней он никогда не был жестоким. Он был строг, но всегда любил ее.

Но это было раньше.

Он продолжал, пылая гневом.

— Я обещаю, что твоя невеста научится благоразумию, и как всякий человек, который знал о моей воле и моих обещаниях, но не принял их во внимание, заплатит, как подобает.

— Нет, Альфред, — сказал викинг. — Я отомщу сам. Руки его были горячи, как огонь и сильны, как сталь, и, ощущая их на своих плечах, она поняла его намерение. В его словах не было угрозы, это было просто объявление о намерениях. Он, конечно, будет ее бить до конца дней, — уныло подумала она, потом страх охватил ее, но не за себя, а за Рауена.

Внезапно дверь дома распахнулась настежь, без предупреждения. Альфред гневно обернулся, но увидел, что это вернулись его полководцы, Вильям и Аллен. Они вели за руки Рауена, избитого и окровавленного.

Она должна оставаться спокойной. Она должна сидеть во имя спасения остатков своей чести. Но она не могла перенести вида раненого Рауена.

Она забыла обо всем, кроме нежной любви к нему. Она освободилась от отвратительного прикосновения викинга и вскочила на ноги с криком ужаса. Она хотела кинуться к нему, но не могла сделать и шага. Могучие руки обвили ее талию, и викинг с силой притянул ее к себе, удерживая на месте.

Не удивительно, что он стоял рядом, — горько подумала Рианон. Он больше не позволит ей нанести урон его чести или чести Альфреда.

Рауен с изумлением посмотрел на нее и слабо улыбнулся, обвиснув на руках своих стражей. Они подтолкнули его вперед так, что он упал перед королем.

— Сир, — сказал Вильям, и обвел комнату мрачным взглядом, — мы не знаем, были ли они вместе, но мы обнаружили его за воротами, недалеко от места, где осталась лошадь леди Рианон.

— Идите, — сказал король.

— Но, сир... — запротестовал Вильям.

— Она чиста, мой сеньор, — невнятно сказал Рауен. Из рта у него потекла кровь, и

Рианон снова вскрикнула, ненавидя руки, державшие ее. Рауен выплюнул зуб. Он переводил недоуменный взгляд с Альфреда на викинга.

— Клянусь, она осталась нетронутой.

Король подошел к нему. Он наклонился, схватив рубашку Рауена за ворот. Рауен упал вперед, и Рианон снова закричала, царапая руки, которые держали ее, потому что она испугалась, что он умер.

— Ради Бога, отпустите меня, — взмолилась она.

— Хватит, — рявкнул на нее король. — Разве недостаточно ты опозорила нас? Он нащупал пульс Рауена.

— Он жив... пока.

Слезы покатались по ее щекам. Неожиданно викинг отпустил ее, и она рванулась вперед. Она опустилась на пол рядом с Рауеном и убедилась, что он действительно был жив. Она обняла его, и безмолвные слезы ручьями полились по ее лицу.

Король позвал слуг, чтобы те унесли Рауена. Она почувствовала прикосновение к своим плечам, и оно совсем не было жестким. Ее подняли и держали снова. Это был викинг.

Рауена унесли. Король и викинг продолжили разговор, но она не слышала ни единого слова, потому что совершенно оцепенела и могла лишь молиться, чтобы Рауена из-за нее не убили. Она не знала, какую месть придумает викинг. Она не знала, следует ли ей умолять, чтобы Рауена оставили в живых, ведь если она подвергнет себя сильному унижению, может быть, он будет несколько снисходительнее.

Но он ведь уже отказался от снисхождения к ней.

— Это нужно сделать сегодня, — сказал король. — Прямо сейчас.

Он приказал слугам найти своего лекаря и повивальную бабу, потом сказал Альсвите:

— Уведи Рианон в ее комнату.

Викинг отпустил ее плечи. Альсвита протянула ей руку.

Инстинктивно Рианон отступила, глядя на них и думая, какой же новый ужас задумали они, чтобы окончательно уничтожить ее.

— Пойдем, Рианон, — настаивала Альсвита.

Она посмотрела на короля; беспощадного и сурового, потом перевела взгляд на викинга, наблюдавшего за ней с бесстрастным любопытством. Он пожал плечами, как будто она для него ничего не значила, и никакие последствия его не беспокоили.

— Я все еще полагаю, что свадьба может подождать, — сказал он королю.

— Я обещал вам девушку, и она была под моим присмотром. Она мне как дочь, и мне тоже угодно знать об этом всю правду.

— Правда же, король, я ведь и сам могу узнать все и принять окончательное решение, как это принято в моем доме.

— Но ведь она все еще под покровительством королевского дома Уэссекса, и я сдержу свое слово.

— Дверь снова отворилась. Появился самый надежный королевский лекарь, рядом стояла его дородная помощница. Женщина глядела на Рианон маленькими, хитрыми глазками. Она украдкой улыбнулась, словно предчувствуя удовольствие от некоей жестокости.

Тогда, наконец, Рианон поняла, что с ней хотят сделать, ее глаза расширились от ужаса и стыда.

— Нет, — воскликнула она с жаром.

Она безумно хотела скрыться, но бежать было некуда. Она поборола в себе гнев и панику и заставила себя медленно двинуться вперед, но не к королю, а к принцу. Альфред отрекся от нее, дав свое обещание. Может быть, ему и было больно, но он не откажется от своей клятвы. А викинг уже назвал ее распутной. Он отомстит за это сам, а сейчас решение принял Альфред.

— Не всегда то, что кажется, происходит на самом деле, милорд. Я не виновата ни в каком предательстве против вас, и хотя, возможно кажется, что я...

Она замолчала, собираясь со всей своей решимостью и достоинством, стараясь изо всех сил, чтобы все прозвучало убедительно:

— Я не посрамила чести короля, хотя и он, который клянется, что любит меня, навязывает мне свою волю. Не позволяйте им делать этого! — потребовала она страстно.

Ей показалось, что в его взгляде промелькнуло любопытство и восхищение, даже когда он ей отказал:

— Миледи, это не моя идея, — сказал он.

— После этого я буду ненавидеть вас до конца своих дней, — сказала она, сжав кулаки.

Она отдавала себе отчет, что ей не удастся избежать того, что намеревался с ней сделать король. Но больше она унижаться перед викингом не будет.

Он мягко вздохнул.

— Миледи, вы понимаете, у меня мало причин, чтобы испытывать к вам симпатию, но это не моя идея. Здесь король — Альфред. А вы его подчиненная. Здесь я не могу выбирать. У меня есть свои способы и средства доискаться до истины. Но так решил король. А в его доме, его слово — закон. Но я вам обещаю, миледи, в моем доме — законом будет мое слово.

Его слова несколько ее не успокоили.

Он высказал определенную угрозу, тем не менее, это король отдал приказ подвергнуть ее этому унижению. Она резко повернулась, оказавшись лицом к лицу с Альфредом.

— Ты можешь верить мне на слово, это правда! — сказала она ему.

— Я не могу верить ни одному твоему слову, Рианон. Ты чуть не поставила нас на грань катастрофы.

Альсвита взяла Рианон за руку. Рианон увидела, что слезы стояли в глазах королевы, и она искала ее взгляда.

— Ради Рауена, покорись! — прошептала она.

— Уведите ее, — велел король.

Альсвите не доверили задачу. Две крепкие женщины, вызванные с кухни, взяли Рианон за руки.

Она кричала и сопротивлялась, но безрезультатно. Ее выволокли из зала и потащили во флигель усадьбы, в небольшую комнатку с кроватью. Несмотря на ее яростное сопротивление и борьбу, скоро она была связана, а ее одежда безжалостно порвана. Тогда, глубоко униженная и подавленная, она прекратила сопротивление. Альсвита снова была рядом с ней, убирая волосы с ее лба. Рианон теперь лежала тихо, уйдя в себя. Она старалась не обращать внимания на прикосновение холодных рук. Слезы полились из ее глаз, когда ей раздвинули ноги и осмотрели ее. Она смутно слышала, как лекарь сказал Альсвите, наконец, что она все еще невинна. И что ее девственность совершенно не тронута.

Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой униженной. Она находилась в такой пропасти страданий и стыда, что с трудом собралась с силами, чтобы благодарить Бога за то,

что, по крайней мере, этот грех не будет поставлен в вину Рауену, и это, может быть, облегчит его участь.

Она поклялась, что никогда не забудет этого бича Божия-викинга, приплывшего по ветру и разбившего вдребезги ее дальнейшую жизнь. Простит ей Бог или нет, это мало интересовало ее. Она будет молиться день и ночь о том, чтобы в свой смертный час он умирал бы в таких страданиях и муках, что проклял бы свое появление на свет.

Эрик объезжал ряды воинов, подсказывая одним, подбадривая других и советуя третьим. Он проехал до конца рядов и оглянулся, чтобы посмотреть на учебный бой. Король тоже наблюдал за сражением, сидя на коне. Утром они выступят к Рочестеру. Город, подвергающийся длительной осаде, не мог более сдерживать датчан, которые расположились лагерем у его стен.

Эрик наблюдал за полем, где упражнялись копьеносцы — главный оплот войны. Некоторые разминались с мечами и булавами, в то время как на другом поле состязались в меткости лучники. Перед ним Свен из Тронхейма размахивал своим огромным топором, заточенным с обеих сторон. Это было действительно оружие, достойное викингов, хотя Европа сочла это орудие смерти варварским.

Еще будучи ребенком, Эрик узнал, что его ирландский дед перенял от викингов все, что считал полезным для дела. Он на равных сражался как с норвежцами, так и с датчанами, нападавшими на его остров, потому что не упускал случая поучиться у врагов. Большинство ирландцев сражались в кожаных доспехах, если вообще они у них были, Аэд Финнлайт увидел кольчуги на вражеских воинах и, поняв, что она спасает жизнь, приказал надеть кольчуги и своему войску.

Эрик же подметил, что топоры, отточенные с обеих сторон, были смертельным и грозным оружием, и он всячески побуждал своих воинов, как ирландских, так и норвежских, научиться обращению с ним. Завтра они выступят против датчан, а те могут быть грозными противниками. Это будет не цивилизованное сражение, а битва варваров. Эрик не страшился смерти. Он вырос в христианской вере, но его мать никогда не препятствовала его знакомству со скандинавской религией. Он хотел верить и в единого Бога-Отца и в милосердного Христа. Но в то же время подобно своим предкам викингам верил, что, поскольку ни один человек не может избежать смерти в конце пути, всегда следует идти вперед, и, если ему суждено пасть на поле брани, он честно предстанет перед великими богами Вальхаллы, а быть может, и перед Иисусом Христом.

Он взглянул в другой конец поля, на короля, поддержать которого он прибыл. Альфред хорошо держался в седле. Он был не слишком крупным мужчиной, но в нем было некое величие, необходимое правителю. Минувшей ночью Эрик с Альфредом долго сидели у большого камина, и хотя он знал, что вообще-то король саксонцев не был приверженцем пьянства, они оба опустошили не один рог вина, доставленного кораблями Эрика. Дублин изобиловал разнообразными товарами, потому что порт его был весьма оживленным, множество кораблей постоянно входило в него или покидало его. Поскольку мусульмане в то время значительно продвинулись на запад и покорили большую часть Средиземноморья, лукавые сирийские и еврейские купцы потеряли значительную часть торговых связей с Востоком. Однако в Дублине не переводились специи и масла, тонкие шелка и разнообразные вина, потому что викинги бороздили моря и готовы были рисковать жизнью в погоне за сокровищами.

Саксонский король симпатизировал Эрику все больше и больше по мере их разговора.

Тот в свою очередь тоже полюбил Альфреда, завидовавшего, как выяснилось, некоторым вещам, которые Эрик считал совершенно естественными. В возрасте десяти лет Эрик уже мог читать по-латыни в по-гречески так же, как на своем родном ирландском или на языке своего отца. Он читал о подвигах Александра и о жизни калифов, правивших арабским миром из своей резиденции в Багдаде. Он изучал историю Карла Великого, его обучали математике, наукам в музыке. Он также изучал законы, необходимые любому правителю, и присутствовал на заседаниях феодального совета в Таре, которым руководил его дед. Он знал легенды о великих людях Ирландии, начиная со Святого Патрика, и отражал набеги, разоряющие ирландские берега. Он жил в прекрасном доме, который построил его отец, с высокими стенами и большим количеством комнат.

Альфреду часто приходилось спасаться по ночам, и его убежищем часто оказывался свинарник или конюшня. Его отец, Этельвульф, одержал много побед, так же, как братья Альфреда. Но он сам был еще мальчиком, когда последний из его братьев, Этельред I, стал королем. И с тех пор он не занимался ничем, кроме военных действий. Этельред умер, когда Альфреду был двадцать один год, и тогда воевать пришлось ему самому. В мае 878 года Альфред выехал из Эгберт-Стоуна, и вся Англия сплотилась вокруг него. Он встретился с Гутрумом, датчанином, в страшном сражении, и вышел из него победителем, а Гутрум согласился даже на крещение.

Альфред стал его крестным отцом. И Гутрум сохранял мир, но только некоторое время. Теперь он осаждал Рочестер. Альфред хотел, чтобы он отступил.

Король Уэссекса был необыкновенным человеком. Он не обладал внушительной наружностью, но мог подвигнуть людей на великие дела. Он находил поддержку вере и неуклонно следовал своим принципам. Свои обещания он выполнял неукоснительно.

Его глубоко потрясли события на побережье в то, что между ними могла бы вспыхнуть вражда, когда Эрик еще не успел ступить на землю.

— Вы до сих пор не знаете, почему все это произошло? — спросил его Эрик. Король задумчиво покачал головой.

— Я послал гонца, молодого человека, почти мальчика, с приказом встретить вас как почетных гостей. Я его больше не видел. Кое-кто убежден, что мое послание не было передано леди Рианон. Я верю, что эту тайну хранят теперь мертвые. — Он быстро взглянул на Эрика — Она не посмела бы послушаться моего приказа! По крайней мере, тогда она бы так не поступила. Она отрицает, что знала об этом, и я ей верю. Эрик ничего не сказал.

— Вы еще можете отказаться от своего обещания, — грустно уверил его Альфред. — Если вы считаете, что она виновата.

— Я не собираюсь отказываться от своих слов, — казал Эрик.

Он вовсе не намеревался отказываться от этого союза от своей мечты о собственных землях из-за своенравной девчонки. Он видел ее с Рауеном у ручья. Может, их прервали и они не успели довести дело до конца, но он не верил, что может считать ее совершенно невинной. Она была соблазнительницей, она сознавала силу своей красоты, и он от всего сердца пожалел юношу, который был нее влюблен.

Его гнев несколько поутих. Он был ревнив и знал это. Когда они поженятся, она узнает, кто из них главный и пусть только попробует послушаться. Ему не хотелось вспоминать, как он подглядывал за ней, потому что это воспоминание приводило его в ярость. Конечно же, он в нее не влюблен, и он будет осторожен. И все-таки она что-то изменила в нем. Она была чрезвычайно красивой и страстной, полной жизни. Она соблазнительна, как мечта о победе.

Он понял, что он яростно желает ее. Она разожгла в его чреслах огонь, который он не мог унять, и тем не менее решил держаться от нее подальше. Он доверял Альфреду, король не станет ему лгать, также как и его лекарь, относительно таких деликатных вещей, как невинность его невесты. Его тщеславие было удовлетворено, когда Альфред настоял на освидетельствовании Рианон. И она должна понять, что Эрик может быть резким, твердым и требовательным, если нужно. Он не допустит, чтобы воспоминания о любви к Рауэну преследовали ее всю замужнюю жизнь.

Но были моменты, когда ему становилось ее жаль. Он не мог забыть отчаянный, полный слез, и в то же время достоинства, взгляд, когда она умоляла его в доме короля в тот день. И все же она должна была пройти через! это. Он в свою очередь еще помнил, что значит любить. Ради Эминии он был готов на все. А о Рианон он не мог думать, не закипая гневом.

Он думал о том, какое принял бы решение, не обладай она таким огнем и красотой. Может, он и не полюбит снова, но, по крайней мере, он желал ее, леди Рианон. А потом он поехал туда, где был Альфред.

— Я доволен нашим союзом, — заверил он короля, приветствуя его. — Я рад, что утро прошло, и не пролилось ни капли крови.

— Да, — пробурчал король, глядя прямо перед собой и не видя его.

Проследив за его взглядом, Эрик увидел, что через поле скачет по направлению к ним Ролло, и почувствовал, что у его сподвижника есть свое мнение относительно всего происшедшего.

— В чем дело? — требовательно спросил он, когда Ролло подъехал к ним.

— Волнение среди воинов, — ответил Ролло. Эрик выжидательно поднял бровь.

— Они требуют крови, они требуют справедливости.

— Относительно чего? — холодно спросил он.

— Относительно этого парня, Рауэна...

— Почему? Никто ничего не видел, и никто не может ничего знать толком.

— У слухов длинные ноги. Ты знаешь людей. Они требуют, чтобы ты защитил свою честь.

Эрик нетерпеливо вздохнул. Они хотят, чтобы я убил этого юношу? Да, — сказал огорченно Ролло. Он понимал, как вредны сейчас раздоры в войске. — Мальчишка должен появиться перед тобой. Он вынужден вызвать тебя на поединок. И если ты не отдашь ему девушку, тебе придется его убить.

Не успел еще Ролло закончить разговор, как на поле воцарилась напряженная тишина. Все наблюдали за ними и ждали.

Еще один всадник ехал к Эрику. Это был Рауэн. Люди расступились, давая ему дорогу.

Парень был все еще мертвенно бледен, заметил Эрик, но держался в седле хорошо. Он остановился перед Эриком, но прежде чем начал говорить, между ними встал Альфред Уэссекский.

— Рауэн, как смел ты приехать сюда? Я подарил тебе жизнь, а ты снова оказываешь мне неповиновение.

Рауэн склонил голову.

— Перед Богом, я молю у вас прощенья, сир. — Он поднял глаза, глядя Эрику в лицо. — Но я люблю ее, и вы это знаете. Эрик Дублинский, я не хочу показать вам свое неуважение, потому что вы приглашены моим повелителем и полководцем. Но все же я бросаю вам вызов помериться силами, потому что это мое законное право.

— Ты хочешь встретиться со мной и с Мстителем? — мягко спросил Эрик, показывая на свой меч.

Лицо молодого человека стало еще бледнее, но он храбро кивнул головой.

Эрик помолчал некоторое время.

— Девчонка не стоит того, мальчик. Ни одна девушка не стоит того.

— Нет, эта стоит, — возразил тот.

Эрик подумал, что он обманутый дурак, но он был в конце концов, мужчиной и заслуживал поединка.

— Тогда на восходе, — сказал он. — На этом самом поле.

Рауен взмахнул рукой.

— Хорошо, принц Эрик, на этом самом поле.

— И пусть Бог благословит твою душу, — пробурчал сердито король.

Рауен снова грустно кивнул головой. Эрик решил, что этот молодой человек ему нравится: у него есть мужество пойти навстречу верной смерти. Рауен повернул своего коня и поехал назад. Среди людей Эрика раздался боевой клич, его подхватил ветер. Этот клич откликнулся эхом смерти.

Эрик гневно поднял руку, чтобы они прекратили. Белый конь гарцевал под ним, чувствуя его настроение. Он объехал своих воинов.

— Разве вы ищете смерти наших союзников? Нет, мы будем сражаться с датчанами, и если мы и будем радоваться чьей-то смерти, то только вражеской!

Гнев его рос, и он повернулся, чтобы выехать из толпы своих воинов. Он поехал к валу, не заботясь о том, чтобы найти ворота. Белый конь легко взял препятствие, и он поскакал по лугам, полям и лесам. Он скакал и скакал и снова почувствовал это — любовь к земле полностью заполнила его.

Наконец он остановился у высокой скалы, которая была обращена к долине, где находилось жилище короля. Несмотря на большое количество воинов и оружия, он закрыл глаза и постарался представить себе мирную картину. Он видел пасущихся овец и жирных уток, ковыляющих к воде, кобылу с жеребятами, а сам воздух был напоен ароматом возрождения, благоуханием весны.

Она тоже любит эту землю, — подумал он неожиданно. Она ведь так яростно сражалась за нее. Но он любит ее еще больше, и он достигнет цели, он уверен. Он обязательно достигнет цели.

Вечером Эрик с изумлением увидел Рианон, решившую выйти к ужину.

Рауена не было. Эрик задался вопросом, слышала ли Рианон о поединке, а потом решил, что вряд ли ей известно об этом, потому что ее взгляд был полон отвращения, но не страха. Вряд ли она была бы столь бесстрашна, — подумал Эрик, — знай она о предстоящем поединке.

Она не села с ним рядом и не приблизилась к королю.

Она появилась, красивая и величественная, войдя в зал с горделивым видом, делавшим нелепыми любые подозрения. Эрик подумал было, что она станет избегать его и короля. Но она выбрала обратное. Она была самой великолепной женщиной в зале, а может быть во всей Англии, — подумал Эрик. — На ней было мягкое серо-голубое платье, прекрасно гармонировавшее с ее глазами, кроме тех случаев, когда ее суровый взгляд, исполненный ненависти и злобы, падал на него. Ее волосы были заплетены в косу, подчеркивая чистые линии шеи и лица. Она шла прекрасная, как сильфида, гибкая и изящная. Когда пришло

время всем садиться за накрытый стол, она не подошла ни к нему, ни к королю, ни даже к Альсвите, а выбрала себе место в конце стола.

Он, со своей стороны, холодно ей поклонился и наблюдал за ней с некоторым любопытством. Завтра ее отправят в монастырь, где будут следить, чтобы ее девственность оставалась нетронутой до свадьбы. Большинство женщин в подобной ситуации не стали бы показываться на пиру, но только не эта. Она была здесь, всеми порицаемая, даже презираемая, но все равно прекрасная.

Он забыл о ее присутствии, когда стал обсуждать с королем план предстоящего сражения. Ролло говорил порывисто, так же, как и многие из людей короля. Бесконечные блюда с едой подавались к столу: перепела, фаршированные, но в перьях, селедка, кабан, олень, зажаренный на вертеле. Эль и мед лились рекой. Когда гости насытились, Альсвита встала, кивнула слугам, и блюда унесли.

— В честь наших гостей, — выкрикнула она, — Падрайк, сенешаль великого Повелителя Грозы, Эрика Дублинского.

Эрик был несколько удивлен, когда его ирландский сказитель встал и прошел в дальний конец зала, откуда он был виден всем. С большим мастерством он описывал семью деда Эрика. Он рассказывал об ирландских королях и о битвах, которые они вели между собой. Он говорил красивым поэтическим языком, славил род Финнлайтов и, наконец, дошел до Аэда, объединившего королей Ирландии и отдавшего свою дочь Эрин норвежцу Олафу-Волку, чтобы Ирландия могла получить мир и стать могущественной. Он рассказывал и о самом Эрике, о его походах в дальние страны, о том, как он защищал земли своего отца, о страшных битвах, в которых он участвовал и побеждал.

Когда он, наконец, замолчал, раздались громкие и хриплые возгласы одобрения. Альсвита покраснела от удовольствия, потому что, казалось, доволен был Альфред, а Эрик удивлен, и все собравшиеся с интересом слушали рассказчика.

Когда шум затих и наступила тишина, Эрик с любопытством увидел, что Рианон подошла к камину, где стоял Падрайк. Она распустила свои волосы, и блики огня играли на них и на ее платье, и она казалась видением, сотканным из струящегося шелка и соблазнительной красоты.

— Мы прослушали рассказ замечательного гостя и получили огромное удовольствие. Мы благодарим нашего прославляемого союзника и хотим в свою очередь усладить его слух саксонскими легендами о скорби, страданиях, борьбе и триумфе.

Воздух наполнили печальные звуки лютни. Рианон начала танцевать, и казалось, что сама музыка живет в ее ногах и руках. Она кружилась и извивалась, и вращалась волчком. Она откинула волосы назад и подняла руки, и все замолчали, глядя на нее. В зале не раздавалось ни звука, за исключением мелодии лютни, мирного потрескивания огня и шагов ее маленьких ножек. Она какое-то время раскачивалась и очаровала всех своих зрителей. Казалось, что огонь стал потухать, в комнате потемнело, и все вокруг поблекло, за исключением прекрасной чувственной девушки.

А потом она начала говорить в такт своим движениям. Она скорее пела, чем говорила, и голос ее завораживал. Она тоже рассказывала легенду. Легенду об Англии.

Ее взгляд упал на Эрика, и в нем был смелый вызов и насмешка.

— История, которую я расскажу, это легенда о Линдерсфарне. О Линдерсфарне, — повторила она.

Она все еще продолжала смотреть на Эрика, безмолвно бросая ему вызов. Он понял,

зачем она пришла сегодня вечером. Она пришла, чтобы ему отомстить. Она пришла дать ему новый бой.

— Я расскажу легенду о прекрасном месте, лишенном Божьего благословения, красоты, мира, Линдерсфарне... И о дикарях, разоривших его, жестоких язычниках.

Она улыбнулась, и начала снова танцевать — стремительно, грациозно, соблазнительно.

И ни один человек в зале, казалось, не мог ни вымолвить ни слова, ни пошевелиться, когда она начала свою легенду.

Эрик не был уверен, сможет ли он двинуться сам.

Ну что ж, он послушает ее рассказ.

И если она хочет сразиться с ним, он не будет возражать.

Линдерсфарн...

Если он не ошибался, эта легенда таила какую-то опасность. Альфред тоже не сводил настороженных глаз с Рианон, его пальцы впились в подлокотники стула.

Тем не менее, он не двигался. Никто вообще не двигался.

Легенда, несомненно, была опасна. Она обладала колдовскими чарами.

Какая-то магия окутала зал, какое-то таинственное колдовство. Она бросила в огонь порошок, и казалось, что он вспыхнул другим цветом. Музыка продолжала играть, неземная, завораживающая. Рианон купалась в необычном свете этого огня, ее волосы околдовывали, и когда она танцевала, фигура, гибкая и подвижная, приводила на память Саломею, добывающую голову Крестителя.

— Линдерсфарн! — выкрикнула она название, и начала описывать монахов, обитавших в этом старинном и почитаемом монастыре. Она описывала их дни, и ее танец продолжался, как бы соответствуя мирной жизни этого места. Ее голос становился все громче, пока не зазвучал диссонансом с музыкой, а затем последовал страшный удар в пол, подобный раскату грома.

— Молния была им предупреждением. Дождь и злые ветры. Люди испугались и недоумевали, чем они обидели Бога, потому что этот храм и монастырь были на острове далеко от побережья Нотумбрии, и остров не охранялся, хотя и был местом паломничества в Англии. Святой Гутберт жил и служил там аббатом около ста лет тому назад...

Это был 793 год от рождества Христова, и опять пришла гроза.

Рианон снова и снова кружилась, и в ее развевающихся волосах была какая-то необычная красота, которая отражалась в серебряных самоцветах ее глаз, в воздушном колебании изящного влекущего тела. Наконец, она остановилась и упала на пол, звуки грома нарастали, а потом прекратились...

Тогда снова послышался ее голос. Она рассказывала, как полчища врагов напали на Линдерсфарн. Как каждый взмах топора уносил новые жизни, как в реках текла не вода, а кровь, как бесценные рукописи бросали в адские костры пришельцы-варвары. Она эффектно замолчала.

— Викинги, господа. Не датчане. Норвежцы.

Она раскинула руки, белые и прекрасные. Медленно развернулась и поднялась с пола, но в зале не раздалось ни звука. Эрик тоже не двигался, хотя ясно понимал, что она прибегла к последней уловке, чтобы навредить ему в глазах хозяина-англичанина. Ее взгляд встретился через покров темноты с его взглядом, и он осознал, что она никогда не простит его за то, что он вторгся в жизнь, решительно изменив ее судьбу.

Ему страстно захотелось вскочить и ударить ее. Он не верил, что она желала кровопролития, она просто хотела, чтобы он мучился из-за того, что был викингом. По-видимому, она не признавала в нем ни капли ирландской крови. Он и правда был викингом, и она глубоко оскорбляла его. Она, должно быть, воображала, что он проглотит это молча. Если он встанет в гневе, прольется кровь, ведь его люди встанут за ним. Она выбрала эту легенду, потому что каждый англичанин помнил набеги, совершавшиеся много лет назад, но до сих пор пробуждавшие вражду и вызывавшие к мести.

Она чересчур смела и слишком много себе позволяла, потому что и король, как мог видеть Эрик, был в ярости.

Пока, однако, ей нечего было бояться. В зале стояла гробовая тишина, и все глаза были устремлены на нее. Волосы окутывали ее каскадом золотого огненного дождя, она была до боли прекрасна и притягательна, женщина, за которую действительно любой мужчина мог бы отдать жизнь.

«Да, конечно, ей бы хотелось, чтобы я умер», — подумал Эрик. Он просто не мог допустить этого.

Она снова начала медленно двигаться и тихо говорить, и Эрик, задумчиво наблюдая за ней со своего места рядом с королем, удивлялся, как она смеет снова бросать вызов Альфреду, когда она уже достаточно пострадала за свое непослушание. Но до чего искусно изменила она повествование! И при всем своем негодовании Альфред ждал. Она была умна. Опасно умна, потому что, пока люди сидели тихо, замороженные ее необыкновенной красотой и наивностью, с которой она рассказала легенду, она продолжала говорить. Она рассказывала о деде Альфреда и о его отце, и братьях. Затем перешла к самому большому сражению в жизни короля — битве с датчанином Гутрумом. Это было в 878 году. Датчане удерживали Нотумбрию, убив Эдмунда из Восточной Англии, и сильно теснили Альфреда Уэссекского. Несмотря на существенное превосходство сил противника, саксонский король не смирился с поражением и отвел свои силы на остров в цитадель, окруженную болотами. Валлийцы Корнуолла были в союзе с датчанами, и ситуация складывалась безнадежная. Но на клич Альфреда пришли саксонские войска из Девона, готовые доверить свою судьбу великому полководцу Альфреду Уэссекскому, человеку, который решил, во что бы то ни стало удержать эту часть Англии. Разразилась битва при Этандуне, и теперь датские завоеватели были принуждены заключать мирный договор с саксонцами на их условиях. Гутрум поклялся оставить Уэссекс и уйти на север. Он принял христианскую веру, но, увы, слово викинга не твердо, и теперь Гутрум снова угрожает саксонцам.

Рианон упала на пол и замолчала. Она медленно воздела руки к небу, а потом поднялась, как молодой олень, на носочки и вытянулась в струну.

Затем она вновь опустилась на пол, свесив голову на грудь. После этого она вскинула подбородок, обвела взглядом зал и выкрикнула:

— Да здравствует Альфред, король Уэссекса! Огонь снова вспыхнул, и в зале стало опять светло. Несколько минут стояла полная тишина, потом раздались рукоплескания, и присутствующие подняли кружки за здоровье короля.

Затем снова воцарилась тишина.

Ее танец и повествование были такими прекрасными, такими захватывающими, что никто уже не помнил начала и не думал о том, что она нанесла оскорбление гостям. Люди Эрика были не в меньшем восторге, чем саксонцы. Однако постепенно они начали понимать, что к чему, их хлопки замолкли, и Эрик, откинувшись на спинку стула рядом с королем, видел, что все они устремили взгляды на него.

Чтобы сохранить свое достоинство, он вынужден был принять ее вызов. Но если он посмеет обидеть девушку, которая так красноречиво восхваляла великого короля Уэссекса, люди, осуждавшие ее за неповиновение своему властелину, да и сам король, грудью встанут на ее защиту. Она поставила его в очень опасное и двусмысленное положение, и он дал себе слово, что ей придется заплатить и за это.

Она по-прежнему лежала на полу, завернувшись; в свои одежды. Но ее глаза были устремлены на него, и он увидел в них серебряный отблеск, хитрый блеск. Она прекрасно осознавала, какое впечатление произвела на зрителей и уже праздновала одержанную над ним победу.

Некоторое время он сидел молча, а затем медленно поднялся с места. Он возвышался над собравшимися, превосходя всех ростом и силой, горделивый в своем малиновом плаще с изображением волка.

Он отодвинул стол и направился к ней в звенящей тишине. Она следила за ним, и торжество в ее взгляде сменялось тревогой. Она проворно поднялась на ноги, но Эрик заметил, что она была далеко не так спокойна, как ей хотелось бы казаться: жилка на красиво очерченной шее судорожно пульсировала, а грудь бурно вздымалась и опускалась.

Он встал перед ней, слегка улыбнулся и отвесил низкий поклон.

Этого она не ожидала. Она была уверена, что он выйдет из себя, потребует удовлетворения, а король не станет его поддерживать, потому что в ее повествовании не было ни слова лжи. Первый набег на Линдерсфарн, описанный в летописях, действительно совершили викинги, которые осквернили святыни монастыря Святого Гутберта. Никто не смеет отрицать этого и те люди короля, которым теперь напомнили об этом, сочтут новый договор нечестным союзом.

Он все шире улыбался, хотя она видела, что лицо его напряжено, а губы кривятся. Их взгляды встретились, его голубые глаза словно заморозили ее: она могла только смотреть на него, не шевелясь и не отводя взгляда. В зале потемнело, и они были один на один. Царило такое напряжение, что казалось, в самом воздухе пробежали разряды, словно в преддверии бури. Текли секунды, казавшиеся вечностью, потому что она по-прежнему не могла оторвать взгляда от глубокого омута его голубых глаз. Она откинула голову, изо всех сил стараясь отвести взгляд, и поклялась, что не покажет своей слабости. Огонь то утихал, то снова разгорался в тишине, и отблески его танцевали по стенам, проникали прямо ей в душу. Но это не огонь, внезапно поняла она, а сила, исходящая от викинга. Мускулы играли на его обнаженных руках, отливающих бронзой. Перед ней стоял великолепный воин, уверенный в себе и беспощадный. Одновременно она ощутила и другую силу, силу его ума, и в эти мгновения ей стало ясно, что она вступила в борьбу не с глупцом, а с человеком, который всегда думал, прежде чем принимать решение, и тщательно взвешивал свои поступки. Если он задумал отомстить, он это сделает и будет готов отразить любой ее удар. Он пристально смотрел на нее, но она не дрогнула, не потеряла самообладания. Он сказал, обращаясь к королю: — Действительно, Альфред, вы предложили мне в жены самое лучшее сокровище Саксонии. Все сенешали из страны моей матери посрамлены, она превзошла и всех скальдов Норвегии, потому что ни один человек не может рассказать легенду таким прекрасным голосом и сопровождать ее столь чудесным танцем.

Он взял ее за руку. Ее нежные пальцы утонули в его огромной длани.

До Рианон с трудом дошло, что король тоже встал. Напряжение продолжало висеть в воздухе, как туманный водоворот, как жар, отгородивший их от окружающих.

— Конечно, она удивительна, — продолжил Эрик. — Я чуть было не бросился сражаться с моими собственными предками, хотя уже давно от них остались только бесплотные души. Эта прекрасная леди, которая так гостеприимно встретила меня на берегу, настолько хороша, что я просто околдован.

Совершенно неожиданно его пальцы стиснули ее руку так сильно, что она чуть не закричала. Его глаза загорелись настоящим ледяным огнем, когда он повернулся к королю, не отпуская при этом ее руки.

— Дорогой Альфред, я настолько очарован, что не могу больше ждать, чтобы объявить ее моей невестой. Пусть семена раздора останутся на прибрежных скалах, чтобы они не смогли укрепиться и прорасти. Давайте забудем прежнее и скрепим наш союз здесь и прямо сейчас. Я не посрамлю вашего королевского дома, но я не переживу еще одной ночи без этого прекрасного залога мира и доброй воли.

Ей показалось, что ее кровь застыла в жилах, и она потеряла способность не только протестовать, но и дышать. Ну и победу одержала она! Конечно, она пережила мгновения торжества, но теперь он отнял их у нее.

Альфред хмурился. За столом послышались выкрики, смех викингов и громкие одобрительные возгласы англичан.

— Нет, — прошептала она.

Этого нельзя делать, это неприлично и непорядочно! Сейчас невозможно отслужить мессу. Уже поздний час, взошла полная луна, а в воздухе было знамение бури. А утром воины выступят в поход. И ей будет дана отсрочка.

Альфред все еще хмурился. Альсвита что-то шептала на ухо, в Рианон была уверена, что королева предупреждала его, что все это напоминает обычаи язычников, а не христианские свадебные обряды.

— Нет! — прошептала она снова, стараясь высвободить свою руку. Но ей это не удалось. Он держал ее железной рукой, негибаемой и непримиримой. Против своей воли она задрожала от страха. Она снова и снова вставала на его пути, и любой на его месте презирал бы ее после той сцены, которую он увидел. Но он и в самом деле был викингом, человеком, не придающим значения приличиям, и своими средствами завоевывающим то, чего он сильно желает и требующим этого беспощадно. Король колебался.

— Этого нельзя сделать, — отец Павел встал из-за стола. — Это не может быть сделано сейчас и здесь!

— Мы ведь можем пойти в храм, где всегда соблюдаются Божьи законы, правда ведь, отец? — требовательно сказал Эрик. — Оглашение свадьбы уже состоялось, и помолвка признана действительной. Это по моему решению откладывали свадьбу, но теперь я требую своих законных прав. — Он ударил себя в грудь кулаком и драматически опустился на одно колено, все еще крепко держа Рианон. Она увидела его глаза, в которых не было никакого смирения, соответствующего его позе, а бушевал едва сдерживаемый гнев.

— Клянусь Богом, я иду в поход с великим и благородным саксонским королем Альфредом Уэссекским. Я с радостью умру за него, но после того, как сегодня вечером я увидел всю прелесть моей нареченной, я сделаю ее своей женой до выступления в поход!

Люди Эрика начали с грохотом ставить свои кружки на столы, многие из них были пьяны.

«И саксонские воины тоже пьяны», — горько подумала Рианон.

Это была ее судьба. Шум рос, она видела выражение лица короля и понимала, что он взвешивает ситуацию и решает, как ему поступить. Завтра они выступают против Гутрума. Он не рискнет поступиться договором и доброй волей своего войска. Свадьба откладывалась по просьбе ирландского принца, но король знает, что Эрик теперь предлагает единственно возможный путь сохранить мир среди воинов. Рианон опозорила их всех, но принц Дублинский великодушно согласился назвать ее невестой, несмотря ни на что, а когда она снова попыталась оскорбить его, он заявил о своих правах.

Никогда еще мысли короля не неслись с такой скоростью. Никто, кроме его близких, не мог постичь силу его гнева, потому что он хорошо владел собой. Никто, кроме близких ему людей... И Рианон.

Шум в зале нарастал, став в конце концов оглушительным. Наконец король произнес:

— Да будет так! Брак свершится немедленно! Голоса стихли, и встал Ролло, высоко подняв свой кубок.

— За молодых! Мы будем пить и праздновать, пока будут готовить невесту.

На лице короля играли отблески огня. Ему не нравилась поспешность этой церемонии, но у него не было другого выхода. Рианон почувствовала, что ее пальцы сейчас будут раздавлены и сломаны. Викинг пристально смотрел на нее с холодным предупреждением. Пока вокруг шумели, он прошептал, и она отчетливо слышала каждое его слово.

— Не беспокойтесь, леди. Никаких дальнейших разногласий между нами. Неужели вы на самом деле так думаете об этих людях, что хотите бесчисленных гей в кровавой бойне?

— Нет!

Он поднял руку и обвел ею зал:

— Они вскормлены войной. Эти ирландцы, англичане и норвежцы. Они легко меняют свои решения и привязанности и привыкли, что каждое оскорбление требует возмездия. Я поступил так только по необходимости. Теперь вам придется закончить представление, которое вы так ловко начали.

Она опять попыталась освободить свои пальцы, но не смогла. Она увидела, что пришли женщины, по-видимому, чтобы помочь ей облачиться в свадебное платье. Она подумала о предупреждающем жесте викинга, и ею овладела слабость. Казалось, он отлит из бронзы, и вряд ли кто-то может превзойти его силой, женщина и подавно. Его ненависть ошеломляла, а гнев ужасал.

— Ты ведь не хочешь этого! — бросилась она в новую атаку. — Я знаю, что ты не можешь хотеть жениться на мне! Останови все это, ты ведь можешь!

Его зубы были стиснуты, а взгляд тяжел и холоден, пока она безнадежно пыталась принудить его поступить по-своему.

— А как же твои опасения, что я ношу чужого ребенка? Лекарь мог и ошибиться. А может, это я предала тебя. Положи этому конец немедленно, и я уеду к святым сестрам и...

— И будешь молиться, чтобы в битве меня настигла смерть. Леди, ничего не выйдет. Я ведь ничего не забываю. И у меня нет никаких опасений относительно тебя.

— Но ты ведь видел меня в роще...

— Очень не умно напоминать мне об этом, — сказал он вежливо и холодно, так что она невольно поежилась, — Я всегда говорил, миледи, что свои домашние дела я решаю, не вынося сора из избы. И я легко могу проверить, прав или не прав был лекарь. И если ты настолько опозорила королевский дом Уэссекса и действительно носишь ребенка, тогда придется вернуться к начальным условиям договора.

Его глаза заблестели, и голос звучал драматично, и она не могла понять, насмехается он над ней или говорит серьезно.

— Сегодня вечером ты показала знакомство с обычаями норвежского народа. Но хорошо ли ты понимаешь викингов? Ты не обратила внимания на людей, которые стояли за этим. Ты даже не потрудилась понять, что во мне течет и ирландская кровь. Ты не сочла меня и христианином. А на севере, когда рождается нежеланный ребенок, этот вопрос решается легко. Ребенка просто-напросто оставляют в снегу, на льду, и боги ада приходят забрать его.

— Вы убиваете невинных младенцев?!

— Я просто рассказываю, как поступают на севере в таких случаях. Возможно, в следующем своем повествовании ты используешь эти сведения.

— Но... — пробормотала она в замешательстве, не сводя с него глаз. Колени ее подгибались, и снова она ощутила жаркое напряжение между ними. Ей хотелось ударить его,

причинить ему боль. Никого она не ненавидела так сильно, как этого человека, но никто до этого не поднимал такой бури в ее душе. Ее сердце бешено колотилось, и дышать было трудно. Она страшилась его темперамента, но больше всего ее пугала наступающая ночь.

— Я буду ненавидеть тебя вечно, — поклялась она. Он улыбнулся и быстро кивнул:

— Отправь меня в Вальхаллу, ты все равно не остановишь свадьбы... и не избежишь брачной постели этой ночью.

Он сделал шаг в сторону.

— Подожди! — закричала она, и он быстро обернулся. Она не находила слов.

— И ты позволил бы своему собственному сыну умереть в снегу? Ты ведь не узнаешь правды, — восклицала в смятении Рианон. — Если...

— Если я разделю постель с тобой сегодня? — перебил он. — Мне кажется, что у тебя трудности не только со словами, но и с действиями. Что ты имеешь в виду?

— Да! — неистовствовала она. — Если ты переспишь со мной, ты никогда не узнаешь, чьего ребенка я ношу.

— Но ведь я наполовину викинг, — сказал он насмешливо. — Насилие и похищение — моя стихия, они у меня в крови. Не бойся, я многое повидал на своем веку. И я принял решение, я знаю, что делаю.

— Но, если...

— Никаких «если», сударыня. Какова бы ни была правда, я до нее докопаюсь. Я узнаю все.

— Нет! Слушай, я неподходящая невеста для тебя! Не только Рауен, бессчетное количество мужчин были моими любовниками.

Ее паника была так велика, что она с трудом осознавала, какую чепуху несет.

Рианон тихонько вскрикнула от боли, потому что он неожиданно притянул ее к себе. Ей пришлось далеко назад откинуть голову, и она почувствовала, как биение ее сердца отдается эхом в его сильной груди.

— Прекрати, прекрати сейчас же! Бракосочетание свершится сегодня вечером. И не вздумай валять дурака в церкви, потому что мое терпение подходит к концу, и если бы ты на самом деле знала хоть что-нибудь о мести викингов, то побоялась бы навлечь ее на себя.

Она не могла больше дышать. Всем своим телом она ощущала мощь, его несокрушимую силу. Она почувствовала прикосновение его обнаженных рук к своим рукам и задрожала, вспомнив, что совсем скоро у него будут все права на нее, он сможет сделать с ней все, что захочет. Она затрепетала, не в силах отвести взгляда от его рук, лежащих на ней. Сильных рук, с длинными и красивыми пальцами. Она подумала, ласкали ли эти руки когда-нибудь женщину, а потом снова задрожала, понимая, что нежности от него не дождешься. Она со всей ясностью осознала свое будущее, то, что ее жизнь отныне в его власти, что она будет принадлежать этому золотоволосому гиганту до конца своих дней.

— Пожалуйста, — прошептала она в отчаянии. — Подумай об этом! Этого не должно произойти! Перед нами годы...

— Миледи, перед нами действительно годы. И они начнутся с сегодняшней ночи.

Он резко отпустил ее, повернулся и ушел, а саксонские служанки, ждавшие на некотором расстоянии, подошли ближе, чтобы препроводить ее на женскую половину.

Когда ее мыли, наряжали и украшали перед торжественной церемонией, ей хотелось упасть на колени, бить себя в грудь и рвать на себя волосы, но она знала, что, несмотря ни на какие сцены, викинг настоит на заключении брака. Если он что-то задумал, все произойдет

по его желанию.

Альсвита расчесывала ей волосы, в то время как остальные женщины трудились над платьем Рианон. Королева дала ей вина, чтобы она немного успокоилась, и Рианон вскоре поняла, что в кружке было не только вино. Она перестала дрожать, и хотя мечты о спасении все еще роились у нее в голове, ею овладело полное безразличие.

Она сможет прийти в храм, но откажется вымолвить и слово. Она подождет, когда они предстанут перед алтарем, а потом скажет свое «нет».

Она сразу же с горечью сообразила, что ни он, ни кто-либо еще из присутствующих не придает никакого значения ее словам, если они даже будут не такими, как надо. Брак — это сделка, самая обыкновенная сделка. Она понимала, что не найдет сочувствия даже у Альсвиты, потому что королева сама происходила из королевского дома Мерсии, и ее собственный брак с Альфредом также преследовал политические выгоды. Им просто повезло, что, пройдя через годы совместной жизни, они полюбили друг друга. Хотя Рианон было известно, что и они пережили трудные периоды, что временами королева находила в короле больше твердости и даже жестокости, чем доброты и благочестия, и не однажды осуждала его за беспощадность.

Чем дольше она стояла, тем меньше ее занимало происходящее вокруг. Через час она была холодна и равнодушна, но изысканно-прекрасна в платье, которое так тщательно готовили к этому торжественному случаю. Ее волосы горели расплавленной медью, и от ее кожи веяло запахом розы. Она не сопротивлялась, когда ее вели из дома через двор к церкви. Она была печальна, но осознавала значимость момента.

Что бы ни добавила королева ей в вино, она сделала доброе дело, потому что Рианон смогла идти с гордо поднятой головой, сохраняя свое достоинство. Она ненавидела короля, но не протестовала, когда он взял ее за руку. Она презирала викинга, — нет, он не должен был одеваться как ирландец! Викинга, который ждал ее у алтаря, не более веселый, чем сама, хотя при ее появлении его губы тронула чуть заметная усмешка, а в глазах мелькнуло любопытство.

Она была вынуждена признать, что выглядел он великолепно, но смотрела на все происходящее словно откуда-то издалека. Он был выше всех собравшихся в церкви, волосы его блестели золотом, глаза смотрели жестко и пронизательно. Гордая посадка головы делала его еще более красивым.

Отец Павел заговорил. Рианон чувствовала руку короля, но его прикосновение было легким. Он вручил ее викингу, и она вздрогнула, потому что эта рука была тверда.

Она огляделась вокруг и увидела горящие факелы и лица ее соотечественников, толпившихся вокруг нее. Лицо Альсвиты, лицо короля, Аллена, Вильяма... и лицо викинга и ирландца... все поплыло перед глазами. Ее внимание привлекло лицо старика с морщинистой кожей и бородой почти до земли. Он внимательно глядел на нее с какой-то необыкновенной добротой, и ее сердце дрогнуло, когда она посмотрела на него долгим взглядом. Она невольно улыбнулась ему, а он кивнул ей так, как будто понимал все.

Отец Павел без конца откашливался. Он упорно бубнил что-то о христианской вере и о важности таинства брака. Он, вероятно, говорил слишком долго, потому что викинг, наконец, прервал его.

— Довольно об этом, отец!

Тогда ее призвали почитать его, как своего мужа, и повиноваться ему.

— Почитать? Повиноваться? Викингу! И не подумаю! — сказала она с издевкой.

Наступило молчание, продолжительное и напряженное. Потом она почувствовала, что ее развернули и крепко прижали к малиновому плащу с изображением волка. Он взял ее за подбородок, прикосновение не было нежным, но оно не причинило ей боли.

— Тебе придется меня почитать, и я обещаю, что и повиноваться тебе тоже придется. Он устоял на отца Павла.

— Продолжай.

Потом было сказано что-то еще, но от нее уже не ждали ответов. Ее поспешно объявили женой Эрика Дублинского. Христианская церемония завершилась хором развязных и непристойных выкриков, больше подходящих язычникам, и она очутилась в руках своего мужа. На какой-то миг она встретилась с ним взглядом, а потом почувствовала его губы, с силой прижавшиеся к ее губам.

Она хотела было сопротивляться и прижала ладони к его груди, но это было то же самое, что противостоять урагану, сметающему все на своем пути, она хотела отвернуть голову, но его пальцы запутались у нее в волосах. Это был не короткий поцелуй, не просто легкое прикосновение губ. Его рот прильнул к ее рту, и пылающий поцелуй подавил ее сопротивление. Его язык заставил ее губы раскрыться и проник в глубины ее рта, приведя в восторг своей дикой несдержанностью. Она чувствовала, что он завладевает всем ее существом. Она попыталась освободиться. Но его руки были слишком сильны, а его поцелуй так страстным, медлительным и уверенным, что какое-то незнакомое тепло наполнило ее, как стрела отдалось в нижней части ее живота. Она старалась вздохнуть, почти теряя сознание, и была захвачена и потрясена происходящим с ней, когда он неожиданно отпустил ее.

Она чуть не упала, но он схватил ее за руку. Она пристально посмотрела на синий огонь в его глазах и прижала пальцы к распухшим губам. Люди все еще что-то выкрикивали в бесконечной разноголосице. Мужчины начали дружески похлопывать Эрика по спине, а Альсвита и жены других английских дворян подошли, чтобы поцеловать Рианон. Сладостное чувство удивления осталось в ней и этот новый, пронизывающий ее жар.

Она его презирала. Она помнила все бесчестье, которое он навлек на нее, и то, кем он был от рождения. Но вместе с тем, когда он касался ее, она вся загоралась. Она чувствовала себя, как посаженный в клетку зверек, во что бы то ни стало стремящийся обрести свободу, несмотря на все барьеры и преграды.

Он исчез из ее поля зрения, а ее окружила толпа женщин. Воины обнимали и целовали ее в щеку, шумные и пьяные от вина и эля, которые лились рекой, и возбужденные происходящим.

Потом она вышла из церкви на свежий весенний воздух. Послышались звуки лютни, смех и медленный успокаивающий звук барабанов. При свете луны начались танцы, и ее тоже вовлекли в круг. Снова лилось вино, теперь уже из рогов викингов, и когда ей подали один, она осушила его до дна.

Она плохо понимала, что происходит, пока ее не привели в одну из небольших построек в некотором отдалении от главного дома усадьбы. Когда ее ввели внутрь, она увидела, что там всего одна комната с огромной кроватью, застеленной свежим льняным бельем, с пышными перинами и легкими покрывалами. При виде ее она побледнела и замерла, но женщины все еще не уходили. Они смеялись и рассказывали, как сами провели первую брачную ночь; некоторые гадали, одарила ли природа викинга ниже пояса той же мощью, которой отличался его торс, в то время как другие сотрясались от смеха.

С нее сняли свадебный наряд. Несколько секунд она стояла обнаженная, а потом на нее надели через голову прозрачную ночную рубашку. Она закрыла глаза, чувствуя себя еще более уязвимой, чем прежде. Рубашка ничего не скрывала, а только подчеркивала все линии ее тела. Сладостное оцепенение, в котором она находилась в течение всей свадьбы, теперь покидало ее. Королевы среди женщин не было, а Рианон очень хотелось попросить у нее еще того снадобья, чтобы оно помогло ей преодолеть ужас предстоящей ночи.

Внезапно наступила тишина. Женщины умолкли, Рианон повернулась в своей прозрачной рубашке и увидела, что он стоял в дверном проеме.

Он слегка наклонился, входя в комнату. За ним толпились мужчины, хриплыми выкриками подбадривавшие новобрачного.

Он пристально посмотрел на нее, и она почувствовала, что его взгляд как трепещущее пламя опалил самое ее существо. Он оглядел ее с ног до головы, а мужчины молча стояли позади него.

— Доброй ночи, друзья, — сказал он.

Никто не двинулся, и тогда он посмотрел многозначительно на женщин. И по-прежнему никто не двинулся с места, потому что все, казалось, застыли в благоговейном страхе.

— Идите, — скомандовал он.

Он шагнул в комнату, кто-то что-то крикнул, и женщины ушли, последовав за мужчинами.

Дверь за ним закрылась. Некоторое время Рианон стояла, прислушиваясь к болтовне и смеху гостей, а потом эти звуки исчезли в тишине. Мир медленно поблек перед ее взглядом.

Перед ней был только викинг.

Подбоченившись, он улыбался. Но эта улыбка не была теплой. Она была ледяной, как и цвет его глаз.

Она мысленно поклялась, что не будет бояться его. Она дала себе клятву, что будет презирать его, собрав всю свою гордость и достоинство, неважно, что будет дальше.

Но эта его улыбка лишила ее присутствия духа.

Не спуская с нее глаз, он расстегнул плащ. Ее начал бить озноб, несмотря на все твердые намерения.

— Леди... Жена! — пробормотал он. Он расстегнул пояс, на котором висел меч, и он с грохотом упал на пол.

Храбрость ее растаяла как лед под лучами солнца. Она все время ощущала на себе его насмешливый взгляд и со страхом взирала на его сильные бронзовые руки.

А потом он шагнул ей навстречу, и она увидела, что его улыбка была суровой, а зубы крепко стиснуты.

Она судорожно вздохнула, страх парализовал все ее существо. Слишком поздно поняла она, как далеко зашла. Она сражалась с ним, ранила его, предала его, сделала все, что могла, чтобы опозорить его. Да, она чересчур далеко зашла.

Пропади все пропадом, — подумала она, — и ее смелость, и гордость, и честь, и даже Уэссекс. Она хотела одного — бежать, не важно куда. Он сделал еще один шаг по направлению к ней, и она вскрикнула и отскочила, намереваясь ускользнуть от него, ища прибежища в темноте ночи. Но убежать ей не удалось. Его пальцы вцепились в ее волосы, и он дернул ее к себе, как куклу на веревочке. Она ударилась об его тело, твердое как сталь, а ее лицо обожгло его дыхание.

— Вот как! Ты хочешь избавиться от меня этой ночью? Не думаю, что это тебе удастся.

Сладостная, сладкая месть настала наконец.

Его руки обвились вокруг нее, и он без всякого усилия оторвал ее от пола. Его глаза метали ледяные молнии.

Он с силой швырнул ее на белоснежное супружеское ложе.

Ошеломленная Рианон хватала ртом воздух, и несколько секунд лежала не двигаясь, ничего не соображая. Он улыбнулся, глаза его сузились, и она поняла, что он ясно помнит каждое оскорбление, нанесенное ему — от смертельного дождя стрел до ее свидания с Рауеном. Она испуганно наблюдала, как он раздевается, а его глаза, холодные и голубые, неотрывно смотрели на нее. Штаны, камзол, тонкая льняная рубашка — все уже было снято и брошено в беспорядке, куда попало, а она все еще не могла шевельнуться и едва дышала.

Пламя бросало отблески на мощный торс и плечи. Грубые золотые волосы покрывали его грудь, спускаясь ниже, гладкие мускулы отливали золотом и бронзой в мерцающем пламени камина. Она пыталась смотреть прямо ему в глаза, но не выдержала его взгляда, и ее снова охватила дрожь. Притягивающая взгляд золотистая поросль выющихся волос на груди сужалась к талии и становилась гуще в паху. Она не могла отвести глаз напрягшегося атрибута его мужской сущности, и ее горло пересохло, а кровь бешено побежала по жилам от непонятного волнения, охватившего ее. Ей захотелось закричать, убежать, раствориться в самом воздухе. С возрастающим ужасом она снова перевела свой взгляд на лицо и вздрогнула, прочитав на нем злобную насмешку. В этом человеке была странная дикарская красота — в гордой посадке его головы, в насмешке, блестящей в глазах, в гибкой, звероподобной грации его стремительных движений, когда он приблизился к ней.

— Ночь, которую ты запомнишь на всю жизнь, моя дорогая... жена.

— Нет! — прошептала она.

Она поднялась на колени, перепуганная до ужаса, потому что была уверена, что он намерен отомстить самым жестоким образом. Она не могла спокойно лежать и ждать, какие пытки, и зверства обрушит он на нее.

Она попыталась соскользнуть с кровати, но он поймал ее за плечи и свирепо бросил назад. Он лег на нее, обхватив ее ногами, прижав ее запястья и придавив тяжестью своего тела. Она молча пыталась бороться, но его сила намного превосходила ее собственную. Когда он прикоснулся к ней, по ее позвоночнику побежали трепещущие языки пламени, а когда она заглянула в его глаза... молнии, сверкавшие в них, пронизали ее насквозь.

— С чего бы мне начать? — спросил он. — Побить тебя или взять силой?

— Отпусти меня...

Она высвободила было руки, но он снова поймал их, прижав с обеих сторон ее лица, и склонился к ней еще ниже. Его дыхание согревало ее губы, и проникало внутрь. Она купалась в его запахе, удивительном мужском запахе, таком же возбуждающем, как и его прикосновения.

Он шептала какие-то слова так близко, что его борода щекотала ее тело, словно на ней и не было никакой ночной рубашки.

— Дорогая жена! Был момент, когда я решил совладать с собой. Чтобы доказать тебе, что я воспитан на законах более древних, чем английские. Я намеревался вести себя, как самый благородный дворянин, чтобы тебе показать все лучшие стороны моей натуры.

В его тоне была насмешка, но не было ни капли нежности. Его тело зажгло ее огнем. Она ощущала сквозь тонкую ткань рубашки его прекрасное тело, его силу, напряжение его члена, и это было гораздо большей издевкой, чем то, что он говорил. Она бы лучше умерла, чтобы освободиться от волнующей близости его тела и страшной насмешки в голосе, от

прикосновения бороды и груди, от крепких мускулов его ног, которыми он сжимал ее.

— Пожалуйста, — выдохнула она. Она была словно в тумане, молилась, чтобы сознание покинуло ее, чтобы она провалилась в бездну, где можно не бояться, что он вот-вот войдет в нее своим членом, чудовищным и жестоким.

Лучше бы уж она умерла. Или пусть он убьет ее.

— Да, я хотел казаться цивилизованным! Ты посылала в меня летящие стрелы, дралась со мной, как дикая кошка. Но я пытался поверить в твою невиновность. Даже когда я застиг тебя, свою нареченную, в лесу с любовником, я пытался тебя понять. Но ты стала танцевать и петь... красноречиво. Ты причиняла боль моему сердцу и душе. И я подумал об этих моих далеких предках, которые приплыли в Линдерсфарн и так жестоко его разрушили. Я подумал о боевых схватках и потоках пролившейся крови, о том, что темная жажда насилия действительно у нас врожденная, Рианон...

Он скатился с нее, но не отпустил ее. Пальцы крепко сжимали ее запястья, он потянул ее на себя и рывком поставил на ноги рядом с постелью.

— Ты назвала меня язычником, увы! Грубая и примитивная сторона моей натуры выплеснулась наружу. Я увидел тебя во всем великолепии твоей наготы. Я видел, как ты срывала одежды перед любовником, как самая искушенная шлюха, а потом я увидел твои движения во время танца. Я увидел, как извивались твои бедра и вздымались твои груди, и вожделение вошло в мою кровь, и я не мог больше терпеть. Я понял, что мне надо действовать, как мои предки, жестоко, безжалостно...и утолить свою страсть.

Последние слова были сказаны глубоким волнующим страстным шепотом. Это быстро вернуло ее к жизни.

— Нет! — в отчаянии она стала вырываться. Но ей не удалось добиться своего, и она быстро это поняла. Он ослабил хватку и освободил руки специально, чтобы в любой момент схватить ее снова, притянув к себе за край рубашки. Когда он с силой разорвал материю, его пальцы коснулись напрягшихся грудей. Легкая материя расползлась под его пальцами, будто растаяла. Рианон хваталась за нее, но он не позволил ей прикрыться. Судорожно и беспощадно он рванул оставшуюся материю с ее плеч. Она повернулась к нему, пытаясь ударить его, но он успел схватить ее и бросить на постель, теперь совсем обнаженную. Она попыталась встать. Ей хотелось обманом успокоить его.

— Ты — не язычник! Ты ирландец, христианин. Я была не права с самого начала. Я нахожу, что ты даже добр...

— Ты находишь меня добрым? О, нет, леди, ты лжешь! — пригрозил он и упал на нее снова. Она чувствовала на себе каждую частичку его тела. Он коснулся ее губ своими, и она начала извиваться под ним. Она уже больше не надеялась его утихомирить.

— Зверь, проклятый волк, гнусная собака!

— О, твои слова подливают масла в огонь, моя прелесть! Нами правят страсть и вожделение, и ничего больше!

С диким ожесточением она снова попыталась ударить его, но снова ее руки были пойманы и прижаты к постели. Она продолжала обзывать его, потому что это было все, что она могла сделать, чтобы перебороть свой страх.

— Волк, собака, дикое животное, язычник! — повторил за ней он. — Что же еще вы хотели, леди, пробудить в мужчине, танцую сегодня вечером?

Она умолкла, боясь отвечать. Блеск его глаз мог соперничать лишь с силой мышц его рук и ног. Его губы снова скривились в усмешке, и он коснулся ее грудей, сжав их

напрягшиеся округлости руками. Она замотала головой, стиснула зубы, стараясь не закричать, когда он провел ладонью по мягким бугоркам, схватил ее соски и сжимал их, пока они не налились и не затвердели, поднявшись наряженными пиками. Она лежала потрясенная, едва дыша. Она чувствовала ужас и унижение от того, что ее тело так реагировало на его прикосновения. Она презирала этого мужчину, ненавидела его сильнее, чем это можно было представить. Но ее тело не слушалось, огонь пробегал по ее жилам, и хотя ей и хотелось закричать, язык не слушался ее. Она могла только лежать и молиться, чтобы выражение лица не выдало ее чувств, чтобы оно выражало презрение, а не замешательство. Он наблюдал за ней как хищник, уставившись прямо ей в глаза, и ждал реакции с острым любопытством. Тогда она начала яростно браниться. Она старалась изо всех сил в диком и безудержном испуге, но не достигла ничего и только почувствовала, что он еще сильнее вклинился между ее ног, постепенно, все ближе и ближе. Она чувствовала его горящий и трепещущий член между своих бедер и снова подумала, что лучше было бы ей впасть опять в беспамятство...

— Рианон...

Снова он тихо и нежно прошептал ее имя, и его шепот был как трепещущие языки пламени на ветру. Он коснулся большими пальцами ее сосков и стал ласкать полные груди, а затем провел пальцем по ложбинке между ними, и она почувствовала, что это прикосновение как ножом резало ее плоть.

— Увы, я — викинг, животное. И этому виной ты, ты сама хотела, чтобы я стал таким. И более того, причиной этому твоя несравненная красота. Я хотел быть добрым и нежным, правда. Я намеревался молча страдать от твоих стрел. Я хотел забыть, как ты с таким нетерпением жаждала другого, будучи помолвленной со мной. Я хотел уехать и оставить тебя, пока не свершится битва. Но твоя соблазнительная красота победила меня. А эти глаза! Они отливают серебром звезд в ночи, они — васильки, растущие на весенних полях. Они отражают в себе все, загораясь страстью, добрые, когда ты смеешься, призывные и хитрые, а потом снова невинные. А твои волосы! Красные, как огонь, золотые, как солнце. А эти груди, которых я касаюсь, такие красивые и полные, твердые и с розами вместо сосков. Я — викинг, как ты и сказала. Я — дикарь, и я — жесток. И я сгораю от вожделения, леди! Я умираю от желания проникнуть в тебя, в слепой страсти обладать тобой.

Его интонация была завораживающей, несмотря на его слова, его тело было крепким, как сталь, а глаза — как синее пламя. Его голос проникал глубже, глубоко в нее, и она дрожала и трепетала так, что он не мог этого не заметить. Его лицо было так близко. Черты его красивого лица потемнели и посуровели, а губы скривились в презрительной усмешке.

Она не должна так трусить. Начиная эту борьбу, она боялась куда меньше. Прикосновения его рук ошеломяли ее и обжигали тело огнем. Она не могла больше терпеть горячий угрожающий трепет его напряженного члена, она не могла больше терпеть его обнаженную плоть.

Ни секунды больше!

— Довольно! — выкрикнула она. — Ударь меня, насилуй меня, делай что хочешь со мной, только быстрее!

Но он никуда не торопился. Он мягко очерчивал ее груди снова и снова, так, что она готова быластонать от такого нового, такого ошеломяющего наслаждения, унижавшего ее больше, чем боль.

— Нет, — сказал он и сел. Он спокойно посмотрел ей в глаза, но она не смогла

прочесть там ничего.

— Что? — прошептала она.

— О Рианон! Я не собираюсь бить тебя, или насиловать, или делать еще что-то в этом роде. Ты соблазнительница, и я убежден, что у многих мужчин роились в голове дикие мысли сегодня вечером — как у саксонцев, так и у викингов, и сказать по правде, хотя я и язычник, я изо всех сил стараюсь не совершить над тобой насилия.

Да, он старался. Выругавшись, он оттолкнул ее, поднялся и стал шагами мерить замкнутое пространство комнаты. Он хотел насмеяться над ней в наказание за все ее проступки, а потом холодно отвернуться и оставить ее ни с чем.

Но это оказалось не так-то просто. Она была ему женой, и вызвала в нем адский огонь желания. У него были все права на нее, и она действительно заслужила, чтобы над ней надругался самый жестокий завоеватель, когда-либо вторгавшийся на эту землю.

Он не хотел даже, чтобы она молила его о пощаде, она была отчаянным борцом, но она не должна никогда ставить под сомнение его твердое, как сталь, решение.

Но она преследовала его. Даже когда он был с ней, даже когда он смотрел в ошеломляющую глубину ее серебряных глаз, он не мог выбросить из головы картины недавнего прошлого. Он не мог забыть, как она сбрасывала одежды перед любовником. Возможно, их прервали до того, как они осуществили свои намерения, но он до сих пор видел ее с глазами, горящими светом звезд, и с печатью нежности на лице.

Но он же не любит ее! — напомнил он себе. Ему не нужна ее нежность. Но ему и не хочется заниматься любовью с женой, которая трясется от страха при одном его приближении.

Но ведь она и не трясется от страха. Она никогда не прекращала бороться с ним, — повторял он себе, восхищаясь, и одновременно теряя силы от ее сопротивления. Даже теперь. Уголкем глаза он заметил, как она напряглась, готовая сопротивляться снова.

Она прыгнула с постели, но он уже был около нее. Его пальцы вцепились ей в волосы, и он сам запутался в них:

— И не думай! Даже не думай бежать от меня! Если ты убежишь ОТ меня на край земли, я тебя найду и притащу назад. Теперь ты — моя собственность, как меч, который я ношу и как лошадь, на которой я скачу.

— Я не тоже самое, что лошадь! — бросила она ему.

— Нет, конечно, потому что белый конь — прекрасный скакун, а тебе еще нужно показать свои качества.

Разъяренная Рианон замерла, а затем ударила его по лицу с неожиданной быстротой и силой. Звук удара показался оглушительным в наступившей тишине. Она увидела красный отпечаток своих пальцев у него на лице.

Его реакция напугала ее больше, чем мог бы испугать ответный удар. Он не двинулся с места, выражение его лица не изменилось, и если бы она не видела, как бешено пульсирует жилка на его шее, она бы подумала, что он вовсе и не почувствовал ее удара. Она подумала, что лучше бы он ударил ее в ответ, и попыталась отступить подальше, но его пальцы держали ее волосы и не отпускали. Перепуганная и чуть не рыдающая, она попыталась освободить свои волосы от его хватки.

Ее обнаженные груди коснулись груди Эрика. Он почувствовал твердость ее сосков, призывно касающихся его плоти и, несмотря на свой гнев, а может быть, как раз из-за него, почувствовал новый прилив желания. Резкого и непреодолимого желания овладеть ею. Ее

губы были на расстоянии вздоха от его губ.

— Рианон, — сказал он мягко. — Ты-моя жена. И хотя я действительно не хотел причинить тебе боли, но клянусь Господом, силой или нежностью я овладею тобой этой ночью.

Ее глаза встретились с его взглядом. Ее глаза были открыты и сухи.

— Нет, — прошептала она.

— Да!

Он отпустил ее волосы. Его рука коснулась ее затылка, и он взял ее на руки, повернув спиной к кровати. Она задрожала, но неотрывно смотрела ему в глаза, и ему опять казалось, что он попал под очарование ее танца, ее соблазна.

Он лег рядом с ней, но прежде чем она успела сделать; какое-либо движение, прижал ее ногой, не переставая всматриваться в ее серебряные глаза.

— Ты сказал, что не будешь меня бить или насиловать. Ты обещал.

— Я ничего не обещал, но разве я тебя ударил или овладел тобой силой?

— Но ты хотел...

— Это не насилие. Перестань сопротивляться. Битва проиграна. Она была уже проиграна, когда мы вошли в эту комнату.

— Нет, — повторяла она, мотая головой. В ее широко открытых глазах было отчаяние. Она понимала, что ее протесты напрасны. Он улыбнулся, положив руку ей на грудь, и почувствовал неистовое биение сердца. Он сжал одну ее грудь своей мощной рукой, и, вздрогнув от этого нового ощущения, она затаила дыхание и больше не говорила ничего, не сопротивлялась.

Она не могла протестовать, она боялась сопротивляться, она боялась даже пошевелиться. Она презирала его, напонила она себе, и правда, так и было, он был ее врагом до самых ворот ада, она была уверена в этом, но что-то в его самонадеянности и уверенности притягивало ее. Он всегда будет действовать, как сочтет нужным, не думая о последствиях! В его голосе было тоже что-то неуловимое...

А это его прикосновение...

Она вся затрепетала, ей некуда было деться от его мускулистых бедер, от его сильных рук, от магнетической энергии его взгляда. Она сомкнула ресницы, но могла еще видеть его большую загорелую руку, которая двигалась по ее телу цвета слоновой кости. Она действительно ненавидела и его, и его руки, и свои ощущения, хотя они были совершенно новыми. Наслаждение неожиданно окутало ее. Ей казалось, что медленно разгорающийся огонь воспламенился в ней, и она не могла определить его источника. Потом она поняла, что пылает под его рукой, касающейся ее соска, а потом этот жар проник в то место между бедрами, которое было сутью ее женского естества.

— Пожалуйста... — прошептала она.

— Никаких пожалуйста...

— А что, если...

— Ты лгуныя, Рианон, — сказал он ей, не переставая гладить ее.

Это было сумасшествие, это было великолепно, было божественная мечта, это было греховное наслаждение.

— Но...

Он натянуто улыбнулся:

— Прекрати свои протесты. Я не монах, и не собираюсь вести монашескую жизнь. И ты

не такая уж желанная и нежная невеста. Тем не менее, мы скоро узнаем всю правду о твоей встрече с Рауеном в роще. Тебе нечего бояться. Хотя ты и называешь меня язычником, я не буду причинять вреда невинному младенцу. Если ты носишь семя другого мужчины, этот ребенок просто будет обещан святой церкви. Я никогда не убил бы ребенка, даже твоего.

— Я... Я не верю тебе, — она облизнула губы. Ее протесты были напрасны. Он скоро обнаружит сам, что ее свидание с Рауеном было вполне невинным.

Но даже если бы это было не так, с Рауеном она никогда бы не почувствовала того, что ощущала сейчас. Она любила Рауена, но его поцелуи и ласки не зажигали в ней такого странного ошеломляющего огня, как прикосновения этого ненавистного ей человека.

Он улыбнулся, и теперь это была странная, мальчишеская улыбка, задумчивая и печальная.

— У меня девять братьев и сестер. Шесть братьев и три сестры. Моя мать потеряла только одного ребенка, но и по нему она глубоко горевала, сильно и долго. Может быть, я и язычник, но меня всегда учили, что жизнь — это святыня, а особенно жизнь ребенка. Говоря по правде, Рианон, сначала я хотел оставить тебя в покое сегодня ночью. Да, я хотел сначала помучить тебя, а потом оставить нетронутой, пока не закончится война, и я смог бы убедиться, что земли, которые мне дал Альфред, завоеваны честно. Но я не верю, что ты действительно когда-нибудь имела любовника, и, поскольку ты наговорила на себя, теперь придется за это расплачиваться.

— За что расплачиваться? — выдохнула она. Свечи бросали на них отблески, и он выглядел угрожающе и в то же время привлекательно. Расплачиваться... таким образом? Она никогда не сможет признать мужем этого незнакомца, который так близко был от нее, этого викинга с золотыми волосами и бородой, с пронзительными северными глазами и тяжелым мускулистым телом. В нее снова закрался страх, она протянула руки к его руке, но быстро поняла, что это жест бесполезный. Его жилистая мускулистая рука была крепка, как сталь.

Он поймал ее запястья и держал их крепко над ее головой, лаская ее взглядом.

— Сегодня вечером, Рианон, многие могли бы умереть из-за твоей дерзкой насмешки. Договор — вещь ненадежная. Я приехал сюда, чтобы сражаться с Альфредом, потому что я верю в правоту его дела, и я верю, что он великий король, человек, который может сравниться с Аэдом Финнлайтом, моим дедом. Он мудр и религиозен, и он король-воин, безгранично смелый. Я приехал сюда, чтобы найти мое собственное место, обрести свою страну и свою крепость, и я не позволю ни тебе, ни кому-либо другому разрушить то, к чему я стремился всей душой.

Она поняла, что он говорит это со всей серьезностью. Его рот прильнул к ее губам. Его язык раздвинул ее губы и проник в глубину ее рта. Его язык ласкал ее, приводил в восторг... Он все глубже и глубже проникал в нее, прижимаясь к ее губам. В мерцающем свете свечи Эрик, казалось, украл ее сердце и душу, а потом вернул их ей, и снова забрал. Она старалась обуздать пылавший в ней огонь, но это ей не удавалось. Она хотела вывернуться, но не смогла, потому что поцелуй был сильный и требовательный, такой, что ей ничего не оставалось делать, как ответить на него.

Оставив ее рот, его губы начали медленное движение, прокладывая путь от щеки до мочки уха, затем она почувствовала горячее влажное дыхание на своей шее. Их взгляды встретились. Она провела языком по губам и попыталась протестовать, но у нее не хватило дыхания, чтобы что-нибудь сказать. Он оставил ее запястья, но поймал пальцы, сплетя их со

своими собственными. Он осторожно опустил на нее. Она чувствовала грубые волосы, когда его бедра легко касались ее тела, а когда он раздвинул ее ноги и оказался между ее бедер, она ощутила всю тяжесть его тела. Трепещущий атрибут его мужественности был в опасной близости, и она издала отчаянный стон. Его рот накрыл ее губы, заглушая слова и протесты. Потом его губы снова начали путешествие. Он медленно прошелся по ее шее, остановившись в том месте, где бился пульс в нежной голубой жилке. Его язык облизывал ее тело, он спускался все ниже и ниже. Медленно он взял в рот ее сосок, и она задохнулась от нахлынувших на нее ощущений. Какое-то время его язык двигался вокруг розового бутона ее соска, а зубы слегка покусывали его, а затем он двинулся дальше. Она что-то шептала пылко и неистово, ее голова металась по подушке. Она извивалась под ним, пытаясь высвободиться, но ее пальцы были сплетены с его пальцами.

Поцелуями он проложил дорожку между ее грудей, взял в рот другой ее сосок и пососал его, вызывая новые потоки огня в ее теле, затем продолжил путь вниз.

Она почувствовала, как его волосы и жесткая борода касаются ее живота. Он целовал ее живот сначала с одной стороны, а потом — с другой, тихонько покусывая ее плоть, обжигая огнем своего языка. Потом его рука двинулась дальше, глядя ее бедра и спускаясь ниже к покрытому мягкими волосами холмику между ног. Она вдруг заметила, что руки ее свободны, и вцепилась ему в волосы. Она дернула его за волосы, выражая свой протест неистовым шепотом. Он снова поймал ее руки, захватив в плен пальцы, встретился с ней взглядом, в котором была смелая решимость, и улыбнулся. А потом снова наклонил голову.

Ее бедра были широко раздвинуты, потому что он лежал между ними. Она задохнулась и вскрикнула, шокированная его действиями, а потом снова начала вырываться из-под него, изо всех сил стараясь освободить свои руки, но он не отпускал их. Отброшенной на подушку, ей ничего не оставалось делать, как предаться волнующему, дикому ощущению, нахлынувшему на нее вместе с шокирующими прикосновениями его языка. Нежно, мягко и легко его губы пробовали ее на вкус, необыкновенно лаская ее. Его язык то терзал ее плоть, то приводил ее в восторг и проникал все дальше. Она все еще изгибалась, сопротивляясь, но при этом ее обволакивало тепло, все глубже, глубже и глубже... маленькие язычки пламени, лизавшие ее тело, горели все жарче. Она смутно осознала, что делает какие-то ритмичные движения. В самый разгар этой сладкой атаки, она вдруг перестала сопротивляться. Она больше не стремилась освободиться от него, ей хотелось узнать, к чему же приведет этот пылающий огонь. Медленные, конвульсивные толчки ее тела становились все быстрее. Сладостный жар разливался по ее жилам, восходил спиралями и закипал в ее сердце и в нижней части живота. А потом ей показалось, что мир вокруг взорвался, посыпались звезды, которые затмили собой свет свечей, и она погрузилась в бездну экстаза, такого блаженного, что представить себе не могла, что бывает что-либо подобное. Она прерывисто дышала, и постепенно сознание стало медленно возвращаться к ней.

Он все еще лежал на ней. Она слышала его.

— Разве твой любовник делал когда-нибудь с тобой такое? — спросил он. — Вкусал он твой нектар своими поцелуями?

Она открыла глаза. Ошеломляющее, потрясающее волшебство исчезло, и она почувствовала злобу и негодование. Она вскрикнула, хотела ударить его, но ее кулаки обрушились ему на плечи, а его губы требовательно прижались к ее губам, страстно и с жаром. Она поняла, что он гладит рукой ее бедра, а потом почувствовала тепло и силу его члена, пронзающего ее.

Она вскрикнула от неожиданной ослепляющей боли, но ее крик захлебнулся в его поцелуе. Он лежал не двигаясь, чтобы ее тело привыкло к этому вторжению его плоти. В ее горле застряли всхлипы, она извивалась под ним, вцепившись ногтями в его плечи.

Он что-то шептал ей, но она не понимала его слов. И тогда он начал двигаться. Ей показалось, что не переживет этих толчков, что они разорвут ее надвое. Но к ее удивлению, боль стала медленно отступать. И по мере отступления его медленные, уверенные, ритмичные движения возродили в ней, угасшее было, пламя. Язычки пламени касались и лизали ее, танцевали и разогревали кровь. Она поняла, что снова приближается это состояние экстаза, пугавшее и восхищавшее ее. Оно нарастало в ней с каждым толчком его плоти. Пульс отдавался в голове барабанной дробью, а ее пальцы неистово гладили его плечи. Они оба покрылись влажной испариной. Все вокруг вздымалось и опускалось и бешено вращалось, и она чувствовала, как его плоть нежно скользила внутри нее, призывая ее снова и снова.

Он откинул голову, и у него вырвался хриплый стон. Жилы на шее напряглись, мускулы плеч окаменели. И вновь Рианон оказалась на пике наслаждения, и снова она попала в мир волшебства. Яркий солнечный свет ослепил ее, а потом растворился в полной темноте...

Он скатился с нее и тесно прижался к ней. А она снова почувствовала саднящую боль между бедер. Она вывернулась из его объятий и бешено начала стучать кулаками по его телу. Ее ярость рассмешила его, он схватил ее за запястья и притянул к себе.

— Негодяй! прошипела она.

— Но желанный, — сказал он ей с насмешкой в голубых глазах. — Кажется, твое любовное свидание было прервано на самом интересном месте.

— Тогда отпусти меня! Твое тщеславие удовлетворено. У тебя же был свой способ обнаружить истину, что еще тебе нужно? — крикнула она.

— Что еще? О, я хочу еще гораздо, гораздо большего. Я хочу всего, всего, что ты захочешь мне дать.

— Я никогда не дам тебе ничего.

Он улыбнулся:

— Я думаю, что дашь. Правда, моя прелесть, я думаю, что дашь.

— Никогда, клянусь! — со страстью пообещала Рианон. — Все что ты получишь от меня, так это мои горячие молитвы о твоей скорой смерти!

Он рассмеялся.

— Потому что ты питаешь ко мне такую глубокую ненависть? А может, потому, что ты получила такое удовольствие от близости со мной?

Она тихо выругалась и попыталась отодвинуться, но он схватил ее за плечи и пригвоздил к месту своим ледяным взглядом.

— Что ж, молись тогда о моей смерти. Это лучшее, что ты можешь делать, потому что, если я выживу в этой предстоящей битве, тебе ничего не останется, как молиться о собственной душе. Я потребую своего. Я потребую все — и получу, что хочу, насильно, если потребуются. Я всегда получаю то, чего хочу, тем более, если это принадлежит мне по праву.

Она, наконец, освободилась от него, укрылась одеялом и повернулась к нему спиной.

— Я вижу, что ты уже начала молиться, чтобы я пал в битве.

Она ничего не ответила. Его рука опустилась на ее плечо, и она вздрогнула, поворачиваясь к нему. Не мог же он начать все сначала! Но он может. Это была его первая брачная ночь.

Ее тело возбужденно запылало при мысли об этом. Она ненавидела его даже за то... а может быть, особенно за то, что он с ней сделал. За то, что он заставил ее отвечать на его страсть.

Но больше он ничего от нее не получит! И все же ее глаза расширились от испуга, когда он посмотрел на нее, потому что она быстро усвоила урок, который он дал ей сегодня вечером — он гораздо сильнее ее, и всегда способен подавить ее сопротивление.

Но он больше не дотронулся до нее.

— Спи, — сказал он ей спокойно.

На его лицо упал отблеск огня, осветив горящие таинственной силой голубые глаза, гордые и красивые черты лица, аккуратно подстриженные усы и бороду, плечи, напомнившие ей о его силе. Она задрожала. Он пристально посмотрел на нее некоторое время, а потом неожиданно откинул свое одеяло. Совершенно обнаженный, он потянулся за своим мечом.

С возрастающим страхом Рианон наблюдала за ним. Она увидела, как он попробовал пальцем остроту лезвия, глядя на него почти любовно, и стал приближаться к постели.

Что-то всколыхнулось в ней: страх смерти, а может, какой-то неистребимый инстинкт жизни. Он лгал, он хотел убить ее после того, что с ними было.

Она побледнела. И когда он подошел ближе, у нее вырвался крик:

— Нет, ты не можешь!

Он остановился, удивленно подняв брови. А потом начал смеяться громко и заразительно.

— О Боже! При твоём характере, мне может быть и придется когда-нибудь отшлепать тебя. Но перерезать горло... нет. Во всяком случае, не теперь.

Он снова улегся в постель, положив меч рядом с собой на пол.

— Ни в чем нельзя быть уверенным, находясь в чужой стране, — пробормотал он.

А потом повернулся к ней спиной, натянув одеяло.

Она лежала рядом с ним, потрясенная тем, как она ошиблась. Ей хотелось прыгнуть с кровати и загасить масляные лампы, чтобы темнота окутала ее тело и ее мысли. Но она не могла заставить себя встать с постели и лежала тихонько, прислушиваясь к его легкому дыханию.

Ее выдали замуж за странного демона, за это животное, которое насмехается даже над ее страхом перед ним, а теперь лежит, отвернувшись от нее. Она не хотела быть частью его, она и правда из всех сил хотела, чтобы он погиб. Она любила Рауена.

Нет, теперь уже никогда она не сможет любить Рауена. Никогда, потому что этот мужчина прикасался к ней. Она, может быть, и презирала его, но одно только его прикосновение вызывало у нее трепет, трепет и непривычное пламя в крови...

Она судорожно сглотнула, потому что она больше не могла смотреть на его широкую спину и загорелые плечи. Мало-помалу успокоившись, она встала и пошла к сундуку у изголовья кровати, где стояли горящие лампы. Она наклонилась, чтобы загасить пламя, и, когда она остановилась, ее взгляд упал на меч.

Она может поднять его и вонзить ему прямо в сердце. Больше он не сможет ее унижать и причинять ей боль, и больше он никогда не сможет назвать ее своей.

Нет... Она горько и презрительно улыбнулась, она никогда не сможет этого сделать. Она не сможет поднять оружие на спящего человека, даже если ненавидит его.

— Лисица!

Он сказал это слово грубо, угрожающе, в пугающем порыве ярости. Она не слышала, как он встал, она даже не слышала его дыхания! Но неожиданно он оказался рядом с ней и стоял, прижав ее к себе. Он был горячий и сильный, и охвачен бешенством, и она вздохнула от страха, потому что он крепко держал ее, так, что ее голова откинулась назад, а ее тело слилось с его крепким телом.

— Ты хотела убить меня! Твои стрелы не попали в цель, и теперь ты хочешь убить мужчину, за которого только что вышла замуж!

— Я не хотела! — закричала она. Ей не легче оттого, что она оказалась неспособной на предательство. Она затрепетала, но все же принудила себя высоко и гордо поднять подбородок.

Он схватил ее на руки и швырнул обратно на кровать, но на сей раз не повернулся к ней спиной. Он сильно прижимал ее к себе. Его грудь, бедра и чресла тесно прильнули к ее спине, так что он мог чувствовать малейшее ее движение.

И она тоже ощущала его всем телом. Пульсирующего, трепещущего, живого...

— Спи! — огрызнулся он. — Еще раз устроишь что-нибудь подобное, и я разорву тебя на кусочки сегодняшней ночью, и ты узнаешь, что я могу быть очень диким — и мучительно жестоким.

Слезы навернулись ей на глаза, но она лежала, не двигаясь. Она лежала, едва дыша, всей душой ненавидя его близость.

Она не спала. Следующие несколько часов она провела с широко раскрытыми глазами. Она не повернулась, не пошевелилась, и вообще не двигалась — она только моргала глазами. Когда, наконец, ее глаза закрылись и сон одолел, она бессознательно прижалась к нему еще теснее, привлеченная исходящим от него теплом.

И он тоже лежал с открытыми глазами и даже намного дольше, чем она.

Это не над ней он насмехался, а над собой.

Она была прекрасна. Ее обнаженное тело восхищало его. Ее груди, возбуждающие

чувственность, были тугими и полными и заканчивались соблазнительными розовыми пиками сосков, твердевшими при каждом его прикосновении. Ее спина была стройной, бедра нежными и гладкими, талия не правдоподобно тонкой. Несмотря на свой гнев, он обращался с ней бережно. Он вызывал огонь в ее глазах и в ее теле, он знал, что она получила удовольствие от их близости, и тем не менее, она вела себя так, словно он избил ее. Она все еще сопротивлялась ему, все еще бросала ему вызов.

Она все еще мечтала о другом мужчине.

Ярость вспыхнула в нем с новой силой. Они были врагами, лютыми и беспощадными, и она всегда будет бороться и презирать его. Это было жестоко и смешно, потому что, когда они занимались любовью, он вспоминал ту нежность, тот ласковый смех, которого ему так не хватало.

Он испытывал страстное желание победить дикое и жесткое животное внутри себя, волка, который рычал и жаждал обладать этой женщиной. Ему не нужно ее нежности, он просто хотел овладеть ею, а потом отбросить, как ненужную вещь, так, чтобы сохранить в памяти чистоту своей прежней любви.

Он сжал зубы. Кажется, она не признает в нем ирландской крови. Она видит в нем только дикаря. Пропади она пропадом, — решил он. Он утолит эту лихорадку и будет тем, кем она его считает.

Он закрыл глаза. Он чувствовал полноту и тяжесть ее груди, и снова в нем запылал огонь. Он еще крепче стиснул зубы. Он велел ей спать, но он не даст ей уснуть.

Его губы коснулись ее губ. Его руки ласкали ее грудь, и он понял, что воспоминание о ее красоте будет следовать за ним в сражение, одолевая его в ночи одиночества. Он прижался губами к ее телу. Она зашевелилась, но не проснулась. Ее тело инстинктивно подавалось навстречу его ласкам.

Тогда он снова поцеловал ее губы, устранив ее между ее бедер. Ее глаза широко раскрылись, в них отразился неожиданный испуг в тот момент, когда он вонзил в нее свой напряженный член. Сопротивляться было поздно.

С ее губ слетел протестующий звук, она стала бить кулаками по его груди, а потом ее ногти вцепились в его плечи.

Его губы оторвались от нее, и он пристально посмотрел на нее. Ее глаза были закрыты, а через приоткрытые губы вырывалось частое дыхание. Пусть она бросает ему вызов. Пусть бросает вызов самой себе. Но она была божественна в своей красоте и чувственности, и если бы она не позволила ему застать себя врасплох, она бы все равно принадлежала ему.

— Ты моя, — прошептал он ей ласково. — Моя жена. Помни это. Никогда не забывай.

Тогда он начал двигаться.

Его чувства бушевали, он вовлек ее в свое ритмическое движение. Может быть, и было что-то первобытное в настойчивом зове плоти, но, когда он заставил ее получить наслаждение и сам ощутил его, казалось, что вся злость и напряжение покинули его вместе с извержением его семени. Она принадлежала ему, и теперь она это знала.

Он почувствовал, как она вздрогнула и расслабилась. Он лежал на ней, пока она не крикнула, толкнув его, чтобы он освободил ее от тяжести своего тела.

Он скатился с нее, и она отвернулась. Через некоторое время он увидел, что ее плечи перестали дрожать. Она снова спала.

Во сне она выглядела невинной, как младенец. Темные ресницы отбрасывали тени на щеки, волосы огненными прядями покрывали тело, подобно какой-то причудливо сотканной

ткани. Она была очень юной. Увидев ее такой, он еле сдержал себя. Он стал вспоминать, как она сбросила свои одежды перед возлюбленным. Он помнил только линии ее спины и прекрасные очертания ее бедер, и снова удивился, что она оказалась чиста, как первый снег, и столь ранима и сладостна.

Он лег на спину, закрыл глаза и припомнил, как сам встретил эту неопытную любовницу на восходе, и как решил, что не станет убивать молодого человека. Ему еще пригодится его смекалка. Потом они отправятся в поход и нападут на Гутрума у Рочестера. Ему нужно рано проснуться и быть готовым к предстоящему поединку, но его руке, держащей меч, требовался отдых. И он погрузился в спокойный сон.

Наконец раздался первый крик петуха, а небо заалело.

Настало время их встречи с Рауеном.

Эрик встал и быстро оделся, пристегнув к поясу меч.

Он постоял, глядя на Рианон. При утреннем свете она выглядела еще более невинной, еще красивее. Безумно красива, — подумал он, чувствуя как злость на нее снова закипает в нем. Из-за нее этот глупый мальчишка может запросто лишиться жизни, потому что они теперь должны помериться силами, а подобные состязания всегда стоят жизни одному из участников.

Ролло поджидал у двери их свадебного жилища. Он привел гигантского белого коня и принес доспехи и шлем Эрика. Они не разговаривали, даже не обменялись непристойными шутками. Эрик надел свою кольчугу, напялил на голову шлем с забралом. Он оседлал Александра.

— Король готов?

— Король и этот парень, Рауен, вместе с несколькими англичанами поджидают нас на поле.

Эрик кивнул.

— Как ты поступишь?

— Убью его, раз так надо.

Ролло улыбнулся.

— Тебе никогда не приходит в голову, что ты можешь быть убит сам?

— Нет, никогда, потому что думать о смерти, это все равно, что навлечь ее на себя. А так я чувствую свое превосходство, ведь этому мальчишке не пришлось воевать столько, сколько мне.

— Плохо, что это сражение между саксонцами и нами, — пробурчал Ролло.

— Да, — согласился Эрик. — Но тут уж ничего не поделаешь.

Они приехали на поле, где накануне упражнялись воины, на место, предназначенное для поединка. Король подъехал к ним, рядом с ним был Рауен. Эрик обратил внимание на угрюмое выражение лица Альфреда и его бледность.

Поединок должен состояться, выбора не было. Король заранее оплакивал смерть молодого человека. У него не было сомнений, что победа останется за Эриком. Они остановились. Король поднял руку:

— Сражаться только на мечах, верхом. Бороться на земле, только если кто-то будет сбит с коня.

Эрик кивнул. Рауен, бледный, но полный решимости, кивнул в знак согласия тоже. Эрик опустил забрало и из-под стальной маски были видны только его глаза, горящие ледяным огнем. Белый конь гарцевал и становился на дыбы, все подались назад, а он рысью выехал к

условленному месту. Прозвучал звук рога, и мужчины заняли боевую позицию.

Снова раздался рог, и Эрик вонзил шпоры в бока Александра. Земля сотрясалась от топота копыт, комья грязи летели в разные стороны. Казалось, огромная сила этого животного сообщается ему. Эрик мчался с быстротой молнии. Под Рауеном тоже была сильная строевая лошадь. Лошади рванулись навстречу друг другу, и в холодном утреннем воздухе их дыхание окутывало всадников паром, словно те ехали на волшебных драконах.

Раздался скрежет стали о сталь. Эрик выхватил меч, издав боевой клич, леденящий душу. Удары сыпались один за другим.

Эрик сурово сжал губы. Он видел, что англичанин хорошо тренирован, но сегодня Бог отвернулся от него, и сражался он слабо. Эрик снова поднял меч, с силой обрушил его на меч Рауена, и молодой человек был вышиблен из седла.

Эрик соскочил с коня, торопясь воспользоваться своим преимуществом. Рауен поднял щит, но поскользнулся в грязи и упал на колени. Эрик снова нанес удар, и Рауен выронил меч, а потом в щит. Он лежал, тяжело дыша и не сводя взгляда с Эрика, глава которого жестоко блестели в прорези забрала.

Эрик опустил меч, затем приставил его острие к горлу противника, подержал несколько секунд и поднял.

Он слегка порезал Рауену щеку. Юноша инстинктивно схватился за рану и уставился недоуменно на викинга. Эрик повернулся к королю:

— Моя честь отмщена. Этот человек — смел, и, если ему суждено погибнуть от меча, пусть лучше он встретит смерть в походе против датчан.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и большими шагами пошел к своей лошади.

Он услышал позади себя какое-то движение. Он быстро обернулся, решив, что этот мальчишка хочет нанести ему удар сзади. «Ох уж эти англичане! — подумал он презрительно. — Всегда готовы ударить человека в спину!»

Но молодой человек был безоружен, и, когда Эрик обернулся, он упал на одно колено, прижав руку к сердцу.

— Благодарю, что ты даровал мне жизнь, принц Дублинский! Я навсегда твой слуга. — Он некоторое время пристально смотрел на Эрика, а потом опустил голову и прошептал:

— И как теперь ты знаешь, что я чист перед тобой... твоей женой...

Эрик задумчиво кивнул.

— Встань, скоро мы все будем смотреть смерти в лицо.

Он повернулся и вскочил на коня. Приветственно махнув рукой королю, он направился к своему брачному чертогу. Настало время готовиться к походу на Рочестер.

Рианон просыпалась медленно, Никогда прежде она не спала так крепко, подумалось ей. Под рукой она ощущала холод гладких простыней, голова покоилась на мягких подушках. Туманный мир грез ласкал и убаюкивал ее.

Но вдруг сон пропал, резко как от толчка. Ее глаза расширились, она испуганно заметалась.

Его не было. Она была одна.

При воспоминании о минувшей ночи она затрепетала. При воспоминании о том, как они лежали вместе, как он смеялся и подтрунивал над ней, как он касался ее и ласкал, при воспоминаниях о его обещаниях... нет, угрозах!

При одной мысли о нем у нее перехватило дыхание. Она снова почувствовала разгорающийся огонь внутри собственного тела. Ее груди налились и заболели, соски

затвердели, и жар прилил к лицу.

— Нет! Нет! — пробормотала она и уткнулась лицом в подушку.

Она вспомнила о своей наготе и решила встать и одеться до того, как он вернется. Было, казалось, еще слишком рано для выступления в поход.

— Леди!

Раздался стук в дверь, и Магдалина, одна из служанок королевы, вошла в комнату. Она принесла воды для умывания, и на губах ее была застенчивая улыбка.

— Твой муж ушел, и я пришла помочь тебе одеться.

Рианон кивнула ей и попыталась улыбнуться. Магдалина — пожилая женщина дворянского происхождения. Высокая, худая, седовласая и добрая. Она никогда не была замужем. Альсвита, конечно же, специально послала именно ее, понимая, что она не обидит Рианон смехом или неуместными шутками по поводу брачной ночи.

— Спасибо, — пробормотала она и закусила нижнюю губу. — Я и правда собираюсь одеться.

Магдалина подошла и поставила воду на сундук.

— Я полагаю, тебе не терпится скорее отправиться на поле, потому что скоро должен начаться поединок.

— Что?! — вскричала Рианон. Она села, натянув на себя одеяло. Она нахмурилась и переспросила уже более спокойно:

— Какой поединок?

— Ну, Рауен бросил вызов твоему мужу. Миледи так прекрасна, что мужчины отдают свои жизни за нее! Ах! — прижав руки к груди, Магдалина тоскливо вздохнула.

— Отдают свои жизни за меня... — повторила Рианон, ее охватил панический ужас. Рауен решил сражаться за нее! А она все еще питала к нему нежность, несмотря на то, что эта ночь изменила ее навсегда.

Конечно же, он не был равным соперником для Эрика Дублинского. Он не так силен, и у него меньше опыта в бою. Он не обладает железной волей и неколебимой уверенностью в себе.

— О, нет! — простонала она. Она спрыгнула с кровати, забыв, что ее прикрывает только простыня, намереваясь остановить поединок до его начала.

— Леди! — закричала ей вслед Магдалина.

Она не обернулась, рывком распахнула дверь, и холодный утренний воздух наполнил ее сердце страхом. Она побежала по грязной дорожке, ведущей к главной усадьбе, но остановилась, потому что сердце ее выскакивало из груди.

Эрик сидел на коне, его меч был вложен в ножны. С клинка его не стекала кровь. Значит, поединка еще не было.

— Милорд! — закричала она.

Лицо его пряталось под стальным забралом, она видела только его глаза — голубой лед, синий огонь. Он спешил и быстрым широким шагом подошел к ней. Она упала на колени в грязь, низко склонив голову.

— Пожалуйста, — ее голос звучал хрипло. — Пожалуйста, откажись от этого поединка. Не убивай Рауена. Он ведь ни в чем не виноват, клянусь. Ты... — она остановилась, потому что румянец залил ее щеки. Как тяжело было просить о чем-либо этого человека! — Ты ведь знаешь, что мы не были любовниками на самом деле!

Он наклонился, взял ее за локоть и с силой поднял на ноги. Она заглянула ему в лицо и

увидела все тот же бездонный голубой огонь в его глазах.

— У тебя что, привычка такая, ходить полуголой? — спросил он грубо.

В отчаянии она еще туже запахнула простыню.

— Я же говорю о человеческой жизни! — выкрикнула она.

— О жизни твоего любовника?

— Он никогда не был...

— Да, он не успел заняться с тобой любовью. Все, чего ему удалось от тебя добиться — это та нежная сцена в лесу! И это гораздо больше, чем любой муж сможет выдержать.

— Пожалуйста... — она раскрыла было рот, чтобы протестовать, но он развернул ее резким движением руки и подтолкнул в направлении их временного жилища. Она оглянулась и, спотыкаясь, пошла вперед, он следовал за ней. Магдалина оставалась внутри, но Эрик только взглянул в ее сторону, подняв забрало, и она, неловко поклонившись, поспешила прочь.

Эрик закрыл дверь и долго стоял спиной к Рианон. Потом он повернулся.

— Жизнь этого человека очень ценна для тебя? Рианон сглотнула.

— Любая жизнь для меня — ценность. Он устало опустился на постель.

— За исключением моей?

— Пожалуйста, я прошу тебя. Не убивай его.

— Так интересно смотреть, как ты просишь.

— Тебе это как видно нравится, — сердито сказала она.

— Конечно, нравится. Продолжай, прошу тебя.

Он помолчал и встал во весь рост, возвышаясь в комнате, уперев руки в бока. Она опять сглотнула, крепко сжав губы. А потом она, поколебавшись, направилась к нему. И снова она встала перед ним на колени. Прикрытая своими волосами как королевской мантией, она смотрела на него прекрасными блестящими от слез глазами.

— Не уходи сейчас, чтобы убить его, и я поклянусь, что когда ты вернешься из похода, получишь все, о чем только попросишь.

Эрик прислонился к двери и скрестил руки на груди, облаченный в кольчугу, с видимым интересом.

— Ты — моя жена, — сказал он ей. — Я имею право на все, чего хочу, и могу это получить. Она покраснела.

— Да, но ведь ты сказал, что тебе нужно не только мое тело. Я хочу сказать, что я не буду против...

— Будешь ты против или нет, но, когда я вернусь, то, что было между нами, получит свое законное продолжение.

Она начинала злиться, но закусил губу, опустила глаза и попыталась начать снова.

— Нет, господин мой, есть вещи, которых ты не можешь требовать, и не можешь взять, даже на правах мужа. — Она подняла глаза, и в ее взгляде был вызов, гордость и безрассудная храбрость. — Пощади его, я прошу, из сострадания. Пощади его, я умоляю... ради меня. Я отплачу тебе.

Он наклонился к ней. Она почувствовала силу, исходящую от него, и вдохнула его крепкий мужской запах. Она задрожала, и против ее воли в груди снова запылал огонь, спустившийся к низу ее живота.

Он поднял ее подбородок, и его глаза впились в нее.

— Чем, Рианон? Чем ты мне отплатишь?

— Если он останется жить, я клянусь, я стану для тебя самой искушенной любовницей. Я буду отвечать на все твои прихоти. Я буду обожать тебя, как самая любящая и преданная возлюбленная.

— Если он останется жить? Если я не убью его? — сказал Эрик.

— Да.

— Ты так мне отплатишь, ты клянешься?

— Клянусь.

Он оставил ее подбородок и стремительно отошел. Она опустила голову, а потом взглянула на него. Его глаза снова были бездонными, и у нее внутри все сжалось от страха. Он намеревался отказать ей.

— Договорились, — сказал он тихо. Рианон вздохнула с облегчением, но нахмурилась, увидев, как тень злой улыбки промелькнула у него на губах. — Решено, дорогая. Я вернусь к тебе, горя от нетерпения получить обещанную плату. И ты pomoжешь мне извлечь как можно больше удовольствия из твоей платы.

— Да! — пообещала она.

Он отступил, и она быстро поднялась с колен. Раздался стук в дверь. Рианон плотнее запахнула простыню. Эрик ответил:

— Войдите!

Это было Ролло, который сообщил, что король ждет.

Настало время выступать в поход.

Эрик взял свои рукавицы, открыл сундук, ища свой седельный мешок и кожаный ранец, а затем перекинул их через плечо. Он отступил перед Рианон, давая ей пройти. Она пристально смотрела на него, удивляясь, что он заключил с ней эту сделку — сделку, которая стоила ей всей гордости и достоинства и даже души, а потом пренебрег ею, как будто все это ничуть его не интересовало.

— Леди?

Магдалина ступила в комнату. Она весело подошла к сундуку Рианон, ища ей одежду. Она оживленно болтала, но смысл ее слов доходил до Рианон с трудом.

— Все преклоняются перед столь благородным поступком! Госпожа, это делает ему честь!

Рианон уставилась на Магдалину, а потом бросилась к ней.

— Каким поступком?

— Ну, как ирландский принц сражался с Рауеном. Молодой человек уронил меч почти сразу же, но, говорят, Эрик Дублинский только поцарапал ему щеку, а потом велел ему встать и оставил в живых, чтобы он мог сражаться с датчанами.

Внутри у Рианон все клокотало.

— Когда, когда это произошло?

— Ну, на восходе. Все только об этом и говорят.

Рианон резко повернулась и кинулась к двери. Она распахнула ее настежь и снова понеслась по грязной тропинке, закутанная только в льняную простыню.

Они уже сели на коней, готовые выступить в поход. Она увидела Эрика и подбежала к нему. Он опять опустил забрало, но было видно, что его глаза сверкают гневом.

— Черт побери, жена! Иди и оденься прилично!

— Негодяй! — прошипела она.

Он соскочил с коня, схватил ее на руки и понес назад в их жилище. В ярости она

колотила его кулаками, отбив руки до синяков об его кольчугу.

— Ты — негодяй! Ты обманул меня, ты использовал Меня в своих целях, сукин сын!

Он пинком открыл дверь, не обращая внимания на Магдалину, стоявшую разинув рот.

Он отнес Рианон к постели и швырнул на нее.

— Ты можешь ругать меня, сколько хочешь. Но предупреждаю, не упоминай мою мать в своей брани и не клевети на моего отца. И прикрой свою наготу, иначе Мой гнев будет страшен.

Она откинула свои спутанные волосы, в глубине души страшась его гнева, страшась угрозы в его глазах, которые сверкали сквозь прорези забрала.

Она никогда не даст ему понять, что боится его. В этом она себе клянется.

— Это все? — она сумела выговорить это бесстрашным и даже презрительным тоном.

Он молчал. Она была уверена, что он улыбается спокойно и насмешливо.

— Нет, моя госпожа, не все. Твой юный Рауен жив, и я оставляю нашу договоренность в силе, хотя я и несколько опередил тебя. Я вернусь, дорогая, и получу то, что мне причитается. Твою плату.

Поклонившись ей, он повернулся, в два шага пересек комнату и вышел, громко стукнув дверью.

Рианон слышала звуки рога и тяжелый топот копыт. Она выпрыгнула из постели, не обращая внимания на приказ мужа. Она открыла дверь и стояла, завернутая в простыню.

И она увидела его, Эрика Дублинского, верхом на Александре. На нем было полное воинское облачение, забрало скрывало лицо, позволяя увидеть лишь блеск глаз, плащ с гербом волка развевался на ветру.

Он не смотрел в ее сторону. Колонны воинов двинулись. Знамена развевались, ряды строились. Он отдал команду своим воинам. Раздался топот копыт, и он поехал рядом с королем.

Эрик Дублинский, принц викингов.

Ее муж.

— Жители Рочестера сдерживали осаду датчан всю зиму, — рассказывал Альфред Эрику, пока они ехали во главе огромного войска. Верхом на белой лошади Эрик слушал короля, приподнявшись в седле, чтобы наблюдать за колоннами позади их.

Его войско состояло в основном из всадников. Саксонцы были главным образом пешие, только некоторые из них — полководцы или ближайшие советники короля, — ехали верхом. Недалеко от них держался священник Ассер, мудрый, спокойный, даже суровый человек. Рауен находился в заключительных рядах, так же как и Вильям и Аллен, и некоторые другие. Колонны саксонцев шли строем, одетые в кожаные доспехи. Гвардия короля, то есть профессиональные солдаты, была хорошо вооружена, в то время как простые люди, владельцы небольших поместий или мелкие землевладельцы, имели оружие, какое только смогли собрать. Некоторые шли с вилами, некоторые с косами, а некоторые — с дубинками.

По сравнению с ними его люди казались прекрасно вооруженными и хорошо подготовленными к сражению. Ирландцы, равно как и норвежцы, были великолепно обучены. Спокойствие, воцарившееся благодаря миру между ирландским дедом Эрика и его норвежским отцом, было благотворным для Ирландии. Ирландцы выучились от своих союзников кораблестроению и многим приемам боя, которые во многом были близки к приемам датчан.

Да большая часть христианского мира и не различала их — датчан и норвежцев, воспринимая и тех и других как завоевателей, грабителей, насильников и убийц.

И для его жены все викинги были одинаковы.

Раздосадованный тем, что при мысли о Рианон лицо его запылало гневом, он решил помочь своими советами королю.

— Если датчане так долго осаждали город, они наверняка возвели свои собственные заграждения. — Он помолчал, приподнявшись снова в седле и окидывая взглядом растянувшееся позади них войско. Потом он улыбнулся Альфреду. — Я готов спорить, что если только Датские полководцы узнают, какова численность твоей армии, они тотчас же снимут осаду с Рочестера.

— Ты думаешь, они настолько трусливы? Эрик покачал головой:

— Викинги не трусы, Альфред, ты это знаешь. Их цель — победы и завоевания. И не смерти боятся викинги, а бесславной гибели, навлекающей на них позор. Отдыхать на холмах Вальхаллы — участь отважных.

Никто не живет вечно. Лучше пасть героем на поле брани, чем быть побежденным старостью, умирая немощным, сторбленным, больным.

— Я всю жизнь сражаюсь с датчанами, — сказал Альфред. — И знаю о викингах почти столько же, сколько ты сам, Эрик Олафсон.

Эрик улыбнулся.

— Не совсем, потому что я ведь сын норвежского викинга, — сказал он, скривив губы в довольной улыбке. — И я не стыжусь своего происхождения. И хотя мой отец и стал героем в Ирландии, пришел он туда как завоеватель. И я сам мечтал о завоеваниях, гоняясь за приключениями на кораблях с головами драконов. Я признаю, что именно мой отец отправлял меня в такие походы с моим дядей, правда, эти набег не угрожали никаким

христианским государствам. Я ходил на язычников, иноверцев, так что мои подвиги радовали ирландцев. Сейчас я иду сражаться с завоевателями вместе с вами, я — сын завоевателя и ирландской принцессы-христианки, здесь есть один интересный вопрос. Очень интересный. Есть люди, которые говорят, что мой отец завоевал Ирландию. А есть и другие, утверждающие, что она покорила моего отца, и что он скорее часть Ирландии, чем сын своей родины. — Он посмотрел на Альфреда и снова улыбнулся. — И не имеет значения, сколько раз вам приходилось биться с датчанами, они уже оставили свой след. Саксонские женщины носят во чревах датских детей, и датские названия ручьев и рек, холмов и гор никуда не денутся. Викинги, не важно кто они, имеют обыкновение оставлять по себе память.

Альфред в свою очередь смотрел на него долго и внимательно.

— Ну, у нас уже есть один, не так ли? И я думаю, для моего рода этого достаточно.

— Сир?

— Викинг. Человек, который пересек море на корабле с драконами. Мне любопытно, Эрик Олафсон, завоевал ли ты часть Англии? Или же Англия завоюет тебя?

Эрик засмеялся, не обидевшись на шутку.

— Все очень просто. Англия уже покорила меня. Успокоила, соблазнила, завоевала меня. Я увидел земли, которые манили меня, и ты отдал их мне. Поэтому я иду на бой вместе с вами не из милости, не по приглашению, как западный саксонец, такой же, как ты. И это делает меня более опасным для моего датского кузена. — Но ведь ты сказал, что они уйдут.

— Я почти уверен в этом. Они не трусы, но и не из тех, кто сражается с заведомо превосходящими их силами. Если только дело не касается их чести.

— Увидим, Эрик, увидим, — ответил Альфред. Он посмотрел на младшего своего товарища и грустно вздохнул:

— Ты говорил о землях. Ты еще не упомянул о другом своем саксонском приобретении.

— О чем же?

— О твоей жене, — сказал Альфред с легким раздражением.

— А... — пробормотал Эрик.

— Леди принадлежит к моему роду и находится под моей защитой, — напомнил ему король.

— Она твоя родственница, но уже больше не нуждается в твоей защите, — возразил Эрик мягко.

— Я беспокоюсь за нее, — поправился Альфред.

Эрик немного помолчал.

— Я надеюсь, с ней было все в порядке, когда ты уезжал? — сказал Альфред.

— А как же иначе я ее мог оставить? — спросил Эрик. На щеках короля выступил легкий румянец, он глядел прямо перед собой:

— У тебя были определенные причины для гнева...

— ...и ты, ирландский принц, скорее, викинг, — закончил Эрик за него. — Я уверяю тебя, что я не разрезал ее на кусочки и не съел живьем. Я не бил и не обижал ее, Альфред.

Казалось, что король не был удовлетворен этим ответом. Он глубоко вздохнул, по-прежнему глядя вперед:

— Находишь ли ты, что эта свадьба оправдала наши обещания? Была ли моя невеста невинной, как объявил твой лекарь? — спросил Эрик, явно забавляясь.

— Да. Следовательно, ты доволен своим браком, а Рианон счастлива?

— Ну, я не думаю, что она так уж счастлива, — уточнил Эрик. — Я бы сказал, что мы поладили с Рианон. И если она не счастлива сейчас, то со временем — будет.

Альфреду не понравился такой ответ, но сказать ему было нечего, да и у него не было права требовать многого от человека, которого он женил почти насильно.

Он улыбнулся, вдруг ощутив уверенность, что с Рианон ничего плохого в эту ночь не случилось.

— В чем дело? — спросил Эрик, недоуменно подняв брови.

— Ну, Рауен остался жив, и больше не враг тебе. Я знаю, он, действительно, станет твоим самым преданным слугой.

— Скажи мне, Альфред, ты и в самом деле доволен этой чертовой сделкой, которую заключил со мной?

— Сделкой?

— Да, этим договором. Король улыбнулся.

— Конечно, раз мы идем, чтобы встретиться с датчанами.

— Если только мы с ними встретимся, — заметил Эрик.

— Ну, уж с ними-то мы встретимся, — с уверенностью заявил Альфред. — Если и не сейчас, то наверняка в скором времени.

— Мы скрепим наш договор кровью, — сказал Эрик.

— Ты уже и так получил много земель в Западной Саксонии, — напомнил ему Альфред. — Да, мы скрепим наш договор кровью.

— Как странно, — сказал Эрик после непродолжительного молчания. — Мне кажется, что ты больше беспокоишься о женщине, чем о землях.

— Может быть.

— Тогда позволь уверить тебя, — произнес медленно Эрик, стараясь скрыть свое раздражение. — Рианон прекрасна, и ей со мной будет хорошо. Она — моя жена, по твоей воле, а не по моему желанию. Но я привык заботиться о том, что считаю своим. Сказать по чести, король Альфред, я ей не доверяю. Ни на секунду. Я уверен, что она страстно желает, чтобы ты поднес ей мою голову на блюде. Тем не менее, до определенных пределов, это меня забавляет. Но я вернусь живым, Альфред, я не паду в этом сражении, если это зависит только от ее желания. Пока она не станет мне поперек дороги или не предаст меня, ей нечего бояться.

— Может быть, она просто боится тебя? — мягко предположил Альфред. Эрик покачал головой.

— Нет. Возможно, она презирает меня, но не боится. И быть может, было бы лучше, если бы она боялась. Мы ведь до сих пор не знаем точно, что произошло на побережье, когда я приплыл. Если это не она пренебрегла твоим приказом, то кто тогда? И все-таки она твоя родственница, и очень любит тебя.

— Любит, — сказал Альфред, устало вздохнув. Он не переставал думать о прошедшей ночи. Рианон, без сомнения, сопротивлялась. А Эрик, конечно, предъявлял свои права на нее. Теперь Рианон, конечно, иного мнения о короле.

Большинство женщин ложатся в брачную постель, не выбирая, — напомнил себе Альфред. Но все же он прекрасно понимал, какое предательство совершил по отношению к своей крестнице. Да, Эрик оставил Рауену жизнь. Он не был дикарем и проявил христианское милосердие, но все-таки...

Отношения между мужчиной и женщиной — это совсем другое.

— Рианон не предавала меня, — прямо сказал Альфред. Он устал от этого разговора, который, по-видимому, раздражал и Эрика. — Становится темно. Мы станем здесь лагерем, а утром опять двинемся к Рочестеру.

Он дал знак своим людям. Огромное войско позади него остановилось на привал.

Король превосходно знал свою страну. Они находились у речушки, вблизи восхитительной долины, которая могла дать им приют на ночь.

Колонны распались. Воины Эрика и саксонцы расположились двумя отдельными лагерями. Костров не зажигали, чтобы об их приближении не узнали датчане.

Наступила тишина, люди устраивались поудобнее и приступали к ужину, состоящему из эля и меда, свежей воды, сушеного и копченого мяса и птицы, твердых сыров и хлеба. Время от времени в темноте слышался легкий шелест или звон стали — это воины чистили и точили свои мечи, пики и боевые топоры.

Эрик по старой привычке бродил по лагерю перед сражением. Он остановился у большого дуба, покрытого буйной весенней зеленью и уставился на звезды. Ночь была прекрасная, ясная и прохладная. Он мог слышать тихое журчание речки, тихие движения людей. Посмотрев на северо-восток, он заметил огни Рочестера. Датчане возвели там деревянные и земляные укрепления.

Они устроились основательно, подчинили себе сельскую местность вокруг Рочестера, забирали там овец и другой скот, в избытке снабжая себя тем, что предлагало им время года. Агрессия была в их природе. Он это понимал, потому что был в некотором роде сродни им.

И все же его оскорбляло, что его жена не воспринимала его иначе, как захватчика. Его жена...

Он сел у дерева на землю, крепко сжав кулаки. Она была избалованным ребенком, капризы которого ему придется выносить. Нет... пожалуй, она — это нечто другое...

Он никогда не забудет огня в ее глазах, когда она смотрела на него. Никогда не забудет ее ненависти, ее стрел, ее напора...

Но было еще кое-что, чего он не может забыть. Он никогда не забудет ощущения, которое испытал, запутавшись в шелковой копне ее волос. Он никогда не забудет изгиба ее губ или тяжести ее груди, или того, как извивалось ее тело. Теперь, в ночном воздухе, он представил, как вдыхает опьяняющий сладостный ее запах, почувствовал вкус ее плоти, неистовое биение ее сердца.

Если он закрывал глаза, перед ним вставали ее глаза. Он видел, как они горят от страсти, как она трепещет, как сдается на волю победителя...

Конечно, в эту ночь победа была за ним.

Но так ли это?

Он ожидал борьбы. Он ожидал ее ненависти и ярости, но был готов и к ее слезам. Он знал, что им придется помериться силами, и что в будущем он непременно одержит над ней победу.

Он готов был признать, что король недалек от истины, утверждая, что Рианон самая красивая женщина во всем его королевстве. Ее волосы отражали огонь ее духа, в глазах неистовствовала буря, бушевавшая в ее душе. В каждом ее движении была красота, и все это он узнал только прошлой ночью.

Он разжал сцепленные пальцы, стараясь освободиться от напряжения, которое охватило его. Она была великолепна и утром, завернутая в простыню, когда встала перед ним на колени, чтобы умолять о жизни своего возлюбленного.

Она была совершенна во всех ролях, которые играла перед ним. Ему вдруг страстно захотелось обладать ею, он возжелал ее со страстью, охватившей его как ураган.

Не правильно так сильно хотеть собственную жену!

Но она не была обычной женой. Она была опасной женщиной, и она страстно желала увидеть, как датский меч перережет его горло, или датский топор раскроит ему череп.

И все же она обещала ему...

Она пообещала ему то, что уже отдала другому, напомнил он себе. Он разбудил ее страсть, нашел истоки ее чувственности, и все же она не любила его. Скорее, размышлял он, — она презирала его теперь гораздо больше.

И все же он не мог забыть, как она появилась в лесу с Рауеном. И как она предлагала ему себя и все, что она могла дать любимому человеку...

Он нахмурился. Он же не любит ее! Любовь — это то чувство, которое он пережил со всем безрассудством в прошлом, и он вовсе не дурак, чтобы полюбить Рианон.

Тем не менее, она преследовала его. Он овладел ею, но и она не оставляла его в покое. Сегодня утром он забавлялся, когда она думала, что, вступив в сделку, одолела его. Чтобы спасти жизнь Рауена, она готова на все.

Эрик вспомнил, что она горячо надеялась на его гибель.

Нет, он не расстанется с жизнью. Будь что будет, а он будет жить. Он не солгал королю. Невзирая ни на что он возвратится к своей жене.

Он решительно поднялся и вернулся в лагерь. Ролло, как всегда преданный, ожидал его с рогом эля. Он взял его и выпил до дна.

— Мы одержим победу завтра, — сказал Ролло. — Я это чувствую, это разлито в воздухе.

— Поосторожнее, — предупредил его Эрик, — ты начинаешь пророчествовать, как Мергвин. Ролло засмеялся.

— Именно Мергвин и предсказал победу. Говорю тебе, Эрик, мне чего-то не хватает, когда он не бродит рядом, досаждая нам.

— Должен признать, что и мне его не хватает.

— А почему он не с нами? Он ведь не любит, когда ты отправляешься на войну один.

— Он нужен в другом месте.

— Нужен?

— Чтобы присматривать за моей женой, — сказал Эрик. Он допил эль и вернул рог Ролло. — Ложись спать, мой друг. Никогда не стоит быть слишком уверенным в победе. Смерть приходит неожиданно к тем, кто неосторожен.

— Смерть приходит неожиданно ко всем нам, — напомнил ему Ролло.

Эрик ухмыльнулся и вытащил свой меч из ножен. Отблески огня заиграли на лезвии Мстителя.

— Неожиданно, — согласился Эрик с Ролло. — Но завтра этого не случится.

Он повернулся, чтобы пойти поискать место для сна.

— Эрик, — окликнул его Ролло. Эрик остановился.

— Считается, что ты — христианский принц.

Эрик ухмыльнулся.

— По воле небес, Ролло, я не умру завтра, — сказал он. — Нет, клянусь, я не умру.

Первый день семейной жизни был поистине суровым испытанием для Рианон.

Ей казалось, что в состоянии неистовства она провела несколько часов. Ее щеки

пылали, сердце бешено колотилось, а когда она пыталась успокоиться, она снова вспоминала удивительный синий лед в холодных глазах своего супруга и снова начинала пылать огнем. Она никак не могла о нем забыть. Его запах преследовал ее — он был на подушке, на которой она спала, на простынях, он преследовал ее и мучил до такой степени, что ей захотелось кричать. К ее ужасу оказалось, что она помнит минувшую ночь во всех подробностях, она помнила его слова, его прикосновения и все остальное. Она со стыдом — но и со всей ясностью — вспоминала, как требователен он был, как он подчинил ее себе... и как он овладел ею.

А потом она поняла, что мучает ее вовсе не то, что он принудил ее отдаться ему, а то, какое наслаждение она испытала, какую страсть он сумел в ней вызвать.

Она тихонько застонала и спрятала лицо в подушку, но это не помогло. Одной ночи ему будет недостаточно. Он захочет большего. Именно это он и сказал ей утром, когда она умоляла его не убивать Рауена. И она пообещала дать ему все, что он хочет. Все, что он пожелает. Она поклялась, что она придет к нему так же, как она пришла к Рауену.

Рауен! Она даже испугалась: она теперь не может вспомнить его лица! Ей приходят на память только тяжелые черты лица викинга, его поразительные глаза, глаза, которые видели ее насквозь, которые пленили ее. Никто еще не знал ее так хорошо, никто еще не возбуждал ее так сильно.

В бешенстве она села. Он больше ее не получит, он ничего больше не получит от нее! Для него это только пустые забавы. Ему не нужна была жена, он женился, только чтобы заполучить то, что хотел. Единственное что его интересовало, это сражения и завоевания. Он играл ее жизнью как игрушкой, и он воображает, что будет диктовать ей свою волю.

Как он наверно забавлялся, когда она умоляла его пощадить человека, которого он уже пощадил!

Да, он обвел ее вокруг пальца, и она никогда не будет выполнять взятых на себя обязательств. Пусть даже не ждет. Бог поможет ей в этом!

Ему не победить ее никогда. Она не знала, каким образом, но была уверена, что, в конце концов, она одержит над ним верх. Помоги, Господи, не ввергнуться в тот ад, куда он обещал ее заточить.

Она снова почувствовала этот преследующий ее запах. Она вскочила с постели, отбросив подушку. Он отправился сражаться. С Божьей помощью может у него хватит вежливости умереть.

Но он не погибнет. Мурашки побежали по ее позвоночнику. Она испытывала страх за других. Она боялась за короля. Но она была уверена, она просто знала наверняка, что Эрик возвратится.

Бранясь вслух, она поспешила к двери и широко распахнула ее. Магдалина была неподалеку, полуприкрыв глаза, она нежилась на солнышке, прислонившись к дереву и наблюдая за мальчишкой, гнавшим стадо гусей. Рианон тихонько позвала ее, и она сразу же вскочила на ноги.

— Чем могу служить, госпожа?

— Причеши мне волосы, Магдалина. И помоги мне одеться. побыстрее.

— Да, госпожа.

У Магдалины были волшебные руки, ее пальцы ловко перебирали и расчесывали волосы Рианон. Она болтала и рассказывала о том, что утро было благоприятным, когда мужчины выступили в поход.

— Король был как всегда великолепен, правда, никто не может понять почему. Он не слишком высок, и не слишком силен, и не более внушителен, чем любой другой. Но все же он — Альфред Великий. Именно так говорят люда. Даже в других королевствах его называют Альфредом Великим. Он поистине великолепен. Но, госпожа, твой муж тоже очень хорош. Он сидел на этом огромном животном уверенно, так красиво. И куда бы он ни кинул взгляд, девушки просто обмирали. О, скажу я тебе...

— Пожалуйста, Магдалина, довольно! — попросила ее Рианон и улыбнулась, не договорив до конца. — Они все ушли на войну, — добавила она поспешно. — Мы должны молиться за них.

— Ну, твой-то муж не погибнет! Он ехал, как сам Господь Бог! Он великолепен, такой высокий, такой златовласый, с такими бронзовыми мускулами! О, скажу я тебе...

— Магдалина!

— Я просто мечтаю, — продолжала Магдалина, не обращая внимания на предупреждение Рианон. Она уронила гребень и откинулась на постель, пробежав руками по простыням, что окончательно вывело Рианон из себя. — Я тебе скажу, хотела бы я выйти замуж за такого! Вот бы и мне такого же красивого мужа-викинга, как у тебя!

— Он ирландец! — Рианон вдруг поняла, что спорит с ней.

— Да, он викинг! — сказала Магдалина.

— Магдалина! Король и его дружина ушли, чтобы рисковать жизнью, сражаясь с викингами. Ты не должна так говорить.

— О, конечно! — Магдалина быстро подошла к ней и опустилась у ее ног, заламывая руки:

— Я не замышляла никакого предательства, леди...

— Я понимаю, что ты не хотела, — сказала Рианон устало. — Помоги Мне надеть рубашку и платье, и я думаю, что мне нужно заплести косу. А потом можешь идти.

— Королева желает тебя видеть, — вдруг вспомнила Магдалина.

Рианон вздохнула. Ей не нужно было сочувствие Альсвиты. Оно несколько запоздало. Но ей все равно придется встретиться с ней и другими женщинами, и нужно как Можно скорее пройти через все это.

Она оделась с помощью Магдалины и медленно пошла в усадебный дом. Дети приветствовали ее у дверей, и она брала их на руки и крепко их обнимала, стараясь избегать взгляда Альсвиты. Но через некоторое время Альсвита настояла, чтобы она присела и съела что-нибудь, и тут-то началось самое неприятное. Альсвита пыталась убедить ее, что брачная ночь для любой женщины просто пытка, даже если она вышла замуж по любви, за нежного и доброго человека. Пока королева говорила, что со временем станет лучше, что боль пройдет, Рианон сидела, уставившись в стол. Она едва дышала и не могла вымолвить ни слова.

— Тебе очень было больно? — спросила королева сочувственно.

— Нет, — выдохнула Рианон.

— О моя дорогая...

Рианон встала, сжав пальцы в кулаки, стараясь совладать с собой.

— Он не причинил мне боли, — произнесла она пылко. — Пожалуйста, ради Бога, Альсвита, разве обязательно говорить об этом?

— Нет, конечно, нет, — королева внезапно замолчала, смотря куда-то мимо нее. Рианон поняла, что кто-то вошел в зал и стоит за ее спиной. Она быстро обернулась.

Это был старик с бесконечно длинной бородой и коричневым от старости

морщинистым лицом. На нем было какое-то странное длинное одеяние и смешная шляпа, и он наблюдал за нею строгим и непроницаемым взглядом.

— Рианон, — сказала Альсвита. — Это Мергвин, э... человек Эрика. — Она хотела сказать «слуга», Рианон была уверена в этом, но знала, что ни один человек на свете не осмелится назвать его слугой.

— Я — Мергвин, — сказал он Рианон. — Некоторые называют меня друидом, другие сумасшедшим, но я предан королю всей Ирландии и, конечно же, его клану. Я пришел, чтобы забрать тебя домой.

— Домой? — на мгновение Рианон затаила дыхание и ее сердце, казалось, забилося слишком часто. Домой!

К нему домой? Он что собирается перевезти ее за море? Она никуда не поедет, и они не смогут принудить ее!

— Назад на побережье. Мы будем ждать Эрика там.

— О. — Она задохнулась. Она хотела было отказать, потому что решила сопротивляться всему, что исходило от Эрика.

Но здесь ей было нечего делать. Она любила Альсвиту и детей, но теперь между ними было определенное расстояние. Альфред ушел на войну, и Рауен тоже. Да и Эрик.

— Может быть, ты остаешься, — начала Альсвита. — Нет, благодарю, но я думаю, мне лучше поехать домой. — Она улыбнулась древнему старцу с длинной взъерошенной бородой и посмотрела ему в глаза. Темные, древние глаза. Она вспомнила, как он улыбался ей во время свадебной церемонии. Он был теперь единственным человеком, которому она доверяла, хотя никогда не видела его прежде.

Похоже, что человек с характером, — быстро пронеслось у нее в голове.

... Тем не менее он ей понравился. Она что-то почувствовала в нем, может быть, тепло и надежность. — Да, мне лучше поехать домой. Альсвита сказала, что будут сделаны все приготовления, ей дадут лошадей и эскорт, но Рианон совсем не слушала ее. Она внимательно следила за стариком.

Потом она поцеловала Альсвиту и детей, попрощалась с ними и вышла с Мергвином. Во дворе приготовления шли полным ходом. Большинство мужчин ушли с королем, но Рианон было положено следовать с эскортом. Двое юношей, гораздо моложе ее и старая кухарка Кейт были заняты укладкой провизии, чтобы они смогли утолить голод, когда останутся на ночлег.

Альсвита выражала свое беспокойство, но Рианон поцеловала ее в щеку и быстро залезла на чалую лошадь, которую Альсвита дала ей.

Несмотря на свой возраст, Мергвин взобрался на свою лошадь с удивительным проворством и легкостью.

Он увидел, что Рианон наблюдала за ним и нахмурился.

Когда я стану слишком старым, чтобы быть полезным, молодка, я получу свое заслуженное вознаграждение.

Он хмыкнул, а Рианон подумала, о каком вознаграждении он говорит. Она наклонила голову, пряча улыбку. Они отправились в путь, а дети и все дворовые люди махали им вслед.

Они были всего в нескольких милях от Варенхема, когда Рианон приблизилась к друиду.

— Он ведь вернется, правда? — спросила она. — Ты знаешь, что он вернется. Эрик Дублинский вернется из этого сражения.

Он посмотрел на нее удивленно:

— Конечно, он придет домой.

— А король?

— Король предназначен для многих великих дел.

— Тогда он тоже вернется домой.

— В этот раз, да.

— В этот раз?

Глаза друида встретились с ее взглядом.

— Это ведь только начало, миледи. Осиное гнездо растревожили, и скоро ад вырвется наружу. Но так и должно было случиться, а вот как обойдется с ним судьба, не мне судить.

— Откуда ты знаешь? — спросила Рианон. Он вскинул белоснежную бровь.

— Откуда я знаю? Слушай, — он взял ее за руку. — Прислушайся к деревьям, к буре на земле, к шторму на море. Слушай, и ты узнаешь.

Рианон откинула волосы.

— Ты знал, что Эрик женится на мне? Прежде чем они с Альфредом договорились об этом. Друид кивнул головой.

— И ты хочешь сказать, что это — судьба.

— Написанная на ветру.

— Вот что я тебе скажу, — вдруг со страстью произнесла она. — Ничего, ничего не написано на ветру. Ничего нельзя узнать из шторма на море или по ветерку в лесу! Мы сами делаем свою судьбу, и у меня будет свое предназначение, несмотря на вашего ирландского принца!

Он некоторое время молчал, не обращая внимания на вспышку. А потом он улыбнулся ей, и в его темных глазах сквозила насмешка.

— Он теперь твой ирландский принц, разве не так, миледи?

Он послал свою лошадь вперед, а Рианон ничего не оставалось, как смотреть ему вслед, размышляя, обрела ли она нового врага или нашла нового друга, который станет заботиться о ней.

Она пустила свою лошадь быстрым аллюром. В конце концов, она направляется домой. Если ни в чем другом, так хоть в этом она найдет утешение.

Пешие солдаты следовали за всадником, направлявшимся к укреплениям Рочестера. Датчане возвели осадные сооружения, но как только первые англичане приблизились к ним, стало ясно, что датчане предпочитают отступление.

Эрик проехал вдоль деревянных ограждений осажденного города, убедившись, что осаждающие тихо ушли со своих постов и укрылись в окрестных лесах. Они постараются не дать этим датчанам ускользнуть, потому что в противном случае те сохранят свои силы нетронутыми и будут готовы нанести ответный удар.

На огромном белом коне Эрик устремился в погоню за врагами. С его губ сорвался боевой клич, а его штандарт с гербом волка развевался, когда его люди вышли на линию атаки. На краю леса завязалось сражение.

Первым противником Эрика был свирепый воин с седой бородой, размахивающий обоюдоострым топором.

Не сходя с коня, Эрик пригнулся, чтобы избежать смертельного удара, и приставил свой меч к горлу противника. Тот рухнул молча, уносясь мечтами в Вальхаллу.

Эрик подумал, что эта битва будет быстрой и безжалостной.

Он превзошел остальных в этом сражении, казалось, вся сила христианских святых

вкупе со скандинавскими богами была с ним в тот день. Нападающие устремлялись на него, но он успевал отражать все удары. Ролло сражался бок о бок с ним и тоже преуспевал. Неизвестно, сколько человек пыталось поразить их, но они не дрогнули и не отступили, а по прошествии некоторого времени поняли, что стоят среди поля поверженных врагов. Справа в глубоком лесном овраге они заметили какую-то суматоху. Переглянувшись, поспешили по краю оврага, спускаясь вниз, чтобы поспеть к месту событий.

Саксонцы сражались с отрядом датчан, превосходящим их численностью раза в два. Эрик улыбнулся Ролло:

— Давай?

— Кому охота жить вечно? — спросил его Ролло.

— Да, кому охота жить вечно? — эхом откликнулся Эрик.

Вдвоем они врезались в сражавшихся. Местность была слишком неровной, чтобы маневрировать на коне, и Эрик спешил. Он сразу же был атакован молодым рыжебородым воином, предложившим ему сказать жизни последнее «прощай».

— Сукин сын! — добавил датчанин.

Эрик парировал его удар мечом, отклонился и приставил лезвие своего меча к его горлу. Потом он перешагнул через упавшее тело:

— Парень, я тебя уверяю, что ты никогда не видел женщины, прекрасней моей матери.

Взглянув в другой конец оврага, он увидел, что несколько тяжело вооруженных датчан в кольчугах и шлемах окружили одного саксонца.

Это был Рауен.

Уверенный, что смерть близка, юноша держался храбро, дразня атакующих:

— Давайте, давайте, негодяи, подходите по очереди! Конечно, я умру, но хоть одного утащу с собой в могилу! Кто это будет? Подходи! Вы смотрите на меня, как кучка баб, и от вас идет адская вонь. Подходите!

Эрик чувствовал, что Рауену страшно, но его выдержка заслуживала восхищения. Он размахивал мечом, и его оружие сверкало среди зелени деревьев, когда на него падали солнечные лучи.

Датчане будут рядом с ним через минуту.

Эрик больше не терял времени, а вскочил на коня и помчался к нему, размахивая мечом и врезаясь в толпу. Воины вскрикивали и падали, пораженные внезапностью нападения. Он соскочил с лошади и бросился на врагов.

Рауен закричал и тоже бросился в гущу сражения, яростно наступая и поражая воинов, надвигавшихся на него устрашающей ордой. Через несколько минут Эрик увидел, что к ним присоединился Ролло, и они вдвоем отражали натиск целого войска, стоя друг к другу спиной, и образуя таким образом стену защиты.

Но вот битва подошла к концу. Масса мертвых тел лежала на земле в нелепом беспорядке. Уцелевшие датчане бежали.

Альфред въехал верхом в овраг. Он посмотрел на своих павших воинов, на множество убитых врагов. Король долгое время молчал.

— Мы многих успокоили навеки, — сказал он.

— Да, кажется, их немало, — коротко отозвался Ролло.

— Рауену пришлось заняться многими, — сказал Эрик.

Рауен вспыхнул и посмотрел на него. Потом он перевел взгляд на короля.

— Я бы уже был убит, сир, если бы не принц Дублинский.

Эрик пожал плечами и прошел среди мертвых, потом пристально взглянул на короля. Священник Ассер шел следом за королем Альфредом.

Нам нужно предать тела наших воинов земле. И если датчане вернутся забрать своих убитых...

— Лучше мы позаботимся о своих, — быстро уверил его король.

Их глаза встретились. Они оба прошли через многие сражения. И оба видели, что делали викинги, одержав победу. Пленных потрошили, жарили живьем, или использовали их органы для приготовления мехов.

Раненым лучше было скорее умереть, а мертвым — оказаться в аду.

Эрик опять сел на белого коня и последовал за королем к стенам Рочестера. Ворота были открыты, и голодающие жители бросились навстречу своим освободителям.

Вскоре стало ясно, что датчане действительно бежали поспешно. Они оставили своих пленников и множество лошадей.

Альфред был рад и тому и другому.

Ночью они пировали в крепости Рочестера. В огромном зале горел камин с боровом на вертеле. Оленей в овец доставили из ближайших деревень, нанизали на вертела и подвесили над огнем, чтобы их поджарить для голодных защитников Рочестера, для короля и его свиты. Эрик сидел рядом с королем, наблюдая, как мальчишки и девушки-служанки срезали с туш, жарившихся на огне большие куски мяса, и разносили бойцам.

Настроение было ликующим и разгульным. Английские сказители вставали и говорили о подвигах своего короля, а один из ирландских бардов Эрика создал прекрасную поэму о доблести своего принца в этот день. Затем поднялся Рауен и поднял кубок в его честь:

— За принца, который дважды сохранил мне жизнь! Я клянусь ему в своей вечной преданности!

Последовали другие тосты. Эрик, к собственному удивлению, почувствовал некоторое смущение. Рауен подошел к нему и преклонил перед ним колена:

— Твой вечный слуга, принц, — смиренно произнес он. Эрик наклонился и силой заставил его встать, обнимая его за плечи:

— Нет, Рауен, — сказал он мягко. — Не нужно быть мне слугой. Будь моим другом.

Приветственные возгласы раздавались все громче и громче.

Юная, торжествующая улыбка Рауена тронула Эрика. Этот мальчишка не был трусом и не был глупцом. Он был сильным, скромным и честным.

Рауен любил Рианон, и Рианон любила его. Было не просто сбросить со счетов их юнук безрассудную влюбленность. А может, это просто ревность и гнев обуяли его? Но теперь ему нравился этот молодой человек, и он жалел их обоих. Они ведь любили друг друга.

Как он любил Эминию.

Пока они пристально смотрели друг на друга, послышалась необычная музыка.

Она началась с протяжных звуков лютни, и в зале установилась полная тишина.

Темнокожая девушка с миндалевидными глазами появилась перед камином. Волосы ее были эбонитово-черными и спадали ниже талии. Сначала она стояла не двигаясь, потом ее тело начало извиваться в такт музыке, а затем пришли в движение руки и ноги.

Она была чрезвычайно красива и грациозна и выглядела весьма необычно со своими раскосыми глазами теплой медовой кожей, а когда она двигалась, легкие прозрачные одежды, в которые она была облачена, развевались и открывали взору ее совершенные формы. Музыка была медленной, она проникала в душу, будоражила кровь и завораживала

зрителей.

В зале не слышалось ни одного звука, кроме музыки и шороха ее движений. Все глаза были устремлены на девушку.

Что-то в ее танце напоминало Эрику недавнее выступление Рианон. Она так же соблазнительно двигалась, когда рассказывала легенды своим мягким, страстным голосом сирены...

Тогда зал тоже молчал. Ее волосы струились золотыми волнами, когда она насмехалась над ним, хитрая как лисица. Она завораживала всех мужчин изгибами своего тела.

Даже теперь, наблюдая за этой соблазнительницей с миндалевидными глазами, он вспоминал свою жену. Он сжал зубы и выругался про себя. Ему не хотелось думать о ней в этот волнующий момент.

Ролло сидел рядом с ним. От огня поднимался дым. Девушка все больше и больше уподоблялась какому-то сказочному, призрачному созданию.

— Она одна из пленниц, которую датчане бросили в спешке, мне рассказал об этом слуга. Она была взята в плен в одном из их набегов на Средиземном море, и мне шепнули, что она ищет себе нового хозяина. Мне кажется, что она частенько посматривает на тебя.

— Неужели?

Эрик смотрел на девушку, а мысли его были далеко. Она извивалась перед ним, все ускоряя свои движения в такт экзотическому ритму музыки. Материя, окутывающая ее, постепенно исчезала, по мере того, как она сбрасывала один за другим свои покровы. Медовые руки и плечи, и соблазнительные холмики груди теперь были ясно видны. Ее бедра прикрывали облегающие шаровары, а узкая полоска ткани прикрывала только соски. Она кружилась все быстрее и быстрее, и вдруг музыка внезапно прервалась. Она откинула голову назад, а потом вперед и упала перед Эриком на колени.

Снова воцарилась тишина. Эрик мог ясно слышать дыхание девушки, видеть, как с каждым вздохом вздымаются ее груди. Она медленно подняла голову, и ее миндалевидные глаза встретили его взгляд.

Он почувствовал, что на него смотрит весь зал. Он медленно улыбнулся, а потом захлопал в ладоши.

Король заговорил:

— Эта девушка — рабыня. Она отдает себя тебе.

В голосе Альфреда не было ничего, что могло бы выдать его мысли. Тем не менее, Эрик был уверен, что у короля было свое мнение относительно создавшегося положения.

Он повернулся к Альфреду.

— Я сражался под твоими знаменами сегодня, Альфред. Вся взятая сегодня добыча должна быть поделена между твоими людьми.

Король раздраженно махнул рукой, отпуская девушку. Она грустно поднялась. Медленно, оглядываясь, она покинула зал.

Охотничьи собаки начали принюхиваться у огня, ища кости и объедки. Люди снова зашевелились, задвигали ногами.

Эрик пристально посмотрел на короля.

— Ни ты, ни я не смотрели на эту девушку, Альфред. Мы оба думали об одном танце, напоминающем этот — о танце, подарившем тебе жену.

— А тебе мой союз. Брак был сделкой между нами.

Король прищурился.

— Итак, ты намерен взять себе эту прелестницу?

Эрик ухмыльнулся и медленно покачал головой.

— Нет, сир. Я намереваюсь отдать ее другому.

Брови короля поднялись от удивления.

— Рауену, — сказал Эрик. — Юношу лишили многого. Я полагаю, он заслуживает вознаграждения.

Эрик встал, вдруг почувствовав усталость. Он, наверное, сошел с ума. Ему не следовало отказываться от девушки. Ему нужно было взять ее себе, чтобы напомнить им всем, кем он был, что он человек самостоятельный, и не позволит никакой женщине управлять им, даже если эта женщина — его жена и принадлежит к королевскому роду.

Он пристально посмотрел на Альфреда. Король спокойно сказал:

— Я очень доволен нашим союзом. Я дам тебе все, что ты хочешь за сегодняшнее сражение.

— Даже девушку? Альфред поморщился:

— Даже девушку. Эрик заколебался.

— Я не хочу ее, — сказал он. — Спокойной ночи, Альфред, король Англии. Она напомнила мне о моем страстном желании возвратиться туда, где будет теперь мой дом. Там много разрушений, и мне придется проследить, чтобы все было восстановлено.

Он повернулся и вышел из зала. Вокруг зала с его огромным очагом, расположились спальные комнаты, и он выбрал одну из них для себя.

Растянувшись на пышных перинах, наваленных на широкую постель, он закрыл глаза. Его меч, его верный Мститель, был рядом с ним, и он положил на него руку. Он никогда не засыпал, если не чувствовал его рядом.

События прошедшего дня всплывали в его усталом мозгу, а потом он начал погружаться в сон. Он видел девушку с миндалевидными глазами, которая танцевала перед ним, полуобнаженная. А потом девушка изменилась, и это уже была его жена. Рианон.

Ее волосы спадали и окутывали ее, как мягчайшее огненное покрывало. А потом они легли ей на спину, и он услышал звук журчащего ручья. Она манила его, улыбаясь, приглашала приблизиться к ней. Он опустился, прижав ее спиной к ласковой зеленой растительности весенней земли и земли и ощутил нежность ее бедер. Он откинул ее волосы и провел по ним пальцами, но вдруг он почувствовал что-то липкое, это была кровь.

В испуге он проснулся.

Вокруг было темно. Дверь в зал была широко открыта, у очага лежали люди в глубоком сне словно мертвые.

Он подумал, что ей не грозит никакая опасность. Почему же сон о ее смерти так растревожил его?

Это скорее она страстно хотела, чтобы ему перерезали глотку, напомнил он себе.

Ему нужно было поспать. Единственной раной, которую он получил, была рана, которую нанесла ему она, однако день был тяжелым и долгим, хотя и принес им победу. А на утро он собирался отправиться в путь. Он выполнил свою часть уговора, а теперь была ее очередь. Датчане наверняка нападут снова, чтобы отомстить за проигранную сегодня битву.

Но пока...

Он хотел проснуться утром и скакать, как ветер. Он хотел потребовать то, что принадлежало ему.

Он лег и закрыл глаза.

Ему удалось заснуть, но сон был беспокойным. Ему опять снилось, что она в опасности, и он снова и снова просыпался.

Но ведь ей ничто не грозит. Она находится под присмотром Мергвина, и он защитит ее от всего, от чего может защитить воин, и даже от большего.

Восход едва забрезжил, когда он поднялся с постели. Поспешно выйдя из комнаты, он нашел у огня Ролло, который спал, прикрыв свою большую голову руками. Он пнул его сапогом.

— Разбуди остальных, — скомандовал Эрик. — Время ехать.

Ролло заморгал, а потом быстро поднялся. Началось движение — люди стали просыпаться.

Эрик вышел подышать холодным утренним воздухом. Роса лежала на траве, и мягкий густой туман покрывал все вокруг. Рочестер был прекрасным городом. И он был очень нужен датчанам.

Они обязательно вернутся.

Он подозвал мальчика и приказал привести его коня и передать его людям, что он собирается выезжать. Через несколько минут его люди были готовы, неся с собой датские богатства, которые они подобрали в их укреплениях. Эрик с удивлением увидел, что Рауен садится на коня, намереваясь ехать с ним, танцовщица сидела позади него.

— Король еще остается, — сказал Эрик, подъехав к нему.

— Я знаю. Он разрешил мне сопровождать тебя, — отвечал тот.

Он пристально посмотрел на юношу тяжелым взглядом, холодным и ровным. Рауен показал себя с разных сторон, не покажет ли он себя предателем?

Он хозяин своего слова и своего дома, напомнил Эрик себе. Пусть Рауен едет с ним. Он не будет сводить глаз ни с него, ни с Рианон.

— Тогда поехали! — сказал ему Эрик. Он позвал своих людей, и они тронулись в путь. Домой, — подумал он. И к его... жене.

Легкая улыбка скользнула по его губам, потому что он вспомнил обо всех обещаниях, которые она ему дала. Посмотрим, как она их сдержит. Все до единого.

Как хорошо вернуться домой!

Такое множество близких и дорогих людей ушло, сложив голову в бессмысленной битве с людьми Эрика. И все равно, до чего приятно просто приехать домой, войти в свое жилище.

В ее доме ничего не было тронуту, а многое из разрушенного теперь отстроено вновь.

Приехав домой, она наконец встретилась с Аделой. Двоюродной сестре ее матери, Аделе, было под шестьдесят. Она была веселой женщиной, с острым взглядом менее острым умом, и жила с Рианон долгие годы. Она пряталась в доме одного из вассалов-фермеров до тех пор, пока не приехала Рианон, и когда Адела увидела ее возвращение и то спокойное уважение, которое оказывают ей викинги из ее свиты, она тоже отважилась вернуться в город. Рианон смеялась и плакала, обнимая ее, и она снова водворилась в своей комнате.

— Питер и его семья отнеслись ко мне очень хорошо, и они ведь рисковали? пряча меня у себя, — рассказывала глубокомысленно ей Адела, которая была рада вновь надеть свою одежду, помыться и растянуться на широкой постели, покрытой мягкими матрасами. — Но, Боже мой, что за место! Охалка сена и пыльное одеяло на полу. О моя дорогая, до чего же болели все мои кости! Да, я на чем остановилась? А как ты, моя милая?

Вопрос был задан так ласково, что Рианон постаралась как можно меньше огорчать ее ответом.

— Прекрасно. Я... Я бежала отсюда к Альфреду, а потом, потом, когда Альфред пришел сюда...

— Я так и думала, что король придет сюда! — сказала Адела. — Но я не осмеливалась выйти из своего убежища, потому что не была уверена. Этот светловолосый гигант быстро положил конец всем бесчинствам, которые пытались творить его люди, но я не знала, как он отнесется к родственнице здешней госпожи. А теперь расскажи мне, как ты умудрилась вернуться назад?

— Я вышла замуж за этого светловолосого гиганта, — спокойно сказала ей Рианон.

— О, — Адела окаменела от неожиданности. — Ну да, конечно. А как же Рауен?

— Ну, — сказала Рианон, пытаясь улыбнуться, и отчаянно стараясь найти в этом хоть капельку смешного, и в таком виде преподнести новость Аделе. — Я полагаю, что свадьба с Рауеном теперь не состоится.

— О мой бедный ребенок! — закудаhtала Адела и с нежностью посмотрела на девушку своими голубыми глазами. Потом она широко улыбнулась. — Ну да, ведь викинг — великолепный мужчина! Ты бы слышала его голос, когда он отдавал тут команды...

— Я уже наслушалась от него команд, спасибо!.

— Неистовый воин, конечно, но человек милосердный.

— Милосердный! — воскликнула Рианон.

Адела грустно кивнула головой.

— Когда битва была закончена, он приказал, чтобы никто никого не трогал. О моя милая Рианон! Ты сильно страдаешь, правда?

— Конечно, нет, — солгала Рианон. — Король потребовал, чтобы я вышла замуж, и я подчинилась. Это моя земля и мои люди, неважно, что думает этот викинг. Я не отдам того, что принадлежит мне. Большинство браков преследует какую-нибудь выгоду. У меня все будет хорошо. А теперь давай поговорим о чем-нибудь еще. Итак, Питер и его семейство —

все живы и здоровы. Я так за них рада. — Она снова обняла свою кузину. — И я так благодарна им за то, что вижу тебя сейчас, но должна тебе сказать, что бедный Эгмунд мертв и многие другие тоже погибли!

Адела завершила ее, что Эгмунд и остальные погибшие были похоронены по христианским обычаям.

— Под большим дубом у восточных ворот, мы пойдем туда и помолимся об их душах, если это успокоит тебя, моя дорогая.

Рианон помолилась за Эгмунда и за всех других. Она навестила вассалов и рабов, выразила им соболезнования за их потери и пообещала помочь им отстроить заново все, что было разрушено. Потом она объявила, что этот день будет их свободным днем, и они смогут не работать в полях или в замке, а заниматься своими делами. Она раздала людям жареного оленя и эль из господских запасов. Никто из викингов не сделал попытки остановить ее благотворительные порывы. Даже тот высокий рыжебородый с широченными плечами, который, по-видимому, был оставлен для ее охраны.

Звали его Сигурд. Если он и был против разбазаривания содержимого кладовых его хозяина, то не сказал ни слова. Он вообще ничего не говорил, ужинал с ней, Мергвином и Аделой или завтракал с ними утром. Она знала, что он всегда был здесь. Что он следил за ней.

Стоя на городской стене на закате и глядя на свой маленький город, Рианон могла убедиться, что жизнь шла почти так же, как и прежде для рабов, слуг и ремесленников. Мужчины трудились в полях. Стояла весна, и для простого человека это было горячее время — время сева. Все они должны были что-то есть — чтобы жить.

Отношения с людьми были важной стороной жизни Рианон, и она старалась ладить со всеми. Рабы принадлежали ей, не совсем рабы, но почти. Они родились на ее землях, и проживут там всю жизнь. Они будут работать, чтобы служить ей всю свою жизнь, а если кто-то захочет уехать, он будет должен просить разрешения у Рианон. Она была доброй хозяйкой, неизменно следовала законам и справедливо разрешала все споры.

Служение хозяину или госпоже с древних времен было платой за охрану, которую он им предоставлял. Она с грустью созналась, что потерпела неудачу в защите своих людей. И хотя это произошло не по ее вине (ведь все, кто мог сражаться, ушли с королем), она потеряла своих людей, и это ее печалило.

Она вздохнула, наблюдая за волами и мужчинами, которые двигались по разноцветным полям. Появился один из викингов. Эрик оставил с ней людей, которые были чрезвычайно вежливы с ней, но не спускали с нее глаз. Они не делали ни единого движения, чтобы вмешаться в ее дела теперь, когда она возвратилась сюда, но когда она выходила к столу утром или вечером, они всегда были там. На месте бедного Эгмунда теперь сидел викинг.

Они, может, и называли себя ирландцами, но все равно они были викинги.

Рианон вздохнула. А что, если и о ее детях будут говорить то же самое через двадцать или тридцать лет. Нет, они не англичане, они — викинги!

При этой мысли она побледнела. Может, у нее вообще не будет детей с этим светловолосым гигантом. Он здесь чужой.

Нет, он не чужой, подумала она. Не совсем чужой после их брачной ночи. Щеки ее порозовели, и она вспомнила долгий путь домой в сопровождении Мергвина и свиты викингов. Она была очарована старым друидом, который развлекал ее различными легендами. Он рассказал ей о появлении Святого Патрика в Ирландии, и как он прогнал всех

змеи, и о том, что такое ирландское гостеприимство, и что нельзя прогнать никого, кто нуждается в крове или в куске хлеба, он поведал ей о Аэде Финнлайте, который объединил многих королей против угрозы нашествия викингов.

— И все ж, — заметила она, — викинги взяли Дублин! Мергвин улыбнулся и пожал плечами.

— И заключили мирный договор с Финнлайтом. И с тех пор, за исключением редких набегов датчан, там был мир. Финнлайт провел много времени в Дублине, и многие его внуки возделывали землю и усмирили непокорных дворян. Олаф, Волк Норвегии, говорит на ирландском языке гораздо лучше, чем на своем родном. Он одевается в ирландские королевские одежды и возводит сильные ирландские укрепления. Он в большей степени защитник этой земли, чем ее завоеватель.

— Теперь, — настаивала Рианон. — Но пришел-то он как завоеватель.

— Его дети — это часть Ирландии. Точно так же, как и ребенок, которого ты носишь, будет частью объединенной Альфредом Англии.

Она задохнулась от негодования, строго посмотрев на него.

Я не ношу никакого ребенка...

— Значит, понесешь.

— Ты не можешь этого знать! Откуда тебе это известно?

Он пожал плечами.

— Думай, как хочешь. Но это будет мальчик, и ты назовешь его Гартom.

И снова она задохнулась, потому что, родись у нее когда-либо сын и выбирай она ему имя, она действительно назвала бы его в честь своего отца, которого любила так нежно. Если только викинг позволит. Откуда этот человек может знать все это?

— Ты, наверное, говорил с Альфредом, — пробормотала она.

Он не ответил ей, и она поняла, что дело не в этом. А сейчас, глядя на поля, но ничего не видя, Рианон ясно вспомнила его слова. Он не мог знать! Никто не может знать этого так скоро!

Она вздохнула. Не могла она носить ребенка викинга Официальный наследник — это может быть как раз то чего он желает, и она страдала от мысли, что против воли может дать ему желанное.

Она закрыла глаза и вспомнила ночь своей свадьбы не понимая, было ли это наяву или во сне.

— Боже милостивый! Ради всех святых! Сохрани меня! — прошептала она вслух, а потом вздрогнула. — Я не стану слушать чепуху, которую несет друид, — поклялась она.

Внезапно она вздрогнула, напряженно всматриваясь в даль.

Приближались какие-то всадники. Сначала она могла различить только большое облако пыли на горизонте. Они мчались быстро. Грязь летела из-под копыт лошадей. Потом, по мере их приближения, она смогла разглядеть отдельных всадников. Она уже могла рассмотреть развевающиеся штандарты.

Впереди всех она видела огромного белого коня и кольчугу, блестящую на солнце, какую обычно надевал в бой Эрик Дублинский. На нем был серебряный шлем с поднятым забралом, а гордой посадкой он напоминал юного Бога. За ним следовал всадник, высоко державший его штандарт с эмблемой волка.

Они возвращаются! Она молилась за победу короля, но не ожидала, что он вернется так скоро.

И она не ожидала увидеть Эрика Дублинского столь рано.

Зазвучали горны, возвещающая возвращение воинов. Рианон наблюдала со стены картину, которая должна теперь стать привычной, чувствуя, как забилося ее сердце. Тогда она решила, что сойдет вниз и поздоровается с ним, как ей и подобает, со всем достоинством.

Она ничего ему не должна — ведь он разыграл ее, но все же она просто поприветствует всех.

Она поспешила вниз по лестнице, а потом в свою комнату. Она огляделась, чувствуя странный трепет, охвативший ее. Это ее комната, но он может потребовать, чтобы она стала общей. Его сундуки уже находились там, наполненные одеждой, мехами и оружием, картами и книгами, кропотливо созданными ирландскими монахами в монастырях. Она сперва осторожно, а потом смелее просмотрела его вещи и решила, что ей следует как можно серьезнее подойти к вопросу о выборе места, где ей спать. Но, как она ни старалась, она должна была признать, что опасается его. А может быть, то, что она чувствовала, был не совсем страх? Может, дело в том, что она уже достаточно хорошо его узнала. Если он пожелает, то, возможно, и позволит своей жене спать отдельно. Но если не захочет, он поймает ее и притащит назад, считая, что это его законное право.

И все законы Англии будут говорить в его пользу.

Она отыскала свою щетку на туалетном столике и провела ею по волосам, по всей их длине, затем оправила платье и критически оглядела свой наряд. На ней было белое льняное платье с прекрасным вышитым узором на лифе и рукавах. Это не платье для королевского приема» но оно было очень красиво и оттеняло цвет ее волос.

Интересно, почему ее так интересует, как она одета? — удивилась Рианон. Ведь они все еще враги. Смертельные враги.

Она спустилась в главный зал. Адела сидела у окна, занятая шитьем, но быстро встала при появлении Рианон, улыбаясь с озорными искорками в глазах.

— Итак, гигант возвращается.

Рианон взглянула на нее и резко ответила.

— Да, Адела, едет. Ты должна с ним познакомиться. Не бойся его.

— О, я вовсе и не боюсь! — убежденно сказала ее кузина.

Адела вышла следом за ней через тяжелые двойные двери во двор. Слева отворяли ворота. Сигурд и Мергвин были там, поджидая своего хозяина.

С дико бьющимся сердцем, сжав пальцы в кулаки, Рианон стояла в свете раннего утреннего солнца. Он должен был ехать всю ночь, чтобы приехать так рано.

Лошади стучали копытами, проезжая через ворота. Эрик все еще ехал впереди. Серебряный шлем он теперь держал в руке, а его большое знамя с гербом волка развевалось за ним. Выехав во двор, он спешил. Мальчишки-конюхи подбежали, чтобы взять его белого коня. Огромный, в полном боевом снаряжении, Эрик улыбнулся Мергвину и Сигурду, а потом его взгляд быстро пробежал по ступеням, где стояла Рианон, судорожно сжимая кулаки. Она подумала, что в его глазах промелькнуло мрачное удовольствие, когда он оглядел ее. А может, это был вызов.

Она задумалась, ожидал ли он, что она выйдет к нему навстречу, и решила, что не приблизится ни на шаг. Но это оказалось неважным, потому что навстречу ему пошел Сигурд, расспрашивая о подробностях битвы, а Эрик похлопал его по плечу и уверил, что это была полная победа. Он поприветствовал Мергвина и спросил его о здоровье, а затем сам подошел к Рианон. Она с трудом перевела дыхание.

Почему-то ей вспомнилось, как он впервые появился в этом зале, она просто физически ощущала их первую битву и их первую встречу.

Он стоял перед ней, все еще держа в руках шлем и забрало. Она была уверена, что в его глазах скрывался вызов, вместе с любопытством.

— Миледи, жена моя, как я рад, что ты вышла сюда, горя желанием встретить и поприветствовать меня.

Она, разумеется, совсем не горела желанием поприветствовать его, и он прекрасно понял это. Но все равно она улыбнулась, почувствовав, как заливается румянцем ее лицо.

— Мне бы хотелось узнать о короле, Эрик Дублинский.

— С королем все прекрасно. А почему бы тебе не спросить обо мне?

— Я не слепая, господин мой. Я сама вижу, что с тобой все отлично, не правда ли?

— В полном порядке. Я только был ранен стрелой в прошлом сражении, а из этого вышел целым и невредимым. Я уверен, что тебе должно быть приятно услышать это.

Она ответила застывшей улыбкой:

— Конечно.

Он низко наклонился, взяв ее руку, и прошептал ей ухо:

— Какая ты лгунья, женушка. Тебе бы ужасно хотелось, чтобы меня привезли с распоротым животом, откуда вывешивались бы все мои внутренности.

— Нет, господин мой. Я ужасно хотела, чтобы ты вовсе не возвращался. Никогда, — ехидно сказала она. И, повысив голос, добавила:

— Ты, должно быть, сильно устал после такой долгой дороги.

— Я совсем не устал, — сказал он ей. — Хотя я бешено мчался в надежде... попасть домой.

Она повернулась, готовая войти в дом и покончить с комедией, которую они разыгрывали перед другими. Но это, конечно, не конец. С ними вошел Ролло и, конечно же, остальные его полководцы, и их нужно было принять, накормить, сделать распоряжения насчет обеда. А ей надо постараться быть подальше от него, занимаясь какими-нибудь приготовлениями.

Она почти натолкнулась на Аделу. Эрик увидел женщину в первый раз и нахмурился, потянув Рианон назад.

— Кто это такая?

— Адела, господин. Одна из дам госпожи.

— Моя кузина, — поправила Рианон, наградив Аделу строгим взглядом.

Адела грациозно присела, ее глаза забегали.

— Я рада, что господин вернулся целым и невредимым.

Эрик медленно улыбнулся, а потом разразился хохотом.

— Адела? Пойдем, выпей с нами. Я уверен, моя жена жаждет выпить за последнюю победу Альфреда.

Рианон ничего не ответила. Казалось, каждое его слово имело скрытый смысл. Он получал удовольствие, подшучивая над ней. Она поклялась, что никогда не будет его несчастной жертвой, что никогда не сдастся. Пускай он сейчас подшучивает над ней, смеяться последней все равно будет она.

К ней подошел Ролло и, приветствуя ее, поцеловал ей руку. Зал стал заполняться другими людьми.

Сердце Рианон бешено забилося и дыхание перехватило, когда она заметила хорошо

знакомое лицо в толпе воинов.

Лицо Рауена. Ее бывший нареченный вошел за ее мужем в зал, который мог бы принадлежать ему.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Она почувствовала тяжелый взгляд своего мужа.

Рауен.

Он смеялся над чьей-то шуткой, когда их взгляды встретились. Он стал серьезным, приветственно кивнул ей головой и отвернулся.

Тяжелая рука в рукавице опустилась на ее руку, развернув ее. Она подняла лицо, чтобы встретить пристальный взгляд своего мужа.

— Да, жена, — мягко сказал он ей. — Юный Рауен со мной. Живой и вполне здоровый, как ты могла заметить.

Она намеренно выдернула свою руку. Он позволил ей это сделать.

— Почему он здесь? — спросила она. — Для чего такая жестокость?

— Никакой жестокости, дорогая. Он сам выбрал, кому служить.

— Я не верю тебе!

— Разве ты видишь его в кандалах? Нет, моя дорогая жена, он свободен. Получилось так, что мне посчастливилось спасти ему жизнь в схватке с датчанами, и, насколько я понимаю, он благодарный человек.

— Ты спас ему жизнь?

Его самодовольство и надменность разозлили ее сверх всякой меры.

— Ты глуп, большой ирландский волк, — выговорила она с удовольствием и добавила со страстью:

— Может, я все еще безумно люблю его. Может, и он все еще безумно любит меня. И, возможно, я изменю тебе с ним в этом самом доме.

Он долгое время молчал, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Против своей воли она почувствовала, что у нее внутри все сжалось, и она уже пожалела о своих словах.

Одна его бровь изогнулась, когда он пристально смотрел на нее, и ей страшно захотелось узнать, что он действительно думает в этот момент. Он пожал плечами, и она чуть не вскрикнула, когда он взял двумя руками ее руку и снова низко наклонился, прижимаясь к ней губами.

— Не думаю, миледи. Правда, я так не думаю. Рауен не предаст меня, поступившись своей честью. И ты не изменишь мне, потому что, если ты это сделаешь, я нахлопаю тебя по голому задку так, что ты хорошенько запомнишь этот урок.

На этот раз, когда она попыталась освободиться от него, у нее ничего не вышло.

— Отпусти меня! — отчаянно прошептала она. — Весь зал полон твоими товарищами! Разве ты не хочешь быть радушным хозяином?

— Нет, я буду твоим мужем, дорогая. И я намереваюсь принять ванну и переодеться к обеду.

— И не воображай, что я буду развлекать твоих людей! — запротестовала она.

— И не воображаю, — заверил он ее. — Жду, что ты будешь развлекать меня.

Ее глаза расширились, и она всерьез стала пытаться высвободить свою руку.

— Эрик, ты не думаешь...

— Именно это я и думаю, любовь моя. Твои слова, полные любви, о Рауене, вызвали в моей памяти видение. И я снова увидел мою жену, одетую в роскошную одежду, состоящую

исключительно из собственных волос, которая обещала мне все, если юный Рауен останется в живых. Обещала мне все, что я захочу. И как захочу.

— Он же уже был оставлен в живых!

— Если бы я не обещал не убивать его, он бы уже был мертв, моя любовь.

— О, ты знаешь, что я имею в виду. Ты издеваешься надо мной. Ты все уже решил тогда. Ты сидел верхом на этой своей, то есть моей, лошади и забавлялся, делая из Меня дурочку!

— Ты обещала дать мне все, что должна.

— Я ничего тебе не должна.

— Наоборот, — сказал он, и его глаза засияли синим пламенем, впиваясь в нее, а хватка стала безжалостной. — Ты мне многое должна, и я пришел, чтобы это получить.

— Не здесь и не сейчас.

— Адела, — позвал он резко, прерывая Рианон.

Адела быстро обернулась. Эрик одарил ее прекрасной улыбкой, которая сразу же ее очаровала, а Рианон привела в трепет.

— Не соизволишь ли приказать слугам принести бадью в мою спальню. И позаботься, чтобы принесли достаточно ключевой воды, и, может быть, немного вина. А затем, кухня Адела, я хотел бы рассчитывать на тебя, что ты позаботишься о моих людях здесь, в зале. Я полагаю, тебе привычна эта роль в этом доме, до той суматохи, которую мы наделали своим приездом сюда. Я думаю, что потребуется некоторое время, чтобы поджарить мясо и приготовить обед. Не присмотришь ли ты за этим?

— Конечно, господин мой, — сказала Адела и быстро направилась в кухню выполнять полученное задание. Наблюдая за ней, Рианон быстро заговорила:

— Эрик, такое поведение с твоей стороны просто грубость...

— Идя рядом со мной, можешь взять меня под руку. Мне все равно, как ты будешь сопровождать меня, но ты это сделаешь.

— Ты так обращаешься со мной, потому что Рауен здесь, в зале, — сказала она упрямо.

— Нет, госпожа моя, жена. Я поступаю так, потому что это доставляет мне удовольствие, — наверное, не мне одному.

Ледяная завеса, казалось, спала с его глаз, когда он посмотрел на нее. Она почувствовала холодок внутри, сменившийся иссушающим жаром. Ее губы пересохли, и она вся затрепетала. Она хотела ненавидеть его — она и вправду ненавидела его и презирала за то, что он с ней делал. Но против своей воли она вспомнила их брачную ночь.

И ощущение от прикосновения его рук, которые ласкали ее. Вкус его губ, касающихся ее рта, целующих ее тело.

Она отчаянно замотала головой. Рауен был в зале. Она любила Рауена.

И никогда она не будет испытывать такого же чувства к нему.

— Эрик, я не пойду с тобой сейчас!

— Давай, сопротивляйся, но я все равно одержу верх, — предупредил он ее.

— Ты не всегда будешь одерживать верх.

— Нет, всегда, потому что я рожден, чтобы побеждать, в противном случае ничего не остается, как только умереть, и поэтому к любому сражению я отношусь серьезно.

Она открыла было рот, чтобы ему возразить, но он был слишком решителен и не бросал слов на ветер. Он наклонился и обнял ее за плечи. Смех и разговоры в зале внезапно смолкли, и он произнес, обращаясь к присутствующим и продолжая обнимать Рианон:

— Воины, пейте и отдыхайте после сражения, мы это заслужили! Мы с женой скоро

присоединимся к вам.

Послышались смешки и одобрительные возгласы. Эрик повернулся. Рианон была прижата к его телу, одетому в кольчугу, когда он быстро направлялся к лестнице. Он за секунду поднялся по ступенькам, не обращая внимания на угрозы, которые она шептала, и на ее кулаки, которые обрушились на него. Когда они вошли в спальню, он швырнул ее на постель с такой силой, что веревки, которые держали матрасы, казалось, лопнут. Она быстро поднялась на локте, ей хотелось закричать и наброситься на него, но она только кипела от возмущения, потому что в спальню уже внесли деревянную ванну, которую он просил, и мальчики с кухни ведрами носили подогретую ключевую воду. Старый Джозеф принес кожаный мех с вином и два серебряных кубка и поставил их на стол. Он Даже не взглянул в ее сторону. Эрик поблагодарил слуг и запер дверь, как только они удалились.

Он прислонился к двери, пристально глядя на Рианон.

— Ну? — спросил он наконец.

— Что?

— Иди и служи мне теперь.

— Ты с ума сошел! Наверное, какой-нибудь топор все-таки повредил тебе череп, любовь моя.

— Каким нежным голоском были сказаны эти слова! Я еще не сошел с ума. Наоборот, у меня отличная память. И я помню, любовь моя, что ты...

— Ты меня обманул! — напомнила она ему.

Он направился к ней, громадный в своей кольчуге и тяжелых доспехах.

Она соскользнула с постели до того, как он успел добраться до нее.

— Эрик...

— Рианон! Подойди и помоги мне снять эту кольчугу, или, я клянусь, ты пожалеешь об этом.

— Не угрожай мне.

— Это просто суровое и серьезное обещание.

— Я не могу...

— Можешь. Я совершенно уверен, что ты хорошо знаешь, как обращаться с доспехами. Подойди и помоги мне. Послужи мне. Может, это все, что от тебя требуется.

Она стояла, не шевелясь, с сильно бьющимся сердцем, а потом откинула назад свои волосы и неторопливо подошла к нему. Он уже отбросил свой шлем и дотянулся до нижней кромки длинной кольчуги, похожей на тунику, которая составляла часть его доспехов. Он опустил на одно колено, и она помогла ему стянуть ее через голову. Кольчуга была тяжелой, она не удержала ее, и металлические цепи упали на пол, издавая железный позвякивающий звук.

— Ничего страшного, — сказал он ей нетерпеливо. — За ней придет мой слуга. Освободи завязки.

Он встал, и Рианон, не говоря ни слова, обошла его кругом, отвязывая кожаные завязки, которые скрепляли его кольчугу с его нательной рубашкой. Он нетерпеливо отбросил доспехи. Под ними на нем оказалась льняная рубашка, штаны и сапоги. С этим он мог и сам справиться прекрасно, подумала Рианон и отступила на шаг.

Но он сел на стул, поднял ногу и уставился на нее.

— Давай! Уж сапоги ты можешь снять сам!

— Да, могу. Но предпочитаю, чтобы ты мне помогла. — Он любезно улыбнулся. — Я

обещаю, что буду помогать тебе снимать одежду всякий раз, как только ты пожелаешь.

— Спасибо, не желаю, — отрезала она. Он по-прежнему не сводил с нее глаз, ожидая и улыбаясь. И даже когда он наблюдал за ней, ей казалось, что тепло медленно заполняет ее, разливается в низу живота и, наконец, приливает к ее щекам.

— Ради Бога, — прошептала она.

Она быстро подошла и стянула один сапог. Когда она наклонилась, чтобы снять второй, он положил ей ногу ниже спины. Она стянула сапог со всей быстротой, на которую была способна, и быстро повернулась. Эти скандинавские голубые глаза все еще сверлили ее, хотя теперь улыбка не сходила с его лица. Лениво он прикрыл глаза.

— Благодарю, — сказал он тихо, поднимаясь. Повернувшись к ней спиной, он стал снимать рубашку и штаны.

Рианон напряженно сглотнула, увидев его голую спину и ягодицы, его твердые мускулы, которые играли при малейшем его движении. Она отвернулась, уставившись в стену, пока он опускался в ванну.

Казалось, время замедлило свой ход.

— Я могу идти? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно и спокойно.

— Могу что?

— Идти! Уйти из этой комнаты! Спуститься к гостям!

— Спуститься к гостям? Ты что, имеешь в виду, что горишь желанием развлекать это стадо викингов?

Было невозможно сохранять спокойствие и сдерживать свои чувства! Она не будет унижаться и просить! Она даже не будет спрашивать его позволения уйти. С возгласом нетерпения она повернулась и направилась к двери.

Его слова ударили ее как хлыстом.

— Не делай этого, — предупредил он. С досадой она почувствовала, что у нее перехватило дыхание, а сердце отчаянно заколотилось.

Она не открыла дверь, но остановилась рядом с ней. Она не трусиха, уверяла она себя. Но, если она попытается уйти, он наверняка вылезет из бадьи голым и пойдет за ней. А потом... она не могла предположить, что он сделает потом.

Она повернулась, скрестив руки на груди, и посмотрела на него:

— Ты сказал, что если я помогу тебе...

— Но мне еще нужна твоя помощь, — сказал он любезно.

— Что еще тебе нужно?

— Подойди, потри мне спину. Я устал от своего военного облачения. Мне нужен покой и отдых.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Покой и отдых, как бы не так! — подумала Рианон, но ни слова не проронила вслух. Превозмогая дрожь, она подошла к бадье, изо всех сил стараясь не смотреть на его наготу. Она взяла мочалку и мыло и зашла ему за спину. Она терла его с отчаянным желанием содрать с него кожу. Она напряженно сглатывала, когда терла его широкие бронзовые плечи и чувствовала его жизненную силу, и силу его мускулов, и его тепло под руками. Его золотые волосы намокли и прилипли к его спине, и ложились кольцами под ее пальцами.

— Вот! Все! — сказала она ему нетерпеливо, швырнув мочалку и кусок мыла.

Он схватил ее за запястье и потянул за руку, так что она очутилась прямо перед ним. Сила, с которой он дернул ее, была такова, что она не устояла и упала на колени,

встретившись с ним взглядом.

— Нет, не все. Это только начало.

— Я...

— Твое прикосновение к моей спине было таким нежным и ласковым. Я теперь знаю, что хорошо помыт. А теперь такая же ласка нужна моей груди.

Рианон опустила глаза, потому что больше не могла выдержать его взгляда. Стиснув зубы, она опять схватила мочалку и мыло и начала тереть его грудь, отворачивая глаза от принадлежностей его мужского достоинства. Мускулистая плоть пульсировала под ее пальцами, и у нее затряслись руки так, что она с трудом могла справиться со своей задачей.

— Я буду молиться, чтобы ты умер! — прошептала она со злостью.

Она все еще не могла встретиться с ним взглядом. но чувствовала, что он на нее смотрит.

— Ты, должно быть, молилась христианскому Богу. А нужно было молиться богам моего отца и датчан. Может быть, тогда Тор забрал бы меня в том сражении и унес на холмы Вальхаллы — вместо того, чтобы принести меня в твою спальню.

— Может быть, — сказала Рианон. — Я запомню это для следующего раза. — Она хотела остановиться, но снова была поймана за запястье.

— Любовь моя, ты еще не закончила.

— Нет, закончила!

— Тшш! — сказал он. Она поняла, что краснеет под его взглядом, но спасенья не было, его пальцы как железные щипцы держали ее запястья.

— Только подумай о длинных одиноких ночах, когда я лежал без сна, думая о тебе и о твоих сладких обещаниях.

— Ты лжешь! Я уверена, что ты уехал сражаться и не думал обо мне ни секунды. Может, ты и думал о вновь приобретенных землях, но...

— Да, — прервал он ее резко. — Я думал о землях. Их глаза снова встретились.

— Я люблю эту землю. Я люблю ее суровость и красоту, люблю ее щедрость. Я люблю смех детей, когда они играют в лугах. Мне больно видеть, что люди ничего не делают, чтобы увеличить ее богатства. Ты ведь тоже ее любишь, — сказал он.

Он и вправду любил землю, она это чувствовала в нем. И она должна признать, что он высоко ценил человеческую жизнь, что необычно для человека, который провел полжизни в сражениях.

Но и Альфред тоже провел жизнь в битвах. Альфред, который любил ученье, почитал семью и домашний очаг, спой дом и своего Бога. Альфред был король-воин. И все же он был добросердечным человеком.

Она отвела глаза.

— Я люблю свой народ, Эрик Дублинский.

— Да, но ведь люди тоже связаны с землей, не так ли? И очевидно, что ты хорошо управляешь тем, что досталось тебе в наследство. Город процветал, пока меня здесь не было.

Их взгляды снова пересеклись.

— Но ведь это больше уже не мое наследство, не так ли?

Он улыбнулся, откинувшись расслабленно назад, и, когда он закрыл глаза, улыбка все еще не сходила с его губ.

— Ты — моя, и земля — моя. Я люблю вас обоих.

— Так же, как ты любишь Александра.

— Он удивительный конь.

Она подняла мочалку и, не думая о последствиях, хотела намылить ему лицо. Но его расслабленный вид был обманчив. Не успела она и пошевелиться, как он открыл глаза и обхватил руками ее талию. Он крепко держал ее, говоря глубоким хриплым голосом, который пригвоздил ее к месту крепче, чем сила его рук:

— Жена моя, я действительно думал о тебе ночь за ночью. Я думал о сладких словах твоего обещания. Ты просила меня не убивать твоего любовника, и он жив. Дай-ка я вспомню, что ты говорила. Увы, никак не могу, но все равно я помню, как ты говорила, что дашь мне все, чего бы я ни попросил, все-все.

— Ты меня обманул. Он пожал плечами.

— Я получу, что хочу, — сказал он ей. — И я не думаю, что ты настолько пренебрегаешь своими супружескими обязанностями, как ты хочешь показать. Я вспоминаю нашу первую брачную ночь с величайшим удовлетворением. Эти мягкие, сладостные, а порой и не такие уж мягкие и сладостные. звуки, которые срывались с твоих губ, преследовали меня в моих снах, когда я лежал один в темноте.

И снова волны румянца залили ее лицо.

— Угроза викинга... — начала она со всем своим достоинством, какое только могла собрать.

Но потом с ее губ сорвался крик удивления, когда его рука неожиданно обвилась вокруг ее талии и потащила прямо в одежде к нему в бадью. Вода выплеснулась на деревянный пол, и она была крепко прижала к его груди, а он смеялся, не обращая на ее протесты никакого внимания. Его пальцы запутались в ее волосах, и он держал ее так, что она не могла пошевелиться, когда его рот жадно прильнул к ее рту, а язык стал вторгаться в глубину рта, требовательно и сладостно. Ее сердце сильно забилося, ее окружали тепло его мускулистого тела и потоки воды. Потом его губы наконец оторвались от нее, а пальцы стали искать завязки на ее платье.

— Ты обещала прийти ко мне так же соблазняяще и чарующе, как ты делала это в тот день в лесу со своим любовником.

Она поймала его сильные пальцы, лежавшие на ее груди.

— Ты хочешь того, чего получить не можешь, потому что не заслужил этого. И никогда не получишь от меня! Я любила Рауена.

— Любила! — Он иронически хмыкнул. — Ты играла с мальчишкой. Тебе нужен мужчина.

— А ты, сэр, ты — слишком стар! Увы! Дай мне молодость! Какой девушке нужен такой дряхлый старик в любовники!

— Ну, я еще не такой ветхий, я думаю! — Он засмеялся, а потом схватил ее руку и провел ею вдоль всего своего тела, прижимая ее к себе. Она судорожно хватала ртом воздух, когда он опустил ее пальцы под воду, прижимая их к крепким мышцам своего живота, к своему члену. Под ее пальцами она почувствовала жар и пульсацию, и он еще сильнее напрягся от возрастающего желания. Она хотела вырвать руку, но его рука не дала ей этого сделать. Она хотела отвернуться, закричать, сопротивляться. Но он не сводил с нее взгляда, и она не смогла убрать руку, а продолжала касаться его.

Он нетерпеливо развязал завязки ее платья, обнажая ее грудь. Он притянул ее ближе и коснулся губами этих женственных возвышенностей. Его язык облизал ее напрягшиеся соски, и он стал жадно сосать их, вызывая в ней удивительную волну нарастающего

удовольствия.

Она тихонько вскрикнула, и ее пальцы против ее воли запутались в его волосах. Его рука забралась под длинный подол ее платья, скользя вдоль обнаженного тела по внутренней стороне ее бедра, все выше и выше. Он добрался до того места, откуда разливалось по ней блаженное тепло, и проникал все глубже и глубже подводя ее к краю сладостной бездны. Она яростно содрогнулась, страстно желая сопротивляться, но понимая, что проиграла. Такие мягкие ласкающие прикосновения... так глубоко... слова застряли у нее в горле она задыхалась, а потом его губы накрыли ее, заглушая ее протестующие выкрики.

Он вылез из ванны, взяв ее на руки. Потоки воды стекали с его обнаженного тела и с ее промокшей насквозь одежды. Не сводя с нее глаз, он поставил ее на ноги и дернул лиф ее платья с такой силой, что сразу сорвал все, что было на ней надето, включая белую красивую сорочку. Она почувствовала, что краска снова заливает ее лицо, но не отвернулась от него; она встретила его взгляд смело и с вызовом, на какой только была способна. Она, пожалуй, даже обрадовалась восхищенной улыбке, с какой он разглядывал ее. Да, они были врагами, но ей было приятно, что он восхищается ею, и ей, против воли, тоже доставляла удовольствие его мужская красота, его мощь и сила, и та дикая возбуждающая страсть, которая была в нем. Да, пожалуй, даже его высокомерие, потому что, возможно, именно оно разжигало внутри нее огонь.

— Ты окончательно испортил мою одежду, — сказала она ему сухо.

— У тебя есть другая.

— Да, сэр, но я — твоя жена, твоя собственность, твое имущество! Все мое — это твое, и, следовательно, если оно испорчено, это приносит тебе убытки. Не всегда же ты будешь громить врага. Не всегда же сможешь завоевывать богатства!

— Увы, нет, потому что моя дорогая жена теперь знает, кому молиться, чтобы я был поскорее уничтожен!

— Не всегда же тебе побеждать! — настаивала она.

Он поймал ее, снова подняв на руки. И снова их взгляды встретились, и его глаза были кристально-голубыми, а на губах играла улыбка.

— Но, любовь моя, я осмелюсь возразить. Я всегда буду побеждать, обещаю тебе.

Она хотела оттолкнуть его, но он уже направлялся к постели. На этот раз он осторожно опустил ее на кровать, склонившись над ней. Она хотела что-то сказать, но он снова прильнул к ее губам. Оторвавшись от них, он начал горячими поцелуями прокладывать дорогу мочке ее уха и прошептал, что она мокрая и вкусная. Его руки ласкали ее, а глаза смотрели прямо ей в глаза, а он продолжал целовать ее и слизывать капли воды с ее тела. Его ладонь коснулась ее груди, а язык облизал набухший сладкий бутон, он забрал его в рот, снова ласкал языком и облизал еще раз, заставив ее вздохнуть, изгибаться ему навстречу, вцепляться пальцами в его волосы и плечи.

Он слизал последнюю каплю из ее пупка и стал спускаться по ее животу. Он разрешил ей протестовать, когда его сильная рука заскользила вдоль ее бедер, с силой раздвигая ей ноги, а потом добралась до розовых лепестков ее глубокого желания. Его прикосновение было легким, но таким возбуждающим, что она вместо сопротивления всем существом подалась ему навстречу. И он ответил на сладостное требование ее тела, пронзая ее, увлекая и соблазняя прикосновением своих пальцев и языка.

Темные глубины желания, о которых она раньше и не подозревала, разверзлись перед ней. У нее вырвался гортанный тихий стон, и она начала извиваться, не сдерживая себя

больше, когда он придвинулся к ней еще ближе. Огромные, потрясающие волны экстаза начали омыwać ее. Она неистово содрогалась, когда начала приближаться к пику наслаждения, нараставшему внутри нее, как мириады звездных вспышек на бархатном небе. И в тот момент, когда ей показалось, что наслаждение стало ослабевать, он, не переставая ласкать ее, глубоко погрузился в нее всей своей пульсирующей мужественностью. Приподнявшись и пройдя до конца путь внутри нее, он начал неистовое движение, и она снова закачалась на волнах экстаза.

Она вцепилась в его плечо, ее пальцы гладили его спину. Отбросив всякую стыдливость, она прильнула ближе к нему, обвив ногами его талию, двигаясь в ритме который он ей задавал. Она ведь совсем не хотела этого, пронеслось у нее в голове. Она не хотела допускать его до себя, хотя и пообещала, но ведь он обманул и предал ее...

И все же именно его она хотела больше всего на свете. Она покрывала поцелуями его грудь, вкус его губ наполнял ее всепоглощающей страстью. Она восхищалась его мускулами под своими пальцами, и она упивалась силой с которой он двигался, толчками заполняя собой пространство меж ее бедер. Огромные, потрясающие волны наслаждения начали расти и достигли внутри нее новых высот. Казалось, что она не перенесет наполнявшего ее сладостного чувства. Яркая вспышка озарила ее, он проникал в нее все глубже и глубже...

Экстаз достиг пика и разлился в ней. Мерцающий свет превратился в темноту, и она услышала хриплый крик своего мужа-викинга, он нашел неистовую разрядку в глубинах ее тела.

Медленно начал возвращаться свет. Она все еще тяжело и прерывисто дышала, а ее тело продолжало легко подрагивать.

Он лежал рядом с ней, опираясь на локоть и наблюдая за ней. Дикий беспорядок ее волос, все еще влажных, напоминал клубок золотых и огненных нитей.

Он нежно коснулся ее щеки. Она знала, что он изучает ее, но не открывала глаз и не двигалась. Она все еще не могла сдержать внутренний трепет, ей хотелось положить голову ему на грудь в изнеможении, ища покоя.

— Я мечтал о тебе, любовь моя.

В первый момент она не узнала его шепот, но поняла, что это на самом деле он, потому что он ласково прижал ее к себе, так что голова ее оказалась на его широкой груди. Он откинул назад ее волосы, приглаживая их беспорядочную массу.

— Я мечтал об этом месте, об оттенках скал и гор. О розовато-лиловых и пурпурных цветах и о зелени весны.

— Я слышала, что Ирландия вся зеленая, — прошептала она, прижавшись к нему. Она не могла видеть его лицо, но почувствовала, что он улыбается.

— Да, она зеленая. Великолепная, щедро зеленая. Но и у нее есть свои оттенки. Ее скалы и горные хребты. Ее красота и покой.

— Здесь совсем не спокойно, — проговорила Рианон медленно. — Чаще всего дуют порывистые ветры. А море — переменчиво. Часто бывают штормы.

— Да, это так, — согласился он.

— Рада, что тебе это нравится, это, вероятно, в твоем характере.

Он мягко засмеялся.

— И в твоем тоже, я уверен. Да, может статься, мы хорошо подходим друг другу.

В его голосе было что-то напоминающее нежность, но это почему-то напугало ее, также как и покой, который она нашла, лежа рядом с ним. Он не любит ее, он с ней играет. Она

ему нужна наравне с ее землями... и Александром! Она не должна допускать больше подобной близости с ним. Она не должна зависеть от него.

Или нуждаться в нем.

Его рука блуждала теперь по ее спине. Лениво. Его пальцы нежны, но даже в нежных прикосновениях чувственны. Он ласкал ее плечи и руки. Он ласкал ее плоть, прикасаясь к груди. И это теперь казалось ей таким естественным...

Она закусил губу и подняла голову, желая освободить свои волосы. Его смех, низкий и хриплый, прозвучал насмешливо. Он приподнялся над ней, перенес свой вес на мускулистые руки.

— Увы, моя сладкая, вдруг ты обнаружишь, что влюбилась в меня, такого дряхлого старика.

Сладость страсти и нежные слова, сказанные им, улетучились. Осталось сильное, красивое и торжествующее лицо викинга и память о бесконтрольном желании, которое он так легко возбуждал в ней.

— Я никогда не полюблю тебя! — хрипло пообещала она. — Я только выполняла свой супружеский долг. Ты лишил меня выбора!

Его глаза уже не казались такими светлыми, словно стеклянная завеса закрыла их, но все же он не отводил взгляда. Его улыбка не изменилась.

— Да, дорогая, у тебя не было выбора! Тебе и не нужно меня любить. Все, что требуется — это служить мне. Может, мы и поладим. Любовь — это такое болезненное чувство.

— Ты ведь меня тоже не любишь! — напомнила она ему.

— Господи, конечно же нет! — грубо ответил он. И все же она не двигалась. Он провел костяшками пальцев по ее щеке и добавил почти нежно:

— Пусть поможет Бог тому, кто любит тебя! Небеса, Вальхалла и все боги христианские и языческие!

Он резко отодвинулся и соскочил с кровати легко и грациозно, несмотря на свою мощь. Она было отвернулась, пытаясь прикрыться одеялом. Она все еще боролась с навалившейся на нее сонливостью, когда его сталь-Ной голос обрушился на нее как ведро холодной воды:

— Вставай, любовь моя, ты должна занять гостей в зале.

— Я должна развлекать гостей? — сказала она холодно.

Он дотянулся до нее, стащив с нее одеяло. И, помоги ей Бог, одно его прикосновение снова заставило ее гореть, даже когда она встретила с ним взглядом, ненавидя его.

— Как я уже сказал, — проговорил он насмешливо, — любить меня не обязательно. Но ты — моя жена и обязана мне служить.

— Я не твоя раба!

— Нет, Рианон, ты здесь хозяйка. И ты будешь хозяйкой в зале, в доме, где ты родилась. И ты будешь ложиться со мной в эту постель, когда я как хозяин потребую этого!

— Посмотрим!

— Конечно, — сказал он, смеясь, — посмотрим.

Он снова подхватил ее на руки и поцеловал. Поцелуй был страстный и глубокий, и она не могла противиться ему. Теперь в порыве страсти, казалось, появился проблеск нежности, и, когда его губы оторвались наконец от нее, его глаза были пронзительно синими, такими завораживающими, что она не могла отвести от них свои.

— Конечно, — прошептал он. — Помоги, Господи, дураку, который осмелится полюбить тебя, Рианон!

Отпустив ее, он отвернулся и подошел к одному из сундуков.

— Одевайся быстро, мы и так задержались надолго.

— Мы задержались? Только не я! Он снова посмотрел на нее, взглядом заставив ее замолчать.

— Именно ты, — сказал он ей насмешливо. — И еще задержишься. И еще. А теперь пошли.

Кипя от возмущения, Рианон повернулась, ища новую одежду. Она стояла спиной к нему, надевая рубашку, а потом слегка повернулась.

Он уже был в штанах и надевал рубашку, и она закусила губу, вновь почувствовав трепет. Его талия была такой тонкой по сравнению с широкими плечами. Его руки были покрыты горой мускулов, а ноги стояли твердо, как стволы деревьев. Даже теперь ей хотелось провести рукой по его твердой, гладкой загорелой коже и наслаждаться этим прикосновением.

Он не любит ее...

Он был ее мужем, а судьба свела их вместе.

Она не будет служить ему! Не будет!

И все-таки...

Он будет заботиться об этом месте. О земле. О людях. О детях.

Он повернулся, какое-то седьмое чувство подсказало ему, что она наблюдает за ним. Она поспешно залезла в сундук и вытащила платье и верхнюю тунику — свой новый серо-голубой туалет. Она поняла, что и он наблюдает за ней. Когда она повернулась к нему, он был одет как ирландский принц: в рубашке и коротком камзоле, отороченном горностаем, в голубых штанах и малиновом плаще, застегнутом на плече пряжкой. Он пристегнул ножны, вложил в них кинжал, с которым не расставался, и предложил ей руку.

— Мы идем, миледи?

— Ты притащил меня сюда. А теперь бросаешь!

— Увы, если ты предпочтешь остаться, я с радостью нарушу законы гостеприимства и задержусь здесь с тобой на некоторое время. Ты так быстро всему учишься, жена моя и хозяйка, но у меня есть что показать тебе еще. Конечно, моя поспешность была несколько неприлична но удивительные наслаждения нашей первой ночи разожгли мой пыл... — Он замолк с хриплым смехом.

Рианон и сама не собиралась задерживаться. Когда он кончил говорить, она уже причесала волосы, надела туфли и отхлебнула глоток вина, которое было оставлено для них. Она стояла у двери, гордо вздернув подбородок в ответ на его смех.

— Я вижу, ты наконец готова, — сказал он. Он подал ей руку и повел вниз.

На лестнице он остановился, поцеловав ей руку, и оценивающе взглянул на нее синими глазами.

— Ты, любовь моя, необыкновенно хороша. — Злорадная ухмылка скривила его чувственный рот. — День только начинает клониться к вечеру, а я уже с нетерпением жду ночи.

Она пристально смотрела на него, давая себе клятвы, что сердце ее больше никогда не станет так колотиться, и тем не менее одни его слова зажигали в ней маленькие, трепещущие огоньки.

— Наши гости ждут, — сказала она.

— Конечно.

Он снова взял ее за руку, и они направились в зал.

Пока они шли вместе, она вдруг затрепетала. Боже милостивый, помоги женщине, которая будет так глупа, что полюбит его! — подумала она.

Конечно же, Бог ей поможет.

Наутро пятого дня, проснувшись, Рианон обнаружила, что викинга не было рядом.

На месте, где он спал, была только смятая простыня, а светловолосый гигант, отравляющий ей жизнь, снова ушел.

Она вскочила и уставилась на постель, издевательское напоминание об их нелепом браке. Она сжала кулаки. Как же ей хотелось хоть раз доказать ему свое превосходство! Ведь он, понимая, насколько невыносимо ей подчиненное положение, будто нарочно, твердо вознамерился управлять и ею самой, и ее землями.

Она задрожала от холода и накинула на себя рубашку. Полуодетая, взяла кувшин и таз с каминной полки, умылась, причесалась, накинув плащ, отороченный мехом, быстро вышла из комнаты.

На пороге она остановилась. Она не слышала голос мужа в зале, но там были другие. Ролло рассказывал о сражении, другие слушали.

Рианон тихо сошла с лестницы незамеченной. Она глубоко вздохнула, когда увидела Рауена и других молодых людей, подданных Альфреда, теперь приехавших сюда, в ее дом.

В дом ее мужа, горько подумала она.

Да, они были здесь с тех пор, как он вернулся. В ту первую ночь, когда она спускалась с лестницы под руку с Эриком, они отнеслись к ней с должным уважением. Даже Рауен. Он коснулся ее руки, низко нагнувшись, а потом поцеловал ее в щеку, приветствуя ее как сестру, хотя рядом был Эрик. Такое его поведение заставило ее почувствовать себя брошенной: в том, что он поцеловал ее при Эрике, заключался, казалось, полный отказ от всего, что было между ними.

Любовь прошла, подумала она. Все это было детской игрой, притворством. А может, так казалось оттого, что рядом был Эрик, слишком реальный, плотский по сравнению с этими фантазиями; оттого, что его прикосновения вызывали в ней жгучие, волнующие ощущения, и она в глубине души чувствовала его власть над ней. Она знала Рауена долгие годы, но Эрик смог понять ее лучше. Она много лет верила, что будет любить Рауена до смерти, но его поцелуи были уже такими далекими и призрачными, в то время как воспоминание о страстных губах Эрика вызывало головокружение, и тепло разливалось по телу...

Но ведь она не любит его и никогда не полюбит. Она никогда не будет уважать его, никогда не покорится ему.

Она выскользнула незамеченной из зала. Один из людей Эрика, ирландец, стоял на страже у дверей. Он поклонился ей, когда она проходила. Она не знала, куда идет, просто шла прочь отсюда.

Она быстро прошла кузницу, мастерские внутри городской стены, а потом вышла за ворота, миновав еще одного стражника из людей Эрика. Она спешила по тропинке, которая вела к покрытым травой скалам на севере. Через пятнадцать минут она достигла огромного дуба с раскидистыми ветвями, простиравшимися над прохладным, быстро бегущим ручьем.

Эгмунд похоронен здесь. Эгмунд и Томас. Адела уже приводила ее к этим могилам, и она провела тут много времени, молясь за их души. У нее была мысль перезахоронить их в соборе, но потом она отказалась от этого, вспомнив, как любила приходить к этому дубу: отсюда не видно было моря и кораблей с драконьими головами вдоль берега — ее

собственного берега.

Она опустилась на колени в траву и снова молилась о друзьях, которые ушли навсегда, но мысли ее были далеко. Она села, лениво жуя травинку и глядя на воду. Она оцепенела, погруженная в мысли. Она не успела подготовиться к его возвращению, вернувшись домой в его отсутствие. Ей казалось, что жизнь ее не изменится; что она по-прежнему будет справедливо управлять своей землей по законам короля, Она всегда была справедлива.

Но сейчас...

Викинг стал здесь полным хозяином. Он осмелился утащить ее наверх, когда все собрались к обеду, и надменно свел вниз. Обед был отложен, и все ждали до тех пор, пока хозяин не утолит другой свой голод. И каждый раз, когда она тянулась за кубком меда, из которого они пили по очереди, и случайно касалась его пальцев, она встречала его взгляд и видела, что он смеется над ней.

А ведь другие считали его вполне цивилизованным. Адела находила его очаровательным. Слуги с радостью исполняли все его приказания. Люди Альфреда шутили с ним. Даже Рауен — Боже, даже Рауен! — казалось, уважал его.

«Мужчины», — подумала она с отвращением. А теперь он ушел на войну, чтобы убивать людей, и поэтому он был героем. Он был создан, чтобы нести смерть. Вот и все.

В первый день, сразу после обеда, она оставила его, чтобы самой устроить на ночь гостей. Некоторые должны были спать в зале, других нужно было разместить в городских домах. Необходимо было дополнительное сено и овес для лошадей. Дел было много, и она скрылась от него допоздна. Он обнаружил ее на кухне, где она отдавала приказания насчет завтрашнего обеда. Он встал в дверях, уперев руки в бока и глядя на нее своими синими глазами. Потом поднял руку и просто поманил ее:

— Пойдем!

Она повернулась со всем благородным презрением, на какое только была способна.

— Милорд, я занята, — сказала она, и ее тон заставил бы ретироваться самого храброго воина.

Но только не Повелителя волков. Она не успела даже повернуться к нему спиной, как его рука очутилась у нее на плече. Он не возражал, не сказал ни слова, просто взял ее на руки и пронес мимо пьяных спящих людей в зале наверх в их комнату, не спуская с нее глаз.

Когда он положил ее на постель, она сказала ему, что ненавидит его. Но когда она смотрела, как он сбрасывает свою одежду при свете свечи, она уже не знала, правда ли это. Она повторила свои слова, когда он взобрался на нее, придавив свой загорелой грудью, густо поросшей светлыми волосами, и он понял, что она говорит не правду.

— Ты — моя жена, — напомнил он ей. — И я получу, что мне положено.

Его гортанный смех прозвучал насмешкой, но, когда его прикосновения переросли в нежные ласки, ее яростное сопротивление потонуло в его сладком, властном поцелуе.

Сидя на берегу ручья, Рианон глубоко вздохнула. На следующий день он куда-то надолго уехал верхом, а когда вернулся, она притворилась спящей. Он не тронул ее, и поэтому на следующую ночь она повторила эту хитрость. Но он вернулся победителем, смеялся и тормозил ее, говоря, что она жалкая маленькая притворщица и должна приветствовать своего мужа.

Она поступила, как он требовал, и теперь сильно жалела об этом.

Но прошлой ночью... прошлой ночью ей удалось одержать победу: она устояла. Она не оказывала ему сопротивления, она просто лежала, как бревно, и в темноте слезы стояли в ее

глазах, потому что она боролась не с ним, а с собой.

А потом они оба долго лежали без сна.

А этим утром...

Она все еще ощущала его прикосновения, его запах, все его горячее тело, когда его плоть пронзила ее. У нее было такое чувство, что он всю ее заполнил собой. Она никогда не освободится от него. И она еще больше ненавидела себя за то, что не могла не признать: обнаженный, он был похож на Бога. Его глаза приказывали и подчиняли.

Листья шуршали и шептались над ее головой. Она была одна, и ей не было спокойно. Она разделась и спустилась к воде.

Вода была холодная как лед, но приятная, очищающая. Она огляделась, зашла глубже и сильно задрожала от охватившего ее холода. Она почувствовала себя свободной. Свободной от его прикосновения, от его повелений.

— Рианон!

Она захлебнулась, быстро повернувшись. Потом сжала зубы, молясь, чтобы Эрик не нашел ее здесь, но, узнав голос Рауена, расслабилась.

— Рианон!

— Я здесь, — ответила она.

Она увидела его, верхом на коне, подъезжающего к дубу. Как он молод! — коротко подумала она. Она почувствовала себя на много лет старше. Рауен все еще мальчишка, подумала она, а она уже не девушка, женщина. Он быстро спешился и ринулся к ней, но остановился, когда увидел, что ее одежда брошена на берегу. Он взял ее плащ и, подойдя к кромке берега, расстелил его для нее.

Она выпрямилась и пошла к нему, вспоминая их первое свидание. Тогда были живы мечты. А сейчас, .. Она поспешила укутаться в плащ. Он отвел глаза.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Ты ведь ушла, — сказал он поспешно. — Ты ушла, и стражники видели, как ты уходила, но никто не знал, куда, и я ... опасался за тебя.

— За меня? — Озадаченная, она пристально посмотрела на него, потом улыбнулась, медленно и печально, распрямив плечи. — Понимаю. Ты подумал, не собираюсь ли я броситься со скалы в море?

Лицо Рауена потемнело.

— Я не знаю.

Она вздрогнула от неожиданности, когда он опустился на колени перед ней.

— Я прошу прощения, Рианон, потому что лишь прошлой ночью понял, что мое присутствие усиливает твои страдания. Пожалуйста, пойми, я...

— Ты решился служить викингу, Рауен. А я — нет. Вот и все.

— Видела бы ты его в сражении!

— Я видела его в сражении, я видела, как он штурмовал мой дом, и я не испытываю благоговейного трепета перед человеком за его способность убивать других людей.

— Ты его не знаешь...

— Это мне нужно просить прощения, Рауен. Я начинаю его узнавать слишком хорошо. Он стоял к ней совсем близко.

— Рианон, ради Бога, пожалуйста, пойми. Он спас мне жизнь, и не один раз, а дважды. И — ради всего святого! — я связан честью и обязан ему служить.

Он, казалось, был в таком отчаянии, так обвинял себя, что ее сердце дрогнуло. Она

обвила вокруг него руки, понимая, что всегда будет любить его, хотя и не так, как прежде. Теперь она любила его как брата. И в ее объятии не было ничего, кроме этой братской любви.

Но, как только ее руки обняли его за шею, и она прошептала его имя с нежностью и грустью, она почувствовала холод. На нее смотрел Эрик.

Сидя верхом на своем белом коне, он пристально смотрел на них из-под дерева. Она не могла видеть его глаз и лица, но заметила золотой блеск его волос и его свободную, непринужденную посадку на коне.

Он стегнул свою огромную белую лошадь и поехал к ним, одетый, как ирландский принц, в малиновом плаще через плечо, застегнутом на изумрудную брошь, с начертанным на нем гербом волка.

— О Боже мой! — выдохнула она.

Рауен быстро отступил, стремительно развернувшись: навстречу опасности. Он отпустил ее и шагнул вперед, готовый встретить этого волка, встать между ней и любой опасностью.

— Господин, — начал Рауен, — клянусь тебе...

— Нет! — выкрикнула Рианон, бросившись к нему. Рауен схватил ее за руки.

— Рианон!

Она выдернула руку. Ее плащ развевался на ветру, и под ним было только ее обнаженное тело. Но она твердо решила не допустить, чтобы Рауен пострадал за нее.

— Здесь не произошло ничего недозволенного! — горячо заявила она. — Ты понимаешь меня? Ничего не-приличного!

Взгляд его холодных голубых глаз окинул ее. На его жестком лице не дрогнул ни один мускул.

— Милорд, — сказал Рауен.

— Рауен, иди! Я поговорю с тобой позднее, — грубо прервал его Эрик.

— Но, милорд...

— Черт тебя побери, парень, иди!

Рианон застыла от холода. Она не сводила глаз с Эрика, и он в свою очередь смотрел ей в глаза, пока они не услышали, как Рауен поспешил к своей лошади.

А потом он уехал.

Тяжелый взгляд Эрика неотрывно следил за ней. Несмотря на холодную воду, которая все еще стекала с нее, и лед его взгляда, ей стало жарко от гнева. Она не позволит ему так с ней обращаться! Не позволит! Она в ярости топнула ногой о землю.

— Все было невинно, я говорю! И у тебя нет права, нет никакого права смотреть на меня так!

— Как это я на тебя смотрю? — спросил он.

— С такой высоты, — вырвалось у нее. — Я тебе еще раз говорю, что мы оба совершенно невинны. И если бы ты был воспитанным человеком...

— Вот мы и пришли к согласию. Я не воспитан, но испорчен цивилизацией. Я язычник. Викинг. Я убиваю своих врагов.

Он начал слезать с коня. Она задохнулась, сердце ее бешено забилося. Она отступила на шаг. Он остановился и взглянул на ее одежду, беспорядочно разбросанную на земле. Потом сделал еще шаг ей навстречу. Она решила поступиться своей гордостью. Она должна отвести от Рауена все подозрения, потому что это она скомпрометировала его. Она с изяществом

опустилась на одно колено и склонила голову:

— Прошу тебя, выслушай меня...

— Встань. Напускное смирение тебе не идет. В ее глазах блеснул гнев. Он заметил и сурово усмехнулся.

— Вот это больше похоже на тебя, любовь моя.

— Я не твоя любовь! И не буду ею никогда, ты ведь сам это заявил.

— Хорошо, пусть так, — согласился он. Он обошел ее, теребя бороду. — Не любовь, так жена. Моя жена! Связанная священным долгом супружества почитать меня и повиноваться мне. И будь я проклят, мадам, но почему-то все время застаю тебя в различных стадиях раздевания.

— Нетрудно подумать, что это вам нравится! — резко огрызнулась она. — Поскольку, когда я одета, мне кажется, вам всегда не терпится меня раздеть!

— Ну, меня волнует не столько твоя нагота, — сказал он, и снова она ощутила холодок, потому что он зашел ей за спину и остановился там. Она не видела его лица, но слышала дрожь гнева в его голосе, несмотря на игривость тона. — Меня волнует то, что я постоянно застаю тебя раздетой с одним и тем же мужчиной С Рауеном.

Она резко повернулась, не в силах больше терпеть его за своей спиной. Она вдруг пожалела о своей победе одержанной этой ночью. Может быть, он не был бы таким разъяренным, если бы она не была с ним так холодна. Знал бы он только, чего ей это стоило.

— Эрик, клянусь тебе, что Рауен невиновен...

— Есть много способов найти смерть, не так ли? Можно накинуть петлю на шею и затягивать ее, пока человек не умрет. Это не слишком хороший способ. Если веревка коротка, он будет задыхаться медленно. Если она слишком длинна, голова может оторваться. Но человека можно просто обезглавить взмахом топора или меча.

— Эрик...

— Вообще-то голова женщины слетает с плеч гораздо легче, чем у мужчин. Твоя шея, моя дорогая, такая тоненькая...

Она отшатнулась, глядя ему в лицо.

— Тогда давай быстрее покончим с этим! — закричала она, но ее слова оборвались: он притянул ее к своей груди, его пальцы прошли по ее влажным волосам, и он заставил ее взглянуть ему прямо в глаза.

— Я никогда не убью тебя так, моя дорогая. Я не хочу лишать себя удовольствия сжать твое горлышко пальцами! — В то время как он говорил это, его свободная рука нашла вырез ее плаща, и его пальцы скользнули туда, где бешено билось ее сердце.

— Остановить этот бешеный стук... — прошептал он. И вдруг, неожиданно отпустив ее, оттолкнул от себя и пошел к коню.

— Подбери свои вещи и пойдем. Скорее!

Рианон тяжело дышала, глядя на него. Он не причинил ей вреда, но она не понимала, что он собирается делать. Неужели он потащит ее в зал, чтобы разделаться с ней и с Рауеном там?

— Подожди! — закричала она.

Он медленно оглянулся. И снова у нее перехватило дыхание.

— Подожди, ты ведь так и не выслушал меня. Если ты посмеешь причинить вред Рауену...

Это были не те слова. Он быстро подошел к ней, я снова она оказалась в его объятиях.

— Я смею все, мадам, и ты сейчас убедишься в этом! А что касается Рауена, я не намерен ничего с ним делать. Я ему безоговорочно доверяю.

— Что-о? — пробормотала Рианон.

— Я не стану наказывать парня только потому, что ты вела себя, как легкомысленная шлюха.

— Что?! — В ярости она стала вырываться из его объятий, пытаясь ударить его в лицо и пиная ногами. Он зло ругнулся и схватил ее за руку. Она наступила на подол плаща и упала, а он сел на нее.

Ее злость росла и не давала ей покориться ему.

— Если только есть Бог на небе, ты погибнешь от удара топора, и твой труп будет разлагаться и источать зловоние! Ты...

— Давай, давай! — подбодрил он ее.

— Отойди от меня!

— Что? Сейчас? Ну нет, мне очень интересно знать, как ты чувствуешь себя подо мной. Очень любопытно, каково мужчине, ради которого ты так охотно скинула свою одежду.

— Я не скидывала одежду для Рауена!

— Ты хочешь сказать, что он сделал это сам?

— Кет, конечно же нет. Я...

— А! Наконец-то до меня дошло. Ты пришла сюда, скинула одежду и бросилась в воду, просто на тот случай, если я, твой законный муж, окажусь поблизости. Какое убедительное предположение. Особенно после прошлой ночи.

— Я не...

— Осторожнее, осторожнее, леди! — Он наклонился ниже, и она не могла понять, блеснули ли его глаза от гнева или от смеха, а может быть, от того и другого вместе. — Мне нравится эта мысль. И совсем не хочется думать о другом.

Она открыла было рот, но потом решила ничего не говорить. Листья огромного дуба отбрасывали на них тень. Он взял ее влажный локон и намотал его на палец.

— Свидание с собственной женой ранним утром в тени старого дуба, в прохладе журчащего ручья... в этом есть определенный романтизм, не правда ли? Несколько возбуждает, не так ли?

— Нет!

— Ты разбила мне сердце! Увы! В моей постели лежит бревно, безжизненное бревно. А я-то был уверен что женился на женщине, которая дрожит от страсти. Эта страсть теперь только для других? Возможно, я не прав. А может, мне стоит поговорить с юным Рауеном, чтобы узнать это?

— Прекрати! — прошептала она. Он удивленно поднял бровь. Она гордо вздернула подбородок.

— Свидание с моим дорогим повелителем и нежно любимым мужем... действительно звучит, как фантазия, — с трудом выговорила она.

Глаза его бесовски блеснули, и губы изогнулись в усмешке. Она хотела ударить его, но, прежде чем успела снова поднять руку, он уже встал на ноги, откидывая плащ и отстегивая ножны. Меч упал на землю рядом с ней с глухим звуком. Он стянул сапоги, штаны, камзол, а потом рубашку, а она тем временем изогнулась, перевернувшись на бок, и с тоской смотрела на меч.

Его голая нога прижала к земле ее волосы.

— Я обещаю тебе: если ты еще раз подумаешь о том, чтобы поднять на меня руку, я вырежу свои инициалы и герб королевского дома Вестфальдов у тебя пониже спины!

Она задохнулась от злости, вскочила на ноги и набросилась на него. Он схватил ее, упал вместе с ней, и они покатались к воде. Плащ упал с нее, она лежала между прохладой воды и его горячим телом. Она извивалась под ним, стараясь освободиться, но вместо этого лишь теснее прижималась к нему. Она так неистово бранилась, что заставляла его заливаться хохотом.

— Чего же ты хочешь от викинга? Так ведь ты определила мою сущность? И я постараюсь не обмануть твои ожидания. Ничто не может мне противостоять. Я получу, что хочу, леди, даже если мне придется добиваться этой любезности мечом. И я не потерплю рядом с собой холодную русалку — только огонь и страсть!

— Ты ничего не получишь! Негодяй!

— Осторожно, миледи! — прошептал он. — Осторожнее! Докажи мне, что ты хочешь только меня, и никого другого.

Несмотря ни на что, она тоже хотела его. Ее предательское тело было охвачено желанием. Она задрожала, снова почувствовав силу его рук, его прикосновения, мощь его груди. Да, она хотела его. Она хотела страсти и нежности его шепота. Она хотела этого человека, которого начинала понимать.

Листья шелестели, ручей журчал рядом. Она пристально посмотрела на него, потом медленно положила руки ему на щеки, притянула его голову к себе и коснулась его губ в стремительном, страстном поцелуе. У него вырвался гортанный стон, нарушив тишину дня. А потом она уже больше не чувствовала ни тишины дня, ни прохлады воды, ни тени дуба. Его губы путешествовали по ее шее, грудям, и она все теснее прижималась к нему, а потом опустила на колени, и их губы слились воедино. Она стояла на коленях и чувствовала животом, потом бедрами, прикосновение его бороды. Она тихо вскрикнула и подвинулась под него, лаская его всем своим телом, целуя и глядя его плечи, в то время как он, глядя ее волосы, прижимал ее голову все ниже и ниже к своему твердому плоскому животу. Она немного поколебалась, потом взяла его напряженный подрагивающий член в ладони. Его шепот подбодрил ее на более смелые действия, возможно, несколько распутные, но это уже не имело никакого значения. Она не помнила ни своей ненависти, ни кровопролития — ничто не стояло между ними. Она видела только этого мужчину, любовника, и чувствовала лишь сладкие и дикие желания, которые он в ней пробуждал. Она целовала его плоть, захватывая ее губами, лаская языком.

Чувственный хриплый стон вырвался у него. Он схватил ее за плечи, содрогнулся от страсти, оттолкнул от себя, а потом снова притянул к себе и, ненасытно целуя, в то же время укладывал ее под себя. Он безжалостно раздвинул ее бедра, лаская их, пока не довел ее исступления. Она что-то говорила ему, не понимая, что значили ее слова. Она вскрикнула, вздрогнув, когда он с силой вошел в нее, став частью ее. Внутри нее рос экстаз, переходя от удовольствия к боли, но вознося ее выше и выше. Потом вспышка света взорвалась внутри нее и наступила ночь.

Несколько секунд спустя возвратился дневной свет. Она широко открыла глаза и обнаружила, что Эрик лежит на боку, опираясь на локоть, и внимательно разглядывает ее побледневшее лицо.

Неожиданно ей стало холодно. Она задрожала и попыталась пошевелиться, но ее мокрые волосы были под ним.

Он коснулся ее лица. Она попыталась увернуться, но он не позволил.

— Почему ты пришла сюда? — требовательно спросил он.

— Разве непонятно? Чтобы угодить тебе! — бросила она в ответ, но сразу же пожалела об этих словах. — Ты ведь... ты ведь не...

— Что «не»?

Он опустил взгляд. Обнаженные, они все еще лежали после этой прекрасной близости, а пропасть между ними все увеличивалась.

— Ты не накажешь Рауена?

Он оттолкнул ее и вошел в ручей. Через минуту вышел, не обращая на нее никакого внимания, и пошел, обнаженный, самоуверенный и безразличный. Он поднял рубашку и надел ее на себя.

— Эрик? — прошептала она, приподнимаясь на локте, и новый страх охватил ее.

Он надел камзол, завязал кожаные тесемки, а потом обвел взглядом ее обнаженное тело.

— Рауен может не опасаться моего гнева, — сказал он прямо. — И, как я уже говорил, я доверяю его понятиям о чести, даже если для тебя они не существуют.

Она вздрогнула, как будто он ее ударил. Ее глаза наполнились слезами, она быстро отвернулась от него и, ничего не видя перед собой, пошла в воду.

Его резкие слова раздались ей вслед:

— Я тебе уже говорил однажды, что ни одна женщина никогда не будет руководить моими действиями, несмотря даже на такую нежность, какую ты выказала мне только что.

Она не хотела смотреть на него. Она хотела утопить свое горе в воде.

Она остановилась, повернувшись спиной к нему, позволив воде омыwać ее волосы и холодить тело. Она закрыла глаза и ждала, молясь, чтобы у нее хватило терпения стоять, пока он уйдет.

Но он не ушел. Когда она наконец вышла, замерзшая и мокрая, он все еще был на берегу. Совершенно одетый, он стоял, прислонившись к дереву, и с любопытством наблюдал за ней. Она прошла мимо него, гордо подняв подбородок. Потом тихо заговорила, остановившись перед ним.

— Ты хотел знать, зачем я пришла сюда. Я пришла, чтобы смыть память прошлой ночи.

Она ждала его ярости, но ничего не произошло.

— А получила новые воспоминания о сегодняшнем дне, — наконец сказал он.

Она отвернулась. Он поймал ее за руку. В ее глазах стояли жгучие слезы, слезы, которых она не могла понять. Он притянул ее к себе.

— Так почему ты пришла сюда?

Ее поразило напряжение в его голосе. Облизнув губы, она указала на дерево.

— Здесь похоронен Эгмунд. И Томас.

Он нахмурился, но она объяснила:

— Мои воины. Люди моего отца. Люди, которые были рядом со мной всю мою жизнь и погибли в нашем бою.

Он хмыкнул.

— Предатели, миледи, — сказал он. Она замотала головой.

— Нет, они никогда не были предателями!

— Тогда, дорогая, это ты предала своего короля, потому что атаковала меня.

Она снова покачала головой.

— Я не предавала короля Альфреда! У меня все-таки есть представления о чести, милорд, даже если ты этого не замечаешь!

— Я видел твою попытку изменить нашему супружеству.

— Супружеству! Я ведь не по собственной воле стала твоей женой, как ты не можешь понять! — выкрикнула она внезапно со всей страстью. — У тебя несомненно было несчетное количество женщин, которые были с тобой добровольно либо против их воли. Меня же продали, обменяли, предали ради этого брака! Я хотела... да это неважно! — Она хотела вырваться от него, но он держал ее крепко.

— Добровольно, — сказал он.

— Что?

Он улыбнулся.

— Все они были моими по их собственной воле, все мои женщины.

— Ах так, — сказала она. — А я — нет!

Но он отбросил игривый тон. Он стал вдруг серьезным, и его слова выдавали его напряжение.

— Кто-то предал Альфреда, — сказал он мягко. — И меня.

— Я устала доказывать свою невиновность!

Он все еще держал ее очень крепко. А потом отпустил, посмотрев ей в глаза. Он прошел мимо нее, подбирая ее одежду, потом принес ей.

— А я устал обнаруживать тебя бегающей в разных местах без одежды; в местах, далеких от собственного дома.

Наконец напряжение стало ослабевать. Она выхватила у него одежду.

— Больше ты не увидишь меня неодетой, можешь не волноваться!

— А мне нравится, когда ты не одета. Кажется, тогда твой характер становится несколько лучше.

— Ты больше не застанешь меня раздетой, — повторила она. — Никогда.

— Думаю, застану, — сказал он насмешливо, — потому что я сам раздену тебя. Конечно, если у меня будет настроение и желание.

Она отвернулась, а он засмеялся. Стоя к нему спиной, она поспешно одевалась.

Он следил за ней с любопытством. И вдруг, к величайшему ее удивлению, схватил ее руку и поцеловал. Потом он прислонил ее спиной к дереву, и его чуткие пальцы коснулись ее щеки, а губы мягко, почти нежно накрыли ее губы. Оторвавшись от нее, он сказал неразборчиво:

— Благодарю.

— За... за что?

— За это утро. Я получил больше, чем мог мечтать. Скажи мне, ты действительно платила собой — так неистово, так страстно — за жизнь другого? А разве не было у тебя ни малейшего желания угодить мне как мужу? Может, случайно, несмотря на ужас перед викингом, ты хоть немного полюбила меня?

— Нет! — яростно запротестовала она.

— А ты такая очаровательная, — прошептал он.

— Я никогда-никогда не влюблюсь в тебя! — пообещала она. — Но не потому, что ты ужасный викинг, я просто, просто...

Он снова рассмеялся. Его губы еще раз коснулись ее губ, мягко и легко.

— Не нужно бояться, лисица, я тоже никогда не влюблюсь в тебя. — Он не смотрел на

нее, и ей показалось, что он стал ей далеким. — Вопреки твоим представлениям, я все еще помню любовь, миледи, — мягко сказал он.

Поднялся легкий ветерок и прошелестел над ними. Он снова взглянул на нее.

— Я полагаю, твоя любовь к Рауену прошла?

— Я... Я, — замялась она. — Конечно же, нет! Но она сказала не правду, страшно покраснела и подумала, что этой глупостью только позабавила его.

— Я имела в виду... Он покачал головой.

— Мальчику ничего не грозит, леди. Пойдем теперь. Есть несколько просителей, и я буду учиться у тебя законам Альфреда.

Он быстро пошел к белому коню, а потом остановился, поджидая ее. Медленно она последовала за ним. Он поднял ее, усаживая на коня, а потом сел верхом позади нее.

Он приостановил лошадь у дерева.

— Я уже знаю кое-что из законов Альфреда, — сказал он. — Измена королю — самое высшее преступление в стране.

— Они не предавали его! — мягко настаивала она. Она почувствовала, как он шепчет ей на ухо:

— А измена мужу — второе по тяжести преступление в этой стране.

Он молчал, выжидая. Она ничего не сказала в ответ, и он наконец заговорил.

— Рианон, ты должна хорошо понять: несмотря на то, что у тебя на сердце или в уме, я — твой муж.

Она не ответила ему, и он коснулся ее подбородка, поворачивая немного ее голову, так, чтобы прочесть ответ в ее глазах. Она освободилась от его прикосновения и опустила глаза.

— Рианон...

— Я не забуду, что ты — мой муж, — сказала она и тряхнула головой. — Кажется, я не смогу этого забыть никогда!

Он улыбнулся, а потом раздался его веселый смех, и его напряженное лицо расслабилось.

— Ты удивительна, Рианон.

— Правда?

— Тебе было совсем неплохо в мое отсутствие. И ты прекрасно со всем справлялась. А когда я вернулся, ты сжала зубы. Но, увы, я все еще не уехал на войну. Мы преследуем одни и те же цели.

— Нет, милорд, у нас цели разные, — быстро ответила она.

Но он улыбнулся снова.

— Да, леди. — Он протянул руку, обводя землю вокруг. — Мы хотим сделать эту землю еще лучше. Процветающей, смеющейся, мирной. Справедливый суд, образование... Может, это будет наш золотой век.

Ее глаза расширились от притворного непонимания.

— Милорд! Какая у меня власть? Ты только что имел неосторожность напомнить мне, что я здесь не больше, чем твоя служанка!

Он покачал головой, забавляясь, ничуть не сомневаясь, что покорность, которую выказывала она, была притворной.

— Рианон, ты проявляешь свою власть на каждом шагу. Или мне это кажется? Да, ты — моя жена, и любой муж может что-то требовать от своей жены. Узда, которая накинута на тебя, очень легкая.

— Как я уже сказала, — ответила она, — тебе нечего бояться. Ты не позволишь мне вспоминать те времена, когда не ты был здесь хозяином!

— Мне все равно, как и что ты будешь вспоминать! — сказал он ей, а потом он стиснул бока лошади, и огромное животное встрепенулось.

Она почувствовала сильное движение крупа под собой, тепло, силу и непривычную защищенность у широкой груди своего мужа, когда его рука обнимала ее.

Может быть, и возможно между ними что-то вроде перемирия...

Приблизившись к стенам своего дома, они увидели со скалы, что ворота открыты настежь и к ним уже стекаются люди, одетые в цвета короля Альфреда.

— Что случилось? — пробормотала Рианон. Возвышаясь на коне, Эрик смотрел вниз.

— Опять датчане, — сказал он устало. А потом сухо добавил:

— Увы, любовь моя, ты можешь получить передышку. Я думаю, что мне придется ехать на войну и что острый датский топор уже поджидает меня.

Он пустил лошадь быстрым галопом.

И она позабыла сказать ему, что ей вовсе не хочется, чтобы его настиг топор.

Она будет молиться о том, чтобы он вернулся целым и невредимым.

Когда Рианон прошла вслед за Эриком через дверь зала, там уже было много полководцев Альфреда: серьезный и мрачный Аллен Кентский, Эдвард Сассекский, Ион из Винчестера и Вильям Нотумбрийский. Вильям был увлечен жарким спором с Ролло. Он стоял, прислонившись к стене, покручивая свой темный блестящий ус. Как только Рианон вошла, она почувствовала на себе его задумчивый взгляд, из-под завесы густых ресниц. Она подумала с тревогой, что он опасный человек, но потом постаралась выбросить эту мысль из головы, потому что он был облечен полным доверием короля. В его присутствии ей было все же не по себе. Но он много значил для Альфреда, и Рианон знала, что должна, стиснув зубы, принимать его в своем доме. У нее не было выбора. Так поступил Эрик.

Было очевидно, что люди Альфреда приехали не в гости. Они приехали собирать воинов на новую битву.

— Эрик!

Это был Ион, упрямый, своевольный, всегда первый в драке. Он подошел к Эрику, едва тот вошел в зал.

— Гутрум прослышал о походе на Рочестер и о наших дальнейших планах! Возникла опасность нападения с моря. Нам нужны корабли. Кроме того, мы получили показания пленника, что полчище завоевателей явится с севера. Король требует, чтобы ты взял своих людей и не дал им объединиться с армией Гутрума!

— Мой флот всегда в распоряжении короля, — заверил Эрик Иона.

— И мы разобьем любого кровожадного датчанина, который осмелится ступить на этот берег, — похвастался Ролло.

Послышались дикие возгласы одобрения, и кубки с вином были подняты. Рианон еще раз убедилась, что англичане могут вести себя по-варварски, как язычники, когда дело доходит до драки.

— Нам нужны корабли немедленно, — предупредил Аллен, выходя вперед.

Эрик кивнул и отдал второй приказ, посмотрев на Ролло:

— Ролло, проследи, чтобы капитаны были готовы к отплытию.

Огромный викинг кивнул и быстро вышел из зала.

Наконец Вильям Нотумбрийский оставил свое место у стены. Он вышел вперед и крепко пожал руку Эрику.

— Корабли викингов против нашествия викингов! Это непременно должно принести нам победу!

Он засмеялся, сильно хлопнув Эрика по плечу. Тот ничего не сказал в ответ, и на какое-то мгновение Рианон подумала, уж не чувствует ли ее муж такую же неловкость в присутствии этого человека, что и она. Рауен выступил из задних рядов.

— Ни один флот не может сравниться с флотом викингов. Мы должны благодарить Бога, что великий король всей Ирландии принял в свой род принца из Норвегии и принес нам тем самым эту прекрасную армаду.

— И прекрасных воинов, — добавил Вильям.

— Что ж, благодарю за добрые слова, — сухо ответил Эрик. — Будущее покажет, принесут ли наши корабли победу в будущей битве.

— Сколько им понадобится времени, чтобы встретиться с королевским войском? —

нетерпеливо спросил Ион.

Губы Эрика скривились в саркастической усмешке:

— Корабли викингов, друзья мои, молниеносны-. — И, обращаясь к Вильяму, добавил:

— Впрочем, войска тоже. Мы выступаем через час. Он повернулся и увидел Рианон, стоящую позади него..

— Проследи, чтобы англичан встретили подобающим образом, любовь моя.

В его голосе звучала легкая насмешка, и она не поняла, на нее ли он сердит или на что-то, что произошло в зале.

Он приказал Рауену следовать за собой, и сердце ее похолодело: она вспомнила то, что произошло утром. Похоже было, что он доверяет Рауену; казалось, он искренне полюбил молодого человека. Но разве он не может подумать, что ему легче будет дышаться, если У него не будет соперника? Эрик будет командовать Рауеном в сражении... Нет, ее муж не способен на коварство, решила Рианон. Какие бы недостатки ни были у ее викинга, она не могла не признать, что вероломства в нем не было. Эрик был человеком чести. Но он был сердит на нее, а может, на Рауена. Он ее винил, ей не доверял. Тем более она сказала ему, хотя и притворяясь что все еще любит Рауена. Станет ли он мстить ей убийством молодого человека?

У нее не было времени спросить его об этом; не могла же она начать разговор в присутствии Вильяма и Аллена. Эрик отправился во двор, чтобы позвать своих грумов, а Вильям сделал шаг ей навстречу, когда она подходила к кухне.

— Моя дорогая Рианон! Мы все переживаем за тебя. Как у тебя дела?

Ей не понравился его тон. В его глазах появился какой-то масляный блеск. На самом деле, он был одним из тех, кто бросил ее Волку в пасть.

— У меня все прекрасно, просто великолепно, Вильям. Благодарю. Прости меня, я должна присмотреть за тем, чтобы всех накормили.

Он протянул руку, чтобы остановить ее, но она увернулась и поспешила на кухню. Адела уже была там вместе с управляющим, и, похоже, все было в полном порядке.

— А вот и ты, моя дорогая! Мы приказали принести бесчисленное количество бочонков с элем и медом, а только что получили свежую рыбу и туши кабанов. У нас не было времени, чтобы пожарить их целиком, поэтому мы нарезали и потушили мясо. Столы можно накрывать прямо сейчас. Я ничего не забыла?

— Ничего. Никто лучше тебя не справился бы с этим за такое короткое время. Адела, ты просто находка! Адела улыбнулась, погладила Рианон по волосам.

— Ты хорошо искупалась утром?

— Что? О да, прекрасно, спасибо, — пробормотала Рианон.

Она заметила Мергвина, стоящего у камина и помешивающего что-то кипящее в горшке. Он повернулся к ней, и его стариковские глаза некоторое время изучали ее. Потом он снова принялся мешать в горшке. Рианон коротко улыбнулась Аделе и поспешила к колдуну.

— Что это? — шепотом спросила она.

Он посмотрел на нее с удивлением. Свободной рукой потерев бороду, медля с ответом. Потом снова посмотрел на горшок.

— Ты ему сказала? — спросил он.

— Сказала ему — что? — напряженно шепнула она. Он снова изучающе взглянул на нее.

— О ребенке.

Инстинктивно она схватилась за живот. Он не мог знать! Этот пугающий и завораживающий старик не может знать то, о чем она еще сама только подозревала. Лишь через несколько дней у нее должны были начаться месячные, но она не могла не чувствовать, что что-то в ней переменялось. Мергвин был прав. Но она не могла сказать об этом Эрику. Только не сейчас, когда ее муж обращается с ней, как с вещью!

— Мне не о чем ему говорить! — заявила она. — А ты сказал ему?

— Это не мое дело, а ваше, леди, — ответил он, поклонившись с притворным почтением.

Она хотела уйти, но он схватил ее за руку.

— Мне это не нравится.

Она вырвала руку, не вполне понимая, о чем он говорит.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю об этих новых сборах. Мне это не нравится. Что-то тут не так.

— Конечно, всегда что-то не так, когда дело доходит до войны, — мягко сказала она. — Мужчины гибнут.

Ей понравилось, как Мергвин посмотрел на нее — задумчиво и даже с уважением. Он сделал движение, будто хотел коснуться ее, но в этот момент послышались тяжелые широкие шаги Эрика, который ворвался в кухню.

— Бог мой, неужели нельзя было накормить людей за это время?

— Мы сию минуту подаем обед, милорд, — заверил его управляющий.

Кухня тотчас же ожила, слуги и служанки торопливо начали разносить тарелки, ножи, черпаки для соуса и вертела с мясом. Мергвин тихо выскользнул через задний ход. Рианон хотела пойти за ним, когда почувствовала руку Эрика на своем плече.

— Подойдите, леди, сядьте рядом со мной.

У нее не было выбора. Она кивнула. Рауен поедет с ним. Она должна по крайней мере быть уверенной, что между ними нет вражды.

— Милорд, вы говорили уже с Ра...

— Да, миледи, говорил.

Он сжал ее пальцы так сильно, что она чуть не закричала. Через открытую дверь она видела суесящихся слуг, слышала смех и гул голосов мужчин.

— Сколько раз я должен уверять вас, что не трону этого парня, потому что ни в чем не виню его?

— Ты винишь меня! — бросила она в ответ.

— Да, конечно. А теперь, миледи...

— Теперь, когда ты снова отправляешься в бой...

— И хотя ты была бы рада, если бы топор датчанина раскроил мне череп, ты опасаясь, что я по злобе лишу мальчишку жизни?

Она разозлилась.

— Я просто...

— Уверяю тебя, — прошипел он, — что твоя честь или полное ее отсутствие не стоит жизни ни одного воина, будь он ирландцем, норвежцем или англичанином. А теперь, леди, предлагаю идти за мной. Мне следует находиться среди воспитанных англичан вместе с женой. Тем более, вы любите покрасоваться.

Она высвободилась и направилась в зал одна, с гордо поднятой головой. Но он схватил ее за волосы, и она едва подавила крик. Затем он взял ее за руку и проводил на почетное

место во главе стола. Остальные рассаживались соответственно своему званию: Вильям оказался слева от Рианон; рядом с ним Ион; Аллен и Эдвард — слева от Эрика; Ролло учтивс уступил свое место, сев рядом с Рауеном.

Сидя рядом с Вильямом, Рианон нужно было пить с ним из одного кубка, но муж пришел ей на выручку, когда Вильям предложил кубок.

Эрик схватил его за руку и, невзирая на обычай, требовавший от Рианон принять протянутый кубок, заявил непринужденно:

— Вильям, ты уж прости нас. Мы с женой слишком мало времени проводим вместе — постоянно мешает война. Моя жена разделит кубок со мной.

Он говорил достаточно громко, чтобы все могли слышать. Эдвард засмеялся и захлопал в ладоши, а Ион встал и высоко поднял свой кубок.

— Господа! Англичане! И все сидящие за столом! Мы приняли в свои ряды не только прекрасного воина, но и умного человека. Миледи Рианон, я полагаю, что вы простите меня. Принц! — Он поклонился Эрику, а потом снова посмотрел на Рианон. — Мы обнаружили что мужчина, за которого вы вышли замуж, достоин нашего всеобщего уважения и восхищения. Но кроме того, по его словам, он питает к вам глубокое чувство. За вас, леди! И за вашего Повелителя волков!

Раздался гром аплодисментов. Рианон почувствовала на себе взгляд мужа, который светился насмешкой.

Он поднял свой кубок и сделал большой глоток.

Она быстро встала.

— Господа! Благодарю вас всех за участие. Что я могу сказать? Эта свадьба поистине удивительна. С каждым днем я все больше и больше изумляюсь ей. Я поражена. Он питает глубокое чувство! О, поверьте мне, друзья! Каждое его слово, каждый жест нежны и участливы. Он действительно настоящий принц. — Она замолчала, бегло взглянув ему в глаза, и продолжала с еле заметным сарказмом:

— И единственный и неповторимый мужчина!

Она села. Послышались новые тосты. Эрик поднял кубок и протянул ей. Но неожиданно смех и возгласы смолкли. Рианон посмотрела на место слева и обнаружила, что Вильям ушел.

Она обернулась. Эрик наблюдал за ней.

— Что ты уставился на меня? — прошипела она.

— Этот человек имеет на тебя виды, — сказал он кратко, перебив ее.

Она замолчала, а он кивнул, указывая на пустое место Вильяма:

— Поэтому советую тебе поостеречься.

Его сильная ладонь накрыла ее руку. Их глаза снова встретились.

— Клянусь, он никогда не посмеет тронуть тебя.

Она задрожала, но следующие слова Эрика согрели и развеселили ее:

— Не бойся, я убью его, если он осмелился подойти к тебе слишком близко.

Потом он отпустил ее руку, быстро поднялся и словно невзначай спросил Аллена, куда делся Вильям.

— Я послал гонца к королю подтвердить, что ты отправил корабли и поведешь своих людей на Север. Вильям пошел проверить, уехал ли гонец.

— Пора и нам отправляться, — сказал Эрик.

Это послужило сигналом. Все быстро вышли, и Рианон обнаружила, что сидит за

столом одна.

Она вскочила и поспешила на двор. Грумы и конюхи вели лошадей, воины помогали друг другу надевать до-спехи.

Эрик в сверкающих кольчуге и шлеме сидел на белом коне. Он обернулся, почувствовав, что она вышла. Его взгляд был обращен на нее. Он тронул лошадь, и животное осторожно двинулось.

— Леди, твое желание может осуществиться. Если я погибну, сразу же отправляйся к королю, понимаешь? Она помотала головой:

— Ни один датчанин не посмеет убить тебя. Ты не позволишь этого сделать.

— Слушай мои слова. Ты отправишься к королю. Он разозлился, и она послушно кивнула:

— Да, я отправлюсь к королю.

— Вряд ли здесь достанет людей для обороны. Если на вас нападут, бегите в лес. Никаких подвигов, леди. Никаких стрел. Дома и стены я отстрою снова. Земля останется моей, кто бы ни пожелал забрать ее у меня. Но вы, леди, вы будете искать убежище в лесу, ясно? Оставь здесь людей, чтобы они попытались обороняться, а сама беги в лес. Ты меня поняла?

— Я...

— Поняла?

Она снова кивнула головой.

Неожиданно он слез с коня, откинул забрало и взял ее на руки. Он поцеловал ее, и она прильнула к нему.

Потом он опустил ее, сел на белого коня и позвал людей. Она стояла на пороге, пока пыль, поднятая лошадьми и ногами пехоты, не осела, потом устало пошла в дом.

Она села перед камином, поджав под себя ноги, и принялась смотреть на огонь. Почему стало так грустно, когда он ушел? Ее губы все еще горели от его поцелуя.

— Иди, дорогая, навверх, — сказала Адела, обняв ее за плечи. — Может, поспишь немножко. Сегодня был такой беспокойный день.

Еще сегодня ей было неприятно его присутствие. Но вот Эрик уехал, и дом опустел. А ведь он вовсе не стал к ней нежнее. Это было не в его духе. Однако понял же он, что она недолюбливала Вильяма, и обещал ей защиту. Впрочем, он просто обязан был сделать это: она принадлежала ему, как его белый конь. Он не позволил бы никому сесть на своего коня и, конечно, не позволит никому дотронуться и до нее. И она не любит его, и никогда не полюбит...

— Адела! — Она крепко обняла удивленную женщину. — Я люблю тебя!

— Конечно, дорогая, я знаю! — весело согласилась Адела.

Приятно было лечь. Но она не спала. Ей вспомнились слова Мергвина в кухне, и она вновь ощутила еле заметные изменения в своем теле. Мергвин всегда прав. И, может быть, она расскажет Эрику. А может, он найдет свою смерть и никогда об этом не узнает.

А может быть, он усомнится, его ли ребенок? Любой мужчина на его месте мог бы усомниться...

В беспокойстве она встала и села перед камином. Но когда она погрузилась в свои мысли, раздался стук в дверь. Она машинально сказала: «Войдите», ожидая Аделу, но в ее спальню вошел Мергвин.

— Послали двух гонцов! — сказал он.

— Мергвин, прошу прощения, но...

— Уехали два гонца. Один к Альфреду. Я не знаю, кто и зачем послал другого.

— Может быть, это было сделано на случай, если с одним из них что-нибудь случится?

— Или другого послали к датчанам.

Она вскочила на ноги. Предательство? Кто-то хочет предупредить датчан о приближении войска Эрика?

Ведь он все-таки подозревал ее в том, что она предала Альфреда, атаковав его, когда он высадился на берег. И теперь он снова может подумать, что она — предательница.

— Нет, не может этого быть...

— Тебе нужно послать кого-нибудь. Я слишком стар, чтобы догнать его.

Она никогда раньше не слышала, чтобы старый друид жаловался на свой возраст. А теперь он жаловался, и его морщинистые руки дрожали.

— Боже мой, смотреть и не видеть, вот проклятье! Ты должна немедленно послать гонца!

— Никто не сможет догнать их. Они уже, наверное, въехали в долину. А Альфред вышел, чтобы встретиться с ними в Варенхеме. Я не... — Она прервалась на полуслове и подбежала к окну, вглядываясь в окрестности. — Я могу поехать!

— Что? — удивленно спросил Мергвин. Она резко повернулась к нему.

— Смотри, Мергвин! Видишь скалу на севере, над долиной? Видишь? Я возьму лук и буду оттуда посылать стрелы в долину. Я смогу их остановить!

— Ты можешь попасть в кого-нибудь, — пробормотал Мергвин.

— Спроси Эрика! — сказала она. — Я не промахнусь! Они получают мою записку на стреле и будут предупреждены!

— Нет. Ты не можешь ехать. Если с тобой что-нибудь случится...

— Я ведь не одна поеду! Я возьму с собой ирландца Патрика из Армага.

Мергвин заколебался, а потом покачал головой.

— Пошли Патрика. Ты не должна идти. Понимаешь?

Что он имел в виду, говоря так? Она была хозяйкой здесь, а теперь пришельцы командуют, говорят, что ей можно делать, а что — нет. Она хотела возразить, но дотом только улыбнулась.

— Как скажешь, Мергвин.

— Я пойду поищу Патрика.

— Я переоденусь и напишу записку, — сказала безмятежно Рианон.

Но как только он вышел, она поспешно разыскала плотные брюки, короткий кожаный камзол и темный коричневый плащ с капюшоном. Она расчесала и заплела волосы, потом села к столу и написала десяток записок. Подумала и добавила еще пять. Она сбежала вниз по лестнице и нашла Патрика, когда он уже садился на лошадь. Мергвин был рядом и отдавал ему приказания. Старый друид был такой задумчивый, что не заметил появление Рианон.

Она улыбнулась, протянула Патрику свои послания и ремешки, чтобы привязать их к стрелам, а потом пожелала ему успеха. Как только он ускакал, Мергвин вздохнул и пошел в дом.

Рианон побежала к конюшне.

Никто и не подумал перехватить ее на пути. Да никто и не смог остановить ее, кроме друида, но она перехитрила его и теперь была свободна. Она должна была это сделать. Она

не может позволить Эрику подумать, что это она предала его снова.

Начинало темнеть, и она поняла, что сегодня ей не удастся предупредить Эрика.

Когда она подъехала к Патрику, он вынул меч, готовясь отразить нападение.

— Патрик, это я, Рианон! — быстро сказала она. При свете костра она могла разглядеть замешательство и тревогу на его лице.

— Миледи! Что вы тут делаете? Здесь небезопасно. Если датчане подойдут слишком близко...

Она рассмеялась, но, увидев тревогу на его лице, сказала:

— Прости, Патрик, мне жаль, что так получилось! Просто недавно мы ехали именно этой дорогой, я и твой... — Она замолчала, потому что Патрик был до кончиков ногтей ирландцем, наследником древних королей, и она не хотела обидеть его. Ей не следовало бы так говорить. Он сам закончил ее мысль.

— ...Викинг?

Она пожала плечами, слезла с коня и подошла к костру. Они пристально посмотрели друг на друга, потом она сказала извиняющимся тоном:

— Да, викинг, Патрик. Они действительно приехали на кораблях викингов...

— А Эрик — сын короля викингов, — добавил Патрик.

Он улыбнулся, потом снял плащ, который был на нем поверх легкой кольчуги, и расстелил его на земле.

— Не присядете ли, миледи? Я поджариваю зайца и думаю, что он будет неплох на вкус.

Она улыбнулась и села, а он присел рядом. Его теплые карие глаза пристально смотрели на нее.

— Вы не должны судить обо всех викингах по тем, которых вы узнали.

Она слегка наклонила голову.

— Ни одного викинга я не знаю так близко, как Эрика, Патрик.

— Я имел в виду тех, которые нападают на эту землю. Вам наверняка понравится отец Эрика. Он никогда не допускал кровопролития.

— Но он захватил землю, которая ему не принадлежала! — возразила она.

— Он вернул Ирландии в десять раз больше, чем взял, — сказал Патрик. — Он со своими сыновьями все время сражался на стороне Финнлайта, своего свекра. Дублин стал великим городом, может, самым великим во всей Эйре. Там есть школы для детей и большие монастыри, которые он поддерживает. Приезжают музыканты и ученые... — Он замолк, улыбаясь. — Вот как живут в Ирландии. Ты знаешь, какое преступление считается там самым тяжелейшим?

— Какое?

— Отказать в гостеприимстве тому, кто в нем нуждается. Вы можете путешествовать везде, где царят законы Финнлайта или других великих королей Ирландии, и вас везде встретят радушно и ласково. В Эйре женщина может владеть собственностью, и ее выслушают, если она захочет обратиться в суд. Все наши законы распространяются и на самого Финнлайта, потому что в Ирландии верят, что чем выше положение человека, тем больше он ответственен за преступление. Ирландия — прекрасная страна, леди. Видели бы вы эту землю! Удивительно прекрасная и зеленая. Но каждое время года приносит перемены, и розовато-лиловые тона сменяются пурпурными, а потом сверкающими ярко-желтыми и...

— Патрик! Тебе следовало бы сидеть дома и сочинять стихи вместо того, чтобы воевать на чужой земле! — воскликнула Рианон.

Патрик покраснел.

— Леди, я все это говорил, чтобы вы поняли: Эрик Дублинский не язычник или дикарь. Он — наследник прекрасных талантливых мореплавателей-викингов и прекрасного и древнего королевского рода страны, где цивилизация — в полном расцвете и будет процветать еще долго. Он говорит на многих иностранных языках, знает греческие и римские стихи, знаком с астрономией и астрологией, играет на различных музыкальных инструментах. И никто никогда не мог предположить, что наше появление на этих берегах принесет кому-нибудь вред. Мы сражаемся с одним врагом, датчанами. Мне бы очень хотелось, чтобы вы увидели разницу между Эриком и Гутрумом.

— Патрик, — проговорила она мягко, глядя в его честное лицо. — Я пришла сегодня, потому что я хочу помочь.

— Вам не следует здесь находиться! — воскликнул он, вдруг вспомнив, зачем она послала его. — Это небезопасно!

— Я — самый лучший стрелок из лука из всех, кого я знаю, — прямо сказала она. — Я должна быть здесь. Он подумал и улыбнулся.

— А что, если я потребую, чтобы вы отправились домой?

— Ну, разве безопасно посылать меня одну ночью? Кроме того, ты не можешь мне приказывать, потому что здесь я командую. Я жена твоего хозяина, и ты обязан мне служить.

Некоторое время он молчал.

— Завтра, с рассветом, миледи, мы преодолеем эту горную гряду. Когда роса поднимется и туман рассеется, мы сможем увидеть, как они движутся по побережью.

Она кивнула головой.

Патрик решил, что заяц готов, и снял его с огня. Она хлебнула теплого эля из его рога и уселась на его плащ.

...Она знала, что этой ночью он не спал. Он стоял на страже, пока не рассвело.

Они добрались до гряды за час. Как они и предполагали, скалы и берег были хорошо видны на многие мили. Патрик первым увидел войско Эрика, поднимающееся по извилистой тропе далеко-далеко внизу под ними, на много миль к юго-западу. Расстояние до них было больше, чем ожидала Рианон, и ее сердце забилося, когда она поняла, куда ей предстоит послать стрелу. Она кивнула Патрику, и он отступил назад.

Ей потребовалась вся сила ее и умение, чтобы аккуратно вставить стрелу в арбалет. Они наблюдали за ее полетом, и через минуту она вскрикнула от радости: стрела попала в деревья на пути следования войска.

— Следующую! — скомандовала она Патрику.

За несколько минут десять стрел были выпущены.

Больше она не могла стрелять. Арбалет был слишком тяжел для нее. Ее рука горела от усилий, и она сомневалась, сможет ли она еще выстрелить, даже если ей придется спасти свою жизнь.

Она устало опустилась на землю.

— Все в порядке, леди! Они наткнулись на одну из стрел! — сказал Патрик. — Смотрите, они остановились! «Смотрите туда! Они предупреждены и не дадут теперь напасть на себя из засады.

Она вскочила на ноги и увидела, что всадники остановились и сгрудились вместе. Она

удовлетворенно вздохнула, но вдруг нахмурилась: позади войска было какое-то движение.

— Боже мой! — прошептала она. — Смотри, Патрик, смотри! Сзади них! Датчане сзади них!

Враги спокойно позволили Эрику с его войском пройти мимо них, а теперь подкрадывались к ним с тыла. Со своего наблюдательного пункта Рианон прекрасно видела, что Эрик неизбежно должен попасть в расставленную ловушку.

— Мы должны предупредить их! Патрик, у нас остался еще пергамент и веревка? Скорее! Помоги мне!

Патрик быстро нашел кусок пергамента и кожаные веревки.

— Ой, у нас нет чернил! — заплакала она.

— Не огорчайтесь, леди, подождите минутку! Он встал на колени, собрал сухую траву и ветки, достал кремень и кресало из седла и развел костер.

— Патрик!

— Одну секунду! — Он улыбнулся, потом вытащил ветку из огня. — Нам нужно написать несколько слов. Напишите их обгоревшим концом, миледи.

Через несколько секунд она нацарапала записку, но чуть не вскрикнула от боли, послав стрелу. Потом закрыла глаза и стала молиться.

— Ее нашли, — сказал Патрик.

— С чего ты взял? — спросила она.

— Посмотри внимательней, они строятся. Они готовы и ждут. Они перережут всех датчан, как собак, если только они осмелятся напасть на них!

Солнце поднялось высоко. Они с Патриком видели, как приближались датчане, и видели, как завязался бой, но не могли понять, кто побеждает.

Рианон всхлипнула.

— Знамя Волка все еще поднято, миледи! Я это вижу!

Она ничего не могла разобрать за деревьями. Лежали мертвые люди, лошади, но она поверила Патрику. Потом она поняла, что надвигалась ночь. Они провели весь день на скале.

Ей оставалось только молиться.

Открыв глаза, она увидела, что Патрик стоит перед ней с большой куропаткой и улыбается:

— Миледи, я стараюсь разнообразить наше меню. Она слабо улыбнулась:

— Патрик, я не в состоянии есть.

— Надо, — сказал он. — Вы не поможете им, отказавшись от еды.

Он был прав. К тому же неожиданно она вспомнила, что есть еще одна причина, по которой она должна поддерживать свои силы.

— Позволь мне помочь... — начала она.

— Нет, я способен ошипать птицу в мгновение ока, — заверил он ее.

Он приготовил птицу и нашел родник. Она внезапно •.; поняла, что страшно проголодалась, съела свою порцию \ и выпила свежей воды.

Они оба провели эту ночь без сна в напряженном ожидании рассвета.

Под утро Рианон наконец задремала, свернувшись клубком под широким плащом Патрика. Она спала на удивление крепко и без сновидений.

Яростный лязг мечей разбудил ее.

Она вскочила на ноги, радуясь, что по крайней мере у нее был с собой небольшой

кинжал. Но у нее не было меча, а тяжелый арбалет был не тем оружием, которое могло бы помочь в рукопашной схватке. Она услышала проклятье и снова лязг стали. Патрика нигде не было видно, но она тем не менее понимала, что он был близко. Она подбежала к краю скалы и увидела его на уступе внизу. Примятая трава и вывороченная земля подсказали ей, что борьба началась гораздо ближе от нее и что Патрик, защищаясь, уводил своих противников подальше от нее.

Схватив лук и закинув за спину колчан со стрелами, она снова поспешила к скале. Против Патрика сражались двое, одетые в грубые кожаные штаны, длинные до колен жилеты из телячьей кожи, перепоясанные ремнями. На обоих были конические стальные шлемы и тяжелые щиты. Они оба были искусные бойцы.

Но Патрик им не уступал. Он отчаянно сражался с этими двумя огромными воинами, но это не могло продолжаться долго.

Забыв о боли в руке, она пустила стрелу и попала одному из нападавших в плечо. Она не знала, была ли рана смертельной, но это, по крайней мере, заставило его закричать от боли и выронить меч. Патрик, едва дыша, добил врага прямым точным ударом, а потом посмотрел вверх.

Он улыбался, но вдруг улыбка исчезла с его губ, лицо исказилось от ужаса и он крикнул, предупреждая об угрозе. Слишком поздно. Когда Рианон повернулась, перед ней стояли трое. В лохмотьях, усталые, отвратительные, забрызганные кровью.

Она вскрикнула и, достав кинжал, поклялась, что не сдастся им живой. Но надежды на спасение не было, и она понимала это. Она в ярости кинулась на одного и с такой силой полоснула его кинжалом, что разрезала его кожаную одежду и поцарапала ему тело. Но на этом все кончилось. Ее схватили сзади за запястья с такой силой, что она выронила кинжал. Она попыталась укусить схватившего за руку, но он только засмеялся.

Она ругала и проклинала их на их родном языке.

— Кошка с длинными-предлинными когтями! — засмеялся тот, который ее схватил.

Она вывернулась, чтобы посмотреть на него. У него были грязные светлые волосы, красные щеки, хмурые темные глаза и густые брови. Она пнула его изо всех сил и, должно быть, попала в самое уязвимое место, потому что улыбка его пропала и он грязно выругался.

— Клянусь Одином, кошка, я тебя сделаю ручной, — прорычал он.

Третий, несколько помоложе, худой блондин с длинными спутанными и окровавленными волосами, потянул ее к себе. Глаза у него были светло-серыми, и ей стало не по себе, когда он окинул ее взглядом с головы до ног.

— Кошка с высокими грудями, длинными ногами и точеными бедрами, друзья мои!

— Ведьма! — прорычал тот, кого она ранила. Он отнял ее у своего более молодого товарища. Рианон вздохнула от боли, когда его громадная рука ухватила ее за подбородок.

Она упала в грязь. Она вдруг поняла, что эти викинги не дадут ей никакой пощады. Они были готовы разорвать ее на клочки прямо здесь на скале.

Она вскочила и неожиданно для них бросилась к скале. Она скатится с нее, и если ей попадется камень, о которой она сломает себе шею или расколется череп, тем лучше. Она выбрала быструю и милосердную смерть.

Но ей не суждено было этого сделать. Она боролась до тех пор пока не была схвачена за волосы и не попала в руки человеку с темными волосами. Его рот расплылся в улыбке, когда он ее схватил. Его зубы были черные и страшные. Он наблюдал за ней некоторое время, улыбаясь этой своей странной улыбкой, а потом пригнул ее к земле.

— Я первый буду иметь ее! — объявил он. Он устремился к ней, и она хорошо поняла его намерение. Она снова отпрыгнула, но он выкрикнул:

— Хватайте ее за руки, ослы!

Через секунду они снова ее поймали. Она извивалась и отчаянно кусалась, ничего не видя перед собой, потом ее сильно ударили по лицу, и в голове у нее застучало. Она слышала звук копыт по земле, и, прежде чем темноволосый сделал еще одно движение, раздался голос.

— Ослы! Быстрее! Ирландцы возвращаются!

— Мы поймали лисицу, Йорг, — начал было темноволосый.

— И она будет моей, как все, что добыто на этой войне! — резко сказал всадник. — Отдайте ее мне! Я увезу ее.

Светловолосый вырвал ее у темноволосого. У Рианон кружилась голова, но она понимала, что ей нужно бороться. Она укусила блондина, и он издал вопль от боли и ярости.

— В чем дело? — спросил наездник. — Йорг!

— Она кусается! — объявил блондин.

— Свяжите ее!

Она потеряла последнюю надежду, когда Йорг вынул кожаные ремни. Она все еще не могла его хорошо разглядеть. Ее руки были скручены за спиной, и он бросил ее перед собой на лошадь, животом вниз. Лошадь встала на дыбы, когда Йорг резко повернул ее.

И они поехали.

Ей казалось, что они едут больше часа, но она не могла определить направление, потому что ее ужасно тошнило. Она была рада, когда они остановились. Ее подняли, и она увидела, что Йорг был таким же по возрасту, как Эрик, с сильными мускулистыми плечами и руками, весь покрытый шрамами. Темные, лохматые волосы доходили ему до плеч, но его лицо было чисто выбрито, а через щеку тянулся страшный шрам, уро-дующий его лицо. Как и другие, он был забрызган кровью и грязен.

Он поставил ее на ноги, приподнял ее плащ и пощупал качество материи. Затем он опустился на колено и потрогал ее штаны. Она хотела пнуть его ногой, но он схватил ее за щиколотку, и она упала. Поднялся смех.

— Я думаю, друзья мои, мы взяли в плен леди с высоким положением в обществе, — произнес он на своем родном языке. — Может, нам обманом удастся заставить ее признаться, кто она, а, Рогвалд? — обратился он к блондину.

— Она прекрасно говорит на нашем языке, — сообщил Рогвалд, и по легкому раздражению в его голосе она поняла, что между ними было соперничество.

— Неужели? Гм! Леди образованная. Может, она из самого королевского дома Альфреда? — сказал он задумчиво. — Ну, — обратился он к ней. — Правда ведь?

Она плюнула в него. Он заревел от ярости и занес над ней руку.

— Итак, она кусается, плюется, бранится и дерется, да? — сказал он с угрозой и повернулся, таща за собой Рианон.

Она шла за ним, сопротивляясь, а другие следовали за ними, смеясь и подбадривая своего начальника. Спотыкаясь, почти без сил, Рианон старалась не упасть, но все же успела разглядеть местность. Они пришли к дому фермера. Сам фермер, убитый, лежал в поле. Поблизости протекала речка. Йорг привел ее к воде и заставил опуститься на колени. Потом ткнул лицо в воду, держа за волосы. Она захлебывалась, ее грудь разрывалась. Она поняла, что умирает, но решила, так будет лучше.

Йорг выдернул ее из воды. Она хватала воздух открытым ртом.

— Мы приручим тебя, лисица, — пообещал он и повернулся к своим людям, уперев руки в бока. — Она краса-вица! Я благодарю вас, что вы привезли ее мне. Ее волосы как солнце, глаза как драгоценные камни, она в самом соку, такая соблазнительная... После того как я с ней позабавлюсь, за нее дадут отличный выкуп! — захохотал он.

Путы связывали ее, но ярость и смертельный страх заставили ее собраться, и она, как пружина, распрямилась, ударив изо всех сил Йорга, так, что он не удержался и упал в воду. Воины заорали. Их стало еще больше, и все они окружали ее. Они были окровавлены, некоторые ранены, некоторые хропали. Они нашли эту ферму, чтобы спрятаться и залечить раны. Она не сможет отсюда спастись.

Йорг уже был на ногах и, рыча, как раненый медведь, шлепал по воде, чтобы добраться до нее. Она попыталась бежать. Он поймал ее и дернул за руку. Она инстинктивно увернулась от его занесенного кулака.

— Клянусь Вальхаллой, она — моя, и вы отдадите ее мне, или поплатитесь жизнью! — послышался вдруг голос.

Йорг опустил руку. Все с любопытством повернулись посмотреть, какой нахал осмелился оспаривать у Йорга права на женщину.

Но больше всех удивилась Рианон, когда показался одинокий всадник. Он ехал верхом на маленьком коричневом пони и по сравнению с ним был громадным. Его волосы отливали золотом на солнце и были забрызганы кровью. Он был одет, как все эти люди, в шкуры и меховые сапоги. Его лицо было грязным и покрыто сажей, его нелегко было узнать, но глаза не обманули ее.

Это был Эрик. Один, он спокойно шел среди врагов, требуя, чтобы ее отдали ему.

Она чуть не вскрикнула от удивления и с благодарностью подумала, что он пришел спасти ее. Но через секунду решила, что просто он один из них, что он притворялся все это время.

Йорг отпустил ее.

— Кто ты? Кто ты такой, чтобы требовать что-то от меня? Осел, ты знаешь, кто я?

— Я требую ее, потому что она была моей пленницей, которую твои люди забрали.

— Кто?

— Меня послал Гутрум, которого ты обманул, Йорг!

Эрик слез с коня и пошел по воде прямо к нему. Отобрал Рианон у датчанина и потащил ее за собой так же грубо, как это делал Йорг. Она закричала, падая. Он рывком поставил ее на ноги, вытащил нож и перерезал кожаные ремни, которыми она была связана.

— Ты думаешь, что делаешь? — прорычал Йорг.

— Беру то, что принадлежит мне.

— Теперь она моя. Это я ее связал.

— Ты ее связал, потому что ты такой плохой воин, что не смог повесить женщину! — сказал Эрик, усмехаясь. — А она — моя, потому что я первым ее поймал, и Гутрум приказал мне привезти ее.

— Какое мне дело до Гутрума? — спросил Йорг. Рогвалд выступил вперед.

— Мы нашли ее на скале. Ты неосторожно обращался со своей пленницей. Эта стерва посылала предупреждения. Это она пускала стрелы с записками о нашем нападении этому норвежскому ирландцу. Это ты плохой воин, что не мог справиться с женщиной.

Эрик отступил, вынимая меч. Он улыбнулся, и улыбка его была жуткой.

— Подходи. Проверь, какой из меня воин.

Раздались крики. Казалось, Рогвалд уже пожалел о своих словах, однако он тоже вытащил меч и шагнул вперед.

— Человека, который умирает от старости, сразу же забывают! — выкрикнул он. — Воин сидит на Вальхалле, и этой ночью тебе придется там сидеть!

Это были смелые слова, но Рианон до этого момента не могла оценить доблесть своего мужа. Эрик отражал удары, размахивая своим тяжелым мечом, как тростинкой. И спустя минуту уже не слышно было лязга мечей. Все было кончено. Рогвалд упал перед Рианон, и вода под ее ногами окрасилась в красный цвет.

Она вскрикнула, когда кто-то снова схватил ее за руку.

— Она моя, — прорычал Эрик. — Моя, по приказу Гутрума. Кто еще будет спорить со мной?

Не было произнесено ни звука. Потом заговорил Йорг, более осторожно, чем раньше.

— Она из королевского дома, может даже, из дома Альфреда. Она дорого стоит и будет под нашим присмотром. Что ты можешь за нее заплатить?

— Коричневого пони, — сказал Эрик, указывая на лошадь.

Йорг плюнул в воду.

— Коричневого пони? Ты предлагаешь пони за такое сокровище?

— Сокровище! — фыркнул Эрик. — Она и этого не стоит.

— Ее волосы, как золото и пламя, — возразил Йорг.

— Тусклая медь! — резко сказал Эрик. Рианон повернулась к нему, вздрогнув от изумления. Он держал ее все крепче.

— Возьми взамен пони.

— Это ничто по сравнению с женщиной, — настаивал Йорг. — Она молода, у нее груди высокие и спелые, у нее ноги длинные и гибкие, как ивы.

Эрик добродушно рассмеялся.

— Грудь обвислые, как тыквы, друг мой, а ноги действительно кривые и с вывернутыми вовнутрь коленками!

— Осторожнее! Она понимает каждое твое слово! — предупредил Йорг Эрика.

Она и в самом деле понимала. Рианон этого стерпеть не могла. Он был прямо перед ней, и она попыталась ударить его. Ведь она была пленницей и имела право бороться.

Йорг засмеялся, кто-то предупредил Эрика, что она кусается хуже, чем бешеная собака, и, прежде чем она что-либо поняла, он схватил ее волосы рукой и снова окунул в воду. Промокшая, в ужасе и ярости, она слушала продолжение переговоров.

— У нее плохой характер, действительно как у бешеной собаки, — сказал Эрик Йоргу.

— Тогда зачем она тебе нужна? — хитро спросил Йорг.

— Потому что я поймал ее первым, и, следовательно, она моя.

— Отдай ее мне на эту ночь, а завтра она будет твоей.

— Нет, она будет моей сейчас.

Они были в тупике, поняла Рианон. Это было безумство. Эрик не может сражаться один со всеми. Почему он пришел один? — удивлялась она.

Она закричала, когда он стащил с нее плащ вместе с сапфировой брошью. Он потряс промокшим плащом перед Йоргом.

— Возьми! И этого слишком много.

Он подтолкнул Рианон с такой силой, что она почти упала. Шатаясь, она повернулась.

Он толкнул ее снова еще сильнее.

— Иди! — проорал он.

Она медленно пошла. Она прошла мимо Йорга, но потом почувствовала, что все окружили ее. Эрик толкал ее сквозь толпу в открытое поле, где лежало тело фермера. Он шел спокойно и уверенно.

Наконец они добрались до леса. Он снова подтолкнул ее, и она повернулась, бранясь.

— Ты, негодяй! Почему?..

Он не ответил, а яростно приказал:

— Беги!

Он схватил ее руку. Но как только они начали пробираться сквозь деревья и кусты, она поняла, что Йорг и остальные обманутые датчане гонятся за ними.

Эрик обогнал ее, схватил за руки и потащил с такой скоростью, что она сразу же задыхнулась. Грудь ее разрывалась, ноги болели, боль пронизывала ее мышцы. Ветки деревьев и ежевики запутывались в ее волосах и рвали их, но, несмотря на ее судорожное дыхание, Эрик поддерживал прежнюю скорость их бега, с его железными мускулами это было неудивительно.

В конце концов, она споткнулась о корень; ее рука выскользнула из руки мужа, и она растянулась в луже грязи. Он остановился, повернулся и сгоряча у него вырвалось проклятье, он хотел помочь ей, но остановился.

В лесу было тихо. Они немного обогнали Йорга и его людей. Продолжительное молчание Эрика подтвердило правильность этого предположения.

— Ну, дорогая, — хмуро и раздраженно сказал он, — не соизволишь ли ты встать, чтобы мы продолжили наш путь? Или тебе захотелось отдохнуть тут?

Ее страх перед Йоргом улетучился, а родился новый приступ ярости. Она схватила пригоршню грязи и швырнула в Эрика, попав ему прямо в лицо. Она бы рассмеялась, но его взгляд испугал ее.

— Да, я хочу тут отдохнуть! — крикнула она, стараясь дышать ровно, чтобы скрыть свое бешенство. — О! Конечно, я не желаю отдыхать в грязи! Я еле могу двигаться, милорд. И вообще, что ты тут делаешь?

— Что! — Он повернулся, но стоял, не двигаясь, уперев руки в бока и уставившись на нее. — Ты что, хочешь оставаться в объятиях датчан? Тебе стоит только слово сказать.

— О! И ты позволишь мне остаться? Мне кажется, я припоминаю, что было одно место, где мне хотелось бы остаться, но мое желание было сломлено твоей волей.

Он стремительно приблизился и поймал ее, прежде чем она смогла убежать от него по скользкой земле. Он небрежно перекинул ее через плечо и пошел.

— Что ты делаешь? — завопила она.

— Хочу вернуть тебя датчанам, — с угрозой сказал он. — Ты хитрая лиса и сварливая баба, и ты кусаешься, и, говоря по правде, твои волосы сейчас такого же цвета, как навозная куча.

— О! — Она яростно начала барабанить по его спине. — Отпусти меня!

Он отпустил ее, и она соскользнула в грязь. Она нагнулась, чтобы снова поднять пригоршню, но неожиданно он набросился на нее сверху, перепачкавшись в грязи так же, как она. Единственное, что можно было разглядеть на его лице, это его синие глаза. Его пальцы крепко схватили ее запястье, и она увидела блеск его белых зубов, когда он улыбнулся.

— Я пытался спасти тебя, сам не знаю почему.

— Глупец, тебя могли бы убить! — бросила она ему в ответ. — Под твоим командованием было целое войско, а ты пришел к датчанам один, в этих лохмотьях...

— Боже мой, женщина! — горячо воскликнул он. — Неужели ты не можешь понять, что они сделали бы с тобой, если бы поняли, что тебе на выручку идет ирландское войско. Они бы просто убили тебя, прежде чем мы вступили бы с ними в бой!

От этих слов она вся похолодела. Она слышала, какие ходили легенды о зверствах захватчиков. Легенды о людях, распятых на деревьях, прибитых к ним гвоздями, с

распоротыми внутренностями. Ее лицо побледнело под слоем грязи, и она задрожала от ужаса. Она чувствовала на себе тяжесть его тела, а он, еще не зная причин ее молчания, продолжал, распаляясь еще сильнее:

— Уж лучше я сам сдеру мясо с твоих ягодиц, выдрав тебя за то, что ты поставила нас обоих в такое положение.

— Я пришла, чтобы предупредить тебя! — выкрикнула она.

— Тебе было велено соблюдать осторожность! А не выставять себя на всеобщее обозрение по всей стране!

— Бог мой, как ты можешь? Я спасла тебя и жизнь твоих людей от еще одного предательства! Он оттолкнул ее и спросил яростно:

— Разве это было другое предательство? Хочу напомнить тебе, любовь моя, что я до сих пор помню стрелу, так метко посланную тобой в цель.

— Но...

— Да-да, к тому же ты замечательная актриса, Рианон. Я припоминаю вечер, когда твое представление чуть было не толкнуло сотни людей на новое кровопролитие. Это был вечер нашей свадьбы, если ты помнишь. Может, это ты послала предупреждение датчанам, а потом прибежала, чтобы «предупредить» нас и прикинулась невинной?

Ярость захлестнула ее, она чуть не задохнулась. Ее негодование было столь сильно, что она ухитрилась сбросить его с себя. Он соскользнул в грязь, когда она поднялась и проворно выбралась из лужи.

— Рианон!

Через секунду он настиг ее. Она попыталась освободиться, но наступила на твердый корень и вскрикнула, подвернув лодыжку. Он поднял ее на руки и пошел вперед, глядя прямо перед собой, с вымазанным грязью лицом, на котором были видны только глаза.

— Мои люди теперь спустились к датчанам, которые стояли тут лагерем, — сказал он ей по пути. — Мы встретимся с ними завтра у изгиба ручья.

Она не ответила ему. Она была вся в грязи, горло ее пересохло, и каждая мышца ее тела горела и болела. Она откинула голову и закрыла глаза.

Убаюканная ритмом его шагов, она, по-видимому, задремала. Когда она снова открыла глаза, вокруг все было спокойно и уже стемнело. Только свет луны и мерцание звезд освещали лес вокруг. Она поняла, что где-то рядом горит костер и на нем жарится мясо, а она лежит на земле на рубашке Эрика, подбитой ватой, чтобы защитить его тело от тяжелой колючуги. Она услышала звук бегущей поблизости воды и поняла, что он не останавливался, пока не добрался до места, где, по его словам, он должен встретиться со своими людьми.

У нее закружилась голова, и она прикрыла глаза, но сразу же снова широко раскрыла, почувствовав, как что-то холодное касается ее лба. Рядом с ней был Эрик, который стоял в одних штанах, стирая грязь с ее лица концом своего камзола. Она быстро села, осторожно отклоняясь от него.

— Рианон, я просто пытаюсь...

— Я могу сама о себе позаботиться, спасибо!

— Можешь? — усомнился он.

— Ты больше размазываешь грязь, чем стираешь!

— Ну, миледи, это можно сделать гораздо проще.

Она закричала, сопротивляясь, колотя кулаками в его грудь, когда он подхватил ее с земли и направился с ней на руках прямо в холодную воду реки. Там было довольно

глубоко, потому что недалеко от этого места речка впадала в море. И когда вода дошла ему до бедер, он бросил Рианон в воду. Она вынырнула, барахтаясь и отплевываясь, ругаясь и еще больше злясь от его смеха.

Она повернулась, и он успел схватить ее за одежду.

— Ты намочил мою одежду, и я утону от ее тяжести или от того, что продрогла до костей, если я не умру от страстного желания твоей гибели! — сказала она ему.

Он подхватил ее на руки.

— Ну, любовь моя, мы не должны тонуть вместе, — сказал он. — Если твой глаз соблазняет тебя, вырви его, так говорят истинные христиане, не правда ли? Твоя одежда вряд ли может сравниться с глазом, если она соблазняет тебя...

С этими словами он схватил ее за край платья и сдернул, не обращая внимания на ее сопротивление, на ее кулаки, удары которых градом сыпались на него, несмотря на ее проклятия. Когда он справился со всей ее одеждой, он небрежно бросил ее назад в воду, чтобы снять с нее штаны. Он швырнул все тряпье на берег, когда она нырнула в глубину, чтобы скрыться от него. Переплыв через речку и стоя на противоположном берегу, она скрестила руки на груди и смотрела на него, дрожа от ярости.

— Вернись сюда! — скомандовал он.

— Ты не в своем уме!

— Рианон, грязь засохнет, и ты покроешься черной коркой. Вернись сюда. Я хочу промыть твои волосы, до того как они так слипнутся, что их придется отрезать.

— Ну и какая будет потеря от спутанной массы тусклой меди? — огрызнулась она.

Он помолчал, а потом рассмеялся.

— Увы, ты еще и тщеславна!

Он кинулся к ней, и речка вышла из берегов. Она нырнула в лунную дорожку и плыла под водой, выныривая только, чтобы вдохнуть воздух.

И все же он ненамного отставал от нее.

— Рианон...

Она снова нырнула. На этот раз она не правильно выбрала направление, и он схватил ее за ногу. Он подтащил ее к себе, его руки скользнули по ее голому бедру, горячие по сравнению с прохладной водой. Она задохнулась и стала сопротивляться, но ее груди были прижаты к его груди, и она погрузилась в глубину его синих глаз, из которых даже в лунном свете исходил обжигающий свет страсти. Он провел пальцами по ее губам. Задышавшись, она спросила с вызовом:

— Зачем тебе возиться с этой тусклой медью?

Его руки накрыли ее ягодицы, а потом нежно прошли по позвоночнику и снова спустились, прижимая ее все ближе и ближе, так, чтобы она смогла почувствовать напряжение его члена у своих бедер.

— А что же мне оставалось ему сказать? — спросил он мягко. — Да, конечно, у тебя блестящие волосы. И они сверкают при свете вечернего солнца, как сам закат. Они окутывают меня своей мягкостью, своей красотой, они ласкают мое обнаженное тело.

Он провел пальцами по ее намокшим волосам, откинув их назад, а потом по щеке, и медленно продолжил свой путь по шее и ключицам. Он коснулся ее соска, замерзшего и напрягшегося, как только его ладони накрыли и согрели ее груди. У нее перехватило дыхание, и там, где он касался ее, разгорелся костер, спускавшийся в низ живота, разгораясь между бедер. Она отклонилась, сопротивляясь ему.

— Не обижу ли я господина, позволяя ему забавляться с грудями, похожими на обвислые тыквы!

По его лицу пробежала улыбка, оно было красивым, и черты его смягчились в сумеречном свете.

— Да, но если бы я сказал ему, что это такие пышные, спелые плоды, тяжелые и твердые, как яблоки, алебастровые с розовыми бутонами на концах и необыкновенно красивые, — увы! Он мог бы не отпустить тебя вообще.

Его ласки были легкими и завораживающими. Его ладони двигались нежно, поглаживая эти розовые бутоны, и она боялась, что у нее сейчас подогнутся колени, хотя он ее и держал. Потом его руки переместились ниже, ласки стали интимнее, и она задрожала, крепче прижимаясь к нему, забыв о своем сопротивлении. Лаская ее ноги, он зашептал ей на ухо.

— Кривые ноги, миледи? Я не мог сказать ему, что твое тело на ощупь прекрасней и нежнее, чем материя, изготовленная самыми искусными мастерами Востока, что твои ноги длинные и прекрасны, и что они могут обвить мужчину так, что он почувствует райское блаженство, здесь на земле, а не в раю. Я не мог сказать ему, что твои поцелуи пьянят, как вино, и что в глубине твоих глаз можно утонуть, и что ты возбуждаешь такое желание, какое может человека вывернуть наизнанку, и что я скорее умру, защищая тебя, потому что я попробовал все твои прелести и брошу вызов любому мужчине или даже Богу, чтобы только снова быть с тобой.

Он смеялся над ней, конечно, он подшучивал над ней. Но все же когда она посмотрела ему в глаза, в его взгляде, как ей показалось, не было насмешки. Он вытащил ее из воды, чтобы отнести на берег, и там опустил на землю. И снова он заговорил об алебастре ее тела при свете луны. И когда он перечислял все ее совершенства, он целовал ее нежно и возбуждающе в том месте, о котором говорил, и ей показалось, что он осушил прохладную влагу с ее тела своими губами и языком, а потом его тело согрело ее своим теплом, и волнующая нежность соблазна вызвала прилив опаляющей страсти.

Позднее, гораздо позднее, когда луна наконец начала тонуть в темноте небес, когда страсть была утолена, а изнеможение победило ее, она снова почувствовала его руки, которые подняли ее, отнесли под дерево и закутали в плащ, согревая ее. Она уже засыпала, когда он растолкал ее и предложил ей мясо, которое жарилось на костре. Она не думала, что сможет есть, но еда была вкусной, и она почувствовала, что в ней проснулся волчий аппетит.

Когда они покончили с едой, он подошел к ней и обнял, согревая теплом своего обнаженного тела. Разомлев от его тепла и почувствовав себя защищенной, она подумала, что это была нежность, эта была почти любовь.

Однако это не больше, чем иллюзии ночи, — подумалось ей, когда первые лучи рассвета пробудили ее. Потому что, когда она открыла глаза, он уже ушел, его не было рядом. На ней был заботливо наброшенный плащ, и когда она села, завернувшись в него, потому что дрожь пробирала ее, то увидела, что Эрик одет и стоит на некотором расстоянии от нее, поставив ногу в грубом сапоге на камень, задумчиво глядя в воду. Видимо, он почувствовал, что она проснулась, потому что сразу же обратил на нее свой взгляд.

— Вставай, одевайся, — коротко бросил он ей. — Люди скоро будут здесь.

Ошеломленная его тоном, она сжала зубы и гордо поднялась, одетая в его плащ. Она подошла к воде, наклонилась и попила, а затем умыла лицо, все время чувствуя на себя его взгляд. Поднявшись, она резко повернулась к нему, он все еще наблюдал за ней холодным взором. В ней закипел гнев. Нежность была только уловкой с его стороны — он вел с ней

войну по собственному плану, как он поступал со всеми своими врагами. Он отбрасывал нежность, как пустую грязную тарелку на пиру, если в ней не было необходимости.

— Что ты уставился? — воскликнула она. — Что тебе от меня нужно еще? Разве ты не привык только получать все, что тебе нужно?

— Если бы я только мог получить от тебя правду, любовь моя! И я это сделаю непременно.

— Какую правду? О чем ты говоришь?

Он помедлил с ответом, а потом пожал плечами.

— Если это не ты, Рианон, тогда кто? Кто предатель в твоём доме?

Она фыркнула, глубоко вздохнув. Она рисковала своей жизнью, чтобы предупредить его, а он все еще подозревает о том, что предательство исходит от нее.

— Негодяй! — прошипела она сквозь зубы, и это было все, на что она была способна. Повернувшись, она стала собирать свою все еще влажную одежду. Она уже почти скрылась за деревом, когда он схватил ее за руку, она в бешенстве подняла на него глаза.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, Рианон, — начал он.

Она выдернула руку. Слезы навернулись ей на глаза, и, повернувшись к нему, она ничего не видела перед собой. Он снова поймал ее за руку.

— Я спросил тебя, кто, Рианон, вот и все! У тебя должно быть подозрение, кто за всем этим стоит!

— У меня нет никаких подозрений! — накинулась она на него. — Я ничего не знаю! Отпусти меня!

— Рианон! — Его голос стал ласковым, и он сделал движение, чтобы убрать волосы с ее лба. Она откинула голову, чтобы избежать его прикосновения.

— Нет, не притворяйся ласковым и добрым, потому что при свете утра притворство виднее! Между нами не может быть никаких нежных чувств, милорд!

Она вырвалась от него, отступая, перепугавшись, что слезы, которые висели на ее ресницах, польются и она не сможет скрыть переполнявших ее эмоций.

— Можешь обвинять меня, если хочешь, но делай это честно. Я ненавижу тебя, когда ты притворяешься нежным!

Она увидела, как заиграли желваки его челюстей, а в глазах промелькнула молния, и все же она не ожидала, что он подойдет к ней так близко и прижмет ее к себе с такой силой, что у нее захрустели кости.

— Продолжай меня ненавидеть, презирать, проклиная ежечасно тот день, когда я был рожден! Но ты должна слушаться меня во всем, Рианон! И отвечать мне приличным языком, когда я задаю тебе вопрос!

— Тогда и задавай его на понятном языке! — огрызнулась она, молясь, чтобы он отпустил ее.

Он переломает ей кости, она закричит, если он не сделает этого быстро. Только дура могла полюбить его. Только дура могла поверить словам, которые он шептал в бархате ночи. Только дура!

Господи, она медленно, но уверенно превращалась в такую дуру, нуждаясь в нем, ища его одобрения, страстно желая его и веря словам, которые он шептал...

Она жаждала его прикосновения в темноте.

— Кто это сделал? — повторил он.

— Я не знаю, — снова ответила она и улыбнулась, стиснув зубы. — Уж наверное не

Эгмунд и не Томас — мои слуги, милорд! Если только ты не думаешь, что это их духи поднялись из могил, чтобы предать тебя и Альфреда снова!

Он не успел ей ответить, потому что в этот момент послышался шум за деревьями и звонкий, несколько обеспокоенный крик раздался в утреннем тумане.

— Эрик? Ты здесь?

Эрик не отвел от нее взгляда, когда кричал в ответ:

— Да, Ролло, мы здесь!

Рианон снова попыталась освободить свои запястья и мгновенно забыла свой гнев и обиду.

— Милорд, я не одета! — напомнила она ему.

Но было слишком поздно, потому что лошади приближались к опушке. Патрик и Ролло впереди, они уже совсем рядом, возле Рианон. На ней был плащ, но ее одежды лежали у ее ног.

Патрик быстро слез с коня и поспешил к ней, схватив ее руку и опускаясь перед ней на колени.

— Слава Богу и всем святым! Госпожа, я так боялся за тебя!

— Патрик, пожалуйста, — произнесла она мягко, подумав, что скажет Эрик о таком проявлении чувств. — Пожалуйста, встань!

Но он не поднялся.

— Ты спасла меня своей стрелой и рисковала собственной жизнью. И хотя я достаточно быстро нашел Эрика, мы не могли их атаковать, зная, что датчане делают со своими пленниками, но лучше об этом не говорить. Но теперь ты здесь, и мы так благодарны...

— А что датчане? — спросил Эрик, перебивая его.

— Им не повезло, — уверил Ролло Эрика, сидя на своем коне.

— Во всяком случае этим, — спокойно добавил Рауен. Глаза Рианон обратились на него. Она почувствовала, что ее щеки заливают легкий румянец, когда вспомнила, что ее платье лежит на земле.

— Мы сейчас отъедем, — спокойно сказал Ролло. Патрик, понявший, что стоит на коленях перед ее одеждой, неловко поднялся.

— Мы будем вас ждать на опушке, — сказал он Эрику.

Ролло не был столь деликатен. Он рассмеялся.

— Увы, мы всю ночь беспокоились за них, а милорд и миледи развлекались словно в раю. Извини, Эрик, мы будем ждать вас под деревьями.

Патрик оседлал коня, и всадники быстро удалились. Рианон попыталась надеть свою одежду, не снимая плащ с плеч. Эрик некоторое время молчал, а потом произнес угрожающе и раздраженно:

— В чем дело, миледи? Это какая-то новая игра?

Он сорвал с нее плащ, и она задрожала от прохлады утреннего воздуха, повернувшись в ярости к нему лицом. Он окинул ее взглядом, и их глаза встретились.

— Я знаю каждую черточку твоего тела, Рианон, и осмелюсь напомнить тебе, что ты — моя; я не слишком терпеливый человек и не буду слишком долго терпеть твои глупости.

Она уставилась на него, страстно желая отплатить ему хоть чем-нибудь. Откинув голову назад, уперев руки в бока и не обращая внимания на свою наготу, она выкрикнула:

— Прекрасно!

Затем наклонилась и схватила штаны. Не обращая на него внимания, она быстро

натянула их. Он смотрел на нее, сохраняя холодное молчание все время, пока она одевалась, и когда она оделась и направилась к опушке, он схватил ее за руку и притянул назад.

— Я уже предупреждал тебя — ты можешь меня ненавидеть, но повиноваться ты мне обязана.

— Хорошо, я больше не буду посылать тебе никаких предупреждений, — сладким голосом сказала она.

— Я требую подчинения во всем, — резко сказал он.

— Я позабочусь, чтобы в надлежащее время был подан вкусный обед.

Он улыбнулся, скривив кончики губ, но его глаза блеснули синей усмешкой.

— Во всем, — повторил он тихо. — Я должен получать то, что хочу, по первому своему требованию. Она задохнулась, а сердце ее бешено забилося.

— А как с моими требованиями, милорд?

— Я буду рад выполнить любое твоё желание.

— А что, если мое желание ты не можешь исполнить? Он засмеялся, притянул ее ближе, и она не могла понять, сердился он или забавлялся.

— Я думаю, что, быть может, ты научишься соизмерять свои желания с моими возможностями, Рианон, и мы оба будем довольны этим.

А когда он перестал смеяться, его голос стал низким, и в нем послышались стальные нотки.

— Я еще раз предупреждаю, что ты должна мне повиноваться. У меня обо всем этом есть свое мнение, и не думай, что и дальше все будет сходиться тебе с рук.

— У тебя свое мнение? — спросила она, намереваясь бросить ему вызов. — Ну, кажется, мне и сейчас придется послушаться тебя, великий Эрик Дублинский. Я не предавала тебя, но проявила непослушание, убежав из поместья. И я ведь ничем не отличаюсь от Александра, потому что я — не больше чем твоя собственность! А как ты поступаешь с убежавшей лошастью или с непослушным рабом? Почему бы не повесить меня, милорд, или не снести мне голову с плеч и покончить со всем этим?

— Ну, это будет слишком, — весело сказал он. — Поверь мне, я серьезно подумываю о каком-нибудь физическом наказании для тебя, но я сделаю это сам, наедине. А теперь, жена моя, не пора ли нам?

Она бросила на него взгляд, полный ненависти, и поспешно повернулась.

— Какой-нибудь датский топор настигнет тебя! — бросила она.

— Но не тогда, когда этого захочется тебе, моя любимая жена, — ответил он, и в его тоне не было ничего, кроме вежливости.

Кажется, она опять проиграла это сражение. Высоко подняв голову, Рианон решила не сдаваться. Она не сказала ни слова, а просто поспешила к опушке леса, где Рауен, Патрик и Ролло поджидали их во главе войска. Патрик помог ей сесть на коня. Она смотрела, как Ролло подвел белого коня Эрику. Эрик улыбнулся, дружески здороваясь с животным, потрепал его по морде и прошептал приветственные слова, прежде чем вскочить в седло.

Он гораздо больше радуется коню, чем собственной жене, с горечью подумала она, удивляясь, что ей почему-то стало больно. Какое ей до него дело? Он завоевал ее землю, лишил ее всего. Даже гордости. Ее насмешки и сопротивление были показательными, ее последней попыткой вести войну против него.

Они направились домой, Эрик во главе кавалькады, Рианон в конце, держась Патрика и Рауена.

Я не буду любить тебя! — поклялась она безмолвно, глядя Эрику в спину. Я не боюсь тебя!

Здесь, среди множества людей, никто не сможет обвинить ее с Рауеном в чем-то недозволенном, и она может свободно общаться с ним и с Патриком, который ей нравился все больше. Она улыбалась, весело болтала и слушала вместе с Рауеном, как Патрик прекрасно описывал свою родину и уверял их, что Святой Патрик, в честь которого он назван, действительно изгнал всех змей из Ирландии много-много лет назад.

— Жаль, что мы не можем повернуть назад и поразвлечься с датчанами, — сказал Ролло с воинственной ухмылкой, оглядываясь на них. Рианон довольно засмеялась, ее глаза блестели. Но потом улыбка медленно сползла с ее лица, потому что она заметила, что ее муж тоже оглянулся и смотрит на нее с удивлением. Она потупилась, а потом тряхнула головой, решив не обращать на него никакого внимания. Она попросила Патрика рассказать ей еще какую-нибудь легенду, и он начал повествование о маленьком народе, давным-давно жившем в скалах, расщелинах и в пещерах под землей.

Путь был приятным, и Рианон сама не заметила, как они добрались до дома. А когда стала надвигаться ночь, следовавшая, казалось, за ними по пятам, она почувствовала какую-то перемену в воздухе.

Тучи стали сгущаться, черные и бушующие, и с моря подул холодный ветер.

Приблизившись к стенам города, Эрик поднял руку, и всадники остановились. За мужскими спинами Рианон различила Мергвина, поджидающего их на дороге. Он стоял один, но казалось, что ему подчиняются природа, море и небо. Ветер развеивал его белые волосы и играл с седой бородой. Его глаза были серыми и печальными, как нависшие над ним тучи.

— Что случилось? — резко спросил Эрик, слезая с коня. Он подошел к старику, и Мергвин протянул ему навстречу руку, а Рианон внезапно заметила, как незащищен был старый друид, повелитель рун. Задержавшись на нем, ее взгляд упал на море.

На побережье снова были корабли викингов, огромные, с замысловато вырезанными на носках головами животных, драконов и змей.

Ее сердце бешено застучало. Это что, новое нашествие? Сколько можно сражаться с викингами? Король Альфред всю жизнь сражался с ними, так долго, что был вынужден призвать викингов на помощь против викингов.

Но Эрика, казалось, вовсе не встревожило появление кораблей. Его внимание было приковано к старику, который стоял у них на пути.

— Аэд Финнлайт! — сказал Мергвин.

— Дед, — выдохнул Эрик. Он пристально посмотрел на Мергвина. — Он умирает.

— Твой отец послал за тобой. Ты нужен матери. Если ты отплывешь с утренним приливом, ты еще успеешь застать Аэда Финнлайта живым.

Эрик крикнул, чтобы Мергвину дали коня, и снова вскочил в седло. В молчании они въехали в город.

Во дворе Эрик быстро спешил и вошел в зал. Рианон начала слезать с коня и увидела, что Патрик уже рядом, готовый помочь ей. Его глаза были печальны. В них даже блестели слезы.

— Он поедет в Ирландию? — спросила она, Пожалуйста, Господи, — молилась она. — Пусть он едет один. Пусть он будет подальше от меня, чтобы он не мог дотронуться до меня, чтобы я смогла научиться ненавидеть его вновь! Пусть мне будет все равно, пожалуйста, не

дай мне переживать за него...

— Да, конечно, мы поедем! Аэда Финнлайта любили все, особенно его дети и внуки. Он великий человек, он заключил мир и всячески поддерживал его, и он был справедлив и сострадателен к людям. Ты бы тоже полюбила его.

Она кивнула головой, потому что Патрик, казалось, очень остро ощущал боль потери. Она постаралась не показывать своего облегчения из-за того, что ее муж уезжает.

Она поторопилась в зал, думая, что сможет проскользнуть в комнату Аделы и остаться там, вдалеке от приготовлений к будущему путешествию. Но когда она проходила через зал, она остановилась, потому что Мергвин ждал ее у входа, в его серых глазах было понимание и осуждение. Как он мог узнать, что она войдет именно здесь? Что еще у него на уме, зачем он хотел найти ее?

— Я же просил тебя не уезжать туда, — напомнил он ей, и в его голосе была боль и беспокойство, и внезапно она раскаялась, что заставила его волноваться. Она беспокоилась о нем — она не могла ничего с собой поделать, он ей нравился. Он по-своему опасался за нее, но он был ее другом тоже! Она поняла, что он ей доверяет. Ему даже хотелось, чтобы Эрик женился на ней.

Она покачала головой:

— Мне очень жаль. Правда, Мергвин, я не хотела причинить тебе боль. И мне жаль Аэда Финнлайта. Его все так любили и восхищались им, это, должно быть, великий человек, я буду молиться за него от всего сердца. Все мы здесь будем молиться за него.

Она не заметила, что Эрик тихо вошел и встал позади Мергвина в проходе, пока его голос, резкий и твердый, не скомандовал:

— Тебе незачем молиться за него. Ты будешь сопровождать меня в этой поездке, в которую мы отправляемся с утренним приливом.

Ее взгляд метнулся с Мергвина на мужа. В тени коридора его глаза казались кобальтовыми. Она подумала, что на самом деле вовсе не нужна ему там — он решил взять ее с собой только потому, что понял, как сильно ей хотелось, чтобы он уехал.

Она задохнулась, стараясь говорить ровно и разумно.

— Эрик, я боюсь, что буду тебе мешать. Для тебя это будет трудное время.

— И оно станет еще труднее, потому что мне придется думать, что ты осталась здесь и что датчане могут схватить тебя, или же ты надумаешь сама отправиться к ним в лагерь, — резко сказал он.

— Лучше проследи, чтобы сложили твои вещи, хотя Мергвин уже сказал Аделе, чтобы она сделала это.

— Но, господин, муж мой, — начала она осторожно.

— Рианон, прекрати это представление и поспеши. Скоро наступит рассвет.

Она умоляюще посмотрела на Мергвина, но поняла, что от него не дождется помощи, ведь она обманула его однажды. А Эрик...

— Я не поеду! — бросила она, в ярости поворачиваясь, чтобы уйти.

Он остановил ее, схватив за спутанные локоны ее волос. Когда она вскрикнула, он спокойно рассматривал ее локон, а потом улыбнулся ледяной улыбкой.

— Рианон, ты поедешь. Хочешь или не хочешь, а поедешь. — Казалось, его глаза смотрели на нее с вызовом. — Я предлагаю, чтобы ты сделала это добровольно.

Он отпустил ее волосы и большими шагами догнал ее, возвращаясь в зал. Рианон бросила на Мергвина испепеляющий взгляд, а потом пошла вверх по ступеням.

В ее комнате была Адела. Теплая ванна, чистые полотенца, мыло, пахнущее розой, ожидали ее. Адела рассказала ей, что они с нетерпением ждали ее возвращения, хотя Мергвин уверял снова и снова, что с ней не случится ничего плохого и что она, в конце концов, вернется домой.

— А когда мы снова увидели корабли викингов и поняли, что это не наши корабли возвращаются, ну мы все были в панике. Но Мергвин заверил нас, что они приплыли от Олафа Белого, короля Дублина. Смотреть на них было удивительно! А потом и вы вернулись, в точности, как сказал Мергвин! А теперь ты поедешь в Ирландию! Рианон! Я буду сильно по тебе скучать. Ты должна быть очень осторожна!

— Я не поеду в Ирландию! — отчаянно выкрикнула Рианон.

— Но, дорогая моя...

— Я не поеду!

И, как только она сказала это, раздался стук в дверь, и она открылась, не дожидаясь разрешения. Рианон задрожала, решив, что это Эрик и что он слышал ее дерзкие слова.

Но это был не Эрик. Это была девушка, Юдифь, одна из тех, которым, по-видимому, очень нравился Эрик. Она вошла с подносом, полным еды, и поставила его на сундук, а потом присела перед Рианон в реверансе.

— Госпожа, лорд Эрик сказал, чтобы принести все это и чтобы ты поела и отдохнула, потому что тебе придется вставать затемно.

Глядя на хорошенькую девушку, Рианон поняла, что Юдифь с радостью будет обслуживать Эрика всеми способами. А может быть, она уже оказывала ему такие услуги?

— Спасибо, Юдифь, — сказала Рианон. Девушка не уходила, оглядывая комнату.

Ей было невыносимо думать о том, что Юдифь была в его объятиях, в его постели, может быть, даже в этой комнате. Она старалась обуздать свои чувства. Она не будет делать из себя посмешище.

— Юдифь, спасибо, это все.

Со вздохом девушка вышла из комнаты.

— Я слежу за этой красоткой, — предупредила ее Адела.

— Угу, — устало пробурчала Рианон. Ей хотелось остаться одной. Она повернулась и схватила свою кузину за руку.

— Ты так много сделала для меня — уложила мои сундуки и приготовила ванну. Мне теперь хорошо. Я собираюсь расчесать волосы, быстренько поесть и лечь в постель. И ты сделай то же. Ты, должно быть, утомилась.

В глазах Аделы появилось беспокойство.

— Если ты уверена...

— Да, конечно. Пожалуйста.

Адела поцеловала ее и вышла.

Рианон села на край постели и начала расчесывать волосы. Они ужасно перепутались в эту дикую ночь, но она расчесала их тщательно, и через некоторое время они стали подсыхать, распутались и мягко заструились по ее рукам, плечам и спине. Некоторое время она сидела неподвижно, а потом нырнула в один из своих сундуков и, порывшись, нашла ночную рубашку. Она была из простого полотна с нежной вышивкой у ворота и на рукавах, но такая прозрачная, что почти не скрывала наготу. Она быстро скользнула в нее, удивившись, что уже так поздно, а потом подумала, придет ли к ней Эрик этой ночью. Она мельком взглянула на поднос с едой, к которой она даже не притронулась, обнаружила, что

там есть мед, и сделала несколько глотков. А потом снова провела гребнем по волосам.

За дверью слышались шаги. Она отбросила гребень и забралась в постель, разметав вокруг себя волосы.

Дверь отворилась. Она услышала шаги Эрика, услышала, как он притворил дверь, и вся оцепенела, когда он остановился, а потом подошел к кровати и внимательно посмотрел на нее.

Он постоял так некоторое время, и она услышала, что он стал раздеваться. Он тихонько чертыхнулся, когда влез в остывшую уже ванну, и она слышала, как он плескался некоторое время.

Он ляжет в постель и обнаружит, что она только притворяется спящей. А она встанет и напомнит ему, что все время она исполняла его прихоти, и что она и дальше будет сильно стараться услужить ему, и что она с нетерпением будет ожидать его возвращения — если, конечно, он оставит ее здесь.

Но когда он лег рядом с ней, он даже не прикоснулся к ней. Он просто повернулся к ней спиной.

Она открыла глаза. Он задул свечи, но пробивался лунный свет и играл на гладких мускулах его спины. Она кусала губы в нерешительности, в расстройстве. Она коснулась бедрами его обнаженных ягодиц и пощекотала его волосами, но он даже не пошевелился.

Она легла на спину и уставилась в потолок.

— Эрик, — сказала она тихо наконец. Он приподнялся на локте. При свете луны она чувствовала, что он внимательно наблюдает за ней.

— Мне очень жаль твоего деда. Правда.

Он ничего не ответил. Через минуту он тоже перевернулся на спину, но потом обнял ее за плечи и подмял под себя. Она дала волю слезам, которые стояли в ее глазах, и когда он прижал ее к себе и остановился на некоторый момент, она прошептала:

— Пожалуйста, не заставляй меня ехать! Я так боюсь!

— Да? — сказал он, обнимая ее и вглядываясь в ее лицо.

При свете луны она была прекрасна. Ее глаза были нежными, блестящими, влажными, губы трепетали, красные, как розы; под легким покровом ночной рубашки ее груди вздымались и опускались быстро при каждом вдохе и выдохе. Островки ее груди казались больше, полнее, соблазнительнее, чем всегда. Ее волосы вились по его обнаженному телу, накрывая его прекрасным плащом. Она все-таки добилась своего, опутав его этими прядями золота и огня, окутывая его этим взглядом, блестящим серебром, завораживая красотой своего нежного голоса и прекрасных форм. Это была не любовь, быстро подумал он, совсем не любовь. Но она принадлежала ему, и он хотел ее с такой страстью, какой он никогда еще не знал. Ему хотелось взять ее нежно на руки, успокоить, держать в своих объятиях.

Но он знал ее. Он хорошо ее знал.

Что это за новая игра? Неважно, подумал он устало. Пусть себе играет.

— Эрик... — сказала она мягко, обольстительно, шепотом, полным трепещущей невинности. — Милорд, пожалуйста, я буду хорошей женой, буду тебя слушаться, буду... угождать тебе всем. Только, пожалуйста, только не это! Я умоляю, не заставляй меня ехать в Ирландию. Когда ты вернешься, я буду здесь. И я приложу все усилия, чтобы дать тебе все, что ты потребуешь от меня как от жены.

Он откинул ее волосы, любуясь их длиной, когда его пальцы скользили по их блестящей мягкости.

— Правда? — спросил он ее.

— Конечно.

Ее ресницы были длинными, а глаза нежными и соблазняющими.

Он улегся на нее, прижимаясь к ее грудям, а потом накрыл ртом один бугорок, облизывая языком набухший сосок через ткань прозрачной рубашки. У нее вырвался резкий вздох, и ее тело выгнулось под ним, придя в соприкосновение с его членом, усиливая нарастающий жар его дикого желания.

— Я буду такой, как ты захочешь, — обещала она, лаская его локоны. Они приподнялись вместе, ее волосы окутывали его занавеской, и она обняла его. Ее быстрые поцелуи осыпали его плечи и грудь. Ее волосы по всей длине опутывали его тело мягкими шелковыми прядями. Сладко пахнущие волосы вызвали напряжение всех его членов, как только он их касался. Ее губы коснулись его губ, помедлили там, а потом снова продолжали свои изыскания по его телу. Нежно, мягко, сладостно, она соблазняла его. Желание в нем достигло силы все смещающего яростного урагана. Она знала, как ласкать его, именно там, где ему хотелось. Она знала, когда подразнить, когда помедлить, а когда поддаться. Она могла заставить мужчину стать слепым ко всему, кроме исполнения его желания...

Он схватил ее яростно, укладывая поверх себя, а потом перевернулся с ней, и она оказалась внизу на спине. Он на какое-то время увидел ее глаза, перед тем как они закрылись длинными и густыми ресницами, и в них ему почудилось торжество. Внезапно ярость нахлынула на него, и он вздохнул, стараясь не дать выхода этому бешенству.

Стоп! — скомандовал он сам себе, он подыграет ей в игре, которую она затеяла. Он улыбнулся и нежно поцеловал ее в губы, пробуя сладость ее рта.

Он в ключья разорвал ее рубашку, добравшись до ее обнаженной плоти, ненасытно беря все, что было под ней. И когда она уже почти лишилась воли от всех этих нарастающих высот, до которых он довел ее, он страстно вошел в нее и потребовал все сначала.

И вновь он получил все. Он никогда прежде не знал такого сладостного и дикого взрыва облегчения, которое он испытал этой ночью, дикого, как море в ярости шторма. Яростные содрогания сотрясали его, когда он снова и снова заполнял ее собой, и в момент наивысшего наслаждения он насытил свою страсть так, как он раньше не мог себе представить. Он закрыл глаза и почувствовал гром ударов ее сердца под набухшей грудью, и он понял, что может, коснувшись ее, получить все то, что она не хотела давать ему.

Но он понимал, что она предала его, и что сама мысль о том, что она его жена, приводила ее в отчаянье.

Горькая усмешка коснулась его губ, и на душе его стало тяжело. Боже мой! Если бы он только смог перестать хотеть ее! Если бы он только смог забыть о ее существовании...

Но он не мог. Когда он был далеко от нее, она заполняла его сны. Когда он представлял, что ей грозила опасность, боль острым ножом пронзала его. Ведь она была его женой.

И, видит Бог, она поймет, что это так, и что все ее уловки и хитрости ничего не изменят, и что ей придется покориться...

Ему была непонятна эта боль внутри, и он сильно стиснул зубы, чтобы побороть ее. Затем он придвинул ее поближе и мягко прошептал в ночи:

— И ты будешь меня любить, когда я вернусь?

Ее дыхание все еще было неровным. Он накрыл ладонями ее груди и все еще мог ощущать яростное биение ее сердца.

— Да, милорд, — прошептала она хрипло.

— Когда я вернусь... ты будешь почитать меня и повиноваться мне?

— Да!

Он поцеловал ее и прижал к себе. Он уставился в потолок, а потом закрыл глаза. Черт бы ее побрал! Аэд Финнлайт умирает! Мысль об этом сверлила его, он не мог отбросить ее. Его дед был в Ирландии, он олицетворял мир в этой стране, он был ее гордостью. Он возродил в Ирландии золотой век, он был мудр и прекрасен. Эрик никогда его не забудет — его мудрость, то, чему он учил его.

Но она причиняла ему страдания даже в эту минуту...

Он крепче стиснул ее в объятиях. Она что-то пробормотала в знак протеста, и он ослабил их. Ему нужно уснуть, хотя бы на несколько часов.

Но он никак не мог. Он лежал с открытыми глазами. И когда появился первый проблеск зари, он откинул льняную простыню и поднялся на ноги.

Она, должно быть, даже во сне поняла, что он оставил ее. Легкая улыбка заиграла у нее на губах, и она удобно раскинулась, волосы золотым плащом были разбросаны вокруг. Он сжал челюсти и отвернулся, быстро оделся, скрепив на плече свой самый красивый плащ, пристегнул ножны и меч. Хоть это и был печальный случай, он должен быть одет как подобает.

Он снова шагнул к постели и внимательно посмотрел на свою жену. На секунду у него задрожали руки, и он сжал пальцы в кулаки, пока смотрел на нее, потому что она действительно была прекрасна. Может, это вовсе не она послала предупреждение датчанам. Он не мог поверить, что она это сделала. Но все равно, она должна что-нибудь знать об этом, и раз она так красива, значит, она немножко и предательница, потому что это была предательская красота.

И доказательством ее предательства был шрам от ее стрелы, который будет всю жизнь напоминать ему об этом.

Он холодно улыбнулся.

— Вставай, — коротко бросил он. — Время ехать.

— Я не поеду, — запротестовала она.

— Поедешь. Я ведь сказал это тебе прошлой ночью.

— Но, — воскликнула она, покраснев. — Ты ведь сказал...

— Я ничего не говорил.

— А! — Она поняла, что сделала глупость, и еще сильнее покраснела. — Как ты мог мне позволить... О ты, негодяй!

И с этими словами она набросилась на него.

Он быстро схватил ее, даже когда удары ее кулаков обрушились на него. Ее сердце бешено колотилось в груди, и это биение отзывалось у него в мозгу. Даже теперь он хотел ее, снова и снова познавая сладость ее тела.

Он держал ее за запястья, всматриваясь в бурю, бушевавшую в ее глазах.

— Я притащу тебя силой на корабль, и мне все равно, одета ты или нет, миледи. Все равно в каком виде, но ты предстанешь перед моей матерью. Я же сказал тебе вчера, что ты будешь сопровождать меня. Я неоднократно предупреждал тебя, что мои решения не изменить никакими уловками, на какие только может пуститься женщина, неважно, как бы соблазнительны они ни были.

Он оттолкнул ее от себя, а потом немного наклонил голову, все еще не выпуская ее запястий.

Он знал, что она набросится на него снова. Ногти у нее были, как у кошки, а во взгляде все еще пылал огонь. Она поливала его бранью. Сыпались слова «негодяй», «ублюдок». Потом она, кажется, перешла на валлийский — язык ее отца. Он знал его не слишком хорошо. Но неважно, он все равно понял общий смысл.

— Даю тебе десять минут, моя дорогая, — с угрозой сказал он.

Он бросил ее спиной на кровать, и она, задыхаясь, уставилась, наконец, на него и замолчала, ее глаза увлажнились слезами, волосы рассыпались, и ее тело, обнаженное и прекрасное, показалось ему странно незащищенным.

— Десять минут, — повторил он.

И, прежде чем она успела встать или перевести дух, чтобы ему ответить, он широко распахнул дверь, и она со стуком захлопнулась за ним.

Он постоял немного за дверью и удивился, услышав ее тихие рыдания. Потом он напомнил себе, что вся сцена была разыграна только для того, чтобы освободиться от него. Что ж, он может утонуть на дне Ирландского моря или встретить свою смерть где-нибудь еще, и тогда она будет свободна от него.

Со смертью Аэда Финнлайта ирландские короли, борющиеся за власть, начнут войну с Найолом, его старшим сыном, и датчане сразу поймут, что Ирландия стала слабее. Но, несмотря ни на что, его отец будет сражаться за Дублин. И Эрик знал это.

Его отец будет поддерживать Найола, своего деверя. Конечно, тогда легко разразится война и желание Рианон может исполниться.

Он зашагал прочь — решительный и твердый.

Через десять минут ей лучше быть готовой к отъезду, мрачно подумал он. В противном случае она прибудет в Ирландию, завернутая в одеяло и перекинута через его плечо.

Море было бурным, однако они плыли быстро, благодаря удивительной сноровке мореходов.

Нелегко далось Рианон решение сопровождать мужа — она не сомневалась, что он выполнит свои угрозы, и поэтому она пришла к кораблям раньше, чем он явился за ней, и ждала его, пока делались приготовления к отплытию. Одна, стоя на берегу, укутанная в малиновый плащ, она рассматривала корабли; их изящные линии притягивали взгляд; драконьи головы то высоко поднимались на волнах, то опускались вниз. Она не могла поверить, что когда-нибудь взойдет на борт корабля викингов.

Ей хотелось плыть на другом корабле, не том, где будет ее муж, но никто не взошел на борт, пока Эрик не появился на берегу. Тотчас же его глаза отыскиали ее, и его взгляд привел ее в ярость, потому что в нем было холодное торжество — он никогда не сомневался, что она подчинится ему.

А потом он оказался рядом с ней, и когда она собралась подняться на борт корабля, где были Патрик и Рауен, он взял ее за руку.

— Моя жена будет сопровождать меня, — заявил он ей.

Она бросила на него холодный царственный взгляд и ступила на борт его корабля. Там она получила некоторую свободу действий, потому что Эрик остался на носу, а она нашла себе место далеко позади гребцов. Они отплыли с приливом, ветер не был попутным, но это не переменило намерений ее мужа. С криками подняли красно-белые полосатые паруса, и матросы опустили весла в воду.

Наступало утро. Красно-розовые краски рассвета меркли среди свинцовых туч. Блеснула молния, и в небе оглушающе загрохотало.

Викингов считали суеверными — они полагали, что боги творят погоду по своему усмотрению. Но когда дракон на носу вздымался на головокружительную высоту, рыжебородый мужчина, сидевший ближе всех к Рианон, улыбался ей, подбодряя:

— Это просто Тор едет по небу, бросая молнию вниз.

— Да, — согласился другой, — потому что даже великий норвежский Тор плачет и стенает со всеми христианами вместе, когда Финнлайт должен уйти из этого мира в другой.

Рианон попробовала было улыбнуться, но ее губы побелели, и она почувствовала дурноту.

— Не бойтесь, леди! — подбадривал ее рыжебородый гребец. — Мы самые лучшие мореходы из всех живущих на земле!

Она не боялась не только плыть по морю, но даже утонуть в его пучине. Возможно, она даже обрадовалась бы такому повороту событий. Может, хоть это тронет ее мужа, который все еще стоял на носу, скрестив руки на груди. Невзирая на свирепую бурю, он смело стоял на палубе своего корабля, а его голубые глаза неотрывно смотрели на берег, к которому они приближались, на берег, который казался ей таким далеким от ее земли.

Она вскочила на ноги, схватившись за борт, и ее стало неудержимо рвать. Ей казалось, что все только и смотрят на ее унижение, бросив свои дела.

— Леди, с вами все в порядке?

— Берегитесь волн!

— Ради Одина и Бога на небесах!

Мергвин, в чьих глазах все еще было осуждение ее обмана, оказался рядом с ней. Люди шептали, что бушующее море может проделывать и не такие штуки даже с бывальными моряками, а он смотрел на нее всепонимающим взглядом. Причиной был ребенок, который рос в ней, и они оба это прекрасно знали.

Тряпкой, смоченной в пресной воде, он отер ее лицо, потом дал напиток. Она закрыла глаза и оперлась на него, принимая его помощь и находя удивительный покой в его древних руках. Она хотела коснуться его морщинистой щеки и поблагодарить; она призналась себе, что начинала его любить.

Но когда она открыла глаза, то увидела Эрика, который стоял, возвышаясь перед ней, уперев руки в бока, расставив мускулистые ноги, которые опускались и поднимались вместе с палубой. Она крепко сжала губы.

— С ней все нормально! — крикнул он своим людям. Ему ничего не надо было больше говорить, потому что все сразу же занялись своими делами.

— Они подумали было, что ты решила прыгнуть за борт. Мне и самому так показалось в какой-то момент.

Она попыталась оторваться от плеча Мергвина, но не смогла. Она напряженно сглотнула:

— Увы, ты меня, конечно, измучил, но не до такой степени, чтобы я пошла против воли Божьей.

— Приятно узнать, что вы не стали топиться из-за меня, миледи. — Он насмешливо поклонился. — Мои величайшие сожаления, леди. Я и представить не мог, что вы так плохо переносите море.

Он вернулся на свой пост на носу корабля. Она чуть было не выкрикнула ему, что прекрасно переносит море, что по его вине она так плохо себя чувствует, потому что носит его ребенка. Но она только еще крепче сжала губы и не сказала ни слова. Когда она посмотрела на Мергвина, его загадочные глаза тоже смотрели на нее.

— Для него это тяжелое время, — сказал ей Мергвин. — Как и для всех нас. Ты ведь не знала Финнлайта.

Она подумала, что Мергвин тоже любил этого умирающего высшего монарха. Но сказала устало:

— Такое время тяжело для всех, ведь правда? Он улыбнулся и покачал головой.

— Там будет печаль, но ты найдешь там счастье, вот увидишь.

— Я не пробуду там долго, — сказала Рианон. Мергвин хотел что-то сказать, но промолчал, а потом покачал головой. Она тронула его.

— Мергвин, я там долго не останусь. Разве ты не понимаешь, что это не мой дом? И никогда не станет моим. Я никого не хочу обидеть, но там все будет по-другому, там все чужие...

Он откинул голову и закрыл глаза, и она на секунду испугалась, потому что он казался очень старым и слабым. Он устало вздохнул:

— Будет война, — сказал он тихо, и она не поняла, что он имел в виду.

Собиравшийся дождь так и не пошел. В небе клубились черные облака и дул жестокий ветер. Уже все вокруг поглотила тьма, когда Рианон в первый раз заметила берег Ирландии. Она смотрела на землю, жуткую и угрожающую в этой крошечной тьме, а потом они вошли в реку. В Ирландии была своя прелесть — пустынная зеленая земля, поднимающаяся к небесам. Некоторые места очень походили на ее родные земли. Бесконечные луга,

окруженные скалами, были покрыты изумрудной травой, по которой бродили пушистые белые овцы.

Когда стены Дублина выросли перед ними, Рианон была очарована мастерством каменотесов, великолепием и величием стен, вырисовывавшихся в темноте. И пока корабли искали причал, она увидела толпу людей на берегу. Мергвин помог ей подняться. В тот момент Эрик, казалось, позабыл о ней, он уже сошел на берег.

Сердце Рианон отчаянно забилося, когда она увидела женщину, пробирающуюся через толпу. Ее волосы были чернее ночи и доходили ей до талии; она была гибка и тонка, как молодой олень. Она звала Эрика по имени.

Рианон окоченела и думала, что она еще никогда не ненавидела его так сильно. Зачем он привез ее сюда? Чтобы она была свидетельницей его нежного соединения с его ирландской возлюбленной? Ее снова затошнило.

Женщина приветствовала Эрика с нежностью; даже в потемках она была очень красивой. Она его обнимала и свободно говорила с ним.

— Рианон, пойдем, — позвал ее Мергвин.

— Я... я не могу! — прошептала она.

Эрик наконец-то оглянулся на нее, вернулся на корабль и подошел к ней. Прежде чем она что-то сообразила, он взял ее за руку и потащил вперед, а потом поднял на руки, перенес на ирландский берег и поставил перед темноволосой женщиной.

— Рианон, это Эрин Дублинская. Мама, это Рианон, моя жена.

Женщина с эбонитовыми волосами улыбнулась, и, увидев ее поближе, Рианон поняла, что она была, не так уж и молода, хотя трудно было понять, сколько ей лет. Ее глаза блестели, как зеленые изумруды, ее улыбка была приветливой.

— Добро пожаловать, Рианон! Для нас это тяжелое время, но мы сделаем все, чтобы тебе было хорошо. Мы, ирландцы, славимся своим гостеприимством, как ты знаешь. Это дом моего сына, и теперь он твой, и все, что в нем есть, — все в твоем распоряжении. — Она сжала руки Рианон, а потом одарила улыбкой своего сына. — Эрик, она прекрасна сверх всяких ожиданий, и я осмелюсь сказать, что ты не стоишь ее ни капельки. А сейчас, пожалуйста, пойдем. Боюсь, что вас слишком долго не было дома.

Но тут Эрин Дублинская увидела Мергвина, который стоял в стороне. Они не сказали ни слова, но она пришла в его объятия, и они долго стояли обнявшись. А когда отступили друг от друга, у Эрин на глазах были слезы. Но она взяла Рианон за руку и снова улыбнулась.

Рианон заговорила мягко и быстро, хотя редко говорила по-ирландски.

— Миледи, я сожалею, что нам пришлось приехать в такое время. Ваш отец, по-видимому, был любим всеми, он великий монарх, и я буду молиться за него и за всех вас.

— Благодарю, — сказала Эрин.

Она не отпускала руку Рианон, пока они шли мимо стен к замку, выстроенному из массивных камней. У стен города были выложены дорожки из камня. Каменные стены тоже были удивительны, ничего подобного Рианон не видела ни в Англии, ни в Уэльсе.

— Вот здесь у него случился удар, — тихо рассказывала Эрин своему сыну. — Я знаю, многие думают, что мне следовало отвезти его в Тару, чтобы он умирал там, но я в отчаянье собирала всех родственников. Он в основном спит, но иногда просыпается. Иногда ему лучше, а порой становится хуже. Он осознает, что уходит, и он часто говорит о своей последней воле. Я не могла рисковать: он мог умереть в дороге.

Эрик ответил матери, что она поступила правильно. Рианон почувствовала себя чужой

им, хотя рука Эрин оставалась в ее руке. Рианон шла за ними дальше. Когда они вошли в замок, то попали в громадный, величественный зал; казалось, там находилось, по крайней мере, человек сто. Они расступились, когда Эрин вошла. В центре зала они подошли к кровати, покрытой вышитым бельем. На ней покоился очень старый человек с белоснежными седыми волосами и морщинистым лицом. Его глаза были закрыты. Эрин остановилась, и Эрик быстро выступил вперед. Опустился на колени и взял длинные худые руки старика в свои. Рианон смутно видела, что по другую сторону кровати стояла монашка, низко наклонив голову в молитве. Рианон вздрогнула, увидев в голове кровати мужчину, так похожего на Эрика, что это мог быть только Олаф Белый, из Вестфальдского дома в Норвегии, король Дублина и отец Эрика.

Время пощадило этого человека, так же как и его жену. Его золотые волосы хотя и подернулись сединой, но он стоял такой же высокий, как и его сын, с огромным размахом плеч и приятными красивыми чертами лица. У него были такие же голубые глаза, как у Эрика. Они взглянули на Рианон, и на секунду у нее перехватило дыхание. Он слегка улыбнулся и кивнул ей головой; она поняла, что он определил, кто она, и приветствовал ее.

В зале было много других людей. У ног Финнлайта стоял высокий человек с темными волосами и зелеными глазами, который чертами лица напоминал Эрин, но был старше. Рядом с ним был еще один темноволосый человек, но у того были голубые глаза, и он был похож на ее мужа. По всему залу стояли мужчины и женщины, и Рианон вдруг показалось, что все они родственники.

Она слышала латинские молитвы и увидела, что все молятся. Далеко от постели Финнлайта стоял священник, и слова его звучали монотонно. Наступила тишина, затем послышалось шарканье ног: люди выходили из зала. Раздавались всхлипы и рыдания детей, но через мгновение опять стало тихо.

Тогда Финнлайт открыл глаза, и на его лице появилась улыбка. Он посмотрел на Дублинского короля. Его голос был тихий, но уверенный.

— Олаф, это ты здесь?

— Да, Аэд Финнлайт. Я всегда здесь.

— Он мне был таким же сыном, как и все остальные, не правда ли, Найол? — спросил он человека, стоящего в ногах кровати.

— Да, отец. Он мне был братом. Тогда старик посмотрел на Эрика.

— Волк, внук мой? Эрик, ты приехал? Теперь ты не оставишь меня. И ты также не оставишь Ирландию. — Внезапно он поморщился от боли, и Эрин закусила себе руку, опасаясь, что может закричать; Финнлайт закрыл глаза и заговорил снова:

— Да поможет нам Бог, потому что между королями будет война! Мир, которого я добивался все эти годы, — такая хрупкая вещь! Королевство перейдет к Найолу, не потому что он — мой сын, а потому, что нет более достойного человека. Все эти годы, Олаф, я был силен потому, что ты был рядом. И именем Бога я молю, чтобы ты поддерживал моего сына!

— Аэд, ведь нас связывает клятва, которая была дана столько лет назад, — сказал Олаф. — Теперь ты можешь отдыхать спокойно. Стены Дублина навсегда станут крепостью для Найола. Мои сыновья, твои внуки, всегда поднимут свои мечи, как ты завещаешь, и станут ему войском. А я и правда, Аэд, отец мой, твой сын.

Глаза Финнлайта, казалось, заблестели от слез. По-том остановились на Рианон. Финнлайт высвободил руку из руки Эрика и потянулся к ней. От неожиданности Рианон растерянно посмотрела на Эрин.

— Пожалуйста, — прошептала Эрин. Рианон шагнула вперед. Пальцы Финнлайта сомкнулись на ее ладони с удивительной силой.

— Прости меня, — прошептал он горячо. — Прости меня, прости меня. Я любил тебя тогда, как и всегда, сильно! Очень сильно!

Было ясно, что он принимал ее за кого-то другого, но за кого?

Потом наступило молчание. Испуганная Рианон стояла тихо. Взгляд его стекленел.

— Клянусь Богом, — продолжал он, — я никого так не любил! Но всегда были интересы страны, ты видишь. И война. И я вынужден был сделать, что сделал. — Он замолчал и соединил руку Эрика с ее рукой. Рианон хотела вскрикнуть и отдернуть руку, но почувствовала строгий взгляд синих глаз мужа. — Я знаю, — говорил Финнлайт, — такие вещи женщинам не понять. Я знал его силу и молился, чтобы ты простила меня. Я молился, чтобы ты полюбила его, потому что, пока вы вместе — будет мир. Я сделал это для Ирландии, ты должна понять. Скажи мне, дочь моя, что ты прощаешь меня!

Рианон почувствовала, как жгучие слезы скатились с ее ресниц. Взмолнованный взгляд умирающего преследовал ее. Эрик крепче сжал ее руку и поспешно прошептал:

— Скажи ему! Черт тебя побери, скажи ему то, что он хочет услышать!

— Я прощаю тебя! — выкрикнула она. Она высвободила свою руку, коснулась щеки старика и заплакала.

— Конечно, я прощаю тебя, — сказала она. — Я люблю тебя. И все, что ты думаешь, правильно, и теперь все прекрасно — ты не можешь представить, как хорошо. Но ты должен отдохнуть и знай, что я люблю тебя и прощаю тебе все, и никогда еще не было такого короля...

Его глаза снова закрылись. Эрин оказалась рядом с ней.

— Благослови тебя Бог, дитя мое, — тихо сказала она, а потом обратилась к сыну:

— Эрик, отведи свою жену в комнату, а потом приходи. Говорят, он не переживет этой ночи.

— Как прикажешь, мама, — сказал Эрик.

Он поцеловал ее, потом взял Рианон под руку и повел в комнату, шагая широко, так что она с трудом поспевала за ним. Он не сказал ей ни слова, пока вел ее по величественному каменному замку вверх по лестнице и по коридору. Они свернули в другой коридор и пошли налево, а потом Эрик распахнул дверь и подтолкнул ее внутрь.

Резная деревянная кровать была огромна. Сундуки в комнате были тяжелые, а гобелены, висящие на стенах, изображали сцены войны. На двух деревянных столах стояли кубки и большой кувшин, таз для умывания. Камин был в дальнем углу комнаты, и перед ним лежала пушистая шкура огромного белого медведя. Меха покрывали постель, а на стенах было развешено оружие — меч, большой лук, несколько пик и щит с эмблемой Волка.

Она продолжала рассматривать комнату, а потом оглянулась на Эрика. Он, не сводя глаз, следил за ней.

— О чем... О чем твой дед говорил со мной? — шепотом спросила она. — За кого он меня принял?

— Извини, у меня нет времени говорить с тобой, — коротко сказал Эрик. — В замке много слуг. Кто-нибудь скоро придет с едой и напитками и выполнит все твои требования.

Он все еще смотрел на нее. Он не казался холодным, но был каким-то далеким, и она неожиданно поняла, что он страдает, но не хочет показать этого. Ей захотелось прийти ему на помощь.

Он приволок ее сюда силой. Он не обращал внимания ни на нее, ни на ее чувства. Ему нужно было только, чтобы она подчинялась ему, чтобы выполняла все его прихоти.

Она отвернулась, слезы жгли ее глаза. Она не может его любить! Она не может так легко поступиться своей гордостью. Он постоянно ее использовал. Он угрожал ей. И он ничего от нее не получит.

— Все будет в порядке, — холодно сказала она.

И все же он медлил уходить. Но минуту спустя она услышала, как затворилась дверь.

Она села на кровать и зарыдала. Она не могла понять, плачет ли она из-за обиды на Эрика, из-за Эрин, из-за Финнлайта, а может быть, из-за всей Ирландии.

Со временем слезы ее высохли. Девушка по имени Грендал вошла в комнату, неся жирное мясо и теплый мед. Девушка заверила ее, что ванну совсем нетрудно приготовить, и тут же вошло несколько слуг с резной бадьей и ведрами с водой. Те же слуги быстро вынесли все, когда она была снова одета в новую ночную рубашку из прекрасно вышитой ирландской материи. Грендал спокойно оставила ее одну, и Рианон забралась на массивную постель и уснула.

Спустя некоторое время Рианон проснулась. Она поняла, что не одна в комнате. Эрик сидел перед камином, вытянув ноги, обхватив свою золотую голову руками. Огонь горел неровно, в камине потрескивало, но он не издавал ни звука. Рианон села. Она напонила себе, как он был холоден с ней и груб, когда вез ее сюда, но

Все-таки поднялась с постели, вспоминая его любовный шепот у реки. Она может презирать его, но все равно было что-то, что связывало их вместе. Она встала, нашла кубок с медом и принесла ему. Она встала на одно колено рядом с ним, предлагая ему напиток. Вздвогнув, он повернулся к ней. Он взял мед, внимательно и устало посмотрел на нее:

— Что тебе нужно, Рианон?

Она остолбенела, отодвигаясь от него.

— Что мне нужно? — повторила она за ним.

— Да, — сухо сказал он. — Когда ты так подходишь ко мне, то всегда с какой-то целью.

Она быстро и грациозно поднялась, готовая повернуться и уйти, но он схватил ее за руку и задержал.

— Ты не поедешь домой, — сказал он ей.

— Я и не просилась домой, — холодно ответила она. Он посмотрел на нее, потом кивнул головой и снова уставился отсутствующим взглядом в огонь.

— Его больше нет, — тихо прошептал он. — Аэд Финнлайт покинул нас, ушел, как уйдет мир, который длился несколько десятилетий.

— Мне очень жаль, — сказала она тихо.

Она чувствовала его боль и хотела облегчить ее.

Он отпустил ее руку.

— Иди в постель, Рианон.

Но она продолжала стоять в нерешительности.

— Я могу чем-то...

— Иди в постель, Рианон. Я хочу побыть один.

Поняв, что он в ней не нуждается, она отвернулась.

Забравшись в постель, она стала думать, каким он был, когда был еще маленьким мальчиком. Вскоре она снова задремала.

Перед рассветом она проснулась. Он лежал рядом с ней. Она свернулась калачиком у

его груди, и больше ей не было холодно.

Рианон не могла отодвинуться от него. Утомленный, он спал, а ее волосы оказались прижаты его спиной. Она попыталась тихонько вытащить их из-под него и поняла, что ее легкое движение разбудило его. Он посмотрел на нее.

— Прости меня, я сделал тебе больно.

Он встал обнаженный. Она следила за ним, и ей хотелось сказать ему что-нибудь, но она не успела, потому что он быстро оделся и вышел, хлопнув дверью.

Она легла, но уже не могла уснуть. Несколько позднее вошла Грендал, неся воду и мед, но ей не хотелось ни есть, ни пить. Она просто не знала, что делать, поэтому оставалась в постели Эрика все утро.

Позднее, когда наступил день, она вышла в коридор, завернула за поворот и добралась до лестничной площадки. Из огромного зала внизу слышались рыдания и причитания. Не желая быть навязчивой, она поспешила уйти. Ей пришлось остановиться, потому что весь коридор заполнил собой высокий и широкоплечий мужчина. В потемках она беспомощно сощурилась и подумала, что это Эрик, но потом поняла, что это был его отец, король Дублина собственной персоной. Настоящий викинг, пронеслось у нее в мозгу. Ну конечно, Эрик не мог не рассказать, что она питает такую ненависть к этому человеку.

— Почему ты уходишь? — спросил он ее.

— Я... — Она посмотрела на него беспомощно. — Я... мне не хотелось быть навязчивой, милорд.

— Ах, Рианон! Ты — жена моего сына и, следовательно, моя дочь, и в такую минуту не можешь быть навязчивой. Тебя примут с радостью. Мой тесть понял это, когда расставался с жизнью, он потянулся к тебе, и ты ответила ему то, что он хотел услышать. Пойдем, возьми меня под руку. Эрик внизу.

Он коснулся ее легонько, но она отстранилась, покачав головой, обьятая неожиданным страхом.

— Вы не так меня поняли, милорд.

— Ах! Ты не можешь принять руку викинга, даже если он уже давно живет на этом берегу?

— Нет! — выкрикнула она, но потом увидела, что легкая улыбка играет на его лице.

— Дело не в этом. — Она помолчала: как ей сказать королю, что его сын вовсе не хочет быть с ней вместе? — Я... Я не думаю, что Эрик...

— Моя леди Рианон... дочка! — поправился он. — Пойдем, возьми меня за руку. Ни один мужчина не станет тащить женщину через море, если не нуждается в ней.

— Но...

— Пойдем, — сказал он, легонько подталкивая ее.

И все же даже это легкое подталкивание было командой, и она взяла его под руку. Спускаясь по лестнице, она удивлялась, как легко эти люди могут сломить ее волю: и тот, за кого она вышла замуж, и его отец, с этим благородством манер, сквозь которые видна сила.

Когда они сошли вниз, он подвел ее к постели Финнлайта. Покойный монарх был одет со всем великолепием, в королевский плащ голубых и малиновых цветов с эмблемами и гербами Ирландии и Тары, золотой крест покоился на его груди. Она поклонилась вместе с викингом — королем Дублина и прочла молитву, а когда поднялась, ее рука все еще была в руке ее свекра. Мужчины, ирландские короли, подошли, чтобы поговорить с Олафом Белым. Он представил Рианон им всем как свою новую дочь, и каждый приветствовал ее и отдал ей

дань уважения, как должно королеве. Ее повели в зал, где их ждал обед, и Эрин, с залитым слезами прекрасным лицом, подошла к ним. Она отвела Рианон к высокому помосту, на котором стоял стол, поперек длинного ряда столов, и прежде чем Рианон усадили, она почувствовала, что ее снова кто-то взял за руку, и быстро обернулась. Это был Эрик, одетый так же, как его отец, в малиновый плащ, опушенный горностаем, с эмблемой волка Вестфальдского королевского дома и гербом королей Тары.

— Спасибо, мама. Я позабочусь о своей жене, если позволишь.

Его слова, обращенные к матери, были такими нежными, сказаны были с такой любовью. На нее же он только что не рычал. Он усадил ее между собой и отцом, и хотя она разделяла кубок с ним, со своим мужем, единственный, кто обращал на нее внимание, разговаривал с ней, был свекор. Когда обед закончился, Эрик снова повел ее вверх по лестнице, открыл перед ней дверь и втолкнул ее в комнату. Она стремительно обернулась и увидела, что он вот-вот закроет дверь и оставит ее одну.

— Эрик, — позвала она.

— В чем дело?

— Я просто...

Она замолчала и глубоко вздохнула. Она вспомнила, как убеждал ее свекор: ни один мужчина не потащит женщину через море в незнакомую страну, если он не желает, чтобы она была с ним вместе.

Она опустила глаза и тихо сказала:

— Мне больно видеть, как ты страдаешь.

Некоторое время он стоял тихо. Потом снова вошел в комнату, закрыл дверь и подошел. Взяв ее за подбородок, он заставил Рианон смотреть ему в глаза.

— Тебе больно видеть, как я страдаю? Почему это, леди? Я думал, что ваше сокровенное желание — видеть, как я варюсь в кипящем масле!

Она вырвалась.

— Конечно, я просто забыла об этом. Пусть будет так, как есть!

Он промолчал, но ей показалось, что тень улыбки легко скользнула по его лицу. Ей захотелось подбежать к нему, но она осталась на месте.

— Да, я переживаю смерть моего деда, — сказал он ей тихо, улыбка его пропала, но взгляд стал нежен. — Но ты не можешь понять ужаса всего происходящего. Дед был как бы опорой этого острова, на нем все держалось. Он был олицетворением Эйре. Он был... видишь ли, почти как Альфред. Он был очень старым, ему было больше девяноста лет, и он прожил великую и прекрасную жизнь. Он будет хорошо принят на небесах, и норвежцы, которых он знал, приготовят ему место за столом Вальхаллы. — Он помолчал, а потом подошел к ней, и вся его нежность пропала. В его глазах загорелся ледяной блеск, когда его пальцы пробирались сквозь ее волосы. — Мой отец силен, мои братья и я — также, и теперь мы должны обратить эту силу на помощь моему дяде Найолу Ольстерскому. Ты понимаешь, что это значит?

— Ты делаешь мне больно, — сказала она ему.

— Будет война, — продолжал он. — И ты останешься здесь, под защитой этих стен, пока она не закончится.

Он не отпускал ее, ждал протеста. Она спокойно посмотрела на него.

— Милорд, вы тянете меня за волосы!

И тогда он наконец отпустил ее, развернулся и ушел.

Камин угасал. Рианон стало холодно, и она легла в кровать своего мужа.

Было уже поздно, когда он вернулся. Устало сел в кресло перед камином и уставился на огонь.

Она молча наблюдала за ним. Казалось, прошла целая вечность. В его лице было напряжение, в глазах — боль. Ее свекор был не прав. Конечно, он не любит ее, а теперь здесь даже не хочет быть с ней рядом.

Но она влюбилась в него, несмотря ни на что...

Она встала и подошла к камину. Он встретился с ней взглядом и удивленно поднял бровь.

Конечно, он ее отвергнет. Ей нужно уйти.

Но она не сделала этого. Она развязала пояс вышитой ночной рубашки и позволила ей мягко опуститься к ее ногам. Еще медленнее она подошла к нему, отвечая на его взгляд, опустилась перед ним на колени, взяла его руки в свои и нежно поцеловала.

У него вырвался крик, он вскочил, поднял ее на руки и бросил на кровать. Он долго и страстно ласкал ее, и она отдавалась ему, покорно выполняя все его желания.

В конце он крепко прижал ее к себе. Эрик молчал и только гладил ее тело, покрытое каплями пота. С ее губ готовы были сорваться слова: «У нас будет ребенок». Она уже открыла рот, чтобы произнести их, но не могла. Потому что почти спала.

Утром он поднялся и оделся задолго до того, как она открыла глаза. Утомленная, сонная, она увидела, что он стоит над ней.

— Ты не поедешь домой! — резко и поспешно заявил он.

— Что? — прошептала она, удивляясь перемене, произошедшей в нем.

— Ты не поедешь домой!

— А я и не просила...

— Всегда, когда ты соблазняешь меня, ты о чем-нибудь просишь. Ты требуешь платы, как продажная девка! Ты...

Он отшатнулся, потому что она в ярости запустила подушку ему в лицо.

— Рианон, я не буду тебе ничем платить. И не буду делать этого больше, так и знай.

Она прикрыла грудь мехом со всем возможным спокойствием и с гордостью сказала:

— Я ничего у тебя не прошу. Совеем ничего, милорд! Мне просто хотелось дать тебе что-то прошлой ночью, но можешь не беспокоиться, больше ты ничего от меня не дождешься!

Он потянулся к ее лицу. Она хотела отвернуться, но его пальцы двигались так нежно по ее щеке, что она застыла.

— Благодарю за поправку, миледи, — тихо сказал он, и в его голосе было тепло. — Я... я благодарен тебе.

И он слегка поцеловал ее. А потом ушел. Она продолжала смотреть ему вслед, а потом упала на постель. Она никогда не знала, чего от него ждать.

Утром Грендал снова прислуживала ей, а потом она оделась и задумалась, ждать ли ей Эрика или стоит самой спуститься вниз.

Вероятнее всего, Эрик за ней не придет.

В полдень послышался стук в дверь. Смущенно улыбаясь, вошла монашка, которую она видела у постели Финнлайта в первую ночь.

— Я — Биди, сестра Эрин, — представилась она, взяла руки Рианон и поцеловала ее в щеку. — Для нас всех настали тяжелые времена! Если бы ты знала его, ты бы тоже полюбила

моего отца!

— Я уверена, что полюбила бы, — вежливо ответила Рианон.

— Ты правильно поступила с отцом.

— Правда?

— Конечно, — раздался голос из открывающейся двери.

Там стояла Эрин Дублинская, которая смотрела на свою сестру, а потом слегка улыбнулась Рианон.

— Ты, должно быть, была ужасно смущена, когда отец обратился к тебе таким образом?

— Я... — Она замялась, не решаясь больше ничего говорить. «Ваш отец прочел то, что было у меня в мыслях и в сердце!» — хотела она сказать, но промолчала, потому что Эрин быстро продолжала.

— Видишь ли, он подумал, что ты — это я.

— Простите, миледи? Биди тихонько рассмеялась.

— Да, теперь смейся! Но эта святая сестричка моя однажды вошла в сговор с моим отцом...

— Не было никакого сговора! — запротестовала Биди.

— Ну да! — сказала Эрин. — Они обманом выдали меня замуж. Я бы лучше вышла замуж за карлика, за гнома или огромного безобразного медведя, чем за викинга, — объяснила Эрин. — Но, видишь ли, тогда была война, ужасная кровавая война, и отец с Олафом заключили мир, а залогом этого мира стала я.

— О! — воскликнула Рианон. — Вы кажетесь так... такой...

Эрин довольно улыбнулась, взяв Рианон за руки и принуждая ее опуститься на край кровати.

— Ни одна женщина не была так недовольна своим замужеством или своим мужем. Годы обошлись со мной не слишком беспощадно, но все начиналось не так уж гладко.

— Было трудно, — начала рассказывать Биди. — Видишь ли, Эрин и Олаф знали друг друга. Эрин в золотых доспехах разъезжала по всей стране и сражалась со своим будущим мужем.

— Биди!

— И это еще не все, кое-что отец никогда не узнал, — возбужденно сказала Биди.

— Рианон, я еще раз хочу поблагодарить от всего сердца за то, что ты сказала моему отцу.

— Пожалуйста, не нужно меня благодарить. Я... мне так жаль, что он оставил нас.

Эрин вскочила на ноги и нервно зашагала по комнате.

— А теперь, когда его не стало, все эти люди, которые так почитали его, готовят войну против моего брата!

— Я не могу понять, — сказала Рианон. — Зачем им это надо?

Эрин покачала головой.

— Я не знаю. Я, наверное, никогда их не пойму. Еще когда я была ребенком, среди королей всегда шли войны. Когда началось вторжение викингов, отец помирил их чтобы вместе отразить врага. А теперь... они снова начнут воевать. Боже, помоги Найолу! — Она повернулась вокруг. — У тебя есть все, что тебе нужно? Все в порядке? Твои сундуки доставили уже с корабля?

— Конечно же, миледи, доставили. Спасибо.

— Миледи? — Она широко улыбнулась, ее изумрудные глаза засверкали, и снова

Рианон подумала, что она — необыкновенно красивая женщина. — Я теперь — твоя свекровь. Не нужно быть такой церемонной. Ну, а теперь я прошу меня извинить, потому что мне еще за многим нужно присмотреть. — Она направилась к двери, а потом остановилась и оглянулась. — Биди, может быть, ты познакомишь Рианон с семьей, будь добра. Вчера было не до этого, но сегодня... жизнь продолжается. — Она улыбнулась Рианон. — Я рада, что Эрик нашел тебя. Он стал почти бродягой, ходил в походы с викингами в далекие страны, и я действительно рада, что он нашел такую прекрасную молодую жену-христианку. Поверь, я от всего сердца принимаю тебя в свою семью!

Она ушла, а Биди предложила Рианон спуститься и познакомиться с семьей.

Рианон последовала за ней. В зале на смертном одре лежал Финнлайт, которому родные воздавали последние почести. Множество людей в роскошных одеждах, в плащах с начертанными на них гербами и эмблемами, стояли около него в беззвучной молитве. Рианон не видела своего мужа.

Уже под вечер Биди провела Рианон по замку короля Дублина. В комнате против главного зала она наконец-то мельком увидела Эрика. Он сидел с большой группой мужчин, его братьев и дядьев, и они о чем-то горячо спорили. Биди провела ее дальше. В девичьей, светлой комнате для шитья, какая-то красивая девушка с такими же темными волосами, как у Эрин, вскочила на ноги и побежала им навстречу.

— Тетя Биди, наконец-то вы привели ее к нам! Я была так заинтригована вчерашней встречей. Ты меня помнишь? Ты уже запомнила нас всех? Я — Дариа, самая младшая в роду, сестра Эрика. А это мои сестры — Меган и Элизабет. Ты уже с нами встречалась. А мальчишки — Лейф, ты могла его видеть прошлой ночью у постели деда, и еще Брайан, Конон, Конор и Брюс. Проходи, пожалуйста! Расскажи нам об Альфреде, об Англии и об этом ужасном Гутруме. О, пожалуйста, проходи и не стесняйся. Мы и сами совсем не стеснительные, как видишь! — Она засмеялась, и Рианон сразу же была очарована ее искренностью и непринужденностью.

— Ну, я могла бы рассказать немножко, — начала она.

— Ты ведь из рода Альфреда, не так ли? — прервала ее Дариа.

— Я — его кузина.

— Расскажи нам что-нибудь, пожалуйста. Мы все так горюем о смерти нашего деда, что нам хотелось бы перенестись в какую-нибудь далекую страну!

Рианон оказалась окруженной женщинами — тетками-ми, сестрами и золовками Эрика, и ей пригодился ее талант рассказчицы. Она повторила им легенду о Линдерсфарне, потом принялась рассказывать о благородстве и героизме Альфреда. Когда она закончила, Дариа потребовала рассказать, как это Эрику удалось похитить ее.

— Прямо скажу, против моей воли, — спокойно призналась Рианон. — Он пришел как викинг, забрал мою усадьбу и земли, и Альфред решил, что нам нужно пожениться.

Наступило неловкое молчание. Она сказала это легко, почти шутя, и все же они все пристально смотрели на нее. Она их обидела, и теперь жалела об этом.

Но потом она поняла, что они все смотрели в направлении двери. Она повернулась и окаменела: там был Эрик, который пристально смотрел на нее. Удобно прислонившись к косяку и сложив руки на груди, он наблюдал за ней.

— Она прекрасно рассказывает легенды, правда? — вежливо спросил он у всех. — Увы, любовь моя, полагаю, что ты упустила часть истории. Моя жена просто героиня. Видите ли, когда мы приехали и прежде, чем я мог что-либо понять, я уже носил в бедре стрелу моей

прекрасной жены. Я вас уверяю, что ни один викинг не сможет совладать с такой прекрасной девушкой.

— Ты... ты стреляла в Эрика?! — воскликнула Дариа. Рианон покраснела.

— Я не хотела...

— Ой, Эрик! — засмеялась Дариа, вскочила на ноги и обняла своего брата.

Рианон видела, что их отношения непринужденны и ласковы. Он никогда не улыбался ей так, подумала она с горькой завистью.

— Я вижу, что ты прекрасно оправился от этой раны, — сказала ему Дариа.

— Сестренка, — нахмурился он притворно. — У меня на теле остался ужасный шрам.

— Ну, у тебя полно шрамов! — Она подмигнула Рианон. — Ты и вправду выпустила в него стрелу?

— У нее была прекрасная цель, — сказал Эрик, — а вот здравого смысла и преданности не слишком много. Но сейчас, если вы позволите, я заберу ее на некоторое время. Рианон?

Она поднялась, жалея, что у нее сейчас не было в руках лука. Как он смел говорить такие вещи своим сестрам и тетям?

Она пошла к двери, а потом остановилась прямо перед ним.

— Увы, милорд. А чего же вы хотели от меня? Если моя преданность ставится под сомнение, тогда и цель моя тоже была сомнительной. В будущем поостерегитесь, Повелитель волков. Мои цели могут измениться вместе с количеством здравого смысла. И, если бы у меня его было несколько больше, мы наверняка не поженились бы, потому что именно то количество и потребовалось, чтобы довести это дело до конца.

Дариа, услышав эти слова, расхохоталась. Эрик изучающе посмотрел на Рианон и медленно оскалился в улыбке. Потом шагнул вперед, взял ее на руки и легко перекинул через плечо.

— Извините, леди, но мне нужно разобраться со своей своенравной женой.

Поклонившись, он вышел и вынес ее из девичьей, неся через зал, не обращая ни на кого внимания. Задыхающаяся Рианон не могла сопротивляться.

Потом она поняла, что снова стоит на ногах. Они оказались во дворе. Там везде были люди, которые седлали лошадей и надевали на них попоны цветов своих королей и принцев. Рианон хотела было отругать Эрика за такое грубое обращение, но не сказала ни слова, рассматривая все происходящее вокруг.

— Что?..

Он пристально посмотрел на нее.

— Уже было нападение на Ольстер в отсутствие Найола, — сказал он ей.

— Ты... Вы выступаете в поход сейчас же? — спросила она с удивлением. — Тело твоего деда еще не успело остыть!

— Мы проводим тело деда в Тару, а потом поедem к Ольстеру, — сказал он. Он скрестил руки на груди, и глаза его блеснули. — А ты останешься здесь, под присмотром моей матери, до моего возвращения.

Она открыла рот, чтобы ответить ему, но потом закрыла его, потому что увидела, что через двор шел Рауен с другими людьми из Уэссекса. Она взглянула на Эрика, с трудом справляясь с дыханием.

— Рауен тоже едет с тобой?

Он, казалось, вздрогнул от вопроса, а потом хмыкнул:

— Да, он сам захотел.

— Он не должен... Он не должен сражаться за чужую землю!

Он неожиданно крепко прижал ее к себе.

— Ты ждешь его возвращения, а не моего? Увы! Я вижу, что это правда, но ты ведь никогда и не притворялась, что желаешь мне чего-то иного, чем датский топор. Но, леди, ты должна помнить всегда, что ты — моя жена, и ты запомнишь меня навсегда!

Она попыталась освободиться, ей было больно от его объятий. Ее упрямство не позволяло сказать ей, что она любит его, что ее забота о Рауене была только хитростью, чтобы спасти свою гордость. Она не могла сказать ему, что, если он не вернется, ей мир будет не мил, она даже не могла сказать ему о ребенке.

— Эрик...

Он поднял ее на руки, накрыл ее губы своими и страстно целовал, приводя ее в восторг. Потом отпустил ее, но с такой неохотой, как будто что-то не доделал.

— Эрик, — прошептала она. — Ты должен смотреть, чтобы...

— За Рауеном? — прошипел он яростно.

Она вскрикнула, когда он стремительно поднял ее на руки. Она прижалась к нему, а он шагал широко и быстро, потом стал стремительно подниматься через две ступеньки по лестнице и, наконец, принес ее в комнату. Там он бросил ее на постель, и прежде чем она успела подняться или оказать ему сопротивление, он опустил на нее всем своим телом.

— Прекрати, ты, викинг!.. Негодяй! — в испуге закричала она, но ничто не могло остановить его.

Он задрал подол ее платья и начал быстро раздеваться сам. Она снова закричала, в ее голосе послышались истерические нотки.

— Эрик!

Наконец что-то в ее голосе остановило его. Он успокоился, скатился с нее и лег рядом, что-то пробурчал, но она не поняла, что. Он хотел уйти, но она не могла позволить ему это. Ее щеки стали влажными от слез.

Она почувствовала, что он поцелуями смахивает эти слезы и поцелуи были такими нежными. Она сильнее прижалась к нему, почувствовав, что внутри у нее зашевелился ребенок. Его губы нашли ее губы. Она хотела его. Желала его с такой возрастающей силой, которая заполнила ее сердце, живот, всю ее.

— Леди, ты меня будешь помнить! — тихо прошептал он ей на ухо.

Она почувствовала, как его охватывает дрожь. Слегка застонав, она подалась ему навстречу, прижав свои губы к его губам, прижимая его к себе сильнее и сильнее, призывно шевеля бедрами.

— Рианон...

Ей не хотелось говорить. Она спрятала свое лицо у него на шее.

— Пожалуйста, — пробормотала она нежно.

Ей больше ничего не нужно было говорить. Он уже был в ней, и она еще теснее прижалась к нему, начиная движение. Тогда и он начал двигаться, и с каждым толчком он все глубже входил в нее, и через секунды она почувствовала, как его неистовое желание совпадает с ее. Он так любил ее, как будто хотел оставить ей память об этом на всю жизнь, а она так любила его, как будто это чувство могло уберечь его на войне. Она вскрикнула, когда оргазм опалил ее и почти лишил сознания. Она лишь чувствовала его содрогания.

Они лежали тихо, не шевелясь, целую вечность. По-том он обнял ее и прижал к себе.

— Запомни меня, — снова прошептал он.

Она открыла глаза и постаралась улыбнуться, но не смогла. Она хотела сказать громким голосом, но почему-то раздался ее шепот:

— Конечно, милорд, я не смогу забыть вас. Я... Я собираюсь родить тебе ребенка.

— Что? — Все еще лежа на ней, он приподнялся, всматриваясь в черты ее лица. Она судорожно вдохнула.

— У нас будет ребенок.

— Ты не обманываешь меня? Наконец она улыбнулась.

— Милорд, мне трудно поверить, что вы сами об этом не догадались. По некоторым переменам...

Тогда он быстро освободил ее от своего веса, поправил платье, нежно поцеловал в щеку.

— Дурочка маленькая! — воскликнул он. — Почему же ты позволила мне?..

— Позволила? Милорд, разве можно было вас остановить? — с вызовом бросила она, а потом поспешно добавила. — Эрик, я тоже, тоже хотела тебя. Это не причинит вреда ни мне, ни нашему младенцу!

Он потрогал ее щеку, а потом снова поцеловал.

— Будь осторожна. Ты должна строго соблюдать осторожность.

Она кивнула головой. Он не имел в виду ее, он говорил, что ей нужно быть осторожной ради ребенка.

Он поднялся и взял ее на руки. Некоторое мгновение держал ее нежно и бережно.

— Да, моя любовь, будь осторожна.. — Потом он опустил ее. — Я присмотрю за юным Рауеном. Я буду следить за ним, если смогу. Не бойся.

И опять его голос был хриплый и горький. Он коснулся ее губ, а потом повернулся и зашагал прочь.

Хлопнула дверь.

Слезы наполнили ее глаза.

— Я ведь тебя люблю! — прошептала она. Но было слишком поздно. Он ушел.

Когда наступил вечер, с северного побережья подул холодный ветер. Стоя на скале в развевающемся на ветру плаще, Эрик смотрел на темную окутанную туманом даль моря. Где-то далеко лежала страна скоттов, названная Шотландией по имени племен, которые покинули Ирландию, чтобы поселиться там. Она была далеко на Севере, гораздо дальше английских королевств, которые с таким трудом защищал Альфред от нашествия датчан.

Конечно, они сильно преуспели за последние три месяца. А теперь, перед лицом тяжелой зимы, они приближались к завершению этой борьбы. Один за другим младшие короли Ирландии признавали превосходство Найола Мак-Аэда, но теперь они сражались по всему побережью за Ольстер, принадлежащий его дяде, сражались с человеком, Ларсом Мак-Коннаром, который, как и он сам, был сыном ирландским и внуком датского ярла.

Решающая битва должна произойти завтра. Далеко впереди на севере Эрик различал огни датских лагерей. Гонцы весь день скакали туда-сюда между двумя враждующими лагерями, и, наконец, решение о сражении было принято. Тот, кто победит в этот день, получит свою долю земель Ольстера. Теперь, когда вся страна присягнула Найолу, казалось, уже не было необходимости отбирать землю у Ларса. Но никто не знал лучше настроения ирландцев, чем Найол, Олаф, Эрик и его братья и кузены. Если Найолу не удастся удержать собственное королевство, он никогда больше ничего не получит. Военные раздоры последуют за этим, разрушат его королевство и принесут распри всей земле.

Все зависело от завтрашнего дня.

А потом они смогут вернуться в Дублин.

Эрик ощутил холодный порыв ветра, но внутри него горел пожар. Как он хотел вернуться!

Действительность несколько изменила его планы. После похорон деда с разных сторон надвинулись опасности. Было решено, что отправлять женщин проводить Аэда до места его последнего успокоения в Таре в сопровождении одного Эрика и охраны рискованно, и что все семейство поедет на Север с телом покойного короля и отслужит погребальные молитвы у монахов Армага.

А потом они сразу же вернутся к делам и обеспечат преданность младших королей.

Итак, у него было некоторое время...

Не слишком много времени, потому что путешествие такого множества людей было очень медленным, и он почти не имел времени, чтобы побыть с женой в течение дня. Кроме того, приходили различные послания из разных королевств. Найол признавал разных королей Ирландии и требовал в ответ, чтобы его признавали также. Дни были беспокойные.

Пришло послание и из Уэссекса. Гутрум развязал сражение у стен Рочестера. Альфред собрал большой флот, в который вошли и корабли Эрика, и атаковал датчан, предводительствуемых Гутрумом.

Он произвел хорошую чистку, захватил бесчисленные корабли и богатства. Но потом датчане нанесли ответный удар и вернули все то, что у них было захвачено.

Альфред поклялся весной напасть и выбить датчан из Лондона. Он умолял Эрика возвратиться к весне.

Эрик вглядывался в море. Все время шла какая-нибудь война.

Он вздохнул, устало прикрыл глаза и подумал, что, по крайней мере, ночи

принадлежали ему. Во время длинного, медленного путешествия в Тару все ночи принадлежали ему.

Но и тогда они с Рианон мало разговаривали. Иногда все путешественники ночевали в палатках, разбитых по дороге, иногда они находили гостеприимство в каком-нибудь ирландском поместье, и иногда, но гораздо реже, их принимали младшие короли. Но для них это не имело значения. Он слишком уставал, чтобы говорить, и она никогда не требовала этого. И тогда пришло время ему заметить в ней некоторые перемены, и он обзывал себя дураком, что не замечал этого раньше. Ее груди налились, живот начал заметно округляться. Казалось, что даже глаза блестят ярче, а щеки стали более свежими...

Но она была красива всегда. Он никогда не отрицал этого. Никогда. С того самого раза, когда увидел ее на стене. И теперь она все больше мучила его во сне, потому что уж очень много воспоминаний о ней он мог вызвать в своей памяти. В снах она приходила к нему такой, какой она пришла, чтобы утешить его после смерти деда. Приходила к нему обнаженная, гибкая, горящие золотом и огнем волосы окутывали ее плащом, придавая ей обаяние невинности и в то же время тайны. Мягкие и струящиеся, как солнечные лучи, как языки огня, пряди волос спадали на ее обнаженное тело и прикрывали, но не могли скрыть полноту ее груди, розоватые соски, изгиб ее бедер, островок страсти и тайны, покрытый вьющимися волосами в низу живота. Даже во сне он чувствовал сладостный запах ее тела и видел ее глаза, чувствовал ее плоть, когда она приходила к нему и отдавала ему всю себя. Так много она могла отдать ему. Так много скрывалось за удивительными серебристыми молниями ее глаз. Боль, которая слишком быстро выдает ее, которую она так сильно старается спрятать. Смех, который она так редко дарила ему, и буря гнева, шторм на море, ярость тигрицы. Все это было в ней спрятано, в глубинах ее характера, непостоянного, переменчивого, как рябь воды при дуновении ветра.

Только глупец мог полюбить ее...

Но он полюбил.

Он удивился, когда это произошло, когда он так переменился, когда она пленила его, вызывая не только похоть, но взяв в плен его сердце. Случилось ли это потому, что она каждый раз убеждалась, что он одерживает над ней победу, но никогда не сдавалась? Произошло ли это тогда, когда он касался ее, погружаясь в огонь ее волос, в бурю ее глаз? Было ли это тогда, когда он узнал ее ближе, узнал красоту ее сердца и ума? А может, это случилось, когда она убежала из поместья, чтобы послать стрелы с предупреждением ему?

Может быть, именно в этот день он понял, что она принадлежит ему, что, защищая ее, он будет сражаться яростно и слепо, как дикое животное. Когда в нем произошла эта перемена, когда он смог признать, хотя бы только в глубине души, что полюбил ее? Нет, то, что он чувствовал к ней, было глубже, чем любовь. Это чувство было гораздо глубже всего, что он когда-либо испытывал. Это чувство стало частью его, время от времени утихая, а потом снова просыпаясь.

Он уже познал любовь раньше...

И он узнал, какую боль она может причинить, и он всегда хорошо знал, что любовь — это обоюдоострый меч, оружие, гораздо более сильное, чем все, что когда-либо было придумано или выполнено человеком. Боже, сколько всего еще разъединяет их. Бесчисленные бесполезные смерти из-за того, что она атаковала его войско, когда он высадился на ее берег.

А сколько всего случилось с тех пор. Возможно, ее люди, уже давно лежащие в могилах,

были невинны, потому что не привидения же предупредили датчанина Рогвалда о его приближении.

Но ведь кто-то сделал это...

Если это не его жена, тогда кто-то, кто был чрезвычайно близок к Альфреду. Кто? У Рианон должно быть какое-нибудь подозрение. Она находилась под опекой Альфреда, она знала всех и знала их хорошо. Может, она защищает кого-то? А может, она и в самом деле ничего не знает?

А быть может, она все еще желает ему смерти, но научилась хитрости и терпению и спокойно ее ждет?

Нет, он не может в это поверить. Он знал, что она все еще сильно любила Рауена. Она неоднократно умоляла его присматривать и заботиться о ее людях, когда они расставались в Таре — с ним было по меньшей мере двадцать воинов из Уэссекса, — но он был уверен, что хотя она действительно волновалась за всех, но делала она это исключительно из-за Рауена.

У них будет ребенок. И если он сейчас падет на поле битвы, то хотя бы оставит после себя сына. Неожиданно он почувствовал дрожь в руках и, посмотрев на небо, начал молиться, сам не зная, какому божеству предназначались его молитвы. Он хотел жить. Он хотел жить сейчас гораздо больше, чем когда-либо раньше. Он хотел увидеть своего ребенка, будь то сын или дочь, и он хотел, чтобы им выпало прожить такую жизнь, какой он желал бы для себя. Он никогда не предаст своего дядю Найола, он всегда придет на помощь Лейфу, если Дублину будет грозить какая-нибудь опасность. Он всегда останется ирландцем, но он останется и сыном своего отца, норвежцем. Но жизнь его теперь была за морем, и душу его держала в хрупких руках Рианон. Он каким-то образом глубоко пустил корни в этой земле Уэссекса, и ничего не желал больше, чем мира, времени, которое он проведет с женой и с ребенком. Времени, которым он будет наслаждаться среди огненных и золотых прядей ее волос, держа и обнимая Рианон перед огнем камина зимой, чтобы создать их общий мир. Дни его скитаний позади, походы с викингами закончились, когда Альфред вложил в его руки руку Рианон. Сначала он думал, что просто очень хочет иметь свои земли, но это было не так. Это была женщина, которая дала ему дом.

Раздался легкий шорох позади него, и он резко развернулся, выхватив меч из ножен.

Перед ним стоял Мергвин. Эрик со вздохом облегчения опустил свой меч и снова вложил его в ножны, тихо выругавшись.

— Клянусь Одином, Мергвин, ты, как дух, появился из темноты!

Мергвину не нужно было бы быть с ним, — подумал Эрик. Аэд Финнлайт ушел из жизни, когда ему было больше девяноста лет. Мергвин был еще старше Аэда, слишком старым, чтобы сопровождать его на войне. И все же он настоял на этом.

Теперь ветер развеивал его волосы и бороду, в глазах отражался свет полночной луны, он и вправду появился как волшебник, как колдун.

— Я пришел предупредить тебя, что не все будет гладко завтра на рассвете, — сказал Мергвин. Эрик улыбнулся.

— Конечно, не все, Мергвин. Мы пойдем сражаться с сильным и удачливым воином, и будущее всей земли и домов Аэда Финнлайта и Северного Волка будет поставлено на карту.

Мергвин покачал головой.

— Эта битва открытая и простая.

Открытая и простая! — подумал Эрик. Никакая битва не бывает простой. Это всегда ужас крови, и боли, и смерти. Но за свою жизнь Мергвин был свидетелем бесчисленных

битв, и, казалось, он предвидел вещи гораздо худшие.

Старик сурово поглядел на него и подошел, чтобы сесть на скалу. Он устоял в ночь.

— Что-то и в самом деле здесь совсем не так. Я поехал с тобой в Англию, потому что чувствовал это. Я остался с твоей женой потому, что я опасался этого. И я чувствую, что это снова близко. — Он сжал кулаки. — Клянусь Одним и всеми духами неба! Я чувствую это, но не могу его коснуться. Я могу только предупреждать тебя, чтобы ты был осторожнее с тем, что явно. Увертывайся от топора, отбивай удары меча. И прежде всего, ты должен быть чрезвычайно осторожен.

Он снова поднялся. Он посмотрел на Эрика, и Эрик в ответ посмотрел на него серьезно.

— Да, Мергвин, я буду чрезвычайно осторожен. И если мне удастся остаться в живых, я попробую узнать, что за всем этим скрывается.

Мергвин кивнул головой. Он отошел было, а потом оглянулся и остановился.

— Между прочим, мой принц, это мальчик.

— Что? — резко спросил Эрик.

— Твой ребенок. Это — сын.

Мергвин исчез в темноте так же, как пришел. Эрик посмотрел ему вслед и тихо улыбнулся, но потом его улыбка исчезла.

Что это, что чувствует Мергвин, но не может коснуться?

Не могло ли какое-нибудь предательство следовать за ним по пятам из Уэссекса до этих скал?

Это невозможно. Просто будущее сражение заставляет Мергвина беспокоиться. С тех пор, как умер Аэд, Мергвин стал сам не свой.

Эрику нужно было поспать.

Но, вернувшись к своим воинам в палатку, он не мог найти себе покоя. Он дремал и метался всю ночь. Перед ним вставали видения. Видения сражений, людей с топорами и мечами. Видения, в которых она приходила к нему...

Медленно, обнаженная и прекрасная при свете полночной луны, которая освещала все изгибы ее тела.

Но она никак не могла подойти к нему. Между ними просвистел меч, и он, вздрогнув, проснулся.

Наступил рассвет. Это было время битвы.

Он оставил Александра в Уэссексе и сейчас выбрал из отцовских конюшен коня, специально выращенного для войны, крупного вороного, отличающегося большой силой и огромным запасом жизненной энергии, способного выдержать напряжение боя. Эрик вел своих людей в первый бой вместе с людьми Найола, отца и брата Лейфа. Никогда ни один настоящий король не прячется за тела-ми своих людей, учил его отец, когда они были еще детьми, и этот урок он усвоил хорошо, и в Альфреде его привлекало то, что он, подобно его отцу и деду, был королем-воином.

Сыновья Волка встретили первый лязг стали, и пролилась первая кровь.

Эрик почувствовал, что ранен в нижнюю часть бедра, но его тело прикрывала кольчуга, и удары, которые он получал в начале сражения, оставляли на его теле синяки, но не приносили особого вреда. Эрик прекрасно умел сражаться бок о бок со своими родственниками. Когда его младший брат Брайан был застигнут двумя воинами с топорами, Эрик успел приблизиться и убить одного из них. Позднее, обернувшись через плечо, он увидел, что его отец перерезал горло воину, который намеревался прыгнуть на лошадь

Эрика.

Ужасная и страшная битва продолжалась несколько часов, пока земля под ними не стала скользкой от пролитой крови. Затем Ларс протрубил отступление, и битва стала стихать.

Эрик припомнил обещание, данное Рианон, следить за Рауеном и охранять его и яростно выругался. Он уже давно не видел юношу.

— Некоторые из твоих англичан развязали сражение за деревьями! — крикнул ему Лейф, и Эрик, кивнув в ответ, поскакал в направлении рощицы. Он застал Рауена и несколько других в пылу сражения. Рауен преследовал по крайней мере четырех врагов, пытавшихся бежать.

Эрик подъехал с тыла, размахивая мечом, уложив сначала одного, а потом другого. Рауен пронзил сердце третьему врагу, а последний сумел удрать в рощу.

— Благодарю тебя, принц! — крикнул Рауен Эрику. — Осмелюсь сказать, что в самом деле мне нужна была помощь!

— Всем нам время от времени необходима помощь, мой друг! — подбодрил его Эрик. — И когда отдаешь себе в этом отчет, можешь стать настоящим воином.

Рауен опустил забрало, улыбнулся и помахал рукой. Эрик развернул коня и вернулся к хребту скалы, где собирались его отец, братья и весь его род.

Ларс предложил свои условия. Он сам присягнет Найолу, если его людям будет гарантировано прощение, а раненые вернутся к своим женщинам, и если Найол Ольстерский дарует ему небольшой кусок земли в собственное пользование.

Посол ушел. Найол пообещал все это, если Ларс даст письменную клятву верности при свидетелях и признает Найола своим верховным феодалом.

Наступила темнота. Лейф распорядился оказать помощь раненым, а мертвых собрать в одном месте для отправления похорон по христианскому обряду. Его отец, братья и близкие родственники Эрика остались в живых после сражения, и за это он благодарил небеса. Но он увидел тела многих старых друзей и сподвижников и ощутил острую боль. Он вздрогнул, увидев Ролло, который нес чье-то тело, и стремительно ринулся вперед.

Это был Рауен.

Рауен, смертельно бледный, прекрасный, молодой, с тоненькой струйкой крови, стекающей изо рта. Эрик уложил его на землю. Проведя рукой по спине, он увидел там кровь.

— Господи! Я ведь оставил его в самом конце битвы! — сказал он. — Что случилось? Клянусь, награда будет большой, если кто-нибудь сможет сказать мне!

Один из англичан выступил вперед, тяжело опираясь на меч, потому что у него была ранена нога. Это был пожилой человек, по имени Гарольд Мерсийский, часто сражавшийся бок о бок с Рауеном.

— Милорд, клянусь, что я тоже видел его живым и здоровым в конце сражения! Но датчане убегали через рощу, и Рауен преследовал их. Сир, мы не знаем, как он встретил свою смерть.

Эрик почувствовал печаль и собственную вину. Он сел рядом, охваченный гневом, смотря на людей, собравшихся вокруг.

— Он мог стать неплохим воином, — произнес кто-то.

— Мужчина умирает в сражении, такова судьба, — спокойно напомнил ему Ролло.

Эрик вскочил на ноги. Он отнес тело Рауена к телам других павших, где уже собрались

монахи. Горестно взглянув на Рауена среди них, он заплатил маленькому сморщенному монаху золотую монету, чтобы он прочитал лишнюю молитву за упокой души молодого человека.

Англичанин заслужил, чтобы его отправили домой, и похоронили в земле Уэссекской. Но Эрик не мог привезти тело Рауена домой, потому что путь займет много времени, а погода неблагоприятная. Рауен будет лежать здесь, на севере Ирландии.

Эрик отправился к своим людям и приступил к обязанностям сына Олафа и племянника Найола, после чего он вернулся на скалу и устремил взгляд на море. Ролло первым нашел его там и положил перед ним кинжал. Эрик взглянул на землю, закапанную кровью, и перевел глаза на Ролло. Этот кинжал был не кельтской работы, и на датский он тоже не был похож. Он видел такие кинжалы у саксов в Англии.

— Что это?

— Я не хотел говорить с тобой в присутствии других, — сказал ему Ролло. — Но это оружие, которым был убит Рауен. Я подумал, что нужно отдать его тебе.

Эрик посмотрел на Ролло, слегка кивнул ему и повертел оружие в руках.

— Спасибо.

Почувствовав, что Эрику нужно побыть одному, Ролло оставил его. Эрик присел на выступ скалы, как это сделал Мергвин прошлой ночью. Битва окончена. Настало время возвращаться домой.

Но теперь он боялся этого. Мергвин предупреждал его. Но к чему теперь его предупреждения? Они вели страшное сражение. Рауен сражался отважно и пал на поле сражения.

Здесь что-то было не так. Эрик просто чувствовал, что в смерти Рауена была какая-то загадка.

Сзади слышались шаги, и Эрик повернулся. Он вздохнул, когда увидел отца в лунном свете. Олаф присел рядом с ним, и долгое время они вглядывались в море.

— Мужчина погиб в битве, — сказал наконец Олаф. — Он вступил в это сражение по собственному выбору. Ты в этом не виноват.

Эрик печально улыбнулся и повернулся к Олафу.

— Но я поклялся защищать его, отец. Я в своей самонадеянности думал, что смогу уберечь его от смерти. И я проиграл.

— Никто не может уберечь никого от смерти, Эрик. Видно, такова была его судьба, и ничего с этим не поделаешь.

Эрик кивнул.

— Дело все в том, как он умер...

— Если у тебя есть подозрения относительно его смерти, ты должен все выяснить, — сказал ему Олаф. Эрик показал отцу кинжал.

— Это английская работа, не так ли? Олаф неспешно изучил кинжал.

— Он не ирландский, но это и не работа викингов, насколько я могу судить. Тем не менее викинги берут свое оружие, где только могут — и у павших врагов в том числе, и поэтому ты должен быть уверен, если подозреваешь кого-нибудь. И будь очень осторожен, смотри, кто у тебя за спиной.

— Да, отец, я буду, — заверил его Эрик.

Олаф похлопал его по спине, уходя, чтобы найти себе место, защищенное от ночного ветра. Они были очень похожи друг на друга, и казалось, что Олаф знал, что темнота ночи

успокоит смятенную душу его сына.

В холодный декабрьский день, когда Рианон сидела в девичьей с Дарией, Меган и Эрин, взволнованно слушая последнее послание от короля Дублинского о перипетиях решающей битвы, первые схватки безжалостно отозвались у нее в спине. Она вскочила на ноги, задохнувшись от приступа ужасной боли.

— Это ребенок! — воскликнула Дариа. Гонец замолчал, а Эрин улыбнулась, спокойно склонившись над своим шитьем.

— Прошу тебя, продолжай читать. Рианон, боюсь, что у нас еще достаточно времени, прежде чем ребенок появится на самом деле. Давайте послушаем сначала сладкую музыку победы, а потом мы пойдем в твою комнату и подождем появления моего нового внука.

Дариа строго взглянула на мать, но Рианон уже почувствовала, что боль начала стихать. Она снова села, а гонец прочистил горло и продолжал. Когда он закончил, Эрин спокойно спросила его:

— Мой муж не сделал специального упоминания насчет сыновей?

— Ничего, кроме того, что все с ними в порядке, миледи.

— Тогда действительно они все живы и вернутся, — тихо сказала Эрин. Потом она отложила свое шитье и повернулась к Рианон.

— Эрик вернется, Рианон. И будет счастлив увидеть своего ребенка.

Рианон быстро опустила ресницы. Действительно ли он будет счастлив? Она надеялась, что ребенок не появится так скоро. Она закрыла глаза, удивляясь, неужели действительно прошло полных девять месяцев со дня ее свадьбы. Казалось, он был уверен, что взял ее девственной, но поверит ли он этому теперь? Не будет ли он сомневаться, что это его ребенок.

Она крепко закрыла глаза, вспоминая несколько сладких недель, проведенных вместе. Такое печальное событие — похоронная процессия великого Аэда Финнлайта! Но все же для них это был первый вкус перемирия, время, когда они встречались без обоюдного раздражения, без подозрений. И если и не было слов любви, то не было и слов ненависти или ярости. И он ласкал ее груди с новой нежностью, нежно наклонял над ней голову, когда касался ее растущего живота.

Боже мой, подумала она. Не дай ему разрушить все это, пожалуйста, пусть он поверит, что это его ребенок, пусть он полюбит его, пусть полюбит и меня...

Он никогда не будет ее любить, он сам так сказал. Снова боль охватила ее, так что она задохнулась и укоризненно посмотрела на Эрин. Эрин засмеялась и сказала ей:

— Дорогая Рианон, мне пришлось испытывать это одиннадцать раз, как ты знаешь, и я уверяю тебя, у нас еще есть время!

И действительно это произошло не скоро. Эрин отвела Рианон в ее комнату, и Дариа и Меган дежурили у постели по очереди. Грендал принесла новые простыни, чтобы сменить постель и рубашку Рианон, когда отошли первые воды, которые намочили все вокруг. А время все шло и шло, и боль становилась все сильнее и сильнее.

Когда наступила ночь, она металась от безумной боли, схватки следовали одна за другой. Она старалась не плакать, а вместо этого ругалась. Она бранила Эрика на чем свет стоит и проклинала всех викингов и желала, чтобы всех их до единого поглотило море. Потом она увидела сияющие изумрудные глаза Эрин, которые смотрели на нее, и, задышавшись, попыталась извиниться.

Эрин засмеялась.

— Мой дорогая, не нужно передо мной извиняться! Поверь мне, одиннадцать раз я сама проклинала всех викингов, желая, чтобы все они утонули в море.

Она ободряюще улыбнулась, охлаждая лоб Рианон холодным компрессом, и держала ее, когда она стала кричать.

Наступил рассвет, и когда Рианон подумала, что она больше не выдержит, а умрет от страданий, изнеможения и боли, Эрин возвестила с удовольствием:

— Головка появилась! О Рианон, осталось немного. Давай, еще немного усилий! Тужься! Еще немного!

Она постаралась, но ее усилие было слишком сильным, и снова она почувствовала приступ боли.

— Я не могу! Не могу! — выкрикнула она. — Ой, я больше не могу!

— Конечно, можешь, — настаивала Дариа. — Если ты смогла ранить моего брата стрелой, ты непременно сможешь подарить ему ребенка.

— Давай теперь, тужься! — побуждала ее Эрин.

— Представь, что ты бросаешь Эрика в ледяной фьорд, — предложила Дариа.

— Дариа! — укоризненно воскликнула Эрин.

— Я просто пытаюсь помочь, мама. А теперь давай, Рианон! Вот же! Тужься!

Она послушалась, и в этот самый момент ребенок стремительно вышел из нее, и она почувствовала удивительное и огромное облегчение. Рианон откинулась на спину, слишком утомленная, чтобы спросить, какого пола ребенок. Но ей и не нужно было этого делать.

— Мальчик! О, мой самонадеянный братец будет так доволен! — нежно сказала Дариа. — Ой, Рианон, у тебя — сын!

Сын! Мергвин сказал ей, что будет мальчик. Он сказал ей об этом, когда она даже не верила, что может быть беременной. Сын! У Эрика будет сын. Все мужчины хотят иметь сыновей.

Если только не думают, что это не их ребенок...

— Вот он, Рианон! Какой он красивый!

Красивый — вопящий, завернутый в пеленку, все еще мокрый и скользкий, и сморщенный! Она засмеялась, взяв его, и что-то нахлынуло на нее, какое-то чувство, такое глубокое, что она содрогнулась и задрожала и почувствовала сразу же некое благоговение и любовь.

— Рианон, ты должна опять тужиться, — сказала ей Эрин. — Послед должен выйти. Дариа, возьми у нее ребенка. Рианон снова его скоро получит.

Она послушалась свекровь, не думая больше о боли. Ей настолько не терпелось снова взять сына, что она послушно сменила рубашку, дала переменить постель и блаженно потянулась к младенцу. Эрин велела ей дать ему грудь на несколько минут, и крошечные губки стали сосать с такой силой, что она растерялась.

Она сильно полюбила младенца. Очень сильно. Почти так же, как она полюбила его отца, несмотря на все свои протесты. Но ребенка она могла любить без страха, в то время как Эрика...

Он дарил ей страсть, защиту, огонь своих чувств в темной ночи. Но он не делился с ней мыслями, своими секретами и своим сердцем.

Пожалуйста, Господи, пусть он полюбит этого ребенка! — подумала она, а потом, утомленная, уснула.

Путь домой казался бесконечным, и все-таки в конце концов перед ним выросли стены

Дублина. Рога возвестили их возвращение, и вскоре процессия бесчисленных воинов проследовала через двор замка. Число их уменьшилось, потому что Найол остался в Таре со своими сыновьями и со своим войском, а часть тех, кто пошел на войну добровольно, возвратились по домам.

И все же во дворе царила суматоха. Его мать стояла на ступеньках, чтобы приветствовать отца. Она была похожа на девушку — красивая, свежая и молодая, когда ждала своего хозяина, как делала это много раз. Но только тогда, когда она кинулась навстречу, золотоволосый муж схватил ее на руки. Эрик разглядел, что в руках она с осторожностью держит какой-то сверток.

Стремительно спешившись и передав поводья мальчишке-конюху, он кинулся к родителям. Подбежав к Эрин, он споткнулся, и она повернулась, глаза ее широко раскрылись, а потом она улыбнулась и поздоровалась с ним.

— Эрик! — Свободной рукой она схватилась за него и поцеловала его в щеку, и он наконец обрел дар речи:

— Мама! Мама! Это...

— Конечно, Эрик! — Смеясь, Эрин покачала сверток на руках и откинула уголок одеяла с лица. — Ему уже десять дней от роду, и мы назвали его Гартот, потому что не знали, когда ты вернешься. Рианон колебалась, называть ли ребенка без твоего согласия, но это имя ее отца и я...

— Гарт! Это — мальчик!

— Эрик, я же сказала «он», — рассмеялась Эрин. — Возьми его.

Он взял ребенка на руки, бормоча:

— Мергвин! Этот старый друид сказал, что будет мальчик!

У него дрожали руки, когда он пытался рассмотреть ребенка. Он пошел, поспешно направляясь к входу в дом. Новость разнеслась среди возвращающихся людей. Раздались радостные возгласы, и Эрик повернулся, улыбаясь, подняв руку, благодаря своих людей. Он смотрел на своего сына, на его огромные голубые глаза, на почти платиновые волосы, такие светлые, но достаточно густые. Ему десять дней. Казалось, его сын изучал его с равным любопытством. Его сын.

Эрик остановился, посмотрев назад на Эрин.

— Мама, Рианон...

— С ней все в порядке, она чувствует себя хорошо и сейчас спит. Я слышала звуки труб, но не разбудила ее, потому что она спит очень чутко и пока легко устает. Прошло всего десять дней, как видишь, и младенец не спит по ночам.

Он улыбнулся и кивнул. Эрин подошла к нему и гордо коснулась щеки младенца, а потом повела Эрика в дом.

— С ней и правда все в порядке.

Пока Эрин говорила, ребенок смотрел, не спуская глаз с Эрика, сучил своими крошечными кулачками в воздухе, а потом разразился сильным плачем. Эрин засмеялась.

— Он не только похож на тебя, он даже кричит так же громко, как ты! Отнеси его матери, он проголодался.

— Правда? — спросил Эрик. — Ну, я рад, если это так, а то я уж подумал, что ему просто не понравилось мое лицо.

Он поцеловал мать в щеку и широким шагом поспешил в замок вверх по длинной лестнице. Он распахнул дверь, как раз тогда, когда Рианон поднималась с постели. Она была

в белом, окутанная пламенем волос, ее глаза припухли и были захватывающе манящими и пронзительно невинными одновременно, когда ее взгляд упал на него. Они расширились как серебряные блюдца, и она прошептала удивленно его имя:

— Эрик!

Он шагнул к ней, кладя ребенка рядом и хватая ее руку для поцелуя, прежде чем впиться в ее губы. А потом ее глаза снова смотрели на него, широко раскрытые и блестящие. Печальная, застенчивая улыбка коснулась ее губ, и она взволнованно спросила:

— Он тебе нравится?

— Нравится? Я обожаю его. И благодарю тебя от всего сердца.

Она быстро опустила ресницы, потому что в ее глазах заблестели слезы. Он приподнял ее подбородок и требовательно посмотрел в глаза.

— Что случилось? Чего ты ожидала?

Она сильно побледнела и попыталась вырваться, но он не позволил.

— Рианон, я хочу знать, какие мысли возникли в твоей голове.

— Я... я боялась, — прошептала она.

— Кого? Меня?

Она опустила ресницы, не повинаясь его требованию. А он улыбнулся и подсчитал дни, и действительно прошло точно девять месяцев со дня их свадьбы.

Он запустил свои пальцы в ее волосы, повернул ее лицо к себе и прильнул к ее губам с удивительной страстью, которая заставила ее глаза широко раскрыться и поймать его взгляд.

— Моя дорогая жена, я все время знал, что в ту ночь я овладел девушкой. Что же заставило тебя принимать меня за глупца так долго?

Она вспыхнула и освободилась от его прикосновения. Посмотрев на ребенка, она почувствовала, что начинает злиться.

— Ну, ты ведь не заметил ничего, когда я забеременела!

Он пожал плечами, усмешка на его губах разрывала ее сердце и вызвала волнение в груди.

— Боюсь, любовь моя, я лучше разбираюсь в вопросах пола, но совершенно не привык вынашивать ребенка в своем чреве. Рианон, у нас получился сын. Боже, это же великолепно!

— Гмм! — раздался голос от двери. — У нас получился сын! Уж твоего труда здесь было и не так много. И, судя по словам Рианон, в тот момент тебе бы следовало утонуть в море за то, что ты принял в этом участие!

Эрик повернулся и увидел свою сестру Дарию, стоящую там с улыбкой на лице. Он встал и схватил ее, когда она бросилась в его объятия и стала целовать. Из глаз ее лились слезы.

— О Эрик, я так благодарна Богу, что вижу тебя дома живым и здоровым!

— Я тоже благодарен за то, что я здесь, — сказал Эрик, прижимая ее к себе. А потом он взглянул на жену. — Значит, мне бы следовало утонуть в море?

Она страшно покраснела, а Дария рассмеялась.

— Я вернусь за Гартотом, Рианон, когда вы оба расставите все точки над «и», оставляю вас одних на несколько минут.

Она ушла, и некоторое время они молчали. Потом Гарт снова начал кричать, и Рианон, покраснев, сказала, что он проголодался. Она расстегнула рубашку и дала его маленькому требовательному роту грудь. Он жадно стал сосать, причмокивая. Эрик засмеялся. Забыв о своих покрытых пылью дорожных одеждах, он улегся рядом с женой и почувствовал тепло и

усталость, которые тихонько прокрадывались в него. Вот оно, подумал он. Мир и счастье, по крайней мере, видимость этого, то, к чему стоит стремиться. В нем поднялась буря чувств, желание защитить их от всех невзгод — и сына, и Рианон, страстно и нежно. Ничего не было прекраснее в жизни, чем вид его жены, укачивающей на руках ребенка.

Пока она кормила ребенка, он коснулся ее щеки.

— Тебе и вправду хотелось, чтобы я канул в пучину моря? Ты действительно молилась, чтобы меня настиг боевой топор?

Она не сводила глаз с сына.

— Ты не понимаешь, Эрик. Я не вполне сознавала, что говорила в тот момент.

— Это было так больно?

— Это было ужасно! — ответила она, а потом улыбнулась и обратила, наконец, свой взгляд на него. — Но это стоило того! О Эрик, он стоит... всего на свете! Всего!

Он вздохнул, всматриваясь в ее глаза. Он коснулся платиновых волос своего сына.

— Ты родила внука викинга из Вестфальдского дома, — напомнил он ей.

Она заглянула ему в глаза, а потом тихо улыбнулась. Кровь в нем закипела, и он напомнил себе, что должен контролировать свою чувственность, потому что еще слишком мало времени прошло со дня рождения его сына.

— Мне очень нравится твой отец, — ответила она на его заявление.

— Правда?

— Конечно.

Он улыбнулся, а потом взял ее руку и поцеловал ее.

Они долго неотрывно смотрели друг на друга, а потом Рианон спохватилась.

— Ой! Возьми его, Эрик, он почти спит и может срыгнуть.

Он взял ребенка, легко прислонив к плечу. Рианон застегнула рубашку и откинулась на постель, радуясь возвращению мужа и любуясь ребенком.

— Ты хорошо с этим справляешься, — проворчала она, он и правда хорошо управлялся с ребенком. Отважный воин с золотыми волосами, в малиновом плаще и с огромным мечом, казалось, совершенно свободно держал ребенка на своем плече.

— У меня множество племянников, — напомнил он ей, улыбаясь. И тогда ребенок срыгнул, а Рианон засмеялась, Эрик же в шутку обвинил своего сына в бунте, потому что он так непочтительно обошелся с его парадным облачением.

— Ох, Эрик! Я так за тебя боялась, — призналась Рианон, наблюдая за ним.

— Боялась?

— Что ты не вернешься, — сказала она и потупила взгляд, теребя одеяло. Она не может ему сейчас дать много. Она не осмелится. — Ну, видишь, ты вернулся, и твой отец, и твои братья, твоя мать так счастлива, и я так рада... — Ее голос сорвался. Эрик молчал.

— Эрик?

— Гарт уснул. Я позову Дарию, чтобы она взяла его.

Он шагнул к двери. Дариа была в коридоре, возбужденно обсуждая что-то с Брайаном. Посмотрев Эрику в глаза, тот понял, что пришло время рассказать Рианон, что ее вассал убит.

— Дариа, иди возьми нашего племянника, — сказал ей Брайан.

Эрик коротко кивнул головой брату. Дариа нахмурилась, но быстро схватила ребенка. Эрик вошел к себе в комнату, прикрыв дверь. Рианон уже сидела в кровати и посмотрела на него заботливым взглядом, нахмутив брови.

— Эрик, в чем дело?

Он не мог дольше тянуть, он не мог ни снять с себя ответственности, ни облегчить ее боли.

— Рауен убит, — сказал он прямо.

И увидел, как изменилось ее лицо, когда до нее дошел смысл его слов, увидел в глазах муку и слезы. Он продолжал отрывисто:

— Я поклялся защищать его, но потерпел неудачу. Я приказал похоронить его, отслужив заупокойную службу. Я не мог привезти его домой, обстоятельства не позволяют. Я... Мне очень жаль.

Он хотел прикоснуться к ней, но решил, что она не захочет этого. Она любила Рауена. Любила его с пылом юности, невинно, страстно и смеясь. Она не захочет, чтобы человек, разрушивший ее любовь, стал успокаивать ее теперь.

— Я очень сожалею, — повторил он. Потом неловко добавил:

— Я оставлю тебя. Если буду нужен, пошли за мной.

Он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Он слышал тихие ее рыдания, потом поморщился и поспешил вниз по лестнице.

Он не был нужен ей, по крайней мере, так ему казалось. Часы долгого дня бежали, а она не посылала за ним. Он пообедал с семьей, когда стало смеркаться, а потом нашел себе прибежище у камина с рогом эля, пока не стемнело и не наступила ночь.

Никто не беспокоил его допоздна, а потом пришел его отец и сел с ним рядом, уставившись в огонь.

— Тебе нужно пойти к ней, — сказал он Эрику.

— Я ей не нужен, — просто ответил он. Олаф наклонился, всматриваясь в огонь.

— Однажды я вернулся из боя и был вынужден сказать твоей матери, что ее старинный друг — один из ирландских королей, за которого она могла выйти замуж, — и ее брат, оба пали в один день. И когда я сказал ей это, я оставил ее одну. Я оставил ее, чтобы она оплакивала их в одиночестве.

— Ну и что же ты хочешь от меня? — спросил его Эрик.

Олаф медленно улыбнулся.

— Я совершил ошибку. И я не хочу, чтобы ты делал ту же ошибку. Иди к своей жене. Поддержи ее. Облегчи ее боль, если сможешь.

— А что, если она не хочет этого? — с горечью спросил Эрик.

— Ты ей нужен! — ответил ему тихий голос, и Эрин вышла из тени и встала подле мужа, улыбаясь сыну. — Я знаю, что она хочет, чтобы ты пришел. Ты ей нужен. Так же, как мне нужен был твой отец. Иди к ней, Эрик.

Он поднялся, глядя на них обоих. Потом отошел от камина, зашагал по ступенькам и прошел по коридору в комнату. Там он остановился, а потом распахнул рывком дверь. Он нашел ее в постели, в глазах ее все еще были слезы. Он поднял ее на руки и поднес к камину, крепко обнимая. Ее руки обвились вокруг его шеи, и она тихо зарыдала, но положила голову ему на грудь.

Он поднял ее подбородок и ласково поцеловал ее заплаканное лицо. Он пригладил назад ее волосы, а потом тихо сказал:

— Позволь мне поддержать тебя, любовь моя. Просто я хочу посочувствовать тебе.

Ее руки обняли его сильнее, и она задрожала. Он спросил, все ли с ней в порядке.

Ее серебряные глаза заглянули в его глаза.

— Я просто боялась, что тебе все равно! — прошептала она.

Он пристально и долго смотрел на нее, а потом сказал:

— Нет, вовсе нет, любовь моя.

Она прильнула к нему, вздохнув. И потом ее глаза закрылись. Она уснула у него на руках и проспала до рассветного часа; их обоих разбудило появление Дарии с их драгоценным и громко кричащим сыном на руках.

Скоро начнется новый день. Они пережили эту ночь, подумал Эрик.

И, вероятно, их ждут впереди новые испытания.

Пришло Рождество, которое они отпраздновали с христианским усердием. Эрик подарил Рианон золотую брошь с драгоценными камнями кельтской работы, чтобы она застегивала ею плащ, а ее подарком ему был прекрасный кинжал, который она купила у одного разносчика, привозившего ювелирные изделия викингов из балтийских стран, и рубашка, расшитая золотой ниткой, которую она сшила сама за долгие месяцы его отсутствия.

Она полюбила и Дублин, и все семейство Эрика и трудно было поверить, что когда-то ее ужасала сама мысль о поездке сюда.

Две вещи беспокоили ее. Первое — это смерть Рауена и то, что он встретил свою смерть на чужой земле. И второе — это то, что после той ночи, когда он предложил ей свое утешение, Эрик предпочел комнату через коридор, настаивая на том, что он боится побеспокоить ее или ребенка.

Однако сын постоянно радовал ее, и, казалось, когда она позволяла себе горевать о Рауене, Гарт прекращал сосать и глядел в ее глаза с мудростью и удивлением, и это заставляло ее снова улыбаться, и на душе становилось легче.

И, конечно, тут была Дариа, почти ее ровесница, ставшая ей такой близкой подругой. Олаф Белый, король Дублина, который иногда говорил с угрозой, а в большинстве случаев ласково, и который определенно был хозяином в своем доме. Эрин, с ее постоянно играющей улыбкой, была не менее красива, чем в молодости, водоворот энергии и ласковой мудрости. Рианон нравились все домашние, все братья и сестры Эрика, его племянники и племянницы. Это был дом, полный смеха и печали, как было в ту ночь, когда Аэд Финнлайт покинул их, обретя вечный покой. И все же они были все вместе в своих бедах и радостях, что, быть может, и придавало такое очарование этому месту.

Но даже когда январские ветры хлестали и терзали высокие каменные стены города, корабли Эрика ремонтировались и грузились, готовясь к путешествию на восток, к ней домой. И казалось, что он хотел уехать даже больше, чем она.

Отправление было назначено на конец месяца. Рианон нашла мужа в просто обставленной комнате, которую он выбрал для себя, и высказала свое несогласие по поводу их отъезда.

— Ты повезешь своего сына через холодное и бушующее море? Эрик, мы должны подождать...

— Я не могу ждать, — нетерпеливо сказал он ей. Сидя перед камином, он тщательно точил свой меч камнем. Он назвал меч «Мститель», она знала. Даже смерть, которую он держал в руках, имела имя. Он поднял глаза, потому что она все еще медлила, и глаза его были такие морозно-синие, каких она не помнила, далекие, приводящие ее в уныние. И в самом деле ничего не изменилось. Он был хозяином своей собственной судьбы, а она его собственностью, которой он распоряжался по своему усмотрению, несмотря на то, что он любит сына.

— Я не могу ждать! Я поклялся мечом служить Альфреду Уэссекскому. Я оставил его, чтобы участвовать в битве за свой собственный род, это Альфред понимает, но он планирует свое нападение на Гутрума весной, и я должен быть с ним.

— Эрик...

— Миледи, это дело моей чести. В ее глазах заблестели слезы.

— Разве смерть тоже почетна? Он снова поднял на ее глаза.

— Конечно, миледи, это единственный путь для смертного попасть на холмы Вальхаллы.

Она повернулась, намереваясь уйти от него. Дни шли, они разговаривали мало, и Рианон наблюдала за серыми и хмурыми небесами. А потом настал назначенный день, и она несколько успокоилась, увидев, что ветер ослабел. Море, покрытое пеной, казалось живым.

Рианон нашла своего свекра и просила его попробовать убедить Эрика, но Олаф ласково улыбнулся ей и не предложил помощи.

— Он должен вернуться. Он поклялся поддерживать Альфреда. Он получил земли, жену, и у него прекрасный сын. Он обязан вернуться.

— Но...

— Рианон, его ничто не остановит. Поезжай, все будет хорошо. Мергвин предсказал спокойное плавание, а он никогда не ошибается в таких вещах. Конечно, мне его будет очень не хватать.

— Он едет с нами?

Олаф кивнул, обнял ее ласково и поцеловал в макушку.

— Пора. Мужчина сам выбирает, как ему действовать. Если ты когда-нибудь захочешь вернуться, если мы когда-нибудь будем тебе нужны, то делай это без колебаний. На самом деле не такое уж большое расстояние между нами.

Да, с этим уже ничего нельзя было поделать. Они уезжали. Но Мергвин сказал, что им ничто не грозит; и все же он ехал с ними сам. Если он был так уверен, что с ними будет все в порядке, почему он едет, если его сердце остается в Ирландии?

Все домашние пришли проводить их, когда они отправились вниз по реке. Рианон повисла на Эрин, которая убеждала ее, что придут лучшие времена и что они встретятся снова. Рианон благодарила мать Эрика за гостеприимство и выражала соболезнования снова по случаю потери отца Эрин. Королева улыбнулась и подбодрила ее:

— Я чувствовала, что отец просто доживал свои дни, с тех пор как несколько лет назад мы потеряли нашу мать. И я верю, что они снова вместе и что они охраняют нас. Береги моего сына и внука, прошу тебя.

Она не будет беречь Эрика, потому что никто не сможет этого сделать, но она не сказала этого Эрин. Она снова поцеловала свою свекровь, и Эрин укутала ее горло меховой оторочкой плаща, пока Меган целовала ее и вручала запеленатого Гарта. Рианон узнала, что Дариа решила сопровождать их, и очень обрадовалась.

Рианон уже ступила на борт корабля ее мужа, когда увидела Мергвина, прощающегося с Эрин. Он говорил с ней, как с дочерью, обнимал ее, шептал что-то на ухо и снова нежно обнимал. Потом и он взошел на корабль. Некоторое время спустя он прошел через ряды моряков и сел рядом с ней на носу корабля. Дариа плыла на корабле Патрика.

Послышались крики и команды, и она смотрела, как Дублин, огражденный высокой стеной, медленно исчезает из поля ее зрения. Теплые пальцы накрыли ее руку. Она повернулась и поймала взгляд Мергвина.

— Все будет хорошо, — подбодрил он ее.

Она кивнула и крепко сжала его руку. Она подумала о его преклонном возрасте и снова удивилась, почему он решил совершить это путешествие.

Море было беспокойно, и их качало все время. Ветер дул Рианон в лицо, раздувал ее

волосы, и ей стало холодно.

Несколько времени спустя Эрик оставил свой пост на носу корабля и пришел к ней.

— Сейчас ты чувствуешь себя лучше, чем в тот раз? — спросил он. Он казался таким далеким, и это была простая учтивость.

— Я чувствую себя прекрасно, милорд. Я прекрасно переносу море, когда не беременна.

— Ну, если бы ты сообразила сказать мне, что ждешь ребенка, . я постарался бы, чтобы то путешествие было более приятным для тебя.

Он не стал ждать ответа. Повернувшись, он направился снова на нос и встал на свою вахту. Она бросила взгляд на Мергвина и увидела, что он слабо улыбнулся. Но потом она заметила, что его глаза серьезны, и забеспокоилась.

— Ты не болен? — спросила она взволнованно. Он покачал головой.

— Просто немножко грустно, вот и все.

— Почему?

— Мне больше не придется увидеть Ирландию, — тихо сказал он. Она похолодела.

— Ты не должен так говорить! — сказала она. — Пожалуйста, ты не должен...

— Говорить правду? Я ведь очень стар, Рианон. Очень стар.

— Но ты мне нужен! — настаивала она.

— И я буду здесь, пока я нужен тебе, — заверил он ее. Потом он быстро сменил тему разговора.

— У него временами неистовый характер, ты знаешь.

— У Эрика? Мергвин кивнул.

— Что заставляет его быть в таком напряжении, интересно мне знать, как волк в клетке он мечется по кораблю.

— Просто он надменный представитель рода викингов, — быстро парировала Рианон.

— Волк рыщет в одиночестве. Но они спариваются, волки, как ты знаешь, миледи, раз на всю жизнь. И если волк теряет свою волчицу, он бродит по лесам и воем от боли и ярости.

— А волки любят своих волчиц?

Мергвин улыбнулся широко, и, казалось, его древние глаза блеснули серебром.

— Я уже видел этого волка влюбленным, раньше, на далеком берегу. Ее убили, и я видел, как он страдал и выл, пока не появилась... ты. Но тогда все было по-другому. Было другое время, другая жизнь. Я не думаю, что он и сам все до конца понимает. Рианон, ты держишь волка в руках. Тебе нужно только увидеть это.

— Он снова отправляется на войну, — тихо сказала она. — Он все время отправляется на войну.

— Буря всегда предшествует затишью. Это будет последнее большое сражение Альфреда. Он одержит победу и войдет в историю как единственный король, кого англичане назовут «великим».

— А мы переживем бурю? — спросила Рианон.

Он помедлил с ответом. Сильный порыв ветра обрушился на них, взметнул его волосы и бороду. Гарт, который тихонечко хныкал, успокоился, и казалось, что даже крики матросов и хлопанье парусов стали тише и слабее.

— Мы должны ее пережить! — Это все, что он сказал.

Потом Мергвин тоже поднялся и зашагал на нос. Оставшись одна, Рианон прижала Гарта ближе к сердцу и попыталась подавить дрожь, охватившую ее изнутри.

Они пересекали море зимой, и им это удалось превосходно. К наступлению ночи она была в своем доме, ступила на землю Уэссекса. Адела пришла встретить ее, в ее комнате была приготовлена теплая ванна, а подогретый чай с корицей ждал ее на каминной полке. В ту ночь, приняв ванну, накормив Гарта и уложив его спать в крошечной детской, примыкающей к комнате хозяина, она упала на свою кровать и заснула, слишком утомленная, чтобы чувствовать обиду на то, что Эрик не пришел к ней, слишком усталая, чтобы сделать больше, чем успела сделать Дариа.

Дни шли. Рианон волновало, какое впечатление произведет на ее золовку их дом после огромного Дублина. Но Дариа была очарована, а Рианон обрадована и благодарна ей за это.

Приготовления к войне шли полным ходом. В свободном дворе мужчины упражнялись во владении оружием. Кузнецы ковали оружие из стали. По ночам мужчины точили свои мечи. Постоянно приезжали гонцы. Когда наступит весна, Эрик должен встретиться с Альфредом, и они объединенными силами атакуют датчан, под предводительством Гутрума.

Рианон подумала, что невидимая война шла и внутри их дома. Она не могла понять, почему Эрик так долго не возвращается к ней. Гарт рос, и Эрик был доволен младенцем и получал удовольствие от общения с ним, но все же продолжал спать отдельно. Обиженная, она чувствовала, что начинает злиться, и неловкость положения, в котором она находилась, подливала масла в огонь. Если бы Эрик хотел ее, он просто взял бы ее на руки и получил все, что ему было нужно. У нее не достало бы сил отказаться от него. Но она слишком горда, чтобы просить об этом. Ведь он сам обещал, что не оставит ее.

Но с тех пор он даже не прикоснулся к ней.

За февралем пришел март. День, назначенный для выступления в поход, приближался, и она думала, что не перенесет этого. Мергвин был чем-то недоволен и ничего не говорил, и она очень волновалась. Решившись все высказать Эрику прежде, чем он уедет, Рианон вошла в его комнату. Она хотела постучать в дверь, но поскольку она не была заперта, то распахнулась сама собой. Она увидела, что Эрик принимал ванну, от воды поднимался пар. Но рядом с ним не было мальчика-слуги, а стояла грациозная служанка Юдифь.

Он не слышал ее стука и не видел, что она вошла, потому что его лицо было покрыто подогретым полотенцем, а голова покоилась на краю ванны. Рианон гордо подняла голову и прошла дальше в комнату. Глаза Юдифи расширились при виде нее. Рианон приятно улыбнулась ей и знаком показала, что она может идти, закрыв за собой дверь.

— Эй, Юдифь, потри-ка мне спину! — приказал он.

Рианон пробормотала что-то невнятное в знак согласия и зашла ему за спину, сняв с его лица полотенце. Он пододвинулся вперед, подставляя ей спину. Она проворно терла ему спину, кусая губы, сдерживаясь, чтобы не наброситься на него. При его следующих словах она остолбенела.

— Ну, теперь, когда ты справилась с моей спиной, можно перейти вперед.

Его голос звучал хрипло, не оставляя сомнения в его намерениях.

— Да, милорд! Я с превеликим удовольствием позабочусь об этом, — бросила она ему в ответ. И, прежде чем он успел что-то ответить, окатила его водой, намочив ему и лицо, и бороду. Развернувшись, она ринулась прочь из комнаты, со слезами на глазах и с яростью в сердце.

— Рианон! — рявкнул он властным тоном. Но она не обратила на него внимания и убежала.

Она сбежала вниз по ступеням, мимо Патрика и Ролло и людей в коридоре, мимо Аделы

и Дарии, которые сидели за ткацким станком.

— Рианон! — снова прогремел его голос. Она схватила свой темный плащ у дверей и побежала к конюшням. Промчавшись мимо конюхов, она взнуздала лошадь, забралась ей на спину, не надев седла, а потом галопом проскакала мимо часовых у ворот.

Она не знала, куда едет. Она скакала некоторое время, которое показалось ей вечностью, а потом поняла, что нужно дать передохнуть ее бедной лошади. Когда наконец поехала медленнее, то обнаружила, что пошел снег и ночь очень холодная. Вокруг была темнота, и она, зная эти места, как свои пять пальцев, почти заблудилась.

Но это не имело значения.

— Черт бы его побрал! — крикнула она ночному ветру. А потом по ее лицу потекли слезы. Она ехала не разбирая дороги и совершенно не ожидала, что ее лошадь вдруг поднимется на дыбы с жалобным ржанием. Рианон не сумела удержаться и соскользнула с нее, упав спиной на землю. От неожиданности она некоторое время продолжала лежать на земле.

И тогда коварное животное, вырвавшись на волю, побежало по направлению к дому, к теплу, к стойлу с сеном.

Поднявшись и потеряв ушибленные места, Рианон почувствовала, как ее сердце замерло на мгновение, а потом начала дрожать. Гарт! Сейчас, ночью, он спит, но утром проснется, голодный и плачущий, совсем один. Конечно, они присмотрят за ним. Там были Адела и Дариа, они не допустят, чтобы ему было плохо. В конце концов там есть козье молоко, чтобы он пил...

Она может тут и умереть. Нет, она не умрет, она хочет жить, ей просто нужно идти...

Она услышала топот лошадиных копыт, и через секунду увидела Эрика, появившегося из темноты на большом белом коне. Она быстро утерла слезы и попыталась поправить свои занесенные снегом волосы и одежду. Он остановился перед ней, вглядываясь в нее, и она была уверена, что в его глазах было удовольствие. Как он смеет!

Она двинулась в том направлении, откуда он приехал.

— Рианон!

Она продолжала идти. Он не стал останавливать ее, а шагом следовал за ней верхом.

— Я подумал, может, тебе требуется помощь?

— С чего ты это решил?

— Во-первых, лошадь, которая проскакала мимо без седока...

— А, ну, сначала мне захотелось проехаться. Но, приехав сюда, я поняла, что предпочитаю пройтись, и поэтому я отослала ее домой. Ты тоже можешь оставить меня.

— А это нужно?

— Конечно.

Она не слышала, как он спешился, она не слышала его шагов по снегу, но неожиданно он оказался прямо перед ней и схватил ее на руки. Она стала с ним бороться, но он не обращал внимания на град ее кулаков.

— Ты промокла! Ты болеешь! — распекал он ее. Через мгновение он посадил ее на лошадь и сел сам. Но все же она продолжала вырываться из его объятий. — Какая тебе разница! — в ярости крикнула она. — Ты найдешь себе забаву, где захочешь.

— У Гарта будет разбито сердце!

— Отпусти меня... викинг, — бросила она ему вызов.

Небеса внезапно разверзлись. Из темноты на них обрушились мириады снежных

хлопьев. Эрик сыпал проклятиями, понуждая лошадь двигаться вперед. Теперь Рианон пожалела о своем необдуманном побеге из дома. Они никогда уже туда не вернутся. Теперь густой мокрый снег безжалостно засыпал их.

— Но Эрик и не стремился домой. Некоторое время спустя она поняла, что он направляется в один из небольших охотничьих домиков, которые гнездились в лесу у подножия гор. Он поставил лошадь под навес, спешил и снял с лошади Рианон. Борясь с ветром, он внес ее в домик и вынужден был почти бросить ее, чтобы закрыть за собой дверь. Захлопнув дверь, он прислонился к ней, а во взгляде его голубых глаз Рианон увидела опасный блеск.

— Ну, любовь моя! Вот мы и здесь! Здесь мы проведем ночь в безопасности и тепле, и нас согреет наш собственный огонь!

Она не обращала на него внимания, повернувшись к нему спиной и пытаясь отжать воду с подола. Он шагнул к ней, и она замерла на мгновение, но он прошел мимо, не коснувшись ее. Он подошел к камину в центре комнаты и чертыхнулся, когда складывал сухие дрова и разжигал огонь с помощью кремня и кресала. Тепло было завораживающим. Она не хотела подходить ближе, но не могла справиться с дрожью.

Эрик выпрямился и огляделся. Соломенные тюфяки лежали по углам небольшой комнаты, покрытые меховыми одеялами. Слева от камина стоял большой струганный стол, а на нем рога с напитками. Он подошел к столу и попробовал из первого попавшегося рога. Потом он снова посмотрел на Рианон и пошел к ней. Она сделала шаг назад, и он остановился, а в глазах его появился дьявольский блеск, когда он передавал ей рог:

— Мед. Выпей. Я хочу привести тебя назад живой.

— Не буду!

— Я сказал, выпей!

Она сделала большой глоток меда. Он был теплый и вкусный и, согрев ее горло, наполнил теплом желудок. Она сделала еще один глоток, а потом вручила рог ему назад.

— Любое твоё требование будет выполнено, господин мой, — саркастически растягивая слова, произнесла она. — Что-нибудь еще?

— Конечно. Раздевайся.

— Не хочу! — враждебно бросила она со злостью. Но он уже отошел от нее, бросив рог на один тюфяк и стягивая меховое одеяло с другого.

— Может, ты не поняла моих слов? Ты сама снимешь одежду или тебе помочь? Конечно, однажды такое уже было. Я с удовольствием облегчу твою задачу.

— Ты, — выкрикнула она. Ярость захлестнула ее. — Кровавый захватчик, негодяй-викинг! — набросилась она на него.

Улыбаясь, он поймал ее за руку, притягивая ее к себе. Она боролась, стараясь освободиться, и ее плащ остался в его руках. Она отбежала в угол комнаты, но он был уже там, схватив ее. Она била его кулаками в грудь, но он схватил ее за запястья и закинул их ей за голову, обняв ее здесь, в углу. Свободной рукой он сорвал голубое шерстяное платье, а потом и льняную рубашку под ним. Она попыталась лягнуть его коленом, и вся ее злость выплеснулась в крике:

— Мне казалось, что это Юдифь обслуживает тебя спереди, викинг!

Его смех был хриплым, его дыхание на ее щеке теплым и сладким от меда, а его тело было близко к ее телу.

— Рианон. — Он замолчал, потому что она исхитрилась ударить его коленом и

сообщила:

— Господин, это все, что я могу сделать для тебя спереди!

Через секунду она уже лежала на тюфяке, отчаянно извиваясь. Она попыталась прикрыть себя тем, что осталось на ней, но он сорвал с нее все с устрашающей силой. Дрожа, она обняла себя руками, а потом ее завернули в мех, согревая ее. Удивленная, она повернулась и увидела, что Эрик сбрасывает с себя промокшую одежду, заворачиваясь в мех сам.

Потом он снова повернулся к ней. Она попыталась ударить его, но он толкнул ее на спину и оседлал ее. У нее на глазах заблестели слезы. Мех еле прикрывал его плечи. Его обнаженная грудь играла мускулами, они были гладкими и блестящими, притягивающими взгляд; долгое время она не видела его таким. Его член покоился у нее на животе и наполнял ее теплом и желанием, и казалось, был причиной того, что какое-то неистовое пламя разгоралось внутри ее. Но теперь, когда он ей нужен так отчаянно, когда она желала его каждый день, каждую минуту, страстно хотела хотя бы прикоснуться к нему, теперь, когда она любила его, он предал ее. Он хотел эту девку, Юдифь.

— Не прикасайся ко мне! — прошипела она, испугавшись, что из ее глаз польются слезы, а ее гордость будет сломлена.

И опять он схватил ее запястья, а потом растянулся на ней. Ее груди коснулись его груди, и ей захотелось, чтобы он накрыл их своими ладонями, чтобы он ласкал их. Его губы приблизились к ее губам, и он прошептал хрипло:

— Как же ты сможешь обслужить меня спереди, если я не буду к тебе прикасаться?

— Пропади ты пропадом!

Он заставил ее замолчать поцелуем. Глубоким, страстным, а потом сладким и нежным. Насилие стало наслаждением. Он украл у нее всю волю и заставил задыхаться от своих медовых поцелуев, и он успокоил бурю своим теплом. Оторвавшись от нее, он снова и снова касался ее губ. Потом из ее глаз полились слезы, она отвернула голову и умоляюще сказала:

— Эрик, не надо!

— Рианон, я понял, что это была ты.

Она встретила с ним взглядом, ее глаза расширились, в них было недоверие.

— Как ты мог...

— Потому что твой запах невозможно перепутать ни с каким другим. Запах розы. Может, это из-за мыла, которым ты пользуешься, но тебя всегда окружает этот аромат. Я его знаю так же, как знаю цвет твоих волос, оттенок твоих глаз. Я чувствую его, потому что он преследует меня с тех пор, как мы встретились. Он преследует меня даже во сне и зовет меня, когда тебя нет со мной. Он обволакивает меня, как твои мягкие волосы, когда мы вместе. Такого запаха нет ни у одной женщины.

— Но... Эрик, она была в твоей комнате, когда ты принимал ванну!

— Она принесла полотенца. Любовь моя, она же служанка в нашем доме.

— А ты... — Она прервалась, а потом глубоко вздохнула. — Ты так отделился от меня!

— Я боялся повредить тебе и ребенку.

— Но ведь столько времени прошло!

— Рианон, ты же сказала мне, что роды были трудными. Я подумал, что некоторое время мне нужно держаться от тебя подальше. А потом... ну, ты ведь не предложила, чтобы я вернулся.

Она облизнула губы, вглядываясь в его глаза.

— Потому что я думала, что стала тебе не нужна!

— Ты хочешь, чтобы все было по-прежнему? Она вздохнула, боясь и желая поверить в нежность его взгляда.

— Ох, Боже мой! — выдохнула она. — Я не верю, что могу сказать это викингу! Да... да... я хочу, чтобы все было по-прежнему... я хочу... тебя... я... — Она замолчала, дрожа, а потом почувствовала его призывное тепло и все, о чем она так долго мечтала — тяжесть его бедер, стук сердца в груди, жар его тела на ней. И черты его лица, красивого и сильного, его глаза... такие бесконечно синие, такие нежные, когда он смотрит на нее. Она осмелилась прошептать:

— Я хочу тебя, Эрик. Очень сильно. Я люблю тебя. Эрик удивился этим сказанным шепотом словам, вглядываясь в нее с изумлением и любовью. Ее глаза были влажны от слез и блестели в отблесках огня серебряно-голубым светом, обрамленные красивыми густыми темными ресницами. Ее волосы, сияя, обрамляли ее наготу и вились по меху, покрывая все вокруг локонами цвета огня. Ее губы были сладкими, как мед, лицо порозовело, а тело было гораздо прекраснее, чем то, что манило его в длинные ночи одиночества. Ее груди несколько увеличились и стали более тугими, ее соски были темно-розовыми и набухли от желания. И она шептала, что любит его...

— Клянусь Господом, я так боялся! — сказал он ей. — Боялся, что потерял ту малость, которой я обладал, когда погиб Рауен. Я могу взять верх над мужчиной, ты знаешь, но не над воспоминанием. Я думал, что его тень будет между нами, и я ждал, но я... — Он замолчал, и ее глаза смотрели на него с немym вопросом. — Я так боялся полюбить тебя, Рианон. Любовь делает человека уязвимым. Это такое сильное оружие. И я боролся с ней, и не знаю, когда она победила меня, но знаю, что я проиграл это сражение. Может быть, оно было проиграно с самого начала, с того дня, когда я увидел тебя на стене. А может быть, когда я поймал тебя в доме. Или когда я смотрел, как ты танцевала и соблазняла мужчин в вечер нашей свадьбы. Может быть, это было безрассудство — так хотеть тебя, и когда я добился своего, я пропал навсегда. Я не знаю, как это произошло со мной. Но, жена моя, я тоже люблю тебя всем сердцем, всей своей душой, сильнее жизни.

— Эрик, — прошептала она, и слезы полились по ее щекам, она говорила так быстро, что он с трудом понимал ее. — Я полюбила тебя гораздо раньше, еще до смерти Рауена. Он был дорог мне, я горевала о его смерти, но ты заменил его в моей душе еще раньше. Я не могу понять, как я могла любить тебя, если ты постоянно командовал мной, так надменно и требовательно.

— Надменно?

— Конечно. — Она засмеялась, и тогда, позабыв все, что хотела сказать, она прошептала:

— О Эрик, неужели это правда?

— Я знаю, что ты — моя жизнь и что я люблю тебя сверх всякого разума и без видимой причины! — прошептал он.

Потом у него вырвался легкий стон, он провел рукой по ее щекам и сказал:

— Я все время смотрел на своего сына, когда он был у твоей груди, и мне так хотелось прильнуть к ней самому!

Он снова поцеловал ее губы, а потом нашел ее грудь, пробуя ее на вкус, лаская ее. Она застонала от удовольствия, обняв его золотоволосую голову. Потом он приподнялся и прошептал, что любит ее глаза, и нежный беспорядок ее волос, и прекрасные выпуклости ее

грудей. Он упал на нее, глядя ее, возбуждая ее, и снова приподнимался, чтобы шептать нежные слова, напоминая ей снова, что он любит ее, и, шепча эти слова, он гладит, и дразнит, и ласкал ее, и возбуждал поцелуями и прикосновением своего голодного от страсти языка ее бедра, ее плоть, ее самые сокровенные секретные места. Она в свою очередь приподнялась и обняла его, и его ласкал ее шепот, и мягкие, ароматные завитки ее волос. Она смело касалась, гладила и изучала его, ласково уверяя, что рада служить и повиноваться ему во всем, что она с удовольствием обслужит его спереди со знанием дела, а потом стала доказывать, что это было правдой. Он засмеялся, пока у него не перехватило дыхание, и он крепко прижал ее, подложив под себя. Перед горящим камином они продолжали обмениваться словами любви и клятвами, и между ними возникло новое чувство, чувство удивления их любви.

Поздно ночью, обнимаясь и прислушиваясь к падающему снегу и треску огня в камине, они касались друг друга снова и снова, и снова и снова занимались любовью, а потом Рианон забеспокоилась о сыне. Эрик был уверен, что с ним будет все в порядке до утра и что волноваться не о чем, потому что все знают, что Эрик поехал за ней.

— И они знают, что все будет в порядке, потому что ты непобедимый? — спросила она вызывающе. Он засмеялся.

— Да, возможно.

— Ты очень самоуверен.

— И всегда буду, боюсь. Тебе это очень не нравится? Она вздохнула в притворном смирении.

— Мне придется с этим смириться.

— Правда? А мне придется смириться с тем, что ты, любовь моя, своевольна, горда и норовиста и мне всю жизнь придется носить на бедре шрам от твоей стрелы.

— Ты — требовательный, деспотичный и, кроме того, самонадеянный, — напомнила она ему, нежно проводя пальцем по его шраму и уверяя его с улыбкой, что проведет с ним много ночей, искупая свою вину. Потом они снова обнимались и любили друг друга опять и опять, пока не погрузились наконец в ленивую полудрему.

Наступил рассвет, и она повернулась к нему и сказала взволнованно:

— Эрик, я не предавала ни тебя, ни Альфреда. Клянусь. Он — мой король и был моим опекуном, я люблю его и никогда не предаю его. И тебя я тоже не предавала.

Он взял ее руку и поцеловал.

— Не нужно, любовь моя, я это знаю.

Он больше ничего не сказал, но воспоминания перенесли его в тот день, когда Рауен был еще жив и вместе с ним сражался с датчанами, а потом увидел его мертвым, лежащим на земле, и вспомнил кинжал.

Он придвинул ее к себе и поцеловал в лоб.

— Я знаю, любовь моя, я знаю.

Через несколько минут они поднялись, и он надел на нее свой плащ и завернул в мех. Они вышли наружу и увидели, что снегопад прекратился, и земля была покрыта прекрасным белым покрывалом. Они сели на белого коня, и огромное животное повезло их домой.

Время летело стремительно, и Рианон страдала от мысли, что Эрик скоро покинет ее. Ночами она молила Бога о том, чтобы время остановилось и прекрасное настоящее не сменялось будущим.

Тем не менее, в светлое весеннее утро они собрались во дворе, провожая мужчин в

поход. Рианон с Гартон на руках, Адела и Дариа рядом с ней. Эрик подошел к ней, ведя под уздцы белого коня. Кольчуга прикрывала его грудь, плащ с гербом спускался с плеч. На голове у него был шлем, и поднятое забрало позволяло видеть притягательную синеву его глаз. Она затрепетала, подумав, как глубоко и нежно она любит его и как он прекрасен, даже собираясь на войну.

Он снял шлем, подойдя к ней. Нежно поцеловал сына, а потом вручил младенца сестре. Он взял Рианон за руки и поцеловал ее долгим и нежным поцелуем так, что ее сердце чуть не разорвалось.

Она задрожала, когда он отошел от нее. Ему грозила большая опасность. Мергвин не приплыл бы с ними сюда, если бы не знал, что ему грозит опасность. Она не должна его отпускать.

— Эрик...

— Все скоро закончится, и не успеешь глазом моргнуть, как я вернусь домой, любовь моя.

— Нет, — прошептала она отчаянно.

— Я вернусь. Я сказал, так и будет, так и должно быть, — заверил он ее с нежной улыбкой.

— Если только...

— Что? — спросил он.

Она покачала головой и вздернула подбородок. Она не будет расстраивать его перед походом своими слезами.

— Да хранит тебя Господь, любовь моя! Бог и все божества древних викингов! Он еще раз крепко обнял ее.

— С тобой все будет хорошо, и ты будешь в безопасности. Патрик остается охранять тебя. Дариа будет с тобой и Адела. Смотри за нашим сыном, миледи.

— Хорошо.

— И Мергвин остается здесь.

— Мергвин? — Она удивленно отстранилась от него. — Мергвин остается здесь? Он не едет с вами?

— Он хочет остаться с тобой. Он очень стар. Я бы не хотел, чтобы он настаивал на участии в походе.

Она кивнула головой и похолодела. Но все же попыталась улыбнуться.

Мергвин не считает, что Эрику будет грозить опасность. Он думает, что опасность будет грозить ей.

Она снова поцеловала Эрика — страстно, тепло и нежно. И когда он прошептал, что должен идти, они с трудом оторвались друг от друга. Она смотрела, как он, блестя доспехами, садился на коня, и заставила себя улыбнуться и махать ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Потом, глотая рыдания, она повернулась и побежала в свою комнату, в их комнату, и там проплакала, пока все ее слезы не кончились.

Лежа там, она молилась за них обоих.

— Господи, храни его, помоги ему! Не оставляй его! И, молю тебя, Боже, не оставляй и меня!

Битва была быстрой и беспощадной.

Вскоре они загнали датчан в Лондон и в течение нескольких последующих дней яростно сражались в стенах старого города. Альфред был решителен и бился как одержимый. Но потом события, которые произошли за время отсутствия Эрика, привели его в тяжелое положение.

Гутрум подписал договор, согласно которому ему следовало уйти в Восточную Англию, но известие об осаде Рочестера, по-видимому, так переполнило чашу его терпения, что он снова был вовлечен в борьбу. Альфред послал все суда, бывшие в его распоряжении, включая и корабли Эрика, против флота Гутрума на Темзе и одержал победу, захватив и флот, и добычу. Но, поскольку он приказал своему войску отправляться домой, датчане напали на его тяжелогруженные корабли и отвоевали все, что потеряли, и даже более того.

Они ушли в глубь страны, таща с собой награбленное. Альфред приказал сжечь бесчисленные деревни и города, и произошло великое кровопролитие. Король требовал абсолютного подчинения от своих подданных.

Теперь Эрик сидел верхом на Александре и вглядывался в руины Лондона. Это были обугленные руины. Люди на телегах увозили трупы, среди развалин бродили женщины и дети в поисках пропитания.

«Если теперь не случится ничего непредвиденного, — подумал устало Эрик, — война на этом окончена». И он снова уцелел: и он, и Ролло, и многие его люди. Альфред простил ему, что он уехал в Ирландию, и Эрик чувствовал себя обязанным вступать в любое сражение, не щадя ни себя, ни своих воинов. Он привык к войне — в этом была его жизнь. Но сегодня ему было больно смотреть на кровь и опустошения, и он от всего сердца радовался тому, что может через несколько дней уехать домой. Домой...

Должен быть заключен новый мирный договор. Писцы уже трудились над ним. Гутрум, лукавый датчанин, тоже умудрился выжить в бою.

Англия должна быть поделена на две части. Граница пройдет по реке Темзе, по реке Ли до ее истока, до Бедфорда, и наконец по Ауз до Вотлинг-стрит. Датчанам отойдет Эссекс, Восточная Англия, центральные графства на Востоке и земли к северу от Гамбера. На Юге будет править Альфред, и никто не будет оспаривать его верховную власть.

Настанет мир. Если только он сможет продлиться долго...

Он повернул лошадь и поехал в направлении множества палаток на окраине города.

Он заспешил, когда услышал крики, лязг мечей, и пустил лошадь галопом. Среди деревьев он нашел группу своих воинов и нескольких человек из ближайшего окружения короля, неистово сражавшихся с каким-то отрядом датчан. Он быстро выхватил меч и ринулся в бой. Эрик прорубал путь к Ролло, и, встав спиной к спине, они образовали смертоносную рубящую машину.

— Ради холмов Вальхаллы, — прорычал Ролло. — Что это? В самый день подписания мирного договора?

— Я не знаю! — прокричал Эрик.

Да в тот момент он не мог ни о чем думать. Враги подступали с обеих сторон одновременно, и ему нужна была вся его сила, чтобы спасти себе жизнь. Он споткнулся о чей-то труп, и это спасло ему жизнь, потому что меч, просвистев в воздухе, миновал его

голову. Он выпрямился и пронзил своего противника, а потом вдруг увидел, что высоко с холма одинокий всадник наблюдал за ним. Он прищурился, пытаясь в утреннем тумане разглядеть герб на его плаще.

Человек взмахнул рукой. Эрик выругался и прикрылся щитом. Спустя мгновение в щит с огромной силой вонзился кинжал.

Всадник быстро уехал прочь.

Эрик вытащил кинжал. Он был как две капли воды похож на тот, каким был убит Рауен. Они могли принадлежать одному и тому же человеку.

Датчане, которые остались в живых, рассеялись между деревьев. Эрик крикнул Ролло, чтобы тот поймал всадника, а потом сам быстро побежал, отыскивая своего белого коня. Он галопом промчался по просеке, но всадник уже скрылся в неизвестном направлении. Ругаясь на всех языках, которые он знал, Эрик устало возвратился к просеке, где Ролло и остальные собирали раненых.

Юный Ион Винчестер, фаворит короля, наклонился над телом датчанина. Он выпрямился, когда к нему подъехал Эрик.

— Какому договору можем мы верить, если на нас нападают таким образом?

Эдвард Сассекский, друг Иона и бывший приятель Рауена, подошел к Эрику.

— Черт меня, побери, если я что-нибудь понимаю! По-моему, им было наплевать, кто победит, лишь бы пролить побольше крови!

— Для датчан это обычное дело, — горько сказал Ион.

— Не знаю, — сказал Эрик, покачав головой. — Даже для датчан это несколько странно. Люди сражаются ради победы или защищаясь. Зачем же еще?

Никто ничего не ответил. Они подобрали раненых и отправились назад в лагерь. Эрик смыл кровь с лица и рук, переменял одежду и пошел в палатку Альфреда. Король был там, слушая посла от Гутрума, бубнящего условия договора.

— Здесь нет ни слова правды, в этом договоре! — перебил его Эрик.

Альфред посмотрел в его сторону.

— Мы уже направили сообщение об этом Гутруму, обвиняя его в предательстве. Он отказывается брать на себя ответственность за это нападение и прислал мне дочь в заложницы, чтобы подтвердить его правоту.

— Тогда, — холодно сказал Эрик, — предатель среди нас. Кто-то хочет убить меня с того момента, как я сошел на берег. Это началось еще с того, как ваше сообщение не достигло Рианон, и мое войско подверглось жестокой атаке. Потом, когда я отправился воевать с датчанами на Юг, они были предупреждены о моем приближении. Более того, у меня есть причина не верить, что Рауен пал в сражении в Ирландии: он пал от руки убийц, чтобы поссорить меня с женой.

Внезапно в палатку ворвался Ион Винчестерский, облаченный в кольчугу. Его лицо было напряжено.

— Ради всех святых, лорд Дублина! Вы сказали, что Рауен был убит?

Эрик бросил кинжал на королевский стол. Альфред и Ион одновременно шагнули к нему. Ион пропустил короля вперед.

Тогда Альфред взгляделся в кинжал. Боль отразилась на его усталом лице, и он упал в кресло.

— Что случилось? — спросил Ион. Альфред махнул рукой. Ион взял кинжал и взволнованно сказал:

— Это Вильям. Вильям Нотумбрийский. Это его кинжал. Должно быть, произошли какая-то ошибка...

Вильям Нотумбрийский. Конечно, и Вильям, и Аллен, также как Ион и Эдвард, были вхожи в его дом, в дом Рианон, когда Альфред послал им приказ встретить датчан на Юге. Вильям не сопровождал их в Ирландию, но там было много людей из Уэссекса.

— Никакой ошибки нет, — сказал Эрик. — У меня есть два кинжала. Один был вынут из спины Рауена в Ирландии, а другим метили в меня на просеке.

— В Ирландии...

— Найдите человека по имени Гарольд Мерсийский.

Может быть, он прольет свет на эти события, — предложил Эрик.

Альфред вышел из палатки. Он приказал часовому найти Гарольда, а потом он стал мерить шагами холодный земляной пол, заложив руки за спину. Через несколько секунд человек, который рассказал о смерти Рауена в Ирландии, спешил к палатке. Он преклонил колена перед королем.

— Милорд, вы звали меня?

— Встань! — приказал Альфред.

Гарольд встал. Потом его взгляд упал на Эрика и Иона, и он заметно побледнел. Он посмотрел на стол, увидел там кинжал и внезапно в панике оглянулся.

Ион преградил ему путь. Эрик схватил Гарольда за плечо и подтащил к королю.

— Ты служил Вильяму Нотумбрийскому, когда ездил в Ирландию?

— Служил Вильяму? Ну, нет-нет, мой король. Я служил молодому Рауену.

— Ты служил ему? — спросил Эрик холодно. — Или ты убил его за золото, обещанное Вильямом?

Бледность решила его судьбу. Ион с резким мучительным криком шагнул вперед и, обнажив нож, быстро перерезал ему горло.

Альфред отвернулся, но боль и усталость были видны по его сгорбленным плечам.

— Боже мой, Ион, я воевал за эти земли, чтобы дать им закон! А ты здесь и сейчас совершаешь убийство!

— А я с радостью отплатил смертью такому человеку как он! Боже мой, Альфред, ведь это он убил Рауена!

— По приказу Вильяма, — вмешался Эрик. — Я еду в погоню за Вильямом.

Он поспешно вышел из палатки и быстро подошел к лагерю, где расположились люди Вильяма. Он прошел мимо них и приподнял полу палатки.

Там никого не было. Выйдя оттуда, он поймал за грудь первого попавшегося ему на пути человека и потребовал сказать, где был его хозяин. Никто этого не знал. Вильям уехал утром в сопровождении Аллена Кентского, и с тех пор его никто не видел.

К Эрику подошли Ион с Эдвардом.

— Вильяма никто не видел уже долгое время. Также как и Аллена. Вильям, должен быть, знает, что у тебя есть кинжал — доказательство его вины. Он поехал на Юг.

— Мы должны ехать за ним, — сказал Эрик. Ион посмотрел на Эдварда и быстро сказал:

— Да, мы должны ехать, и очень быстро. Мы уже сказали Ролло, и он собирает твоё оружие и несет тебе кольчугу. Мы должны спешить к побережью, к тебе в усадьбу со всей скоростью.

Эрик похолодел, он почувствовал тот же страх, который испытывал Мергвин с тех пор,

как они приехали сюда.

— К моей усадьбе? Почему? — спросил он хрипло.

— Потому что мы подозреваем... — начал Ион. Он глубоко вздохнул, но за него закончил Эдвард:

— Мы подозреваем, что Вильям Нотумбрийский давно домогается вашей жены. Мы обычно посмеивались над этим. Но он всегда думал, что, если бы не было Рауена, Рианон досталась бы ему. А теперь, когда для него все потеряно, мы подозреваем... мы подозреваем, что он спешит изо всех сил, чтобы направить свою ненависть на нее.

Пальцы Эрика сжались в кулаки. Он откинул голову и издал боевой клич, разрывающий душу ужасный крик волка, попавшегося в ловушку.

Появился Ролло на пятнистой лошади, с белым конем на поводу. Эрик вспрыгнул в седло и поскакал, другие с трудом поспевали за ним.

Для Рианон дни тянулись медленно.

Была весна, и земля просыпалась ото сна. Поля, казалось, ждали посевов, вокруг было много животных — белок, кроликов, оленей. В конюшнях лошади вели себя беспокойно. Рианон тоже чувствовала беспокойство, несмотря на радость, которую приносил ей сын. Только Мергвин и Адела казались спокойными, и Рианон удивлялась: возраст ли это или мудрое понимание, что жизнь все равно идет своим чередом?..

С полей сражения приходили новости. Эрик посылал вести каждую неделю, и поэтому она знала, что главное сражение уже позади, что с ним все в порядке и с королем тоже, что они одержали победу. Она знала, что они были под Лондоном и что, по-видимому, будет заключен мирный договор. Но договор еще не подписан, и, пока это не произойдет, она будет беспокоиться за Эрика. Она знала, что, несмотря на показное спокойствие, Мергвин был тоже в ожидании: казалось, он следил не только за ней и ребенком, но также и за ветром, и небом, и морем. Он часто уходил куда-то один, она не знала куда, не знала она и что он делал в свое долгое отсутствие. До тех пор, пока Эрик не приедет домой, она будет беспокоиться.

Она была благодарна Дарие за то, что та была с ней. Дариа рассказывала ей норвежские легенды о богах Одине и Торе и ирландские сказания о Святом Патрике, о маленьких человечках, которые живут на полянах, о духах смерти бэнши, которые приходят и кричат, когда смерть неизбежна. Обе женщины шутили и смеялись над мужчинами, Дариа описывала ей своего воображаемого возлюбленного, и они проводили длинные весенние дни у камина, играя с ребенком.

Но когда Вильям Нотумбрийский въехал однажды днем в ворота, Рианон была одна. Мергвин ушел куда-то в лес, а Дариа сопровождала Аделу на берег, куда пришло небольшое судно, только что прибывшее от Олафа и Эрин, нагруженное подарками.

Стражники, узнав цвета Вильяма, тотчас же отворили ворота, а слуги позвали Рианон. Она поспешила к двери, уверенная, что получит печальное известие, потому что Вильям сам приехал в ее дом, вместо того, чтобы послать слугу или наемника.

Она выбежала во двор, чтобы встретить его, сердце ее бешено колотилось в груди. Ей показалось, что он очень спешил, и это тоже взволновало ее. Он был один, не считая его постоянного приятеля Аллена. Рианон быстро поздоровалась с обоими, предложив еду и эль. Но Вильям слез с коня и схватил ее за плечи:

— Рианон, времени нет. Прикажи слугам принести нам эля и немного хлеба и сыра. Мы должны спешить.

— Почему? Что случилось? В чем дело? — встревоженно воскликнула она.

— Эрик ранен. Он не может двигаться. Он зовет тебя. Я пообещал привезти тебя как можно скорее.

— Ох! — воскликнула она в ужасе. — Я должна... я должна найти Аделу и взять свои вещи...

— Нет, ты должна ехать сейчас же. Пошли слугу за едой и питьем, а потом поедem со мной. Сейчас же. Времени нет.

— Я должна взять Гарта...

— Что? — спросил Вильям, останавливая ее.

— Моего сына. Я не могу оставить сына. Вильям задумчиво покрутил пальцами темные усы, проведя по всей их длине. Затем он улыбнулся:

— Да, конечно, моя дорогая. Ты должна взять с собой сына. Но поторопись.

Трясаясь от страха, с подгибающимися коленями, попыталась она идти. Вот и случилось то, чего она так давно опасалась. Эрик столько раз играл со смертью. Он был великим воином, может быть, одним из самых великих, и он владел мечом, как никто другой. Но люди смертны, и вот теперь он лежит раненый, может быть, умирающий, теперь, когда он стал для нее всем в ее жизни. Он не может умереть! Несмотря на предзнаменования, он не может умереть! Она не даст ему умереть!

Гарт спал. Она не обратила внимания на его протесты, схватила на руки и завернула в одеяло. Она взяла плащ и поспешила вниз по лестнице. К тому времени слуги уже принесли сумки с едой и рога с питьем, а во дворе ее ждала оседланная лошадь.

Пришел Патрик. Он напряженно слушал рассказ Вильяма о ходе сражения.

— Я должен поехать с вами, — заявил Патрик.

— Нет, — резко ответил Вильям. — Эрик намеренно сказал, чтобы ты оставался с его сестрой и Аделой в усадьбе. Ты нужен ему... здесь.

— О Патрик, — сказала Рианон, задыхаясь. Он крепко ее обнял, а потом помог ей сесть на лошадь, держа Гарта на руках.

— С ним все будет хорошо, миледи, с ним все будет хорошо, Эрик сделан из стали, я знаю. Не теряйте надежды.

Она кивнула, боясь что-то сказать, потому что слезы душили ее.

— Миледи, поедem! — настаивал Вильям.

— Да, давайте поспешим, поехали! — прошептала она. — О, пожалуйста, привезите меня к нему как можно быстрее! — умоляла она. — Патрик, Бог с тобой!

— Счастливого пути, миледи!

Вильям подъехал на своей лошади. Быстрым галопом помчался он, ведя за собой Рианон и Аллена, через ворота в направлении к скалам. Слезы застилали Рианон глаза. Она едва различала, куда едет.

Но Мергвин, появившийся из леса, заметил их. Он сжал кулаки и крепко зажмурился, а потом бегом направился в конюшню. Не обращая внимания на боль в сильно бьющемся сердце, он вскочил на неоседланную лошадь. Не отзываясь на предупреждающие крики Патрика и конюхов, он мчался вслед за всадниками.

Они уже далеко отъехали от усадьбы. Мергвин поспешно скакал за ними и нагнал, когда они ступили на неясную лесную тропинку.

— Рианон! — позвал он.

Она придержала поводья своей лошади.

— Почему этот старый дурак задерживает нас? — раздраженно спросил Вильям.

— Я должна дожидаться его, — настаивала Рианон. Она оглянулась назад. — Мергвин! Эрик ранен! — крикнула она. — Я должна спешить к нему!

Мергвин медленно приближался к ним. Он пристально смотрел на нее и на Вильяма, потом тихо сказал:

— Он не ранен. Эрик Дублинский не ранен.

— Откуда тебе знать, старый мошенник? — грубо спросил Вильям. — Мы были с ним. Мы приехали с поля битвы. Он послал нас за своей женой.

Мергвин медленно покачал головой. Он вклинился лошастью между Рианон и Вильямом.

— Я бы знал, если бы Эрик Дублинский был при смерти. Не ездь с ним, Рианон. Береб ребенка и отправляйся домой сейчас же!

Он сильно ударил ее лошадь по крестцу. Рианон вскрикнула, потому что лошадь резко двинулась вперед, почти выбросив ее из седла. Она крепко прижала Гарта к своей груди, и страх обуял ее. Она решила послушаться приказа Мергвина. Но, как только она поехала вниз по узкой тропе, Вильям крикнул, и Аллен перехватил ее. Она не могла объехать его, потому что держала Гарта. Она услышала резкий сухой крик и звук удара и развернула лошадь вовремя, чтобы увидеть: Вильям ударил Мергвина, и старик упал с лошади.

Она быстро спешила и поспешила к нему, крепко прижимая к себе Гарта. Она посмотрела на Вильяма с ненавистью и прошипела в ярости:

— Он говорил правду? Что это за игра?

Положив осторожно Гарта рядом с собой, она поместила голову Мергвина у себя на коленях. Его глаза раскрылись, серые, как сумерки, мистические, полные боли.

— Оставь его, — приказал Вильям.

— Ты ударил его!

— Я хотел убить его!

— Негодяй! Альфред повесит тебя!

— Альфред, мадам, никогда больше меня не увидит.

— Мергвин, — прошептала она, не обращая внимания на Вильяма.

Глаза старика остановились на ней, потом он поморщился от боли.

— Я должна отвезти его домой! Он умрет здесь!

— Леди, он и должен умереть, и вы домой не поедете.

— Мергвин, держись, прошу тебя! Адела, или Патрик, или Дариа найдут тебя, я знаю...

— Рианон, — прошептал он. Она одна только могла его слышать. — Не бойся за меня, потому что пришел мой срок. Я хочу предупредить тебя, может быть, слишком поздно, но с каждым мгновением Эрик приближается все ближе и ближе. Тяни время как можешь, сделай это путешествие намеренно трудным, и, если я разрушил планы предателя, моя миссия выполнена и для меня пришло время присоединиться к тем, кого я любил.

— Нет! — воскликнула она. — Нет, Мергвин, нет! Она вскочила на ноги, повернувшись лицом к Вильяму:

— Ты поможешь ему, или я не сделаю ни шага! Вильям улыбнулся и наклонился в седле.

— Ты еще как побежишь, миледи, если я велю Аллену взять у тебя ребенка и ехать что есть мочи с приставленным к его горлу ножом. Я ясно выражаюсь?

Она захлебнулась от ярости.

— Ты не сделаешь этого!

— Аллен...

— Нет!

Она схватила Гарта и прижала его к себе, а потом посмотрела на Мергвина. Его глаза были закрыты. Его лицо было бледным, и тень надвигающейся смерти была видна на нем. Она не могла оставить его.

Но и сыном она не могла рисковать.

— Миледи? — сказал Вильям. Она не двинулась с места.

— Садитесь на своего коня, или я сойду и отдам ребенка Аллену. И не пытайтесь убежать от меня. Я ударю вас и могу причинить ребенку вред.

Ее единственным шансом спастись от него, было ускакать на лошади и потом возвратиться к Мергвину.

Она должна убежать от него, должна...

Но когда она забралась на лошадь, Вильям взял ее поводья.

— Мы должны спешить, — предупредил ее Аллен.

— Куда? — спросила Рианон.

— Присоединиться к датчанам, — коротко сказал Вильям. — Я передавал Гутруму информацию, и он пообещал мне место при дворе. И ты разделишь его со мной.

— Альфред потребует моего возвращения.

— Возможно. Но в этом случае, ты будешь слишком бояться вернуться к своему мужу. А может, и он не захочет жену, которую я ему возвращу, а? Аллен?

Аллен засмеялся. Рианон подстегнула свою лошадь, чтобы та приблизилась к лошади Вильяма. Его руки слабо держали поводья. Схватив Гарта крепко обеими руками, она вонзила стремяна в бока своей лошади. Бедное животное бросилось галопом с такой силой и скоростью, что поводья выпали у Вильяма из рук.

Отчаянно, все еще держа ребенка на руках, Рианон пыталась поднять тянувшиеся следом поводья, когда лошадь на дикой скорости ломилась через лес. В ее волосы цеплялись ветки и царапали ее лицо, но она не осмеливалась замедлить шаг. Ветка хлестнула ей по глазам, ослепив, и она упустила поводья, потому что лошадь выбрала еще более незаметную тропинку, пока она неожиданно не встала на дыбы так резко, что Рианон еле удержалась в седле. А когда лошадь встала на землю, Вильям уже был перед ней. Глаза его горели.

— Еще одна такая шалость, и я обещаю, что брошу ребенка под ноги своему коню, чтобы он раздавил его череп копытами.

Она, дрожа, нагнула голову, потом в ярости подняла на него глаза.

— Тогда ведите, милорд.

— Если ты сомневаешься в моей угрозе...

— О, конечно же нет. Я вполне верю, что вы способны убить беспомощного младенца. Это сражаться с мужчиной выше ваших возможностей.

Он подъехал к ней близко. Тыльной стороной руки он провел по ее щеке, и она снова сжала зубы, как будто от боли, с трудом удерживая равновесие в седле. Вильям смотрел ей в лицо, а потом по его лицу медленно расплзлась улыбка.

— Вы научитесь учтивости и уважению, миледи. У нас впереди много дней... и ночей, чтобы этому научиться.

Дней и ночей... У нее упало сердце.

Где же Эрик? Все еще с королем? Мергвин предупредил ее слишком поздно. Слезы

застылали ей глаза. Она хотела знать, лежит ли он умирающий на тропинке, или он уже ушел на великие холмы Вальхаллы и встретился с теми, кого он любил и потерял. «О Мергвин, не оставляй меня! — думала она. — Если бы ты был со мной! Боже, если бы со мной хоть кто-нибудь был!»

Как только он подъехал к воротам, то понял, что Вильям уже был здесь. Въехав, он, не останавливаясь, приказал охраннику найти Патрика.

Тревога на лице Патрика служила доказательством, что что-то было не так. Эрик не стал слезать с бедного коня, а расспрашивал Патрика, сидя в седле.

— Он приезжал? Вильям Нотумбрийский? Он приезжал сюда?

— Конечно, Эрик. Он сказал, что ты ранен, и миледи Рианон взяла младенца и поехала с ним.

— Когда это было? — хрипло спросил Эрик.

Они не осмелились остановиться на ночь, пытаясь догнать их. Почти три дня они ехали без перерыва, и все же Вильям опередил их.

— Может, час или два назад. Слава Богу, с вами все в порядке, милорд! Но тогда, почему же Вильям...

— Эрик! — Дариа, услышав об их приезде, выбежала из дома.

— Эрик, ты цел и невредим! А мы слышали...

— Дариа, я объясню тебе все потом. А теперь мне нужно остановить Вильяма и найти мою жену.

— И ребенка, — сказала Дариа.

— Ребенка? Разве она взяла ребенка с собой?

— Да, Эрик. Она так быстро уехала; ни меня, ни Аделы здесь не было. Отец прислал суда, как видишь. Ой, Эрик!

— Где Мергвин?

— Может, с ними, — сказал Патрик. — Он вскочил на неоседланную лошадь, когда они уехали. Лошадь недавно вернулась без седока. Мы собирались на поиски, пока совсем не стемнело.

— Я найду его, — сказал Эрик.

Он развернул белого коня, направляясь к воротам. Ролло, Ион и Эдвард следовали за ним.

— Подождите! — взмолилась Дариа. — Возьмите меня с собой. Может, я смогу помочь вам чем-нибудь! Ее брат остановился.

— Дариа, иди домой! — приказал Эрик. — Господи, еще не хватало, чтобы и ты подвергалась опасности! Но, когда он тронулся, Дариа уже бежала к конюшне.

«Она — настоящая дочь своего отца... и матери», — подумал он восхищенно.

Эрик уже скакал по следам. Он легко вырвал Рианон у Йорга — датчанина, но теперь совершенно другое. Вильям был отчаявшимся человеком, виновным в предательстве короля. От королевского гнева ему не уйти. Он не станет спасать свою жизнь, он постарается только, чтобы Рианон и Эрик погибли вместе с ним.

А ребенок! Если бы только она оставила ребенка дома!

Но он прекрасно знал, что она не могла оставить младенца. И он также знал, что она сделает все возможное, чтобы защитить Гарта. Пот выступил у него на лбу, руки, держащие поводья, задрожали. Он знал, что если только он найдет Вильяма, то собственными руками свернет ему шею.

Он нахмурился, увидев тело на дороге рядом с деревьями. Он спрыгнул с белого коня и наклонился. Это был Мергвин, смертельно бледный, с закрытыми глазами, затененными приближающейся смертью.

— Господи. — Эрик задохнулся и, подняв своего древнего учителя и положив его себе на колени, обнял своими могучими руками. — Клянусь, он получит свое, друг мой, клянусь честью матери!

Он наклонился к груди и не мог услышать сердцебиения. Он оставит теперь Мергвина отдыхать на просеке, и, если он не сможет похоронить его в земле Ирландии, он привезет его к воде, совершит похоронный обряд с рунами и Кельтскими крестами и сожжет его тело, чтобы осветить ему путь на Вальхаллу. Ему будут оказаны все почести. И всю свою жизнь Эрик будет помнить и скучать о нем.

Неожиданно Эрик услышал слабое биение в старческой груди. Мудрые глаза с усилием открылись и встретились с его взглядом.

— Не теряй со мной времени, принц Дублинский. Мне тут удобно отдыхать в лесу. Она знает, что Вильям — предатель, и она постарается задержать его. Отправляйся быстрее. Он держит путь на Север вдоль скал и горного хребта. Ты в очень невыгодном положении. Оставь меня и езжай скорее.

— Я не могу оставить тебя умирать здесь!

Мергвин улыбнулся и поманил Эрика подойти поближе. Он что-то шепнул ему, а потом, потеряв силы, откинулся назад.

— Ролло, возьми Мергвина. Я прошу тебя, отвези его домой со всей осторожностью, как если бы ты вез ребенка.

— Тогда вам придется ехать только вдвоем, — сопротивлялся Ролло.

— Мне одному приходилось сражаться и против двадцати, — напомнил ему сухо Эрик. — Возьми Мергвина! Ион и Эдвард должны отомстить Вильяму за смерть друга, я же — за свою жену и ребенка. Поезжай скорее.

Эрик снова сел на белого коня, и они с Ионом и Эдвардом поскакали сквозь лес.

Кажется, было уже очень поздно, но Рианон не ощущала этого, потому что они не останавливались ни на секунду. Гарт всю дорогу был очень спокойным и в конце концов расплакался так громко, что она стала бояться гнева Вильяма. Ей пришлось кормить его грудью под взглядом Вильяма, взглядом, который пронзал ее холодом и заставил чувствовать неловкость и стыд. Она всячески старалась не обращать на него внимания, но вскоре поняла, что он полон решимости ехать как можно быстрее и не останавливаясь.

Мергвин сказал ей, что Эрик приедет. Если бы это было так! Не успели они по-настоящему полюбить друг друга, и уже все потеряно! Если только есть Бог на небесах, этого не должно случиться!

Она прибегла к самым разнообразным уловкам, чтобы задержать Вильяма и Аллена — просилась в кусты, требовала воды, жаловалась на голод и утомление снова и снова. Вильям был твердо намерен как можно быстрее добраться до одного ему известной цели.

Поздно ночью они достигли пещеры в горах, куда вела ясно различимая тропка и низкий вход. Рианон сразу же поняла, насколько удачен его выбор: к пещере никто не мог подобраться незамеченным.

Вильям слез с коня и подошел к Рианон.

— Я вижу, ты уже поняла все преимущества этой пещеры, госпожа. Если только он приблизится, я об этом узнаю немедленно.

Она посмотрела на него своими мерцающими глазами.

— Ну и что из этого? Даже если ты вовремя заметишь его приближение, он убьет тебя. Ты не сможешь остановить его. Даже если он будет один, он убьет сначала Аллена, а потом тебя.

— Думаю, что нет.

— Почему это?

— Потому что, если он подойдет ко мне близко, сначала его ребенок, а потом жена будут сброшены с ближайшей скалы. А теперь пойдем, Рианон.

Он подошел к ней. Она прижала к себе Гарта, радуясь, что он наконец мирно уснул.

— Я сама спущусь с лошади, — сказала она.

Она спешила достаточно легко, но, поскольку на руках у нее был сын, ей не удалось избежать прикосновения Вильяма. Аллен взял ее лошадь и отвел в пещеру. Вильям стоял неподвижно, уставившись на Рианон. Он крутил усы и гладил свою длинную бороду, пока Аллен не появился снова.

— Я развел костер внутри. И приготовил постель для Рианон и ребенка.

— Прекрасно. — Вильям не сводил глаз с Рианон, на его лице появилась усмешка. — Тогда ты первый будешь стоять на часах. Рианон, пойдем со мной.

— Я не... — начала было, она, но Вильям кивнул Аллену, который схватил ее за плечи, а сам Вильям выхватил у нее Гарта.

— Он может упасть со скалы уже сейчас, миледи! — предупредил он ее. — Следуйте за мной, и я уложу его спать. Иди за мной сейчас же!

Он сделает это, подумала она, измученная и обессиленная, стараясь не разрыдаться от собственной беспомощности.

— Отдай его мне. Я сама уложу его спать. Вильям покачал головой и отвернулся,

направляясь в пещеру. В отчаянии Рианон пошла за ним.

— Пожалуйста! Оставь его, Вильям! Положи его сейчас.

Он так и сделал, укладывая ребенка нежно, чего она совсем не ожидала. Гарт даже не проснулся, его маленькое тельце содрогнулось от глубокого вздоха, а большой палец отправился ему прямо в ротик. Она с болью посмотрела на своего сына и перевела взгляд на мужчину, стоящего перед ней.

— Пришло время расплаты, Рианон, — сказал он ей тихо.

— Расплаты за что?

— Ну, за твою гордость, надменность и оскорбительное высокомерие. Ты должна была быть моей с самого начала, и земли, и город должны были тоже стать моими. Я был слугой Альфреда, преданным ему до мозга костей. Я наблюдал, как ты выросла, и я пришел к королю, и дал ему понять, что хочу получить тебя и земли. Но ты влюбилась в Рауена, а король выполнял все твои прихоти, пока не появился этот негодяй — викинг. Я думал опорочить тебя перед королем, впутав тебя в сражение с викингом. Увы! Все повернулось против меня. Тогда я решил, что Рогвалд сможет отправить Эрика из волчьего рода на Вальхаллу, что захватчик убьет захватчика, но ему это не удалось. Я убил Рауена...

— Что? — закричала она, чувствуя, что ей сейчас станет дурно.

— : Конечно, леди, это очень просто — нанять убийцу. Ты удивишься. Жизнь человека часто оценивается пустячным количеством золота. Затем я снова попытался убить твоего мужа и отнять тебя у него, но мой кинжал не попал в цель. И если до сих пор он не догадывался, кто предал его, то скоро поймет. Так что мне ничего не остается, кроме тебя, но тебя я не отдам так легко.

— Нет, — прошептала она, отшатнувшись от него. — Я презираю тебя. Я ненавижу тебя. От одной мысли о тебе меня тошнит. Я никогда не позволю тебе... — Она замерла, потому что увидела, что он вытащил нож.

Она думала, что он бросится на нее, и предпочла бы смерть его прикосновению. Но он внезапно повернулся и метнул клинок в направлении одеяла, на котором спал Гарт. Рианон истошно вскрикнула и бросилась к младенцу. Нож был послан метко. Он не задел мальчика, тот даже не проснулся, но вонзился в одеяло, рядом с маленькой золотой головкой, и это предупреждение Рианон ясно осознала.

Она отскочила, но Вильям уже был рядом, сбил ее с ног и подхватил на руки.

— Леди, ты будешь моей! — настаивал он.

Он впился в ее губы с такой силой, что она почувствовала вкус крови. Она боролась с ним, пытаясь оторвать свой рот от его губ, стараясь освободиться от его хватки. Она брыкалась и лупила его кулаками, затем ударила его коленом, и он, выругавшись, швырнул ее на землю. Но тут же подскочил к ней с горящими яростью глазами и, прежде чем она успела опомниться, сильно ударил ее по лицу, а потом рывком поставил на ноги. Его руки вцепились в лиф ее платья, и она услышала треск разрываемой ткани. Он толкнул ее в угол пещеры, она упала, в глазах у нее потемнело, и она испугалась, что у нее не хватит сил сопротивляться.

— Боже, не дай этому случиться, — молилась она. На губах у нее все еще был вкус крови.

Луна была уже высоко, когда Эрик достиг пещеры, внезапно появившейся перед ним в темноте. Он поднял руку, и ехавшие позади него Эдвард и Ион придержали поводья своих лошадей.

Не было видно ни Рианон, ни ребенка, ни Вильяма Нотумбрийского, ни коней.

Но у входа в пещеру сидел Аллен, прислушиваясь к каждому шороху.

Ион приблизился к Эрику.

— Я знаю эту пещеру. Сзади есть другое отверстие, а внизу острые скалы. Если мы попытаемся войти, Вильям станет угрожать, что убьет твою жену и ребенка.

Эрик кивнул головой. Он и сам понимал это. Но он не мог ждать. Вильям был в глубокой пещере с Гартон и Рианон. Рианон не позволит ему причинить вред младенцу.

И поэтому он причинит вред ей...

Он в смятении повернулся, положив руку на рукоять меча, и услышал позади топот копыт. Показалась Дариа, и он выругался.

— Я же велел тебе оставаться дома.

Дариа спешила, отбросив капюшон плаща.

— Я подумала, что могу помочь...

— Помочь! — вмешался Ион. — Эрик, тебе бы следовало отхлестать ее кнутом!

Дариа не обратила на него внимания.

— Я смогу помочь! — шепотом сказала она. — Эрик, пожалуйста, я смогу! Если подойдешь ты, этот человек забудет тревогу. Если подойду я, я смогу усыпить его бдительность.

— Это слишком опасно, — начал Эрик, но Дариа улыбнулась и проскользнула мимо них так стремительно, что им ничего не оставалось, как поспешно следовать за ней.

Дариа спокойно приближалась к пещере и, подойдя к Аллену, быстро заговорила:

— Господин мой! Помогите мне, пожалуйста! Я боюсь, что совсем заблудилась в этом лесу!

Она продолжала говорить что-то, но больше они ничего не слышали, потому что она вплотную подошла к Аллену. Он стоял, околдованный ее чарующей красотой. Она говорила, продвигаясь вперед и оттесняя Аллена от входа в пещеру.

— Пора, — пробормотал Эрик. — Клянусь Богом, она полностью расчистила нам вход! Ион, следи, чтобы он не причинил вреда моей сестре. А ты, Эдвард, возьми на себя моего ребенка!

Но когда они оказались на площадке перед входом в пещеру, Аллен все-таки осознал, что происходит что-то не то.

— Вильям! — заорал он. — Вильям! У нас гости!

Эрик выпрямился и бросился к нему, обнажив меч. Аллен узнал его, и глаза его расширились от ужаса. Он схватил Дарию, заслонившись ею, как щитом.

— Я убью ее, викинг. Ты мне должен помочь, или я убью ее!

Дариа изо всех сил пнула его ногой в самое чувствительное место, и он ослабил свою хватку.

— Дариа, берегись, — предупредил Эрик. Ион, стоя за ним, схватил Дарию за руку и с силой дернул так, что она оказалась у него за спиной в безопасности. Потом они ворвались в пещеру.

Что-то случилось, что-то спасло ее, поняла Рианон.

Когда Вильям стал опускаться на нее, и она закричала от ужаса, почувствовав прикосновение его пальцев к своему обнаженному телу, что-то произошло. Перед глазами у нее все поплыло, она не понимала, в чем дело, но она осознала, что Вильям поднялся и устремился к выходу.

Она попыталась прикрыться разорванной одеждой, а потом потянулась к Гарту. Но как только она встала на колени, чтобы сделать это, она увидела, что Вильяму пришло в голову то же самое. Взгляды их встретились, и он бросился вперед и оказался около ребенка.

— Встань за мной и оставайся так. Мы готовы встретить твоего мужа.

Аллен ринулся к ним, выхватив свой меч.

— Он здесь! Викинг здесь!

— Прекрати орать, дурак! — хрипло посоветовал ему Вильям. — Пусть идет сюда.

И тогда появился Эрик, загородив собой вход в пещеру, держа в руке свой меч, Мститель. Глаза его метали синие молнии во мраке пещеры.

— Считаю себя мертвым, Вильям! — произнес он спокойно.

— Ну, викинг, ты не хочешь признать очевидного. У меня в руках твой ребенок. Также как и кинжал. У меня твоя жена, я держу ее. Если ты не хочешь, чтобы с ними что-нибудь случилось, ты дашь мне пройти!

К изумлению Рианон, Эрик отступил назад, потирая подбородок, словно взвешивал его предложение.

— Отдай ребенка. Женщину можешь оставить.

У нее вырвался вздох, но никто из них, казалось, не замечал ее.

— Женщин полно. Но здоровые встречаются редко. Отдай мне ребенка.

Вильям не отвечал, и в этот момент в пещеру ворвалась Дариа, растолкав мужчин. Как вихрь она мелькнула перед Вильямом, вырвав у него из рук Гарта. Ошеломленный Вильям отступил к Рианон, прижав ее к себе и приставив нож к ее горлу.

— Пропустите меня, и не думайте наброситься, иначе я убью ее.

Эрик отступил перед Вильямом, пропуская его, а Аллен пошел за их лошадь. Дариа с ребенком исчезла, и, хотя ноги Рианон подгибались от ужаса, она благодарила Бога, что он уже в безопасности. Но ведь наверняка Эрик не хочет отдавать ее Вильяму, конечно же, он не может...

И внезапно она поняла, для чего он разыгрывает эту сцену.

— Негодный викинг! — выкрикнула она. — Ты забрал мои земли и моего ребенка и был таков? — Говоря так, она стояла неподвижно, а потом рванулась изо всей мочи от Вильяма.

— Милорд, — закричала она. — Я свободна!

Но это было не так. Она не могла пройти мимо него, единственное, что она могла сделать, это отбежать в глубь пещеры.

Она услышала стук мечей и повернулась вовремя, чтобы увидеть, как Аллен напал на ее мужа и почти сразу упал замертво. Вильям издал хриплый воинственный клич и вызвал Эрика на бой:

— Соизволит ли Волк дать бой и мне? Подходите, милорд викинг, поборемся.

Меч Вильяма встретился с мечом Эрика, и звон, отозвавшийся эхом, был ужасным. Эрик снова взмахнул своим огромным мечом, затем снова и снова, принуждая Вильяма отступить в глубину пещеры. Вильям бросил пригоршню грязи в глаза Эрику. Рианон вскрикнула, и Эрик повернулся как раз вовремя, чтобы уклониться от опасного меча Вильяма. Рианон отступала глубже и глубже, пока не почувствовала веяние холодного воздуха и поняла, что стоит у северного выхода из пещеры. Выглядывая наружу, она всматривалась в полутьму. Сражение продолжалось. Раздался лязг стали и удары, и вдруг наступила тишина.

Она сжала кулаки и стиснула зубы, прислушиваясь. Сначала она ничего не могла

разглядеть в темноте, но наконец поняла, что Вильям лежит на полу пещеры, а над ним стоит Эрик, приставив меч к его горлу.

— Поднимайся, Вильям. Я не стану убивать тебя здесь. Ты предстанешь перед королем.

— Нет! — обезумев, заорал Вильям. — Убей меня, викинг, перережь мне горло! Но Эрик убрал меч.

— Вставай! Король изберет тебе казнь, заслуженную тобой!

Вильям медленно поднялся. Но в последний момент он вывернулся и бросился в дальний конец пещеры. Он увидел Рианон и засмеялся ужасным хриплым смехом. Он схватил ее и потащил, увлекая все ближе и ближе к отверстию... и к острым скалам вниз.

Рианон закричала, когда его пальцы вцепились в нее. Она боролась отчаянно, и ей удалось высвободить руки, но он схватил ее за ноги, и она с ужасом почувствовала, что они вместе начали падать. Они падали на скалы.

— Рианон! — Она услышала свое имя, разносимое ночным ветром, прозвучавшее в темноте, как звериное рычание. Этот голос вдохнул в нее силы. Она ухватила за колючие кусты, которые росли на скалах, но Вильям уже был ниже нее, его пальцы держались крепко за ее лодыжки, он тянул ее вниз. Боль пронизывала ее, руки разгибались, она скользила, скользила вниз.

— Рианон! — Снова закричал Эрик. Он уже был над ней. В его кристально-синих глазах был приказ. Его руки обвили ее запястья, и он потянул ее вверх. Она видела, как натянулись жилы и вздулись его бронзовые мускулы, но ей было больно, и она истошно закричала.

— Держись! — приказал он. — Держись! Я приказываю. Держись, я тебе говорю. Слушайся меня, ты ведь моя жена!

Его пальцы захватили ее пальцы, и вдруг она услышала долгий, леденящий душу крик, когда Вильям Нотумбрийский, сорвавшись, полетел в темную бездну навстречу своей смерти.

Ее вытянули наверх в прохладный ночной воздух, она оказалась на руках у мужа...

Он вернул ее к жизни.

Ослабев, она прижалась к нему. Он заключил ее в объятия и нежно завернул в свой плащ.

Она почти не помнила долгого пути в темноте, сменившейся дневным светом и снова окутавшей землю.

Гарт ехал с Дарией, которая, распустив волосы как настоящая принцесса, сообщала Иону Винчестерскому, что она — свободная женщина, которая сама в ответе за свою судьбу, и что она не уступит мужчине ни в чем.

Рианон слушала Дарию и рассмеялась, когда Эрик сказал, что, по его мнению, Олаф не был бы против выдать замуж эту самую младшую и своенравную из всех его отпрысков. Ион предупреждал Дарию, чтобы она была осторожна в словах, а не то ему придется преподать ей урок, объяснив, какое место должна занимать женщина.

Больше Рианон и Эрик уже ничего не слышали, потому что Эрик пустил своего коня вихрем, а Рианон широко раскрыла глаза и, взглянув на него, спросила:

— Женщин ведь полно, не так ли, милорд?

— Ах, любовь моя, но я не имел в виду женщин, таких как ты. Храбрые женщины с огоньком, да еще красивые — большая редкость. А та, что я держу сейчас в объятьях — вся моя жизнь. — Он пожал плечами, держа ее. — Любовь моя, если бы он утащил тебя вниз, единственным моим желанием было бы последовать за тобой!

Она задрожала и почувствовала, что он крепко обнял ее. Она снова заглянула ему в глаза.

— Мергвин сказал, что наступит мир, если мы сможем выдержать бурю. О Господи, Эрик! Он отдал свою жизнь, спасая меня!

— Я видел его, — сказал Эрик. — Его отвезли домой.

— Он говорил, что больше никогда не увидит Ирландии, — прошептала она, и в ее глазах появились слезы.

— Не нужно, любовь моя, успокойся. Он обещал нам мир, и мир будет наш.

Они мало разговаривали во время оставшегося пути. Когда они наконец вернулись домой, Рианон сразу заснула. Она была так утомлена, что не проснулась даже, когда Эрик принес ее в их комнату, и проспала до утра. А потом в ее комнату вошла Адела сказать, что прекрасная горячая ванна ждет ее и что скоро она принесет Гарта. Рианон поднялась и с удовольствием приняла ванну, думая, удастся ли ей когда-нибудь смыть то отвращение, которое вызвало в ней прикосновение Вильяма, а потом закрыла глаза и стала горевать о Мергвине. Оказывается, он так много для нее значил. Но она была дома и жива, и ее сын тоже был жив... И Эрик...

Они пережили бурю.

Она встала, завернувшись в льняное полотенце, и в этот момент вошел Эрик. Он тоже выглядел несравненно лучше, чем прошлой ночью. Он смыл грязь и кровь и был таким же величественным и полным королевского достоинства, каким она привыкла видеть его.

Он быстро подошел к ней и мокрую заключил в свои объятия. Она прильнула к нему, почувствовав силу его рук, когда он нес ее к кровати. Она ответила на его поцелуй своим жарким поцелуем, а когда он развернул ее полотенце и стал лихорадочно целовать ее грудь, она оттолкнула его, схватив его золотую голову, сопротивляясь:

— Эрик, мы не должны! Так много нужно сделать сегодня утром!

— Что, например? — спросил он.

— Гарт, милорд. Я уверена, он скоро потребует меня.

— Конечно... скоро, — согласился Эрик. — Дариа присматривает за ним, и он сосет мех с козьим молоком. Она скоро его принесет.

И все же Рианон покачала головой.

— Эрик, мы не должны! — Слезы застилали ее глаза. — Вспомни о Мергвине! Нужно прочесть молитвы, сделать все приготовления...

— Ах, да. — Эрик повернулся на бок. — Мергвин! — Его глаза с лукавой голубой усмешкой смотрели на нее. — Не будет никаких приготовлений.

— Но...

— Мергвин жив и здоров и удобно расположился внизу. Единственное, от чего он страдает, так это от того, что не сумел правильно предсказать собственную смерть. Он немедленно потребовал, чтобы мои родители приехали, навестить нас, поскольку уверен, что больше не сможет ступить на ирландскую землю. И, конечно, поскольку мы ожидаем Повелителя волков и его прекрасную королеву, мою мать, в любой день, мы должны сделать некоторые приготовления. Но, любовь моя, ведь не сию же минуту!

— Он... он... Мергвин — жив? — выдохнул Рианон.

Эрик кивнул головой. Его улыбка стала нежной, когда он пробежал пальцами вдоль ее обнаженного живота и тихо сказал:

— Правда, он — жив, и он многому научил меня в жизни, также как ты научила меня

любить. Наше будущее подверглось жестоким испытаниям. Наша совместная жизнь была полна бурь. Мы так часто расставались, и мечи лязгали, и стрелы летели. Но теперь мы будем мирно жить вместе, и главное, что мир продлится всю нашу жизнь, начиная с сегодняшнего дня.

— Конечно, любимый! — Рианон затрепетала и, взяв его руку, нежно поцеловала его пальцы.

Он приподнялся над ней и нежно коснулся ее губ своими, но в его глазах все еще плясали огоньки.

— Давным-давно, когда мне не было и нескольких минут от роду, Мергвин сказал, что я буду настоящим викингом, истинным Волком, как мой отец. И он предупредил Олафа, что я пройду сквозь бурю и буду путешествовать и бродить по миру с викингами, но затем, сказал он, лисица приручит волка. И вот настал тот момент, когда я больше не буду искать приключений, а найду мир и покой в объятиях моей дикой и смелой маленькой лисицы.

Рианон кивнула головой, раскинула руки и обняла его.

— Разве я похожа на такую лисицу, милорд?

— Конечно. Своевольная, порывистая, очаровательная и очень смелая. В точности такая, какую я всегда желал взять в жены. На всю жизнь, любовь моя, и до смерти.

— Тогда иди ко мне, мой викинг, мой волк. Вдохни свое сладкое желание в мои губы, и я стану приручать тебя, если позволишь.

— От всего сердца, — согласился он, и его смех был хриплым, когда он лег на нее, встречая серебро ее прекрасных глаз. — Видишь ли, было еще одно предсказание.

— Правда? — спросила она утомленно.

— Мергвин сказал мне, что, если мы сумеем воспользоваться моментом, я скоро стану отцом дочери, которая по красоте не будет уступать богиням и, конечно, своей матери.

Рианон засмеялась, но ее смех утонул в его поцелуе. Сладкое тепло желания сразу же охватило ее, и она страстно отдалась бесконечным глубинам его любви.

Некоторое время спустя она прошептала, лежа рядом с ним:

— Дочка, любимый мой?

— Дочка, — согласился он.

И она вздохнула, довольная, устраиваясь поудобней в его объятиях.

Мергвин никогда не ошибается.

Больше книг на сайте - Knigolub.net